

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
Гуманитарные
науки

4/2019

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д-р филос. наук, доц. **Е.В. Андриенко**.

Заместитель ответственного редактора – д-р пед. наук, доц. **Д.А. Чернышев**.

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**.

Члены редколлегии: д-р ист. наук, доц. **В.Л. Агапов**, д-р филос. наук, проф. **Т.А. Андреева**, д-р ист. наук, проф. **А.В. Бредихин**, д-р пед. наук, проф. **А.И. Дзундза**, д-р филос. наук, проф. **Н.Н. Емельянова**, д-р пед. наук, проф. **Е.Г. Евсеева**, д-р ист. наук, проф. **Г.П. Ерхов**, д-р филос. наук, проф. **Е.А. Капичина** (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского), д-р ист. наук, проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р ист. наук, доц. **А.В. Колесник**, д-р пед. наук, проф. **М.Г. Коляда**, д-р ист. наук, проф. **Е.Ф. Кринко** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филос. наук, проф. **Д.Е. Муза**, д-р ист. наук, проф. **Г.Р. Наумова** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация), д-р ист. наук, проф. **В.Н. Никольский**, д-р пед. наук, проф. **П.В. Плотников**, д-р пед. наук, проф. **Е.И. Скафа**, д-р пед. наук, проф. **О.Ф. Турянская** (Луганский национальный университет им. Т. Шевченко), д-р ист. наук, доц. **Л.Г. Шепко**.

**Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University.
Series B: Humanities”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philosophy, Docent **Ye.V. Andrienko**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Pedagogy, Docent **D.A. Chernyshev**.

Executive Secretary – Candidate of History, Docent **V.V. Razumnyi**.

Members of the Editorial Board: Doctor of History, Docent **V.L. Agapov**, Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of History, Prof. **G.P. Yerkhov**, Doctor of Philosophy, Prof. **E.A. Kapichina** (Lugansk State Academy of Culture and Arts), Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of History, Docent **A.V. Kolesnick**, Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **G.R. Naumova** (Moscow State University M.V. Lomonosov, Russian Federation), Doctor of History, Prof. **V.N. Nikolskiy**, Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Pedagogy, Prof. **O.F. Turyanskaya** (Lugansk National University), Doctor of History, Docent **L.G. Shepko**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: elena_andrienko8@mail.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г. с изменениями № 122 от 13.02.2018 г.) по следующим группам научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 10 от 24.12.2019 г.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 4/2019

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Бредихин А.В., Скворцова Л.А.</i> Интересы России в Арктике: исторический аспект	5
<i>Добында К.Г., Фоменко В.Г.</i> Опыт международного геополитического позиционирования Приднестровской Молдавской Республики	9
<i>Комарова Л.В.</i> Исторические предпосылки установления режима нераспространения ядерного оружия в условиях Холодной войны	15
<i>Лисин Н.В., Ткаченко Д.Л.</i> Казуальная история Старочеркасской крепости: гибель арсенала 12 августа 1744 года	20
<i>Медовкина Л.Ю., Сухобоченков Е.С.</i> Генезис российско-американского противостояния в международных отношениях: от Холодной войны до информационных войн	26
<i>Полякова М.А.</i> Профориентационная работа педагогических институтов Донецкого региона в конце 1950-х – начале 1960-х гг.	32
<i>Посредникова Т.Г.</i> К вопросу об историографии англо-американских отношений накануне и в начале Второй мировой войны	38
<i>Разумная Н.Н.</i> Развитие химической промышленности в Донбассе в годы Первой мировой войны: создание в поселке Макеевка завода по производству карбида кальция	44
<i>Санжаров В.А.</i> Кардиналат авиньонского периода: Священная коллегия в XIV веке	51

Философия

<i>Абросимова Т.В.</i> Концепт «образ мира» в социокультурном и философском контекстах	61
<i>Бартагариева И.И.</i> Рациональное и правовое: взаимодействие в формате дискурса	68
<i>Гришанов А.Н.</i> Сакральный символ в контексте социокультурного бытия: функциональный аспект	76
<i>Даниленко Г.Э.</i> Теории поливариантности исторического процесса: когнитивный подход к онтологической проблеме	83
<i>Емельянова Н.Н.</i> Философия человека в контексте прошлого, настоящего и будущего	89
<i>Клименко А.Б.</i> Индустриальная идентичность как основная мировоззренческая парадигма Донбасса	100

<i>Мазаненко О.М.</i> Понимание эстетического субъекта: от концепции сущности к парадигме существования	106
<i>Миргородский А.А.</i> Философско-правовые идеи в творчестве Владимира Сергеевича Соловьева	113
<i>Новак Н.И.</i> Категория творчества в теориях «локальных цивилизаций»	117
<i>Половинкина И.С.</i> Виртуальная реальность: от содержательной неопределенности к неоднозначной функциональности	125
<i>Рочняк Е.В.</i> Феноменология любви в немецкоязычных текстах рок-песен группы «LAKRIMOSA»	132
<i>Сухина И.Г.</i> О семантической природе ценности: концептуальный опыт аксиологической рефлексии	138
<i>Тихомирова Н.Ф.</i> Системный подход: сущность, становление и развитие	147
<i>Шелехов Е.А.</i> Ноосфера как научная и философская категория: историко-философский анализ	153

Педагогика

<i>Акиншева И.П.</i> Роль политической социализации как фактора модернизации педагогической науки	160
<i>Гужва Т.М.</i> Моральная ответственность как ведущая профессиональная ценность социальных работников	164
<i>Дробышев Е.Ю.</i> Диагностика уровня готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по учебному предмету «Химия»	169
<i>Загороднова Е.М.</i> «Гражданская позиция» как педагогическая категория	178
<i>Зенченков И.П.</i> Формирование духовной составляющей физической культуры личности и студентов	186
<i>Золотова А.Д.</i> Профилактика аддиктивного поведения детей в русле социального подхода	193
<i>Козлова Т.Л.</i> Экспериментальная проверка эффективности технологии формирования профессиональной компетентности учителя	200
<i>Михайлова И.В.</i> Мультимедийные технологии в современном образовательном пространстве высшей школы	206
<i>Сорокина Г.А., Малькова М.А.</i> Осмысленная педагогическая деятельность как основа профессионально-личностного саморазвития преподавателя высшей школы	211
<i>Трошкин А.В.</i> Повышение образовательного уровня подготовки будущих дизайнеров	216
<i>Чернышева Е.Г.</i> Развитие профессиональной компетентности педагогов в системе дополнительного образования	220
<i>Чикина Ю.Ю.</i> Особенности применения цифровых образовательных ресурсов будущими учителями географии в профессиональной деятельности	226

Рецензии

<i>Санжаров В.А.</i> На восточных рубежах западного христианского мира: королевство Кипр (1192–1489). Рецензия на книгу: Близнюк С.В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. – М.: Academia, 2016. – 832 с.	232
Правила для авторов	236

Bulletin of Donetsk National University

Series B. Humanities

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

No 4/2019

CONTENTS

History

<i>Bredikhin A.V., Skvortsova L.A.</i> Interests of Russia in the Arctic: a historical aspect	5
<i>Dobynda A.G., Fomenko V.G.</i> Experience of the international geopolitical and economic positioning of the Transnistrian Moldovan Republic	9
<i>Komarova L.V.</i> Historical background of establishing the non-proliferation mode of nuclear weapons in the conditions of the Cold War	15
<i>Lisin N.V., Tkachenko D.L.</i> Casual history of Starocherkassk Fortress: destruction of Arsenal on 12-th of August 1744	20
<i>Medovkina L.Yu., Suhobochev E.S.</i> The Genesis of Russian-American confrontation in International relations: from the Cold War to the Information wars	26
<i>Polyakova M.A.</i> Vocational orientation of pedagogical institutions of Donetsk Region in the late 1950s and early 1960s	32
<i>Posrednikova T.G.</i> To the question of the Historiography of Anglo-American Relations on the Eve and at the beginning of World War Second	38
<i>Razumnyaya N.N.</i> Development of the chemical industry in Donbass in First World War: creation calcium carbide production plant in Makeyevka	44
<i>Sanzharov V. A.</i> Cardinalate of the Avignon period: Sacred College in XIV century	51

Philosophy

<i>Abrosimova T.V.</i> The Concept of the Image of the World in Socially Cultural and Philosophical Contexts	61
<i>Bartagariyeva I.I.</i> Rational and legal: interaction in the format of a disscress	68
<i>Grishanov A.N.</i> Sacred symbol in the context of sociocultural being: a functional aspect	76
<i>Danilenko E.G.</i> Theories of the polyvariance of the historical process: a cognitive approach to the ontological problem	83
<i>Emelyanova N.N.</i> Philosophy of man in the context of the newcomer, present and future	89
<i>Klimenko A.B.</i> Industrial identity as the main ideological paradigm of the Donbass	100
<i>Mazanenko O.M.</i> Understanding of the aesthetic subject: from the concept of essence to the paradigm of existence	106

<i>Mirgorodsky A.A.</i> Philosophical and legal ideas in the work of Vladimir Solovyov	113
<i>Novak N. I.</i> Category of creativity in the theories of “Local civilizations”	117
<i>Polovinkina I.S.</i> Virtual reality: from meaningful uncertainty to ambiguous functionality	125
<i>Rochnyak E.V.</i> Phenomenology of love in the German-language texts of rock songs of the group "LAKRIMOSA"	132
<i>Sukhina I.G.</i> On the semantic nature of value: a conceptual mushroom of axiological reflection	138
<i>Tikhomirova N.F.</i> System approach: essence, formation and development	147
<i>Shelekhov E.A.</i> Noosphere as a scientific and philosophical category: historical-philosophical analysis	153

Pedagogy

<i>Akinsheva I.P.</i> The Role of Political Socialization as a Factor in the Modernization of Pedagogical Science	160
<i>Guzhva T.M.</i> Moral Responsibility as the Leading Professional Value of Social Workers	164
<i>Drobyshev E.Yu.</i> Diagnostics of the level of readiness of chemistry teachers to organize educational and research activities of students in the subject "chemistry"	169
<i>Zagorodnova E.M.</i> “Citizenship” as a pedagogical category	178
<i>Zenchenkov I.P.</i> Formation of the spiritual component of the physical culture of the individual and students	186
<i>Zolotova A.D.</i> Prevention of addictive behavior to children in line of social approach	193
<i>Kozlova T.L.</i> Experimental verification of the effectiveness of technology for the formation of teacher professional competence	200
<i>Mikhailova I.V.</i> Multimedia technology in modern educational space of high education	206
<i>Sorokina G.A., Malkova M.A.</i> Meaningful pedagogical activity as the basis of professional and personal self-development of a higher school teacher	211
<i>Troshkin A.V.</i> Increase the educational level of preparation of future designers	216
<i>Chernysheva E.G.</i> Development of professional competence of pedagogists in the system of additional education	220
<i>Chikina Yu.Yu.</i> Features of the use of digital educational resources by future geography teachers in a professional the activities	226

References

<i>Sanzharov V.A.</i> On the eastern borders of the western christian world: the Kingdom of Cyprus (1192–1489). Book review: Bliznyuk S.V. The Kingdom of Cyprus and the Italian Maritime Republics from the thirteenth to the fifteenth centuries. – Moscow: Academia, 2016. – 832 p.	232
Guidelines for authors	236

ИСТОРИЯ

УДК 621.313

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АРКТИКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2019. А.В. Бредихин¹, Л.А. Скворцова²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

²ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»

В статье дан анализ вопроса освоения российской Арктики в исторической ретроспективе, обозначены национальные интересы и стратегия Российской Федерации в отношении этого региона. Приведена позиция современной России в отношении границ разграничения экономических зон арктического водного (ледового) пространства и шельфа.

Ключевые слова: Арктика, Россия, национальные интересы, безопасность, Конвенция ООН, углеводороды, континентальный шельф

В XXI веке наблюдается устойчивый рост интереса к Арктическому региону со стороны Российской Федерации. Это обусловлено рядом фактов: Во-первых, открытием и масштабом освоения энергетических и других полезных ресурсов прибрежного шельфа, морского и океанического дна. Здесь сосредоточен уникальный углеводородный потенциал страны: 1/5 часть нефтяных и 62 % газовых ресурсов. Здесь есть крупнейшие месторождения угля, золота, редких металлов, а также огромные запасы водных биологических ресурсов. Во-вторых, ростом удельного веса «арктической» экономики в общем балансе страны и ее будущих перспектив. В-третьих, решение вопроса окончательного уточнения и закрепления международными актами границ российского континентального шельфа и линий разграничения экономических зон с остальными арктическими государствами. Арктика – одно из последних пространств мира, где еще остается ряд спорных вопросов в отношении водного (ледового) пространства, а также морского и океанического дна. Поэтому стратегическая задача обеспечения интересов России в Арктике сегодня является актуальной и своевременной.

Целью нашего исследования является рассмотрение в исторической ретроспективе вопроса открытия российской Арктики и обозначения национальной стратегии современной России в отношении этого региона.

Для России Арктика столетиями оставалась неотъемлемой частью ее геополитического пространства, средой обитания значительного числа ее граждан, территориального величия и источником неисчерпаемых ресурсов. История освоения Россией полярных областей насчитывает более восьми столетий. Арктическая одиссея России восходит к экспедициям первопроходцев в XVI–XVII веках, географическими открытиями В. Беринга и других исследователей в XVIII–XIX веках [1].

Еще в 1616–1620 гг. царскими указами были закреплены исключительные права России в некоторых районах Арктики. Именно Россия положила начало хозяйственному освоению Аляски, после приобретения которой США стали арктическим государством. В 1821 г. «единственно российским подданным» были предоставлены права торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности

на островах, в портах и заливах по всему северо-западному побережью Америки, Алеутским островам и по всем берегам Сибири [2, с. 188].

В ноте российского МИД от 4 сентября 1916 г. земли и острова, открытые экспедицией Б. Вилькицкого в 1913–1914 гг., объявлялись включенными в территорию России. Была подтверждена российская принадлежность всех заливов, бухт, рейдов русского побережья Северного Ледовитого океана, а также ранее открытых островов, которые «вместе с островами Новосибирскими, Врангеля и иными, расположенными близ азиатского побережья Империи... составляют продолжение к северу континентального пространства Сибири» [3].

Север не случайно стал основополагающей частью русской идентичности – территориальность всегда играла важную роль в конструировании политического сообщества в России и служит ключевым маркером российской государственности. В этот нарратив входили великие открытия, рассказы о подвигах и жертвах, легенды о форпостах цивилизации – но все это были лишь исторические предания, а не трезвый экономический расчет. Долгие века Россия гордилась тем, что владеет огромными арктическими пустынями, но не смогла извлечь из этого ощутимых материальных выгод. Крайний Север в этом смысле отличается от Сибири, которая в колониальную эпоху была источником экспортного товара (такого как пушнина). Арктика же давала России рыбу, моржовый клык, мясо кита – но это были скорее товары регионального, а не общегосударственного значения [4].

Эта линия была продолжена и в советское время. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. территорией СССР были объявлены «все, как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем, земли и острова, не составляющие... признанной правительством СССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане к северу от побережья СССР до Северного полюса» [5, с.190]. В Советском Союзе было положено начало освоению и активной эксплуатации Северного морского пути (СМП).

С 1920-х по 1960-х годах СССР развернул широкую программу развития Арктики, которая затем перешла в масштабную разработку месторождений нефти и газа. В эпоху «холодной войны» Советский Союз в интересах обеспечения национальной безопасности создал военную инфраструктуру (базы подводных лодок, аэродромы и станции слежения). Арктический сектор страны был закрыт для любой деятельности западных государств, находящейся вне его контроля.

Однако в последние годы существования и после распада СССР причины военно-политического противостояния в Арктике периода «холодной войны» сошли на нет. Значение Арктики и масштаб ее территориального развития существенно снизились. Регион стал терять военное и стратегическое значение, что отразилось в резком сокращении финансирования арктической инфраструктуры. Военные объекты и шахты были заброшены, города и поселки опустели [6]. К концу XX столетия российская Арктика превратилась в гигантский обледенелый памятник советской эпохи.

В настоящее время правительство России проводит большую и весьма серьезную работу по реализации Основ государственной политики РФ в Арктике, принятых на заседании Совета безопасности в августе 2008 г. В связи с этим разработана «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» [7], направленная на реализацию национальных интересов России в Арктике. В неё заложены ряд задач перед страной, главные из которых:

- обеспечению потребности государства в углеводородных, биологических, водных и иных стратегически важных ресурсах;

- конкурентоспособность в мировом сегменте трансконтинентальных перевозок за счёт использования Северного морского пути, проводки судов, создания транспортно – логистических комплексов, развития инфраструктуры с решением задач военной и пограничной безопасности.

Самой спорной, а с экономической точки зрения высокопотенциальной территорией, в настоящее время, является континентальный шельф, где сосредоточены богатые природные ресурсы Арктики.

Россия как одна из пяти арктических государств в полной мере использует свое право на природные ресурсы Арктики. Приверженность России секторальному подходу к разделу Арктики и жесткая трактовка режима внутри ее сектора могли оказаться недостаточными для обеспечения ее национальных интересов в новых условиях

В 1997 г. Российская Федерация присоединилась к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., участниками которой являются все арктические государства, за исключением США.

В соответствии с Конвенцией 1982 г. все прибрежные арктические государства, включая Россию, распространили свою юрисдикцию на арктический шельф и эксклюзивную экономическую зону в Северном Ледовитом океане шириной 200 морских миль, разделив между собой в рамках этих зон природные богатства Арктики. Более того, Конвенция дает им право претендовать на дальнейшее расширение шельфа до 350 морских миль, если они докажут, что подводный хребет Ломоносова – продолжение их континентальных платформ. Соединённые Штаты, вторично отказавшись присоединиться к Конвенции, оставили за собой право не ограничивать ширину своего шельфа в Северном Ледовитом океане. Тем не менее, поставив свою подпись под Иллулисатской декларацией пяти прибрежных арктических государств 2008 года, США согласились действовать в Арктике на основе существующего международного права, в частности, морского, и стремиться к мирному решению всех возможных пересекающихся притязаний на континентальный шельф.

Страны-члены «арктической пятерки», включая Россию, считают нынешний формат деятельности Арктического совета оптимальным, а существующую международно-правовую базу – достаточной для решения любых спорных вопросов [8].

С открытием в начале XXI века богатейших запасов углеводородов возрос интерес России к Арктике, а возможность появления там новых торговых маршрутов обусловило переоценку геополитического значения Арктики. Президент РФ В. Путина подписал несколько политических документов, в том числе Арктическую стратегию 2008 г., Стратегию Национальной безопасности 2009 г., новую редакцию Военной доктрины 2014 г., новую Морскую доктрину России 2015 г., которые ставят задачу обеспечения и защиты национальных интересов России в Арктике.

Как отметил секретарь Совбеза Российской Федерации Н. Патрушев, «согласно «Основам государственной политики Российской Федерации в Арктике», важнейшими национальными интересами страны в этом регионе являются использование Арктической зоны в качестве стратегической ресурсной базы для социально-экономического развития страны, сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества, сбережение уникальных экологических систем Арктики, использование СМП в качестве национальной единой транспортной коммуникации России в Арктике» [9].

Таким образом, Россия проявляла интерес к Арктике еще в те времена, когда о ресурсном богатстве ее шельфа не было и речи. Учитывая долю арктических

пространств, на которые распространяется российская юрисдикция, успешное решение современных проблем Арктики немислимо без участия Российской Федерации. Государства, искренне стремящиеся поставить ресурсы и возможности современной Арктики на службу всему человечеству, не могут не сделать выбор в пользу сотрудничества в решении этих проблем с Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведев С. Планы Кремля в Арктике: от амбиций к разочарованию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Plany-Kremlya-v-Arktike-ot-ambicii-k-razocharovaniyu-18448>.
2. Международное право / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: Юрайт, Высшее образование, 2009. – С. 188-190.
3. Воронков Л.С. Интересы России в Арктике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/226453/>
4. Медведев С. Планы Кремля в Арктике: от амбиций к разочарованию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Plany-Kremlya-v-Arktike-ot-ambicii-k-razocharovaniyu-18448>.
5. Международное право / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: Юрайт, Высшее образование, 2009. – С.188- 190.
6. Медведев С. Планы Кремля в Арктике: от амбиций к разочарованию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Plany-Kremlya-v-Arktike-ot-ambicii-k-razocharovaniyu-18448>.
7. «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://narfu.ru/aan/institut_arctic/strategy_AZRF_2010.pdf.
8. Воронков Л.С. Интересы России в Арктике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/226453/>
9. Патрушев: с развитием Арктики связаны национальные интересы России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20160901/1475850293.html>

Поступила в редакцию 14.10.2019 г.

INTERESTS OF RUSSIA IN THE ARCTIC: A HISTORICAL ASPECT

A.V. Bredikhin, L.A. Skvortsova

The article analyzes the development of the Russian Arctic in historical retrospective, identifies national interests and the strategy of the Russian Federation in relation to this region. The position of modern Russia with respect to the boundaries of demarcation of economic zones of the Arctic water (ice) space and shelf is given.

Key words: Arctic, Russia, national interests, security, UN Convention, hydrocarbons, continental shelf.

Бредихин Андрей Владимирович

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всемирной истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».
E-mail: vsemirkaf@gmail.com

Bredikhin Andrey Vladimirovich

Doctor of History, Professor,
the Head of the Chair of the World History,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: vsemirkaf@gmail.com

Скворцова Лидия Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия
строительства и архитектуры».
E-mail: skvortsova.68@mail.ru

Skvortsova Lydia Alekseevna

Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer,
SCE HPE «Donbass National Academy of Civil
Engineering and Architecture», Associate Professor of
the Department of History and Philosophy.
E-mail: skvortsova.68@mail.ru

УДК 339.9 (498)

ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

© 2019. *К.Г. Добында, В.Г. Фоменко*

*ГОУ ВПО «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,
Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика*

В статье рассматривается значение опыта создания приднестровской государственности, реализации потенциала социально-политической консолидации, обеспечения экономической стабилизации и модернизации для целей геополитического и экономического позиционирования ПМР. Особый акцент делается на формировании позитивного международного имиджа ПМР.

Ключевые слова: Приднестровская Молдавская Республика, социально-политическая консолидация, международное геополитическое и экономическое позиционирование.

В декабре 2018 г. была представлена Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики (далее – ПМР) на 2019–2026 гг. – основополагающая комплексная программа развития приднестровского государства на ближайшую перспективу. ПМР была образована 2 сентября 1990 г. в результате ликвидации 23 июня 1990 г. Молдавской ССР, частью которой до этого периода являлось Приднестровье, на основании решений о принятии Декларации о суверенитете ССР Молдова и Постановления о признании создания МССР незаконным, что вернуло ситуацию к состоянию 1940 г., когда территории Приднестровья и Бессарабии были разными государственными субъектами. После юридического исчезновения МССР Молдова и Приднестровье определяли свое будущее самостоятельно на основе универсального принципа права народа на самоопределение. Провозгласив независимость, Молдова получила международное признание, а ПМР в таковом было отказано, несмотря на результаты всенародных референдумов, подтвердивших его право на суверенитет. Окончательное дистанцирование ПМР от Молдовы произошло после развала СССР в конце 1991 г. и силовой попытки Кишинева «установить конституционный порядок в восточных районах» летом 1992 г. [1].

За период прошедший от провозглашения ПМР и до наших дней Приднестровью (при прямой поддержке России и при противодействии различных европейских структур), опираясь на волеизъявление его жителей, сформировало полноценную демократическую государственно-правовую систему, основанную на принципе разделения законодательной, судебной и исполнительной власти. Эта система обладает абсолютной внутренней легитимностью и гарантирует фактический суверенитет Приднестровского государства, непосредственным носителем которого являются народ.

Несмотря на международную непризнанность, перманентную экономическую блокаду и политическое давление ПМР демонстрирует способность к обеспечению суверенитета, независимости, государственной стабильности и территориальной целостности. За время существования ПМР родилось и выросло молодое поколение граждан, которые формируют новую общность, именуемую приднестровским народом [2].

Экономика ПМР проявила способность не только к сохранению своего потенциала, но и модернизации и развитию в условиях нестабильности мировой

экономики и применения ограничительных экономических мер, введенных против Приднестровья, при этом сохраняя социально ориентированный вектор развития государства. Однако остаются нерешенными ряд жизненно важных проблем в экономической, финансовой, социальной и оборонительной сферах. В силу этого, в основу идеологии приднестровской государственности положены политическая стабильность, экономическая самодостаточность и социальная справедливость, требующие решения следующих первостепенных задач: 1) укрепление независимости ПМР с ориентиром на обретение международного признания и реализацию итогов референдума 2006 г.; 2) продолжение формирования общности «Приднестровский народ», включающей в себя представителей различных народностей, этнических групп и основанной на сохранении и развитии языков, культур, обычаев и традиций; 3) построение социально ориентированного государства с рыночной формой экономики [2].

Социальная и политическая консолидация. На протяжении почти 30 лет в границах бывшей союзной МССР были сформированы и устойчиво функционируют два различных конституционных поля Молдовы и Приднестровья, которые формируют принципиально противоположные политические, законодательные, финансово-экономические, судебные, образовательные, ценностно-идеологические, культурно-лингвистические, силовые и другие системы.

С 2002 г. Приднестровье стало субъектом международных отношений через многосторонний механизм переговорного процесса по урегулированию конфликта в рамках формата «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию», все участники которого согласились со статусом ПМР как равноправной стороны международного диалога. Сегодня международные участники негласно соглашались с объективным фактом существования Молдовы и Приднестровья в качестве независимых субъектов. Мировое сообщество игнорирует очевидные правовые аргументы и отказывается от международного признания независимости ПМР, руководствуясь исключительно политической конъюнктурой.

Вследствие неурегулированности взаимоотношений Тирасполя и Кишинева вокруг ПМР сформирована зона региональной нестабильности, дополняющаяся системным давлением на внешнеэкономическую деятельность региона. В этих постоянно меняющихся условиях республика вынуждена непрерывно адаптироваться под крайне нестабильную внешнюю среду и находить оптимальные формы взаимодействия с внешними партнёрами. В настоящий момент в Приднестровье сложилась благоприятная ситуация, характеризующаяся наличием взаимопонимания между всеми ветвями и органами власти. Обладая крайне ограниченными возможностями и ресурсами, ПМР посредством длительного и кропотливого диалога должна достигать тех компромиссов, которые позволили бы смягчить болезненные решения внешних игроков по отношению к региону. Поэтому, ключевым фактором обеспечения государственной независимости ПМР, устойчивости её экономической и политической системы должно стать формирование внутренних условий политической стабильности и общественной консолидации [3].

Одной из важнейших задач ПМР как социально ориентированного государства является обеспечение социальной защищенности и повышение уровня и качества жизни граждан, в особенности тех групп населения, которые в силу возраста, состояния здоровья или других жизненных обстоятельств не в состоянии сами обеспечить себе достойные условия жизни и нуждаются в поддержке государства. Социальная политика направлена на повышение благосостояния и качества жизни населения и гарантирует

социальную защищенность граждан, невозможна без устойчивого экономического роста, выступающего материальной основой решения всех основных социальных задач. Обеспечение поэтапного увеличения реальных доходов всех категорий населения есть базовое условие для улучшения качества и продолжительности жизни человека и также является стратегической целью всей социально-экономической политики государства. Основными целями социальной политики являются повышение качества жизни граждан за счет обеспечения продовольственной безопасности, высококачественных и безопасных товаров и услуг, современного образования и здравоохранения, доступности спортивных сооружений, создания рабочих мест, а также путём создания благоприятных условий для повышения социальной мобильности, качества труда и его достойной оплаты, достойного пенсионного обеспечения, что является основой для обеспечения социальной справедливости в ПМР.

Политическая стабильность и соответствие передовым стандартам демократии имеет принципиальное значение для восприятия ПМР в качестве современного и полноправного участника международного сообщества. Сегодня в Приднестровье в полной мере сформирована необходимая законодательная база, наработан обширный практический опыт функционирования различных компонентов политической системы. В республике успешно функционируют институты гражданского общества, представленные некоммерческими общественными организациями (далее – НКО) в большинстве успешно взаимодействующие с органами государственной власти по различным направлениям [1].

Приоритетом является системное повышение открытости и качества освещения в СМИ политических процессов. Наличие исчерпывающей и доступной для широкой общественности информации о функционировании государственных институтов формирует представление о ПМР как о современной транспарентной демократии. Диалог органов власти с НКО необходимо выстраивать на позициях равноправного сотрудничества. Целесообразным является развитие института общественных и гражданских инициатив, что послужит стимулом для населения принимать активное и непосредственное участие в общественной жизни государства.

Наличие таких механизмов позволяет де бюрократизировать контакты негосударственных институтов с органами власти, гарантирует возможность активной общественности формировать и адресовать запросы напрямую органам власти в ходе регулярных дискуссионных мероприятий. Данная практика позволит формировать имидж государственной власти как открытой и подотчетной гражданам системы, что также соответствует мировым стандартам в этой области.

Повышение престижа общественной деятельности и гражданской активности среди молодежи является важным для формирования у молодых граждан ПМР понимания возможности напрямую влиять на развитие своего государства через инициативу и деятельное участие в гражданских объединениях. Это ведет к более активной, целенаправленной и результативной артикуляции гражданами своих интересов. Также целесообразным является содействие государства развитию волонтерского движения, в том числе единичных инициатив, привлекающих внимание к конкретным проблемам. Поощрение и широкое освещение СМИ такого рода акций будет содействовать привлечению внимания к актуальным проблемам, включению их в перечень первоочередных задач, как государства, так и профильных органов власти.

Экономическая стабилизация и модернизация. Динамика экономического развития ПМР во многом зависит от влияния внешних геополитических факторов и, прежде всего, от фактора международной непризнанности. Сложившаяся отраслевая

структура экономики определяет её гипероткрытость и зависимость от мировой и региональной конъюнктуры, что требует оперативного реагирования на внешние и внутренние риски.

Структурные диспропорции, накопленные в экономике и вылившиеся в полномасштабный кризис 2015–2016 гг., затронувший как реальный, так и финансовый сектора экономики, а также социальную сферу. Это обусловило необходимость изменения подходов во взаимодействии государства и субъектов предпринимательства, формирование новой парадигмы развития институциональной среды. Исходя из возможных тенденций и наличия в республике достаточно развитого индустриального комплекса, необходимо обеспечить сохранение сложившихся экономических связей, наращивать экспорт, активно продвигая приднестровскую продукцию на мировые рынки, активизировать привлечение масштабных инвестиций в основной капитал, что позволит не только сохранить, но и приумножить и модернизировать промышленный потенциал республики. Многие отрасли приднестровской экономики обладают ресурсами для импортозамещения – промышленность строительных материалов, агропромышленный комплекс, трудоемкие отрасли – швейная и электротехническая промышленность, въездной туризм. Соответственно, главной целью экономической стратегии государства должно стать стремление обеспечить в максимально возможной степени экономическую самодостаточность ПМР в среднесрочной перспективе [4].

Международное позиционирование ПМР. Ввиду неурегулированного конфликта с Молдовой СМИ «Запада» целенаправленно создавали отрицательный образ Приднестровья путем тиражирования недостоверных сведений и пропагандистских мифов. Таким образом, нивелирование первопричин формирования негативных черт имиджа Приднестровья прямо обусловлено успешностью урегулирования конфликта с Кишиневом.

В основе достижения ощутимых результатов в данной работе лежат следующие принципиальные элементы: а) стабильность международного переговорного формата «Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию» в формате «5+2», а также последовательный диалог на уровне представителей по политическим вопросам и профильных экспертов сторон; б) поддержание контактов руководителей ПМР и Молдовы в формате «1+1»; в) разрешение за столом переговоров практических социально-гуманитарных вопросов в интересах благосостояния граждан [1].

Главной целью урегулирования отношений с Молдовой является донесение до аудитории зарубежных стран информации о неотъемлемом праве ПМР на независимость. В связи с этим международное позиционирование ПМР напрямую зависит от характера и уровня развития внешнеполитических контактов с Россией по пути укрепления и расширения спектра политико-дипломатических контактов, сотрудничество в области миротворчества и безопасности, развитие торгово-экономических связей, наращивания культурно-гуманитарных связей и взаимодействия по линии общественных институтов. Приоритетом сотрудничества с Украиной остается выстраивание добрососедства, поддержание и наращивание торгово-экономических отношений, взаимодействие в области миротворчества, продолжение политико-дипломатических контактов как со страной-гарантом молдово-приднестровского урегулирования, а также сохранение культурно-гуманитарных связей, основанных на общности истории. Ключевым содержанием отношений с Молдовой является достижение договоренностей по актуальным экономическим и социально-гуманитарным аспектам. Стратегической задачей в этом направлении является

построение равноправных добрососедских межгосударственных отношений. В области внешнеэкономических связей актуальной задачей является осуществление сбалансированной торговли с СНГ и ЕС, а также привлечение иностранных инвестиций.

В связи с тем, что международные имидж ПМР преимущественно формируют западные институты враждебно настроенные по отношению к Приднестровью. Подобная ситуация также связана с информационным вакуумом вокруг республики, возникшим из-за отсутствия целенаправленной информационно-имиджевой политики государства.

Наиболее значимыми проблемными аспектами в сложившемся имидже ПМР можно считать: а) ассоциирование региона с вооруженным конфликтом; б) восприятие ПМР в качестве «застывшей во времени» территории, «советского заповедника»; в) ассоциирование Приднестровья с «горячей точкой» на карте Восточной Европы; г) широко распространенное представление об отсутствии в ПМР правовых и административных механизмов обеспечения правопорядка и защиты прав человека; д) недостаток объективной информации и сохранение мифа о ПМР как о «серой зоне». Сохранение в образе ПМР таких негативных черт создает серьезные препятствия для развития региона, ограничивает инвестиционную привлекательность и реализацию туристического потенциала, а также сужает внешние коммуникации. С формированием позитивного образа ПМР на напрямую связано повышение конкурентоспособности страны, что говорит о необходимости реализации государственной политики в области международного позиционирования. Таким образом, имиджевая стратегия ПМР должна выстраиваться путем преодоления негативных недостоверных мифов и формирование позитивных образов [3].

В числе системообразующих элементов государственной политики в области международного позиционирования следует отметить: а) возникновение де-факто общности «приднестровский народ», состоящей из множества народностей, с закреплением официального статуса трех наиболее распространенных языков; б) самоидентификацию ПМР в качестве стабильного, внутренне монолитного и независимого государства, приверженного принципам демократии и защиты прав человека, стремящегося к международному признанию; в) широкое распространение информации о ПМР как инвестиционно и туристически привлекательной стране с поликультурным обществом; г) создание новых и продвижение уже существующих приднестровских брендов в экономике, социальной сфере, культуре и истории; д) обеспечение максимальной доступности информации о деятельности органов государственной власти, в том числе по обеспечению прав человека; е) государственную поддержку культурной дипломатии и контактов с зарубежными странами; ж) развитие потенциала публичной дипломатии и инструментов «мягкой силы» на государственном уровне; з) создание системных механизмов работы с соотечественниками, проживающими за рубежом. Данные элементы государственной политики в области международного позиционирования ПМР должны быть закреплены в государственных программах на кратко- и среднесрочную перспективу [5].

Опыт международного геополитического и экономического позиционирования ПМР в определенной степени представляет практический интерес для утверждения международного правового статуса Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стратегия развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019 – 2026 годы. Режим доступа: <http://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/ob-utverjdenii-strategii-razvitiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-na-2019-2026-godi.html>.
2. Палий В.Л., Фоменко В.Г. Международное экономическое положение Приднестровья в условиях экономической блокады // Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве: материалы научно-практической конференции «Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве». – Симферополь: Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, 2017. – С. 333-336.
3. Бурла М.П., Фоменко В.Г. Анализ проблем и перспективы развития региона с неопределенным политико-правовым статусом (на примере Приднестровья). Теоретические и прикладные исследования социально-экономических систем в условиях интеграции России в мировую экономику // Материалы III Международной заочной научно-практической конференции (31 октября 2014 г.). – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2014. – С. 398-404.
4. Фоменко В.Г. Опыт антикризисного управления социально-экономическим развитием Приднестровья // Экономика и управление народным хозяйством: генезис, современное состояние и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции, 15 ноября 2018 г.: в 2 частях / Воронежский экономико-правовой институт, Орловский филиал Финуниверситета. – Воронеж, 2018. – Ч. 2. – С. 226-229.
5. Фоменко В.Г. Право на самоопределение как противоречивый инструмент ООН в системе международных отношений // Сборник материалов Международной научно-практич. конф.: 70 лет ООН / Отв. редактор Т. Р. Мармазова. 10 декабря 2015 г. – Донецк: ДонНУ, 2015. – С. 103-106.

Поступила в редакцию 24.09.2019 г.

EXPERIENCE OF THE INTERNATIONAL GEOPOLITICAL AND ECONOMIC POSITIONING OF THE TRANSNISTRIAN MOLDAVIAN REPUBLIC

K.G. Dobynda, V.G. Fomenko

The article discusses the importance of the experience of creating Transnistrian statehood, realizing the potential of socio-political consolidation, ensuring economic stabilization and modernization for the purposes of geopolitical and economic positioning of Transdnistria. Particular emphasis is placed on the formation of a positive international image of the PMR.

Key words: Transnistrian Moldavian Republic, socio-political consolidation, international geopolitical and economic positioning

Добында Константин Григорьевич

кандидат географических наук, доцент
ГОУ ВПО «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко», Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика.
E-mail: ekonom_geograf@mail.ru

Dobynda Konstantyn Grigorievich

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, SCE HPE “Transnistrian State University named after T. G. Shevchenko”,
Tiraspol, Transnistrian Moldavian Republic
E-mail: ekonom_geograf@mail.ru

Фоменко Владимир Григорьевич

кандидат географических наук, доцент
ГОУ ВПО «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко», Тирасполь,
Приднестровская Молдавская Республика.
E-mail: fomenkovol@mail.ru

Fomenko Vladimir Grigorievich

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor SCE HPE “Transnistrian State University named after T. G. Shevchenko”,
Tiraspol, Transnistrian Moldavian Republic
E-mail: fomenkovol@mail.ru

УДК 623.454.8 - 047.645(94:623 (47+57:73)"1945/1970)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УСТАНОВЛЕНИЯ РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

© 2019. Л.В. Комарова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проанализированы исторические предпосылки установления режима нераспространения ядерного оружия, определен контекст взаимоотношений и обозначены сложности переговорного процесса между членами «ядерного клуба». Исследована разноплановая договорная база сотрудничества в ядерной сфере, в том числе материалы, связанные с атомным проектом СССР. Раскрыты ключевые проблемы на пути построения диалога между СССР и США в условиях «холодной войны».

Ключевые слова: Пагуошское движение, «Манифест Рассела – Эйнштейна», ядерная сфера, ядерное разоружение, ДНЯО, ОМП.

История возникновения ядерного оружия, безусловно, заслуживает современной оценки. Начиная с 1945 г., когда впервые США подвергли ядерной бомбардировке японские города Хиросиму и Нагасаки, обозначилась глобальная проблема для всего человечества. Оружие массового уничтожения (ОМУ) стало не только реальностью, но и угрозой не только для стабильного развития внешнеполитического диалога между странами, но и для сохранения мира, в целом. В 1949 г. об обладании ядерного оружия заявил Советский Союз. Противостояние в рамках «холодной войны» было омрачено стремительной гонкой вооружений, в том числе и в этой сфере.

В 1952 г. о ядерном потенциале заявила Великобритания, в 1960 г. – Франция, а в 1964 г. к ним примкнул Китай. Таким образом, оформился блок государств, которые входят в так называемый «ядерный клуб». Период 50–60-х гг. XX в. стал серьезным испытанием для всего мира, многие исследователи заявляли о дальнейшем увеличении количества стран, которые в перспективе смогут обладать оружием такого типа.

Цель данной работы заключается в том, чтобы раскрыть исторические предпосылки установления режима нераспространения ядерного оружия, определить контекст взаимоотношений и обозначить сложности переговорного процесса между членами «ядерного клуба».

Проблему исследовали такие авторы, как П.Л. Масленников, Г.Н. Васильев, С.Л. Ивлев, Н.С. Фролов [1], в работе которых проанализирована расстановка вооруженных сил капиталистических государств в середине XX в. Под общей редакцией В.А. Орлова [2] был разработан учебник, касающийся вопросов ядерного нераспространения. Вклад в исследование проблематики внесли научные разработки таких авторов, как В.И. Анненков, Л.А. Кононов, А.В. Моисеев [3]. Также были проанализированы документы и материалы, связанные с атомным проектом СССР: они проливают свет на создание и испытание новых типов атомных бомб, разработка которых проводилась в СССР с целью «мирного равновесия», как ответ на наращивание ядерного потенциала США [4].

Также была исследована следующая договорная база сотрудничества в ядерной сфере: Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой (1963 г.) [5], Договор о нераспространении ядерного оружия

(1968 г.) [6] и др. Но следует отметить, что вопрос, связанный с установлением режима нераспространения ядерного оружия, требует современной оценки.

После Второй мировой войны Соединенные Штаты были единственным государством, обладающим ядерным оружием. У них уже было несколько испытаний и случаев реального применения в ядерных бомбардировках Японии. Конечно, этот факт не устраивал советское руководство и, когда США уже вышли на новый уровень в разработке оружия массового уничтожения, началась разработка водородной бомбы, потенциальная мощность которой была во много раз выше, чем у любого атомного заряда в то время (как позже доказал Советский Союз).

Успешное испытание первой советской атомной бомбы поставило американцев перед выбором: приостановить гонку вооружений, начать переговоры с СССР или продолжить разработки, связанные с оружием массового уничтожения (ОМУ).

31 января 1950 г. президент США Гарри Трумэн заявил о продолжении работы над всеми видами ядерного оружия, включая водородную бомбу. Это заявление стимулировало меры со стороны правительства СССР, и 26 февраля 1950 г. было издано постановление о создании водородной бомбы. А 12 августа 1953 г. было произведено ее первое испытание на Семипалатинском полигоне [4].

Следует отметить, что одновременно с интенсификацией в области наращивания различного типа вооружений со стороны «сверхдержав» в 50–60-х гг. XX в. массово развернулась агитация, направленная против этого процесса. Это стало одним из весомых факторов в поиске компромиссов на пути решения данного вопроса. В 1955 г. был опубликован документ под названием «Манифест Рассела – Эйнштейна», который подписали учёные различных стран, в том числе и нобелевские лауреаты. Основной целью манифеста был призыв задуматься над вопросами распространения ядерного оружия и его разрушительными последствиями. В выступлении Рассела в Лондоне 9 июля 1955 г. говорилось: «В создавшемся трагическом положении, угрожающем всему человечеству, ученые должны собраться на конференцию и оценить все те опасности, которые возникли в результате создания оружия массового уничтожения, и вынести резолюцию в духе прилагаемого проекта» [7].

Это соглашение, в свою очередь, стало отправной точкой на пути создания Пагуошского движения, которое выступало за мирные инициативы, разоружение и распространение пацифистских настроений. Учёные выступали за взаимодействие в научной сфере и категорически против возможной ядерной катастрофы. В 1995 г. Пагуошское движение было удостоено Нобелевской премии мира «за действия, направленные на снижение роли ядерных вооружений в международной политике и, в долгосрочном плане, на ликвидацию этих вооружений» [7].

К сожалению, мнение учёных не было услышано руководителями ведущих стран мира. Но все же, был заложен фундамент для поиска новых форм сотрудничества, и ядерные страны начали прилагать усилия, направленные на препятствование возникновению новых ядерных государств. В дальнейшем был заключен ряд соглашений для решения поставленных задач. Именно в середине XX в. стал очевидным ряд факторов, которые могли бы послужить препятствием для дальнейшей гонки вооружений:

- 1) несоизмеримо огромные финансовые вложения в создание и испытания ОМУ;
- 2) понимание того, что ОМУ наносит колоссальную разрушительную силу;
- 3) осознание того, что ядерное оружие не должно являться ведущим фактором политической силы.

Но, несмотря на это, не стоило рассчитывать на полную ликвидацию ядерного оружия, так как существовал ряд непримиримых проблем, которые препятствовали

установлению диалога. В сентябре 1959 г. Н.С. Хрущев посетил США, что способствовало потеплению отношений между странами. Однако уже 1 мая 1960 г. американский самолёт-разведчик был сбит под Свердловском, что неминуемо усугубило ситуацию. Резонансная история полёта американского шпиона Ф. Пауэрса над территорией СССР стала препятствием для предстоящей встречи глав правительств четырёх государств в Париже. В результате встреча была сорвана, как и ответный визит президента Д. Эйзенхауэра в СССР. К тому же, в этот период на Кубе, где к власти пришел Фидель Кастро, развивались революционные настроения.

Эпицентром противостояния СССР и США стала Европа. Вопрос о германском мирном урегулировании был камнем преткновения для дипломатии обоих государств. Были проведены изнурительные переговоры о взаимном сокращении вооружений, которые сопровождались строгими требованиями западных держав в области инспекции и контроля на территориях договаривающихся сторон. Итогами переговоров в Женеве 1958 г. стало введение моратория на ядерные испытания, который действовал 1 000 дней, в 1959, 1960 и в первой половине 1961 г.

Начало строительства Берлинской стены в 1961 г. также отрицательно отразилось на взаимодействии США и СССР. В этих условиях советское правительство опубликовало постановление об отказе от обязательств воздерживаться от испытаний ядерного оружия и возобновления испытаний. Все эти события привели к усилению конфронтации и наращиванию военной мощи, что в конечном счёте привело к критическому столкновению в виде Карибского кризиса 1962 г., когда весь мир зависел от политических решений глав США и СССР. 16 января 1963 г. Н.С. Хрущев выступил с заявлением, в котором сообщил, что Советский Союз стал обладателем нового типа вооружения – водородной бомбы, что повлекло за собой очередную гонку вооружений и усугубление дальнейшей политической ситуации.

10 июня 1963 г. президент США Джон Кеннеди на встрече с американскими студентами высказал мнение о стремлении к «мирному сосуществованию» и его необходимости. Эта знаменитая речь получила название «Peace Speech» («Речь о мире») и стала олицетворением сближения государств и будущей разрядки международной напряженности: «Слишком многие из нас думают, что мир невозможен. Слишком многие думают, что это нереально. Но это опасное пораженческое убеждение. Оно приводит к выводу, что война неизбежна и человечество обречено. Нам не нужно принимать эту точку зрения. Наши проблемы созданы человеком, поэтому они могут быть решены человеком» [8].

Это была своеобразная попытка построить новый диалог с советским правительством и непосредственно с главой государства, Н.С. Хрущевым. В своей речи Дж. Кеннеди упомянул про героический вклад СССР в победу во Второй мировой войне, обозначил ряд советских достижений в различных сферах жизни, особенно это касалось изучения космоса и науки. Но главный посыл его обращения состоял в необходимости запуска переговорного процесса по прекращению распространения ядерного оружия. Советский лидер Н.С. Хрущев дал высокую оценку этой речи, ему понравились высказывания Дж. Кеннеди относительно Советского Союза [9]. В целом, это выступление стало прорывом в отношениях двух «сверхдержав». Следующим этапом стало подписание в Москве 5 августа 1963 г. Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, что позволило на определённое время смягчить ситуацию. Свои подписи под документом поставили главы США, СССР и Великобритании. 22 ноября 1963 г. Дж. Кеннеди был застрелен в автомобиле во время предвыборной поездки в Даллас.

Несмотря на эту трагедию, начало процесса разрядки было заложено и в конце 1960-х гг. уже правительства Р. Никсона и Л. И. Брежнева продолжили эти начинания.

Результатом долгих переговоров стало подписание в 1968 г. комплексного документа – Договора о нераспространении ядерного оружия, который до сих пор остается фундаментом для построения эффективного диалога и попыткой нахождения общего знаменателя в этой сфере. Согласно договору обладать такого плана потенциалом имеют право только пять стран, владевших ядерным оружием на момент его заключения. Кроме того, в рамках подписанного соглашения, страны должны были запустить процесс постепенного разоружения. К сожалению, говорить о реализации данного плана не приходится, в связи с определёнными обстоятельствами, которые возникли у каждой из сторон.

Со вступлением в силу Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в 1970 г. вопрос контроля за распространением оружия массового поражения (ОМП) был частично снят [9]. На базе ООН была сформирована комиссия, призванная следить за исполнением договора Советским Союзом, Соединенными Штатами и еще 40 государствами, на которые распространялось действие документа. Такое положение вещей устраивало главных соперников в «холодной войне», ведь будучи уверенной, что противник не распространяет ядерное оружие своим союзникам, которые угрожают интересам, любая из сторон теряет смысл делать то же самое.

Другими словами, этот договор послужил инструментом сдерживания возможной ядерной катастрофы, который был выгоден всем. В целом ДНЯО стал тем самым определенным консенсусом относительно того, как должен сложиться баланс сил клуба ядерных держав в начале XXI в. Однако, каким будет его состояние и от чего будет зависеть его изменение, ясно не до конца. В первую очередь это зависит от несовершенства политических прогнозов и взглядов на данную проблематику среди экспертов различных стран. Таким образом, с этого момента начинается новый этап установления режима нераспространения ядерного оружия, который, несомненно, стал частью системы международных отношений, начиная с 60-х гг. XX в. и до современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Масленников П. Л., Васильев Г.Н., Ивлев С.Л., Фролов Н.С.. Вооруженные силы капиталистических государств. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1979. – С. 195–196.
2. Ядерное нераспространение: учебное пособие для студентов вузов: в 2 т. / под общ. ред. В. А. Орлова. – 2-е изд., [перераб. и расшир.]. – М.: ПИРЦентр, 2002. – Т. 1., с. 92.
3. Анненков В.И. Ядерный мир: геополитические и военно-политические аспекты современности: учебник / В. И. Анненков, Л.А. Кононов, А. В. Моисеев. – М.: Русайнс, 2016. – 279 с.
4. Атомный проект СССР: документы и материалы: [в 3 т.]. Т. 1.: 1938 – 1945. Часть 1 / под общ. ред. Л.Д. Рябева: М-во Рос. Федерации по атом. энергии; Рос. акад. наук; [сост.: Л. И. Кудинова (отв. сост.), Г. С. Сеницына, Н. М. Осипова]. — М.: Наука. Физматлит, 1998. — 432 с.
5. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой [Электронный ресурс]. – URL: <http://doc20vek.ru/node/4000> (дата обращения: 12.09.2019 г.).
6. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 15.09.2019 г.).
7. Исторический пример солидарности ученых [Электронный ресурс]. – URL: <http://trv-science.ru/2013/12/24/istoricheskijj-primer-solidarnosti-uchenykh/> (дата обращения: 17.09.2019 г.).
8. 50 Years Later, JFK «Peace Speech» [Электронный ресурс]. – URL: <https://blogs.scientificamerican.com/cross-check/50-years-later-jfk-peace-speech-still-inspires-and-has-been-scientifically-validated/> (дата обращения: 29.09.2019 г.).
9. Бояркина Д. А. Правовая база и проблемы международного режима ядерного нераспространения // Гуманитар. исслед. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – №1 (17). – С. 108 – 112.

Поступила в редакцию 15.10.2019 г.

HISTORICAL BACKGROUND OF ESTABLISHING THE NON-PROLIFERATION MODE OF NUCLEAR WEAPONS IN THE CONDITIONS OF THE «COLD WAR»

L.V. Komarova

The article analyzes the historical background of the establishment of a non-proliferation regime for nuclear weapons, defines the context of relations and outlines the difficulties of the negotiation process between members of the «nuclear club». The diverse contractual base of cooperation in the nuclear field, including materials related to the atomic project of the USSR, has been investigated. The key problems on the way to building a constructive dialogue between the USSR and the USA after the Second World War are revealed.

Key words: Pugwash movement, Russell – Einstein Manifesto, nuclear sphere, nuclear disarmament, NPT, WMD.

Комарова Людмила Валерьевна,
кандидат исторических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: marusja200781@mail.ru

Komarova Lyudmila Valerievna,
Candidate of History, Associate Professor,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: marusja200781@mail.ru

УДК 94(470.61)''1744''

**КАЗУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СТАРОЧЕРКАССКОЙ КРЕПОСТИ:
ГИБЕЛЬ АРСЕНАЛА 12 АВГУСТА 1744 г.**

© 2019. *Н.В. Лисин¹, Д.Л. Ткаченко²*

¹ГБУК РО «Старочеркасский музей-заповедник»,

²ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Старочеркасская крепость на протяжении ряда лет (1644–1805 гг.) была административным центром Войска Донского. Здесь располагались органы управления, казна, арсенал. В августе 1744 г. произошел катастрофический пожар, в результате которого казна и арсенал были утеряны, значительно пострадал жилой фонд, погибли люди. Старочеркасский музей-заповедник располагает уникальным экспонатом в виде крупной ошлакованной металлической плиты, состоящей из расплавленных предметов вооружения. Единственная деталь с выраженными морфологическими признаками – ружейный замок со вставленным кремневым вкладышем. Он относится к одному из распространенных в XVIII в. типу мушкетов.

Ключевые слова: Нижний Дон, Старочеркасская крепость, арсенал, ружейный замок, пожар 12 августа 1744 г.

В настоящей работе впервые публикуется уникальный памятник материальной культуры XVIII в., который открывает маленькое окно в большой мир истории Старочеркасской крепости.

Историческая ситуация. Знаковым событием в истории Старочеркаска был катастрофический пожар, который произошел летом 1744 г. [1]. Пожар был неизбежным следствием плотной жилой застройки, характерной для военных укреплений того времени. Городские пожары такого класса, приводившие к моментальному выгоранию значительной части жилого фонда, по непредсказуемости, невозможности эффективной борьбы с ними и своим последствиям, фактически являлись стихийными бедствиями. Вероятна связь масштабных городских пожаров Средневековья и Нового времени с особой циркуляцией воздуха, возникающей после появления крупного очага возгорания.

Для обоснования этой, безусловно, случайной трагедии, в казачьей среде возникло и закрепилось объяснение, в завуалированной форме признающее роль провидения, рока, неизбежной судьбы. Как известно, провиденциализм был характерной чертой религиозного сознания людей того времени. Предзнаменование этого события якобы случилось задолго до самой трагедии. «Между тем стали ходить разные толки: в народе говорили, что Дон на три год запустеет. Распространителей схватили и допрашивали из-под плетей, но не могли добиться ясного смысла в этих словах» [2]. Далее историк Донского казачества А. Савельев кратко, но ёмко описывает событийный ряд, связанный с самим пожаром: «Пророческое предсказание, ходившее в народе, о том, что запустеет Дон на три года, отчасти сбылось: едва только окончено было дело о постройке Черкасской крепости, как 12 августа 1744 г. страшный пожар истребил весь Черкасск. В полдень 12-го августа загорелся за протокою дом одной казачки и скоро, при сильном ветре, весь город охватило пламенем. В каких-нибудь два часа сгорел до тла весь город и даже несколько близ лежащих станиц. Сгорела соборная Воскресенская церковь, в которой хранились все богатства войска: жалованная грамота и клейноты, вся богатая ризница и войсковая казна. Медные

пушки растопились от огня. Когда же взорвало пороховой погреб, то «все мы», – доносит наказной атаман Роман Емельянов, – «в такую робость и отчаяние пришли, что оставили свои пожитки и искали спасение кто где мог». Более 300 человек погибло в пожаре, почти все имущество жителей сгорело. ... Наказной же атаман, Емельянов, за слабое распоряжение во время пожара, отдан был под суд» [1, с. 76].

Как видно, кульминацией пожара 1744 г. в Черкасске стал взрыв порохового погреба. С учетом постоянной военной опасности и самого характера крепости, погреб, видимо, был заполнен достаточным количеством припасов. Взрыв погреба вызвал бегство оставшихся жителей крепости. Масштабы последствий подобных подрывов хорошо известны по историческим документам. Взрывы погребов в результате военных действий или неосторожного обращения приводили к полному разрушению конструкций боевых кораблей, разрушению крепостных стен, и т.д. Разрушения, наносимые неконтролируемым взрывом запасов пороха для оборонных укреплений и городов в целом, всегда были значительными, если не катастрофическими. Наиболее важные из них оставили след в исторических источниках и людской памяти.

Так, в период правления Ивана Грозного в 1547 г. в Москве, для предстоящего похода на Казань, были накоплены огромные запасы пороха, однако в этот год сильнейший пожар охватил столицу, за шесть часов выгорели Кремль, большая часть посада, а в огне и от удушья погибли более 2,5 тыс. человек. «Огонь лился рекою, – пишет Карамзин, – и скоро вспыхнул Кремль, Китай-город, Большой посад... Треск огня и вопль людей от времени до времени был заглушаем взрывами пороха, хранившегося в Кремле и других частях города» [3]. Разрушительная сила пороха при целевом подрыве при минировании фортификационных сооружений либо при взрыве порохового погреба крепости также достаточно широко известна. Так при штурме и взятии Казани в 1552 г. Иван Грозный распорядился сделать подкопы и взорвать под стенами крепости пороховые мины. Всего их было произведено четыре: один заряд содержал 11 бочек (примерно 1 тонна) пороха, остальные три почти по 4 тонны пороха каждый. В результате были разрушены потайной ход, ведущий к роднику, деревоземляное укрепление, прикрывавшее крепостные ворота, а последние два взрыва образовали широкие проломы в стенах крепости, что и решило исход осады [5].

Локализация порохового погреба в Черкасской крепости, вероятно, связана с центральной частью поселения. Согласно местной поэтической легенде, на месте погреба после его взрыва образовалось озеро «Красное», известное в исторической топографии крепости после середины XVIII в.

Археологические материалы. В фондах Старочеркасского музея-заповедника хранится уникальный археологический объект, вероятно имеющий отношение к драматическим событиям 1744 г. Этот экспонат представляет собой массивную сильно оплавленную и ошлакованную металлическую плиту размерами 180x126x35 см (рис.1, 1-2; рис. 2, 1). Толщина плиты колеблется от 10 до 35 см. С высокой долей вероятности можно предполагать, что образование плиты связано с катастрофой 12 августа 1744 г. Не вызывает сомнений, что это сплавившиеся в монолитную крицу металлические части сгоревшего в пожаре оружия, в том числе ствольного оружия с запальными кремневыми батареями. На отдельных участках заметны очертания деталей измененных стволов огнестрельного оружия и клинков холодного оружия. От края плиты был отколот практически целый ружейный замок с кремневым вкладышем в курке.

Плита была найдена на поверхности без сопутствующих горелых предметов, т.е. была извлечена из сгоревших остатков одного из строений и очистки площади, и отложена в сторону. Время переноса ошлакованной плиты из горевшего помещения

определить невозможно; скорее всего, это произошло вскоре после пожара в процессе расчистки сгоревших конструкций. Локализация данного арсенала до пожара требует дополнительных исследований. Известно, что, помимо арсенала с пороховым погребом, имелся ещё один склад с оружием – часть наиболее ценного трофейного оружия хранилась в Воскресенской церкви вместе с войсковой казной.

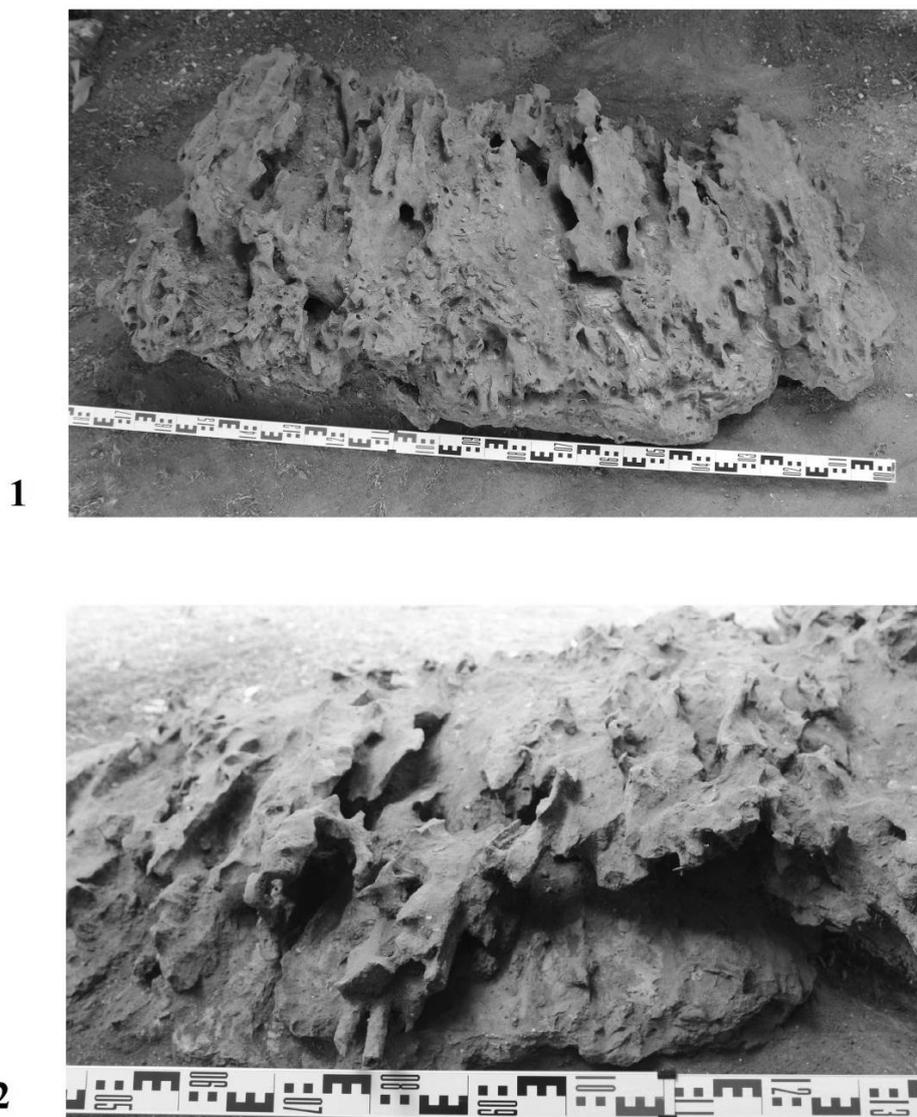

Рис. 1

Сохранившаяся запальная кремневая батарея находилась в спущенном состоянии, с открытой пороховой полкой и отведенной кресальной планкой (рис. 2, 2). Такое положение замка исключало напряжение боевой пружины и непреднамеренное срабатывание ударного механизма. Сама по себе находка означает, что ружье хранилось в арсенале в снаряженном состоянии, со вставленным кремнем, но со спущенным, не взведенным курком, т.е. в наиболее безопасном и щадящем режиме, при полной боевой готовности. Металл ружейного замка прокален до бурого цвета, местами оплавлен. Ружейный кремнь сильно пострадал от огня, частично разрушился,

серого цвета, матовый, растрескавшийся. Характер кремневого сырья визуально не определяется. Отсутствует тыльная часть и частично боковые участки. Толщина вкладыша не изменилась и составляет около 15 мм. Яркой отличительной чертой вкладыша является ударная часть, обработанной в технике бифасиальной оббивки. Ударная кромка совпадает с продольной осью вкладыша, что отражает стандартное положение кремня в курке. По характеру обработки и положению в курке данный вкладыш аналогичен микролиту в ружейном замке из крепости Люттик в дельте Дона [5].

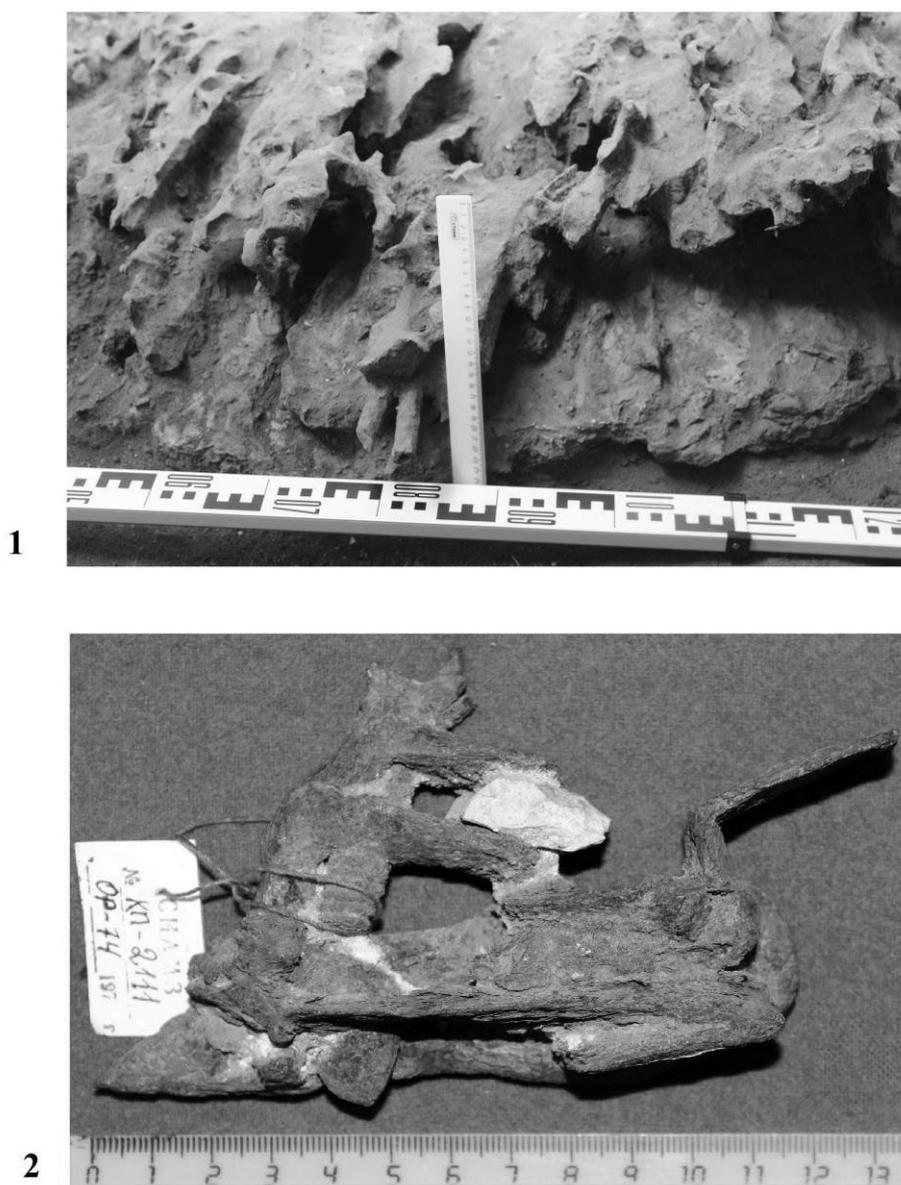

Рис. 2

Лабораторные исследования. Образцы металла и шлака от ошлакованной плиты, с любезного согласия директора Донецкого государственного научно-исследовательского проектного института цветных металлов Ю.П. Вархалева, были

подвергнуты спектральному анализу в лаборатории Института для определения количественных и качественных характеристик. Предварительные результаты исследования таковы: «Представленные образцы металла ... имеют вид: 1) металлическая часть холодного оружия; 2) металла со шлаком. Анализ образца 1 (металл) показывает, что в его основе находится железо. Никаких примесей кроме углерода в образце не обнаружено. Состав металла говорит о том, что этот металл получен из болотного железа (лимонита, бурого железняка). В литературе близкий состав имеют изделия XVII–XVIII вв. из липецких бурых железняков. Материал мягкий 112 НВ. По всей видимости, что данная часть холодного оружия при пожаре была подвержена «отпуску», т.е. была нагрета до температуры близкой 600 °С и медленно остывала на воздухе. Рисунок металла типа «дамасская сталь» на отполированном шлифе не обнаружено. Анализ образца 2 (шлак) показывает, что в его основе находится железо. В примесях имеется кремний, кальций, магний, натрий, алюминий, медь. По структуре и примесям образца видно, что расплавленный металл попал на землю (по всей видимости, на глинобитный пол арсенала), где произошло его окисление с образованием легкоплавких шлаков типа «фаялита» 2FeOSiO_2 (температура начала плавления около 1000 °С)». Судя по объективным данным, ошлакованная металлическая плита образовалась при сплавлении при температуре не менее 1000 °С значительного количества клинкового и огнестрельного оружия с небольшими медными деталями; оружие, вероятно, хранилось компактной массой в закрытом помещении с земляным или глинистым полом.

Заключение. Настоящая публикация вводит в научный оборот уникальный музейный экспонат, хранящийся в фондах Старочеркасского музея-заповедника. Научный и культурный потенциал этого памятника огромен. Дальнейшие детальные исследования объекта методами точных наук, вероятно, позволят установить его строение, характер деструкции арсеналов холодного и огнестрельного оружия Нового времени при катастрофических пожарах, и решить другие вопросы археологии, истории, музееведения и оружиеведения.

Авторы благодарят ректора Донецкого национального технического университета (ДонНТУ) профессора А.Я. Аноприенко, проректора по научно-педагогической работе ДонНТУ профессора А.Б. Бирюкова, директора Донецкого государственного научно-исследовательского проектного института цветных металлов, академика Международной Академии Наук Экология и Безопасность жизнедеятельности при ООН (СПб, РФ) Ю.П. Вархалева и профессора А.В. Колесника (Донецкий национальный университет) за консультации и практическую помощь, оказанную при подготовке работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савельев А. Трехсотлетие Войска Донского 1570-1870 гг. Очерки из истории донских казаков / А. Савельев. – Санкт-Петербург: Издание Донского Войскового Статистического Комитета, 1870. – С.75-76
2. Левитский Г.Л. Старочеркасск и его достопримечательности. Изд. 3-е, испр. и доп. / Г.Л. Левитский.– Старочеркасск: Частная Донская типография, 1906. – С.23.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. Том VIII / Н.М. Карамзин. – СПб: Тип. Е. Евдокимова, 1892. – С.122.
4. Варенышев Б. Солдату о подрывном деле / Б. Варенышев. – М.: Военное Издательство Министерства Обороны СССР, 1956. – С.10.
5. Колесник А.В. Ружейные и кресальные кремни из крепости Лютик (XVII–XVIII вв.) на Нижнем Дону / А.В.Колесник, И.Р. Гусач // Поволжская археология. – 2018. – № 4 (26). – С. 98-116.

Поступила в редакцию 20.09.2019 г.

**CASUAL HISTORY OF STAROCHERKASSK FORTRESS: DESTRUCTION OF ARSENAL
ON 12-th OF AUGUST 1744**

N. V. Lisin, D. L. Tkachenko

For a number of years (1644-1805) Starocherkassk fortress was the administrative center of the Don Army. It housed the administration, treasury, and arsenal. In August of 1744 there was a catastrophic fire, as a result of which the treasury and arsenal were lost, living houses were significantly damaged, and people were killed. Starocherkassk Historical and Architectural Museum... has a unique exhibit in the form of a large slagged metal plate that consists of molten weapons. The only detail with preserved morphological features is a gun lock with inserted flint liner. It belongs to one of the most common type of muskets of the 18th century.

Key words: Lower Don, Starocherkassk fortress, arsenal, gun lock, fire of August 12, 1744.

Лисин Николай Владимирович.
Заведующий отделом архитектуры,
ГБУК РО «Старочеркасский музей-заповедник».
E-mail: nikolaj.lisin.76@mail.ru

Lisin Nikolai Vladimirovich.
Head of Architecture,
Starocherkassk Museum-Reserve.
E-mail: nikolaj.lisin.76@mail.ru

Ткаченко Дмитрий Леонидович.
Заведующий Музеем истории материальной
культуры, ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».
E-mail: parasonic1985@mail.ru

Tkachenko Dmitry Leonidovich.
Director of Museum of History of Material Culture,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: parasonic1985@mail.ru

УДК 94.54(470+571):(73)

ГЕНЕЗИС РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ОТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ ДО ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

© 2019. Л.Ю. Медовкина, Е. С. Сухобоченков

В статье проанализированы геополитические и культурно-исторические основы российско-американского противостояния. Изучено влияние информационных войн на современное российско-американское соперничество. Как показало исследование, между странами существуют непреодолимые цивилизационно-мировоззренческие и геостратегические противоречия, которые обуславливают постоянную напряженность в отношениях между ними. Информационные войны сегодня являются основным средством ведения противоборства между РФ и США.

Ключевые слова: РФ, США, информационная война, геополитика, цивилизации.

Современное противостояние (соперничество) между РФ и США – есть продолжение биполярного конфликта, который начался еще в 1946 г. Тогда две сверхдержавы СССР и США, будучи геополитическими «гигантами» стремились занять доминирующее положение в мире. В историографии это противостояние было названо Холодной войной. Для достижения этой цели СССР и США использовали «классические» методы противоборства, включавшие в себя борьбу за сателлитов, контроль территорий, экономическое доминирование, идеологическую войну. То есть, обе стороны достигали своих долгосрочных геополитических и геостратегических целей за счет методов «жесткой» силы (*hard power*). Со временем, это противостояние начало трансформироваться, постепенно переходя из плоскости *hard power* в *soft power* («мягкую» силу). Здесь основной конкуренции была идеология, во всех ее проявлениях. Другими словами, началось движение в сторону информационной войны. Отметим, что этот переход осуществлялся не равномерно. Если США взяли идеологию и контроль над общественным мнением (фактически информационное воздействие), в качестве основного инструмента своей внешней политики, используя военную силу, как вспомогательный метод, то СССР, в свою очередь, использовал идеологию в качестве вспомогательного инструмента, продолжая опираться на военную мощь и экономическое влияние. Итогом первого этапа биполярного противостояния был распад СССР и временная гегемония США на мировой политической арене.

Новый этап уже российско-американского противостояния начался во второй половине 2000-х гг., в это же время и был обозначен окончательный переход от военных к информационным (гибридным) методам войны.

В настоящее время отношения между РФ и США определяет уже не их военная мощь или экономическое могущество, а то, как в СМИ формируются образы этих стран. За счет манипуляций общественным мнением, Вашингтон оправдывает свою агрессивную внешнюю политику. В частности, поддержку и оказание помощи Украине, военную операцию в Сирии, антироссийские санкции и т. д.

В свою очередь, РФ так же использует информационные методики для контрпропаганды, то есть, Москва стремится пресекать информацию агрессии в свою сторону на мировой арене. Именно такое активное использование различных методик *soft power* и обуславливает актуальность нашего исследования.

Целью работы является проанализировать, как российско-американское противостояние из классического трансформировалось в гибридный конфликт, где главенствующее положение заняли информационные войны.

В рамках исследуемой проблемы были изучены следующие научные работы: И.А. Крылова «Информационные войны и безопасность России» [10], где рассмотрены вопросы о политике РФ в сфере информационной безопасности; Е.В. Мартыненко «Характер информационной войны России и США в Сирии» [11], где дается обзор того, как РФ и Соединенные Штаты ведут информационное противоборство за Сирию, а также, как презентуют данный конфликт в рамках национальных и интернациональных СМИ; Д.Г. Десяев «Политика противостояния в СМИ: Россия и США» [6], здесь автор предоставляет широкий анализ основным процессам, трендам и тенденциям в сфере информационного противостояния между исследуемыми государствами. По вопросу о «Холодной войне» и ее современном переосмыслении была рассмотрена статья А.А. Четверикова «Новый виток «Холодной войны» или «Холодная война версия 2.0» [15], где, в частности, говорится о новой «Холодной войне», о том как она ведется и т. д.

Прежде всего отметим, что в рамках современного конфликта между США и РФ, основным «полем битвы» можно считать глобальную информационную среду. Здесь идет противоборство за право контролировать сознание людей, через СМИ. Победа одной из сторон в войне информационной, обеспечит победу во всем российско-американском противостоянии. Однако, прежде чем перейти к детальному описанию информационной войны между РФ и США, необходимо проанализировать истоки данного конфликта, с точки зрения истории и геополитики [8]. Здесь следует отметить, что российско-американское соперничество своими корнями уходит во времена «Холодной войны», которая стала первым глобальным (невоенным) конфликтом между двумя сверхдержавами. Именно во времена холодной войны произошел переход от hard к soft power. Во многом, толчком к этому послужил Карибский кризис 1962 г., продемонстрировавший бесперспективность геополитической борьбы между странами с применением ядерного оружия [13]. С этого момента, в США начинают разрабатываться стратегии невоенного противостояния с СССР. Окончательно они сформировались к концу 1970-х гг., и представляли собой нечто вроде мировой сети, включающей в себя различные информационные ресурсы, организации и группы, которые должны были вести подрывную деятельность на территории стран Организации Варшавского договора [13]. Например, одним из структурных подразделений данной сети была радиостанция «Голос Америки», контент которой был рассчитан на то, чтобы негативно воздействовать на советских граждан, развивая у них недоверие к своему правительству и стране. В тоже время, транслировалась идея о «идеальной американской жизни», американской мечте, достижимой для всего мира и т. д. Так же существовало и радио «Свобода» первый эфир которой, состоялся в 1953 г., в нем критиковалась советская система, описывалась жизнь на Западе и прочее [4].

В этой связи, необходимо признать, что определенный эффект работа подобных масс медиа имела. Прежде всего, к их победам можно причислить серию революций в Восточной Европе 1989 г., приведшей к распаду советского блока и невосполнимым геополитическим потерям для СССР.

В то же время, СССР упор продолжал делаться на военное превосходство, хотя определенные процессы по налаживанию ведения просоветской информационной кампании в западном блоке стран все же просматривались. Например, создавались коммунистические партии и организации, занимавшиеся выпуском газет, листовок и т.п. Но это не имело серьезного эффекта, в первую очередь потому, что в западном блоке прочное информационное лидерство удерживал Вашингтон. Американские и союзные им масс медиа всячески противодействовали попыткам информационных диверсий советских СМИ. Именно поэтому воздействие на западные массы со стороны Москвы было минимальным [13]. Недостаточность концептуального осмысления и

провальное практическое исполнение технологий информационных войн было одной из причин падения (распада) СССР. За этим крахом, последовала перекройка всей системы международных отношений – от биполярности к незавершенной однополярности [3]. Причиной тому был тот факт, что в 1990-х гг. РФ не представляла для США никакой угрозы с геостратегической точки зрения. Разрушенная экономика и фактическое отсутствие устойчивой политической системы делали невозможным для РФ претендовать на внешнеполитический контроль хотя бы зоны ближнего зарубежья. Подтверждением тому служат возникшие в начале десятилетия конфликты на постсоветском пространстве. Кроме того, характерной чертой тогдашней внешней политики РФ была концепция «атлантизма», подразумевавшая не противодействие США в международных делах, в обмен на признание РФ в качестве западной страны и всяческую помощь в ее развитии [3]. Очевидно, что данная концепция была абсолютно тупиковой, но до 1996 г. она была центровой в российской внешней политике. Это способствовало тому, что США беспрепятственно формировали на территории Евразии свою геополитическую систему. Она базировалась на теориях Н. Спайкмена и Х. Маккиндера. Так, британский ученый Х. Маккиндер делил мир на три крупных кластера: хартленд, римленд и мировой остров. Согласно его теоретическим выкладкам хартленд – это центральное геополитическое образование, за контроль над которым ведется постоянная борьба. Как правило, за хартленд борются страны римленда, за контроль над римлендом борются страны мирового острова. На этой перманентной борьбе и строятся международные отношения, которые, по сути своей, есть система по выстраиванию взаимоотношений по линии хартленд-римленд-мировой остров. Позже, теорию Х. Маккиндера дополнил американский ученый Н. Спайкен, который через формулу контроля над хартлендом выстроил модель американского могущества. Он считал, что римленд является ключевым геополитическим центром. Так же в своих работах он стремился доказать, что США – это движущая сила атлантического континента, который воздействует на хартленд и через римленд контролирует его. Соответственно США следует наращивать военно-морское могущество для того, чтобы контролировать океаны, далее Европу (сырьевой придаток США) и, в завершении, хартленд. Исходя из логики Х. Маккиндера и Н. Спайкмена, США стремились получить контроль над хартлендом через контроль над римлендом. Другими словами, контролируя Восточную Европу и постсоветские страны, США стремились контролировать РФ, которая, фактически, и является хартлендом. Однако, в конечном счете, им этого сделать не удалось [3]. Во многом это произошло по причине не устранимого дуализма суши и моря, то есть противоречия цивилизационных основ двух государств. Культурные матрицы РФ и США слишком разные для того, чтобы одна была ассимилирована другой. Поэтому проект США по «мягкому» захвату российской территории, через насаждение российскому населению западных ценностей, – провалился.

И сегодняшний политический конфликт следует расценивать именно, как несовместимость и противоречивость двух различных по своей сути систем мировоззрения. Отсюда и разное понимание положения своих целей на геополитической арене. Если у РФ главная цель – это мирное сосуществование с другими странами, что как нельзя лучше коррелируется с ценностной матрицей цивилизации суши, то у США – это глобальное доминирование. Это объясняется тем, что США, как для цивилизации моря, идеология которой базируется на торговле и бизнесе, жизненно необходимо получать новые рынки, территории. В противном случае, США, как государство, будет просто не жизнеспособно [3]. Именно с этих позиций и необходимо рассматривать сегодняшнее противостояние РФ и США. Его информационное измерение, как уже говорилось выше, является наиболее развитым и эксплуатируемым способом глобального соперничества.

Стоит упомянуть о том, что всего было несколько фаз активных информационных войн между РФ и США, после которых они переходили в латентное состояние. Это южноосетинский конфликт 2008 г., конфликт на Украине, который начался в 2014 г. и сирийский конфликт, в который РФ вступила в 2015 г. Сразу отметим, что указаны периоды времени, когда информационное противоборство переходило в горячую (открытую) стадию [6].

Проведя анализ данных информационных войн можно построить закономерность, которая гласит, что чем развитие технологий информационного противоборства и информационной защиты в РФ, прямо пропорционально связана с уровнем усиления информационной агрессии против нее. Так, если до 2008 г. в РФ были довольно размытые представления о том, что такое информационное поле битвы и как на нем необходимо вести боевые действия, то после южноосетинского конфликта ситуация изменилась. Во время событий августа 2008 г. РФ не смогла противостоять информационному натиску коалиции Грузии с западными странами. Конечно, РФ удалось удержать национальное информационное пространство от серьезного потрясения, но не удалось достичь подобных успехов в мировом информационном поле, где контроль над умами людей захватили западные СМИ. Это позволило им перевернуть ситуацию, связанную с Южной Осетией на 360 градусов. Из агрессора, который из систем РСЗО «Град» обстрелял мирный город Цхинвал, они превратили Грузию в жертву. РФ, напротив, из миротворца превратили в агрессора, который напал на «ни в чем неповинную Грузию» [2]. Однако именно данное поражение подтолкнуло РФ к началу пересмотра подходов к тактике ведения информационных войн. Результаты проведенных исследований легли в новую Доктрину информационной безопасности РФ, которая определила направление информационной политики на годы вперед. Ее главным принципом стала методика «мягкой» информационной войны, то есть не навязчивое разъяснение международному сообществу конкретных политических, военных и других вопросов [7]. В будущем это принесло свои результаты, в первую очередь – обеспечило безопасность информационно-коммуникационной инфраструктуры РФ в 2014 г., когда против нее была начата крупномасштабная информационная кампания.

Так, схожая по своим основным элементам технология информационной войны была применена США и во время активной фазы украинского кризиса. Но здесь РФ была более подготовлена и смогла сдерживать информационный натиск. Во время сирийской кампании положение дел в рамках информационного противостояния изменилось кардинальным образом, и уже РФ задавала тон мировым новостям и успешно боролась с американской информационной агрессией в мировом поле.

Исходя из приведенных примеров, мы видим методику «мягкой» информационной войны РФ, которая реализуется весьма успешно. Все большее количество жителей Европы начинают задаваться вопросом о правдивости обвинений РФ в агрессии против западного мира, в бомбардировках мирных городов в Сирии, в установлении «тоталитарного режима» на своей территории и т. п. Здесь можно отметить работу иностранных российских СМИ, таких как Russia Today и Sputnik, которым удалось переломить мировоззрение определенной части иностранной аудитории в отношении РФ. Именно в этом и кроется одна из причин, по которой Президент Франции Э. Макрон начал выступать за возвращение Москвы в большое европейское пространство. Недавнее возвращение РФ в ПАСЕ, заявления Э. Макрона о необходимости участия РФ в европейской дипломатии, продолжающееся строительство «Северного потока – 2», успех в сирийском урегулировании, так же можно считать победой информационной политики и дипломатии РФ [4]. В то же

время нельзя не отметить, что в российско-американском противоборстве появились новые тренды, на основе которых можно предсказать два сценария будущего этого противостояния. Первый сценарий – трансформация противостояния, его переход от информационной к технологической борьбе. Второй сценарий – возвращение к hard power: классическое военно-политическое противостояние времен «холодной войны». Пока в США у власти находится Д. Трамп, наблюдается тренд второго из приведенных сценариев. Подтверждением служит недавнее решение американского президента создать космические войска, что перекликается с доктриной «Звездных войн» и Стратегической оборонной инициативы Р. Рейгана. Тем не менее, как бы не развивалось и не изменялось противостояние между Москвой и Вашингтоном, можно определенно заявить, что оно никогда не прекратится, это мегатренд [9], который идет уже более 70 лет и будет продолжать свое существование.

Анализируя изложенное, следует отметить, что американо-российское противостояние – это сложный процесс, основанный на коренных и непреодолимых различиях систем мировоззрения двух стран, культурных кодов и матриц их обществ, основных социальных устоях и процессах взаимодействия (коммуницирования) между социумом и государством. Геополитическое выражение этого процесса заключается в непреодолимой дихотомии «суши» и «морья», а так же борьбе между хартлендом и римлендом, соответственно между РФ и США.

Однако если ранее, в эпоху «Холодной войны» противоборство осуществлялось по военной и политической линиям, то современным выражением российско-американского глобального соперничества являются информационные войны, выступающие основным средством и способом достижения геополитических и внешнеполитических целей. Однако некоторые тренды демонстрируют, что возможен переход к другому, более новому типу конкуренции, выраженной в технологическом соперничестве (гонке) между двумя государствами. Именно этот тренд будет иметь место уже через 10–15 лет. Новое измерение российско-американского конфликта может отодвинуть на второй план и гонку вооружений, и политическое противостояние. Но это не означает, что оно будет менее агрессивным. Цель остается одна – геополитическое доминирование (если мы говорим о США) и мирное сосуществование (если мы говорим о РФ). США бросят на достижение этой цели все свои силы, ресурсы, возможности и средства, особенно если таковые будут ранее не применявшимися. РФ будет вынуждена отвечать зеркально, что затянет конфликт еще на долгие годы. Это подтверждает тренд о трансформации рассматриваемого противостояния. На практике, оно идет этапами: этап «холодной войны», этап пассивного противодействия, этап информационных войн (современность) и этап технологического противостояния (при условии, что тренд на возвращение к первому этапу не будет развиваться).

Так или иначе, современное информационное противостояние не имеет логического конца, оно не определит победителя. Это скорее «война на истощение», за которой может последовать реальное технологическое соперничество, требующее максимального напряжения ресурсов у обеих стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Мы видим конец западной гегемонии»: почему Макрон призвал пересмотреть отношения с Россией // Russia Today, URL: <https://russian.rt.com/world/article/662664-makron-rossiya-franciya> (дата обращения: 14.09.2019).
2. 2008 Georgia Russia Conflict Fast Facts // CNN, URL: <https://edition.cnn.com/2014/03/13/world/europe/2008-georgia-russia-conflict> (дата обращения: 15.09.2019).

3. Богатуров, А.Д. Международные отношения и внешняя политика России / А.Д. Богатуров. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 480 с.
4. Вражеские голоса: как в СССР боролись с иностранными СМИ // РБК, URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/11/2017/5a0ec5469a79471f313552b6> (дата обращения: 13.09.2019).
5. Гаджиев К. С. «Гибридные войны» в современном мире // Власть. – № 10. – 2016. – С. 218-223.
6. Десяев Д. Г. Политика противостояния в СМИ: Россия и США // Огарёв-Online. – № 72. – С. 1-4.
7. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета, URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 13.09.2019).
8. Иванов С. А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Киберленинка, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-suschnost-i-osnovnye-formy-proyavleniya> (дата обращения: 14.09.2019).
9. Ирак спустя 15 лет после вторжения США // ТАСС, URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-rapogama/5046299> (дата обращения: 15.09.2019).
10. Крылова И. А. Информационные войны и безопасность России // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2016. – С. 116-121.
11. Мартыненко Е. В. «Характер информационной войны России и США в Сирии» // Киберленинка, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakter-informatsionnoy-voyny-mezhdu-rossiey-i-ssha-v-sirii> (дата обращения: 04.10.2019).
12. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке : учебник. – 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 448 с.
13. Польшин М.Ф. Холодная война, как способ борьбы США против СССР // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana), 2008. – С. 38-77.
14. Соловьев А. В. Информационная война: понятие, содержание, перспектива // Киберленинка, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-ponyatie-soderzhanie-prospektiva> (дата обращения: 15.09.2019).
15. Четверикова А. А. Новый виток «Холодной войны» или «Холодная война версия 2.0» // Ахонт. – № 5. – 2018. – С. 85-89

Поступила в редакцию 17.10.2019 г.

THE GENESIS OF THE RUSSIAN-AMERICAN CONFRONTATION IN INTERNATIONAL RELATIONS: FROM THE COLD WAR TO THE INFORMATION WARS

L. Y. Medovkina, E. S. Suhobochenkov

In the current article were analyzed the geopolitical, cultural and historical basis of Russian-American confrontation. Also there was discussed the role of information wars at the present stage of confrontation between RF and the USA. The study showed that there existing insurmountable civilizational-ideological and geostrategic contradictions between the countries, that determine a permanent tension in relations between them. Nowadays, the information war is the main method and means of confrontation between RF and the USA.

Key words: RF, USA, information war, geopolitics, civilizations.

Медовкина Лина Юрьевна

Кандидат исторических наук, доцент.
Кафедра международных отношений и внешней политики, исторический факультет, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: MedovkinaL@gmail.com

Medovkina Lina Yurievna

Candidate of historical sciences, associate Professor.
Department of international relations and foreign policy, faculty of history, SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: MedovkinaL@gmail.com

Сухобоченков Евгений Сергеевич

Студент-магистрант.
Факультет международных отношений, Институт бизнеса и делового администрирования Российской Академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации.
E-mail: evgenyj-ser@yandex.ru

Suhobochenkov Evgeniy Sergeevich.

Student of magistracy.
Faculty of international relations, Institute of business studies of the Russian presidential Academy of national economy and public administration.
E-mail: evgenyj-ser@yandex.ru

УДК [37.048.4: 378] (477.6) “195-196” (045)

ПРОФИОРИЕНТАЦИОННАЯ РАБОТА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.

© 2019. М.А. Полякова

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье описаны основные направления и виды профориентационной работы педагогических высших учебных заведений Донецкого региона в 1950–1960 гг., обусловлено значение профориентационной работы в контексте потребностей государства – подготовка высококвалифицированных специалистов, а также установлена взаимосвязь, существующая между государственным заказом высококвалифицированных специалистов и видами профориентационной работы.

Ключевые слова: профориентационная работа, подготовительные курсы, педагогический институт, абитуриенты, рабочая молодежь.

Политическая и экономическая история Советского государства в конце 1950-х – начале 1960-х гг. связана с научно-техническим прогрессом. В развивающемся государстве возрастал спрос на высококвалифицированных специалистов. Базой получения качественного специального образования стали школа и работа комплектовщиков ее учителей. Следовательно, подготовка учительских кадров педагогическими институтами была необходима для дальнейшего успешного развития государства. Важной частью работы педагогических учебных заведений была и продолжает оставаться профориентационная работа.

Целью статьи является рассмотрение профориентационной работы педагогических институтов Донецкого региона, а также определение ее роли в процессе подготовки высококвалифицированных специалистов.

Педагогическое образование и его основные аспекты являлись объектом исследования в трудах многих историков (Э. И. Монозона [1], Н. П. Кузина [2] и др.), однако профориентационная работа в педагогических учебных заведениях Донбасса не была отражена ни в одном из них.

Профориентационная работа педагогических институтов велась по нескольким основным направлениям: обеспечение работы подготовительных курсов для абитуриентов при учебных заведениях; распространение информации о начале и условиях вступительной кампании посредством прессы и радиовещания; поддержание обратной связи с потенциальными абитуриентами; организация встреч и переписок с выпускниками; организация досуга населения.

Важной частью профориентационной и методической работы высших учебных заведений являлись подготовительные курсы. Так во втором протоколе заседания Совета Славянского педагогического института от 28.03.1958 г. зафиксирован отчет ответственного за курсовую работу П.К. Мельникова, который указал, что работа курсов проводилась в соответствии с программами вступительных экзаменов вузов и не выходила за пределы общеобразовательных программ. Также, им было отмечено, что для работы на курсах были отобраны школьные учителя, рекомендованные ГорОНО, что свидетельствует, в том числе о налаживании связи института со школой и подтверждает сбалансированность подготовительных программ [3]. Также существовали отдельные подготовительные курсы для демобилизованных офицеров,

что закреплено в Приказе Министерства образования УССР №178 от 11.10.1960 г. «Об итогах набора студентов в педагогические институты»: «Приказываю организовать бесплатные десятимесячные курсы для офицеров, демобилизованных согласно закону о сокращении вооруженных сил» [4].

В протоколах заседания Совета Славянского педагогического института за 1959 г. были перечислены меры, предпринимаемые для организации набора на подготовительные курсы. Среди них поддержание связи с предприятиями на предмет выявления молодежи – потенциальных абитуриентов; установление связи с ГорОНО и городскими комитетами ВЛКСМ по вопросу организации консультаций на месте для рекомендации предприятиями и колхозами кандидатов – абитуриентов; выделение преподавателей для организации разъяснительной профориентационной работы на предприятиях и колхозах. То есть, государственная политика в сфере образования была направлена на удовлетворение потребности государства в высококвалифицированных специалистах, а именно привлечении работающей молодежи, владеющей средним специальным образованием к обучению в высших учебных заведениях и получению высшего специального образования [5]. Профориентационная деятельность института также способствовала выполнению главной задачи, выдвинутой правительством перед педагогическими учебными заведениями – обеспечение связи школы с жизнью, так как имеющий опыт работы абитуриент содействовал налаживанию данной связи. С целью обеспечения полного набора студентов для обучения в Славянском педагогическом институте, Совет института принял решение о начале работы подготовительных курсов с первого, а не второго семестра учебного года, как было ранее [6].

При Сталинском педагогическом институте, в соответствии с приказом Министерства высшего образования УССР (организация 6–8 месячных подготовительных курсов), также были открыты подготовительные курсы [7].

Работа с архивными материалами – «Приказы и директивы Министерства высшего и среднего специального образования УССР», позволила установить, что к прослушиванию подготовительных курсов допускались «все граждане, работающие в разных отраслях народного хозяйства и культуры, с предоставлением положительной характеристики с места работы, подписанной администрацией» [8]. До 1958 г. к слушателям предъявлялось требование наличия двухлетнего стажа практической работы. То есть, потребность в высококвалифицированных специалистах привела к смягчению требований к слушателям и потенциальным абитуриентам, при этом Министерство сохранило главный принцип советского образования конца 1950-х гг. – обеспечение связи школы (образования) с жизнью.

К 1963 г. сеть подготовительных курсов охватила все республики СССР, их эффективность была отмечена в статье заместителя начальника Учебно-методического управления по вузам министерства высшего и среднего специального образования СССР в журнале «Вестник высшей школы», однако автор указывал также на недостаточное количество подготовительных курсов в сельской местности [9].

Значительное внимание уделялось распространению информации о вступительной кампании в средствах массовой информации. Так, администрация Славянского педагогического института в 1961 г. поместила статью в газете «Радянська Донеччина», в которой популяризировался сам институт и обучение в нем [10]. Также, в типографии были заказаны письма-ответы, содержащие информацию о наборе и условиях приема в институт [11]. Подобные письма и информационный материал получали отделы народного образования на местах, но в отчете заочного отдела Славянского педагогического института было отмечено, что РайОНО и ГорОНО не

проводили должной работы по привлечению учителей к обучению на заочных отделах высших педагогических учебных заведений, не смотря на потребность государства в высококвалифицированных кадрах. [12].

В 1963 г. администрация Славянского педагогического института поместила объявления о наборе студентов, для обучения в новом учебном году в городских и областных газетах, а также в радио-эфирах [13].

В 1955 г. издательством «Советская наука» был выпущен справочник для абитуриентов, с указанием учебных заведений, фактов и специальностей, которые они готовили. Директивы Министерства высшего образования содержали рекомендации для ректоров высших учебных заведений, об ограничении публикации информационных проспектов, в связи с изданием правил приема в вузы [14]. Подобные профориентационные меры, привлекающие средства массовой информации, были направлены на популяризацию высшей школы и высшего образования.

Поддержание обратной связи с потенциальными абитуриентами было одним из наиболее действенных методов профориентационной работы, он активно применялся Славянским педагогическим институтом. Так, в протоколах заседания Совета Славянского педагогического института зафиксировано, что в ходе практики студентами была проведена значительная работа (собрание и подготовка отрядов, руководство массовыми кружками), способствующая развитию как методической, так и профориентационной работы [15]. В Ворошиловградском государственном педагогическом институте им. Т. Г. Шевченко практиковалась организация собраний с выпускниками [16]. Данные встречи были полезны как для выпускников, знакомившихся с достижениями науки, так и для учебного заведения – корректировка учебного процесса в соответствии с потребностями средней школы, а также расширение профориентационной пропаганды. Данный факт также демонстрирует одну из тенденций советской высшей школы – осуществление опеки и шефства над выпускниками, а также оказание помощи в их «ранней» педагогической деятельности. Важную роль в деле привлечения потенциальных абитуриентов сыграла организация практики в сельской школе [17].

В рамках плана по подготовке к набору студентов в 1960–1961 учебном году, разработанного коллективом Славянского педагогического института, администрация и преподаватели института вели переписку с будущими студентами [18]. Подобная практика продолжалась до начала 1964 г., что зафиксировано в отчете о работе заочного отдела Славянского педагогического института за 1962–1963 учебный год [19].

Масштабы профориентационной работы охватывали всю республику (УССР), директивы Министерства просвещения УССР постановили: с целью увеличения контингента молодежи из местного населения западных областей УССР, часть педагогических институтов должна была провести работу по набору студентов и в западных областях Украины [20]. Данные меры также были направлены на объединение республики и интеграцию населения западно-украинских областей в социокультурную среду Донецкого региона. Преследуя цель расширения профориентационной работы с потенциальными абитуриентами, а также оказания взаимопомощи педагогическим училищам, на время вступительных экзаменов командировались преподаватели высших педагогических учебных заведений, которые возглавляли работу преподавателей училищ по приему вступительных экзаменов [21].

В протоколе заседания Совета Сталинского педагогического института № 12 от 25.11.1958 г. отмечено, что преимущество при поступлении в вузы должно отдаваться

молодежи, имеющей стаж работы [22]. Подобные цели вступительных компаний вузов были закреплены уже приказом Министерства высшего и среднего специального образования УССР от 1959 г.: «Приказываю обязать ректоров в первую очередь принимать работающую молодежь, которая позитивно проявила себя на производстве, для этого: провести разъяснительную работу на производстве; организовать выступление преподавателей и профессоров в прессе и радио; ознакомить желающую молодежь с материально-технической базой вузов» [23]. Данная стратегия имела место и в начале 1960-х гг., согласно правилам приема в вузы на 1962–1963 гг. работающая молодежь, имеющая стаж работы по избранной специальности не менее двух лет, в случае получения положительной отметки на вступительных экзаменах, должна была приниматься вне конкурса [24, ст. 5]. Ввиду данного факта педагогическими институтами регулярно назначались преподаватели, в обязанности которых входил посещение школ и предприятий с целью организации набора на стационарное и заочное отделение [25]. Аналогичным образом была организована работа по привлечению работников предприятий и колхозов к обучению на заочных отделениях педагогических институтов [26]. Организовывались прототипы современных дней открытых дверей – дни консультации для поступающих, проведение которых содействовало поддержанию связи со школами. Этим же целям служили встречи студентов Славянского педагогического института с членами молодежной бригады коммунистического труда завода «Строймаш», сопровождающиеся вечерами вопросов и ответов, лекциями и импровизированными концертами [27]. Уже к 1961–1962 учебном году более 80 % студентов принятых в вузы УССР составляла работающая молодежь [24, ст. 3]. Качественное соотношение очников и студентов, обучающихся без отрыва от производства, составляла 43 % к 57 % в 1961–1962 учебном году [28, ст. 7].

Значительное внимание в рамках профориентационной работы было уделено проведению образовательных и идеологических мероприятий, а также организации досуга населения. Кружки творческой самодеятельности выступали перед работниками подшефных заводов и колхозов, а также принимали участие в торжественных собраниях, вечерах досуга и собраниях избирателей [29].

Деятельность подготовительной «Детской студии» и «Малой Третьяковской галереи», занятия и экскурсии, в которых проводили студенты, повышала статус и популярность Славянского педагогического института, т.о. способствуя повышению эффективности профориентационной работы администрации и преподавателей института.

Стратегия профориентационной работы высших педагогических учебных заведений напрямую зависела от кадровых движений в сфере образования. Так, в середине и второй половине 1950-х гг. сказались демографические последствия Великой Отечественной войны – выпуски учителей из педагогических учебных заведений стали превышать потребность школ, что привело к сокращению набора, наделению правом преимущественного поступления рабочую молодежь и т.д. [30, ст. 100]. Однако, по мнению многих ученых реализация подобных мер сокращения учительских кадров была ошибочна, поскольку уже к концу 1950-х гг. обнаружилась острая нехватка педагогов. Ответом на данное упущение стало постановление ЦК КПСС «О мерах по обеспечению общеобразовательных школ учительскими кадрами» от 1961 г. [30, ст. 123]. Актуальность приобрел вопрос профориентационной работы педагогических учебных заведений, отчеты о профориентационной работе сводились непосредственно Министерством высшего специального образования УССР, затем обобщающий отчет с прикрепленными директивами рассылался непосредственно в учебные заведения.

С целью обеспечения набора на старшие курсы в 1964–1965 учебном году Министерство высшего и среднего специального образования УССР распределило между учебными заведениями области для непосредственного набора студентов [31]. Так, за Донецким педагогическим институтом были закреплены Донецкая, Днепропетровская и Запорожская, а за Луганским педагогическим институтом Луганская и Харьковская области (по специальности «История»). По специальности «Биология» Донецкий и Луганский педагогические институты разделили прием по Луганской, Донецкой и Днепропетровской областям [32]. Данные меры имели как позитивные последствия – равномерное распределение абитуриентов и как следствие обеспечение набора в вузы, так и негативные – ограничение абитуриентов в возможности свободного выбора учебного заведения.

Таким образом, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. высшие педагогические учебные заведения Донецкого региона реализовывали масштабную профориентационную работу по нескольким направлениям (поддержание связи с потенциальными абитуриентами, организация досуга населения, привлечение средств массовой информации), которая также выполняла задачи, поставленные государством. А именно, подготовка высококвалифицированных специалистов, посредством обучения учительских кадров, способных выстроить педагогический процесс, соответствующий принципу – связь школы с жизнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моносзон Э. И. Становление и развитие советской педагогики / Э. И. Моносзон. – М.: «Просвещение», 1987. – 224 с.
2. Кузин Н. П. Очерки истории педагогической науки в СССР (1917–1980) / Н. П. Кузин, М. Н. Колмакова – М.: «Педагогика», 1986. – 288 с.
3. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1957-1958 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 46. Л. 61-62.
4. Приказы Министерства просвещения УССР // Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 384. Л. 112.
5. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1959-1960 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 78. Л. 14.
6. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1960-1961 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.
7. Приказы и директивы Министерства высшего образования УССР // Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 328. Л. 6.
8. Приказы и директивы Министерства высшего и среднего специального образования СССР // Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 346. Л. 55.
9. Немцов В. Ф. Вузам – новое, хорошее пополнение // Вестник высшей школы. – Москва, 1963. – №4. С. 15.
10. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1960-1961 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 98. Л. 68.
11. Отчет о работе заочного отдела Славянского педагогического института за 1960-1961 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 101. Л. 4.
12. Отчет о работе заочного отдела Славянского педагогического института за 1960-1961 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 101. Л. 5.
13. Отчет о работе заочного отдела Славянского педагогического института за 1962-1963 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 132. Л. 7.
14. Приказы и директивы Министерства высшего образования // Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 281. Л. 10.
15. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1958-1959 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 61. Л. 30.
16. Отчет о работе института за 1954–1955 уч.г. // Гос. Архив ЛНР. Р-416. Оп. 2. Д. 126. Л. 35.
17. Отчет о работе Славянского педагогического института за 1958-1959 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 59. Л. 13.

18. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1959-1960 уч.г. // Р-3313. Оп. 1. Д. 78. Л. 43.
19. Отчет о работе заочного отдела Славянского педагогического института за 1962-1963 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 132. Л. 3.
20. Директивы Министерства просвещения УССР// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 233. Л. 249.
21. Отчет о работе заочного отдела Славянского педагогического института за 1963-1964 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 149. Л. 5.
22. Протоколы заседаний совета института за 1958 – 1959 уч.г.// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 357. Л. 20.
23. Приказы и директивы министерства высшего и среднего специального образования УССР// Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 366. Л. 39.
24. Организовано провести новый прием в вузы // Вестник высшей школы. – Москва, 1962. – № 4. – С. 3–6.
25. Отчет о работе заочного отдела Славянского педагогического института за 1960-1961 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 101. Л. 4.
26. Протоколы заседаний Совета Славянского педагогического института за 1960-1961 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 98. Л. 64.
27. Отчет о работе Славянского педагогического института за 1958-1959 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 59. Л. 22.
28. Даденков Ю.Н. Перспективы развития высшей школы на Украине // Вестник высшей школы. – Москва, 1962 г. – № 4. – С. 6 – 11.
29. Отчет о работе Славянского педагогического института за 1957-1958 уч.г. // Гос. Архив ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 45. Л. 17.
30. Паначин Ф.Г. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961) / Ф.Г. Паначин, М.Н. Колмакова, З.И. Равкина. – М.: Педагогика, 1988. – 272 с.
31. Приказы и инструктивные указания Министерства высшего и среднего специального образования УССР и Министерства просвещения УССР, касающиеся деятельности института // Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 501. Л. 53.
32. Приказы и инструктивные указания Министерства высшего и среднего специального образования УССР и Министерства просвещения УССР, касающиеся деятельности института // Гос. Архив ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 501. Л. 54.

Поступила в редакцию 28.11.2019 г.

VOCATIONAL ORIENTATION OF PEDAGOGICAL INSTITUTIONS OF DONETSK REGION IN THE LATE 1950s – EARLY 1960s

M.A. Polyakova

The article describes the main directions and types of the vocational orientation of pedagogical higher educational institutions of the Donetsk region in the 1950 – 1960, the importance of vocational orientation in the context of the needs of the state is stipulated, namely, to prepare highly qualified specialists. It is also determined that there is the interrelationship between the state order of highly qualified specialists and vocational orientation.

Key words: vocational orientation, access course, pedagogical Institute, entrants, working youth.

Полякова Мария Андреевна

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», преподаватель кафедры философии и истории.

E-mail: polyakova.mariya.93@mail.ru

Polyakova Mariya Andreyevna

Educational organization of higher professional education «Gorlovsky Institute of Foreign Languages», lecturer of the Department of Philosophy and History.

E-mail: polyakova.mariya.93@mail.ru

УДК 94 : 930.2 (410+73)''1938/1942''

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© 2019. Т.Г. Посредникова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье дана характеристика историографии взаимоотношений Великобритании и Соединенных Штатов Америки, тесное сотрудничество которых накануне и в начале Второй мировой войны до сих пор вызывает интерес со стороны научного сообщества. Проанализированы новые документы и зарубежная литература; приведены работы по теме, появившиеся в последнее время.

Ключевые слова: историография, Великобритания, США, предвоенный кризис, Вторая мировая война, международные отношения.

Актуальность темы англо-американских отношений предопределена той ведущей ролью, которые обе державы играют на мировой арене, важностью их двусторонних отношений для становления антигитлеровской коалиции и результатов Второй мировой войны. В связи с тем, что по данной проблеме усилиями отечественных и зарубежных историков вышло в свет немало трудов, их анализ и классификация обусловили необходимость обобщения историографии вопроса.

Основная цель нашей работы: осветить историографию англо-американских отношений периода кануна и начала Второй мировой войны.

Всю совокупность трудов, в связи с их большим разнообразием, можно разделить по тематике и идейной направленности на несколько групп.

К первой группе можно отнести работы, посвященные непосредственно отношениям Великобритании и США периода кануна и начала Второй мировой войны.

Следует отметить, что в англо-американском дискурсе по истории двусторонних отношений существует несколько направлений, появление которых обязано влиянию смены идейных установок, а также процессу рассекречивания документов (к примеру, до сих пор откладывается открытие британских документов, обещанное ещё к 50-летию Победы). При этом актуальные вопросы и аспекты проблемы пересматриваются с каждым новым поколением историков.

Так, в 1950-х годах сложилось направление, названное позднее «традиционалистским», которое рассматривало историю отношений обеих держав через призму концепции, созданной У. Черчиллем в его мемуарах «Вторая мировая война»: взаимоотношения Англии и США отличались «постоянным и твердым развитием от недоверия к сердечности» [21].

В 1960–1970-х годах оформилось ещё одно, «ревизионистское» направление, представители которого более взвешенно подошли к оценке англо-американских отношений. Историки полагали, что «особые отношения» (определение, данное У. Черчиллем), если они вообще когда-либо существовали между Англией и США, имели точкой отсчета Вторую мировую войну.

В последние десятилетия возникло новое, «постревизионистское» направление, представители которого пытаются заново переосмыслить вопросы, касающиеся англо-американских отношений в межвоенный период, места данного периода для всей истории взаимоотношений обеих держав, роли США и Великобритании в политике

«умиротворения» и в предвоенных международных отношениях, проблемы их военного сотрудничества и прочее.

Здесь следует выделить книгу крупнейшего британского специалиста, профессора Кембриджского университета Д. Рейнолдса «The Creation of the Anglo-American Alliance 1937–1941: A Study in Competitive Cooperation», повествующую о создании англо-американского союза [31]. Начиная с первых контактов между английскими и американскими военными, начатыми в 1937 году, автор прослеживает нарастание контактов, линию агрегирования интересов и понимания необходимости союза, заканчивая исследование вступлением в войну США.

В монографии профессора международной политики Лондонского университета И. Пармара «Special Interests, the State and the Anglo-American Alliance, 1939–1945» представлен анализ отношений между группами влияния и органами власти, описаны направления реализации интересов, определены границы возможного в политическом дискурсе Великобритании 1930-х годов [30]. Книга интересна тем, что в англо-американской литературе исследование властных групп проводится не часто.

Британский эксперт в области международной политики, стратегии и контроля над вооружениями профессор Дж. Бэйлис уделил внимание 1938–1940 годам, когда политическим руководством обеих стран были предприняты первые шаги к сближению. Автор обратил внимание на осторожность, с которой Ф.Д. Рузвельт подошёл к военному сотрудничеству с англичанами при передаче им вооружений [27].

Следует заметить, что советская историография также немало сделала в исследовании проблемы становления англо-американского сотрудничества. Среди советских историков в 1960-х годах наибольший вклад в разработку вопроса внесла доктор исторических наук Л.В. Поздеева, в трудах которой был раскрыт процесс ослабления Британской империи и усиления американского империализма, обозначены этапы формирования союзнических отношений на стадиях развития предвоенного кризиса и военного противоборства с фашистским блоком, исследованы противоречия между двумя державами [15; 16].

Проблему становления коалиционного взаимодействия разрабатывал видный советский дипломат и историк В.Л. Израэлян, который сместил акцент с межгосударственных противоречий на несовпадение позиций по ряду стратегических моментов У. Черчилля и Ф.Д. Рузвельта [6]. Доктор исторических наук В.Н. Земцов, в свою очередь, поставил вопрос о необходимости уделить большее внимание социально-экономическим и политическим процессам, протекавшим в 1930-х годах в Англии и США, которые оказали влияние на формирование их внешнеполитических курсов [4]. В 1988 году вышло исследование И.С. Лютова и А.М. Носкова о взаимодействии западных союзников на опыте двух мировых войн [9].

Наряду с «особыми отношениями» формировавшихся в рамках антигитлеровской коалиции, историков привлекали отдельно внешняя политика Великобритании и отдельно – США, корпус трудов которых составил *вторую группу*.

Одной из наиболее популярных тем в англо-американской историографии стала тема политики «умиротворения», проводимой кабинетом Н. Чемберлена. С подачи У. Черчилля «умиротворение» еще в годы войны стало принято оценивать как трусливую капитуляцию западных демократий перед Германией. Под влиянием данной идеологической установки по политике «умиротворения» вышла масса «традиционной» литературы, а в 1980–1990-е годы появилась серия трудов историков-«ревизионистов» [28].

Американцы, солидарные в общих оценках со своими английскими коллегами, сводят проблему предвоенной политики Англии и попущения агрессии к стечению обстоятельств, несогласованности и недальновидности западных политиков. Например, Р. Паркер доказывал, что политика Н. Чемберлена была «высокомерной, а не слабой или робкой» [29]. В. Рок предположил, что Рузвельт ранее Чемберлена оценил угрозу нацизма, который упустил возможность заручиться союзниками [32]. Взвешенную оценку «умиротворения», мотивов и целей Н. Чемберлена, Э. Галифакса, У. Черчилля и А. Идена попытался дать Р. Дж. Адамс [26].

Интересное переосмысление цели и мотивов Ф.Д. Рузвельта, его внешней политики и характера англо-американских отношений, новое прочтение миссии госсекретаря С. Уэллеса дал преподаватель кафедры оборонных исследований лондонского Королевского колледжа С. Дж. Рофе в книге «Franklin Roosevelt's Foreign Policy and the Welles Mission» [33].

В советский период среди мнений историков о британской внешней политике периода кануна войны выделяется взвешенная оценка авторитетного британоведа академика В.Г. Трухановского: «...история английской внешней политики в этот период вдвойне поучительна, в ней причудливым образом сочетались традиционные английские внешнеполитические методы с импровизацией, вызванной действием сил, которые Лондон безуспешно пытался поставить под контроль» [19].

В 1960-х годах формированию британской политики «умиротворения» посвятил работу крупный специалист по истории Великобритании А.М. Некрич [14].

В монографии советского дипломата А.Д. Чикваидзе [22], написанной на основе рассекреченных в 1969 году британских документов, содержится разбор стратегии и действий английского кабинета накануне Второй мировой войны.

Внешняя политика и дипломатия Соединенных Штатов рассматривалась в работах советских историков-американистов В.С. Коваля [8] и Н.Н. Яковлева [25]. В 1990-е годы вышла работа ведущего научного сотрудника Центра истории международных отношений ИВИ РАН Д.Г. Наджафова [13], посвященная внутривнутриполитической борьбе, развернувшейся вокруг отмены закона о нейтралитете в США, а также монография Н.И. Егоровой об американском изоляционизме [3].

Три десятилетия назад западные историки, занимавшиеся проблемами британской и американской политики периода кануна и начала Второй мировой войны, пытались согласовать свою позицию с российскими коллегами. Советская историческая наука за излишнюю политизацию подверглась критике, однако, оказалось, что и для англо-американской историографии двусторонних отношений Англии и США также характерен ряд политизированных моментов. На Мадридском конгрессе в 1990 году учёные из Великобритании, СССР и США представили сборник, авторы которого выражали разные точки зрения на проблемы международных договоров и антигитлеровской коалиции [11]. А в 1994 году в США вышел новый сборник «Allies at war», изданный на следующий год в России, в котором американские, британские и российские учёные на основе документов из Национального архива США, Государственного архива Великобритании, АВП РФ и РГАСПИ осветили англо-американские отношения, стратегию, структуру, принципы и сотрудничество в руководстве альянсом, общественное мнение [23].

Однако, в настоящее время участие представителей англо-американских политических и деловых кругов в подстрекательстве Гитлера к агрессии, как и тема Мюнхена, на Западе умалчиваются; вина за начало войны перекладывается на Россию. Так, 19 сентября 2019 г. по инициативе польских депутатов европарламент принял

резолюцию, в которой Советско-германский пакт о ненападении 1939 г. был объявлен причиной начала Второй мировой войны. МИД РФ выразил протест, заявив, что данное искажение исторической правды проводится с целью подорвать внешнеполитический имидж России. В декабре Президент России В.В. Путин на встрече с главами государств СНГ привёл цитаты высказываний европейских лидеров 1930-х годов, свидетельствующие о наличии их тайного сговора с Германией. А на встрече с членами Федерального собрания подчеркнул, что Советский Союз в свое время дал правовую оценку пакту Молотова-Риббентропа и отметил, что европейские страны пока не осудили аналогичные договоренности, которые, начиная с 1934 года, были подписаны с Гитлером их собственными правительствами. В связи с этим российские историки вынуждены вновь обратиться к истории кануна Второй мировой войны, что неизбежно порождает новый этап историографии проблемы.

Из современных отечественных работ на тему «умиротворения» следует отметить сборник «Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой» [12], где рассматриваются различные аспекты предвоенного кризиса, дана оценка позиций и роли политиков и дипломатов, принимавших участие в чехословацких событиях. В новейшем сборнике «Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала» российские и зарубежные историки осветили сущность британской политики, воспрепятствовавшей созданию антигитлеровской коалиции в 1939 г. [1].

Третью группу исследований формируют биографии государственных деятелей. В монографии В. Л. Малькова раскрывается роль личности Президента Ф.Д. Рузвельта в определении курса и общих перспектив государственной политики, участие США в антигитлеровской коалиции [10]. Н.Н. Яковлев на обширном фактическом материале раскрыл личные качества Рузвельта, представил анализ внутреннего мира Президента, атмосферу в его окружении [24]. В центре повествования книги А.И. Уткина «Дипломатия Франклина Рузвельта» – президент Франклин Рузвельт, который целенаправленно вел страну с периферии мировой политики в ее эпицентр [20]. В.Г. Трухановский описал политическую и дипломатическую деятельность А. Идена, рассмотрел политическую биографию У. Черчилля в тесной связи с важнейшими событиями, происходившими на мировой арене накануне и в начале Второй мировой войны [17; 18].

К четвертой группе следует отнести публикации, обращенные к широкому кругу вопросов: продвижению США от нейтралитета к войне [2], формированию англо-американской коалиции после падения Франции [7] и пр. Особенно следует отметить труды специалиста по вопросам происхождения Второй мировой войны профессора А.Г. Иванова [5]. Из его многочисленных работ интересна статья о политике кабинета Н. Чемберлена, в которой «умиротворение» рассматривается в зависимости от путей обеспечения безопасности империи, состояния англо-германских отношений и предвоенного кризиса.

Таким образом, для историографии англо-американских отношений периода кануна и начала Второй мировой войны характерны следующие основные темы: политика «умиротворения» кабинета Н. Чемберлена, политика «нейтралитета» США, изоляционизм, формирование «Большого союза». Малоизученными остались вопросы: тайных переговоров США и Великобритании с Германией, англо-американского экономического взаимодействия, совместного производства и торговли и истории совместных разведывательных операций, сравнительный анализ роли в войне Великобритании и США, что является необходимым для преодоления национальных предубеждений о вкладе каждой из сторон во Вторую мировую войну, понимания ее

сути и характера. Вместе с тем, следует отметить, что на пороге 75-летия Победы, кардинальной переоценки истории англо-американских отношений не произошло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала / под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой, 2019. – М: Кучково поле, 2019. – 336 с.
2. Бурова Т. Т. Обсуждение в конгрессе США проблемы нейтралитета (январь – июль 1939 г.) / Т. Т. Бурова // Исторические и историографические вопросы внешней политики империалистических государств : межвузов. сб. / Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева; редкол.: проф. С. С. Григорцевич (отв. ред.) и др. – Томск: Изд-во Томского университета, 1987. – С. 54-70.
3. Егорова Н. И. Изоляционизм и европейская политика США, 1933 – 1941 / Н. И. Егорова. – М: Ин-т всеобщей истории РАН, 1995. – 235 с.
4. Земцов В. Н. Англо-американские отношения накануне второй мировой войны [Электронный ресурс] / В. Н. Земцов // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Екатеринбург: УрГУ, 1989. – Режим доступа : [http : //elag.urfu.ru/bitstream/10995/41787/1/balkan_2003_12.pdf](http://elag.urfu.ru/bitstream/10995/41787/1/balkan_2003_12.pdf) .– Загл. с экрана.
5. Иванов А. Г. Н. Чемберлен, Форин офис и политика умиротворения / А. Г. Иванов // Голос минувшего. – 2009. – № 1–2. – С. 65–78.
6. Исраэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция: Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны. 1941–1945 / В. Л. Исраэлян. – М: Междунар. отношения, 1964. – 607 с.
7. Кадомский И. Формирование англо-американского блока после капитуляции Франции (май-декабрь 1940 г.) / И. Кадомский // Вопросы истории. – 1950. – № 1. – С. 40 - 65.
8. Коваль В. С. США во второй мировой войне: Некоторые проблемы внешней политики 1939–1941 / В. С. Коваль. – Київ : Наук. думка, 1976. – 419 с.
9. Лютов И. С. Коалиционное взаимодействие союзников : по опыту первой и второй мировых войн / И. С. Лютов, А. М. Носков; отв. ред. А. И. Грибков; АН СССР, Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. – М: Наука, 1988. – 243 с.
10. Мальков В. Л. Франклин Рузвельт: проблемы внутренней политики и дипломатии / В. Л. Мальков. – М: Международные отношения, 1988. – 348 с.
11. Международные коалиции и договоры накануне и во время второй мировой войны / АН СССР. Институт научной информации по общественным наукам; отв. ред. А.О. Чубарьян; ред.-сост. С. З. Случ. – М: ИНИОН, 1990. – 193 с.
12. Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой / отв. ред. В. Ю. Крашенинникова. – М: Кучково поле, 2018. – 272 с. – (Реальная политика).
13. Наджафов Д. Г. Нейтралитет США. 1935–1941 / Д. Г. Наджафов. – М: Наука, 1990. – 216 с.
14. Некрич А. М. Внешняя политика Англии (1939–1941) / А. М. Некрич. – М : АН СССР, 1963. – 532 с.
15. Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны (1939–1941 гг.) / Л. В. Поздеева. – М: Наука, 1964. – 455 с.
16. Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны 1941–1945 годов / Л. В. Поздеева. – М: Наука, 1969. – 552 с.
17. Трухановский В. Г. Антони Иден. Страницы английской дипломатии, 30–50-е годы / В.Г. Трухановский. – М: Междунар. отношения, 1976. – 424 с.
18. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль / В. Г. Трухановский. – М: Междунар. отнош., 1982. – 464 с.
19. Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.) / В. Г. Трухановский. – М: Изд-во ИМО, 1962. – 411 с.
20. Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта / А. И. Уткин. – Свердловск: Изд. Урал. ун-та, 1990. – 544 с.
21. Черчилль У. Вторая мировая война / У. Черчилль. В 3 кн. – М: Воениздат, 1991. – Кн. 1. Т. I–II. – 592 с. ; Кн. 2. Т. III–IV. – 671 с.
22. Чикваидзе А. Д. Английский кабинет накануне второй мировой войны / А.Д. Чикваидзе. – Тбилиси, 1976. – 278 с.
23. Чубарьян А. О. Союзники в войне 1941 - 1945 / А. О. Чубарьян, Д. Рейнолдс. – М : Наука, 1995. – 451 с.
24. Яковлев Н. Н. Неизвестный Рузвельт. Нужен новый курс! / Н. Н. Яковлев. – М: Алгоритм, 2012. – 741 с.
25. Яковлев Н. Н. США и Англия во Второй мировой войне / Н. Н. Яковлев. – М: Учпедгиз, 1961. – 271 с.

26. Adams R. J. Q. British Politics and the Foreign Policy in the Age of Appeasement, 1935–1939. Basingtoke : Macmillan, 1993, 204 p.
27. Baylis J. Anglo-American Defence Relations, 1939–1984. 2nd Revised edition. Palgrave Macmillan, 1984, 314 p.
28. Fuchser L. W. Neville Chamberlain and Appeasement. A Study in the Politics of History. – N. Y., L., 1981, 256 p.
29. Parker R. A. S. Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. L., Basingstoke : Macmillan, 1993, 218 p.
30. Parmar I. Special Interests, the State and the Anglo-American Alliance, 1939– 1945. L., N. Y. : Routledge, 1995, 200 p.
31. Reynolds D. The Creation of the Anglo-American Alliance 1937 - 1941: A Study in Competitive Cooperation. London : Europa, 1981, XIII, 397 p.
32. Rock W. R. Chamberlain and Roosevelt. British Foreign Policy and the United States, 1937-1940. Washington: Columbus Univ. Press, 1988, 320 p.
33. Rofe S. J. Franklin Roosevelt's Foreign Policy and the Welles Mission. Palgrave Macmillan, 2007, 270 p. – (The World of the Roosevelt's).

Поступила в редакцию 12.11.2019 г.

TO THE QUESTION OF THE HISTORIOGRAPHY OF ANGLO-AMERICAN RELATIONS ON THE EVE AND AT THE BEGINNING OF THE WORLD WAR SECOND

T. G. Posrednikova

This article describes the historiography of the relations between GB and the USA, the close cooperation of which on the eve and at the beginning of World War II still causes interest from the scientific community. The article analyzed new facts and foreign literature. A list of recent works on the topic is given.

Key words: Great Britain, USA, World War II, historiography, international relations, pre-war crisis.

Посредникова Татьяна Геннадьевна.
ассистент кафедры международных
отношений и внешней политики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: tposrednikova@yandex.ru

Posrednikova Tatyana Gennadievna.
Assistant of the International Relations
and Foreign Policy Department,
SEI HPE "Donetsk National University"
E-mail: tposrednikova@yandex.ru

УДК 94:338.45(447.62)"1914/1918"

РАЗВИТИЕ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ДОНБАССЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СОЗДАНИЕ В ПОСЕЛКЕ МАКЕЕВКА ЗАВОДА ПО ПРОИЗВОДСТВУ КАРБИДА КАЛЬЦИЯ

© 2019. *Н.Н. Разумная*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В данной статье автор рассматривает процесс создания и функционирования на территории Донбасса завода по производству карбида кальция осенью 1916 г. Данный факт имеет особую актуальность, поскольку завод являлся, по сути, единственным поставщиком данной продукции в пределах России. Архивные материалы подтверждают уникальное значение данного предприятия в условиях Первой мировой войны.

Ключевые слова: история Донбасса, Первая мировая война, промышленность, карбид, военное производство.

В настоящее время все больше исследователей посвящает свои публикации вопросам, связанным с развитием экономики России и Донбасса в годы Первой мировой войны. Современные публикации посвящены различным аспектам деятельности промышленных предприятий угольной, металлургической и химической отраслей [1–3], но, к сожалению, нет работ, посвященных созданию и функционированию предприятий, производящих карбид кальция в данный период.

Целью данного исследования является изучение вопросов, связанных с созданием и функционированием завода, производившего карбид кальция в годы Первой мировой войны и определение его роли и значения в развитии российских промышленных предприятий.

В октябре 1916 г. был заключен договор между Анонимным обществом «Русский горный и Металлургический УНИОН» и Акционерным обществом «Перун» об аренде земли. В связи с данным договором общество «Унион» предоставляло в аренду обществу «Перун» 4 участка земли: 1-й площадью 19 602 м²; 2-й – 4 207 м²; 3-й – 8 190 м²; 4-й – 16 800 м². Всего общая площадь арендуемой земли составила 48 799 м², при этом общество «Перун» могло арендовать участок, примыкающий по всей длине к участку 3, т.е. длиной в 234 м и шириной в 50 м. Общество «Перун» должно было выплачивать обществу «Унион» за каждый м² 15 коп. в год, что составляло приблизительно 7 319 рублей 85 коп. в год и за дополнительный участок – 1 755 рублей в год. Арендная плата должна была вноситься заранее сроком за полгода. Участки считались сданными в аренду сроком на 5 лет, со дня фактической подачи обществом «Унион» электрической энергии обществу «Перун», о чем был составлен акт согласно § 7 договора заключенного 22 декабря 1915 г.

Общество «Унион» оставило за собой право проводить через участки электрические и телеграфные линии, разрабатывать недра земли. Все сооружения и заводские постройки, построенные на арендуемой земле, согласно § 12 ранее заключенного договора от 25 декабря 1915 г., должны были быть снесены обществом «Перун» в течение 6 месяцев со дня окончания действия договора. Неубранное в этот срок имущество должно было перейти в собственность общества «Унион» [4]. Все налоги государственные, земские, поземельные и другие, которыми могли в будущем быть обложены названные участки, уплачивались обществом «Перун» [5].

Кроме этого было подписано соглашение между обществом «Русский горный и металлургический Унион» и обществом по производству карбид кальция «Перун». Общество «Горный Унион» обязано было предоставлять обществу «Перун» электрическую энергию мощностью 1 800 кВт. Оговаривался срок начала подачи тока. Был установлен минимальный размер потребления в течение войны и со дня начала поставки – 13 000 000 кВт часов. Даже оговаривалось, что после окончания войны потребление энергии должно было сократиться до – 6 000 000 кВт часов. На время войны была установлена цена за кВт час – 3,5 коп., при любой цене угля. Определена цена за уголь после 1 января 1915 г. Срок договора устанавливался на 5 лет (либо срок договора определялся до окончания войны).

Заводы общества «Перун» были соединены с железной дорогой, принадлежащей обществу «Унион». Общество «Унион» принимало на себя прокладку новых путей за счет общества «Перун», согласно утвержденным сметам.

Общество «Унион» предоставляло обществу «Перун» больницы и школы. Отдельно было расписано, что общество «Унион» должно было предоставлять ежедневно воду для промышленных целей в размере 50 м³. Общество «Перун» в свою очередь не должно было допускать стока из своих заводов воды, содержащей вредные для людей или животных вещества [6]. Питьевая вода поставлялась по 1 коп. за ведро. При этом поставлялось 1 000 пудов извести и орешник – 30 000 пудов в месяц по цене 5 коп. за пуд [7].

О том, что потребители данной продукции надеялись в скором времени получить карбид, говорит следующий документ: 31 августа 1916 года Главное Военно-техническое управление и акционерное общество по производству карбида кальция «Перун» в лице инженера Петра Альбановича Боссе в г. Петрограде заключили контракт. «Перун» обязалось изготовить 25 000 пудов карбида кальция, укупорить в 5-ти пудовые железные барабаны с деревянной обшивкой. Была установлена цена 1 пуда карбида – 6 руб. 70 коп. все поставки оценивались в 167 500 руб.. Цена 1 пуда чистого веса карбида кальция – в 6 руб. 70 коп., определялась в связи с доплатой за грануляцию, упаковку в железные барабаны с деревянной обшивкой, доставку на ближайшую станцию железной дороги за счет изготовителя, погрузку в вагоны, или же в случае поставок завода в г. Петроград, по указанию Главного Военно-технического управления». В счет первой партии шли изготовленные по наряду от 23 июня 1916 г. за № 61700 и принятые 23 июля приемщиком Главного военно-технического управления 1 500 пудов, остальное заказываемое количество карбида кальция подлежало сдаче партиями в следующие сроки: в августе – 1 500 пудов, в сентябре – 2 000 пудов; в октябре 3 000 пудов. С Петроградского или после запуска Макеевского завода в ноябре 1916 г. – 4 000 пуд., в декабре – 4 000 пуд., в январе 1917 г. – 4 000 пуд, в феврале – 5 000 пудов. Техническая приемка, а также испытание заказанного карбида кальция производились на заводах Акционерного общества «Перун», комиссией или лицом, назначенным Управлением.

Во всех случаях выше не предусмотренных поставщикам следовало руководствоваться книгой XVIII Свода Военных Постановлений изданных в 1907 г. и положением о казенных поставках и подрядах утвержденного 24 марта 1916 г. на время военных действий в связи с поставками необходимых предметов для снабжения армии, изготовленных при посредничестве главного Военно-технического управления. К контракту прилагались:

- а) технические условия приемки карбида кальция;
- б) общие условия, утвержденные 24 марта 1916 г. [8].

Завод Акционерного общества «Перун» который был построен в поселке Макеевка Области Войска Донского, состоял из 2-х бетонных корпусов А и В. В корпусе А находились: склад сырого материала, электрическая карбидная печь, склад карбида. В данных помещениях осуществлялось дробление сырого материала; дробление, сортировка и упаковка готового продукта в бидоны; обшивка бидонов деревом. Производство карбида кальция состояло в следующем: сырым материалом для его производства служила известь и антрацит, или кокс, смешанные в соответствующей пропорции и измельченные специально предназначенными для этого дробилками. Эта смесь подавалась в электропечь трехфазного тока, мощностью в 1 500 кВт. Общая форма печи была прямоугольной формы, стены были сложены из огнеупорного кирпича, пол печи был уложен магнезитовым кирпичом. Печь имела 3 выпускных отверстия. Каждое отверстие было снабжено чугунным желобом и чугунной изложницей. Над печью был установлен большой железный колпак с двумя вытяжными железными трубами для удаления газов и пыли, образующийся при нагревании. Электрическую энергию, необходимую для работы печи, электроды получали от трансформатора, в котором подаваемая обществом «Унион» электрическая энергия при напряжении в 3 000 вольт преобразовывалась в энергию при напряжении в 45 вольт. Под влиянием высокой температуры вольтовой дуги известь и кокс или антрацит начинали плавиться, и через определенные промежутки времени расплавленная часть зарядки выпускалась в чугунную изложницу, где масса застывала, превращаясь в твердый карбид кальция. После затвердения эта масса удалялась из изложницы и остывшая размельчалась дробилкой, сортировалась, насыпалась в железные барабаны. Наполненные барабаны взвешивались, закрывались геометрической крышкой, покрывались деревянной обшивкой и отправлялись на склад. Производство печи составляло от 500 до 575 пудов в сутки. Работы по производству карбида кальция нельзя было останавливать, чтобы не испортить печь [9].

Готовый карбид упаковывали в специально изготовленные железные барабаны различной вместимостью от 10 фунтов до 6 пудов. Барабаны делались из кровельного железа обычным способом, и готовые хранились на складе. Специальные крышки, которые после наполнения барабана карбидом запаивались, гарантировали герметическую упаковку карбида. В столярной изготавливали деревянную обшивку барабанов для отправки товара потребителям. Для ремонтных работ на заводе была своя мастерская. Общее количество рабочих завода составляло около 50 человек [10].

На построенном предприятии в поселке Макеевка Области Войска Донского были приняты рабочие из следующих российских губерний: Курской, Воронежской, Орловской, Калужской, Тамбовской, Черниговской, Смоленской, Екатеринославской. В 1918 г. поступили рабочие еще из Нижегородской, Могилевской, Области Войска Донского и из Киевской губернии [11].

О том, что уже весной 1917 г. завод, как и целый ряд других промышленных предприятий на территории Донбасса, испытывал финансовый кризис свидетельствует следующая телеграмма от 4 мая 1917 г.: «Денег совершенно нет, если не будет карбида придется закрыть Екатеринославское отделение общества, а денег нет» [12].

В итоге проведенных совещаний, прошедших 28–29 марта 1917 г. в Харькове, был принят протокол уполномоченных Совета рабочих и Солдатских депутатов Макеевского горного района и представителей от заводских комитетов Совместно с дирекцией заводов. Было определено следующее: с 1 апреля на заводе был установлен 8-часовой рабочий день с сохранением прежней оплаты за 8-10-12 ч. дни.

Был установлен следующий минимум заработной платы: 2,50 руб. в день для рабочих старше 17 лет; 2 руб. для рабочих женщин; 1,50 рубля для рабочих в возрасте

от 15 до 17 лет, 1 руб. для рабочих моложе 15 лет. Если заработок рабочего выходил ниже 2,50 рублей, была сделана скидка на покупку хлеба, муки и мяса (25 коп.). Рабочим было предоставлено квартирное содержание: 15 руб. семейным и женщинам, самостоятельно содержащим семью, в размере 5 рублей всем холостым. Уголь предоставлялся бесплатно всем с заводского склада по норме 30 пудов и 3 пуда дров в месяц кроме периода с (мая по сентябрь). 45 пудов и 3 пуда дров в остальные месяцы. Общество «Перун» с 1-го июня организовывало доставку угля и дров рабочим на дом, за плату по 2 коп. за пуд. Вода предоставлялась рабочим бесплатно, при этом дирекция рудников обещала сделать краны в разных местах [13].

По данным на 3 октября 1917 г. рабочие местных лесопильных заводов объявили забастовку. Поэтому повышалась цена на рабочие руки, и повысилась цена на доски с 7 руб. за дюйм до 8 руб. 50 коп. Готовых досок на складах все равно не было, но завод в течение недели обязался их изготовить [14].

С 14 октября 1917 г. на территории завода было расклеено объявление за подписью директора завода Арно, следующего содержания: с 1 октября за уголь, дрова и воду рабочим должны были выдаваться по 14 рублей 00 коп. в месяц. За продовольственные расходы уплачивалось содержание до 10 руб. 14 коп. в месяц [15].

О том, что завод был остановлен осенью 1917 г. свидетельствует удостоверение выданное конторой южного отделения Акционерного общества Перун в г. Николаеве Херсонской губернии 2 октября 1917 г. на имя инженера акционерного общества А.О.Линдквиста, который вез багажом Макеевскому карбидному заводу электрические провода и установочные материалы весом в 30 пудов. Просили учреждения и лиц, от которых это зависело оказывать ему содействие в срочной доставке груза заводу, так как немедленный пуск карбидного завода был необходим для целей Государственной обороны и задержка с его запуском грозила Николаевским заводам полной остановкой производства предметов вооружения [16].

31 октября 1917 г. заказ с завода не был отправлен, так как не было железнодорожных вагонов [17]. При этом в архивных материалах прослеживается информация о том, что Макеевский завод работал в декабре 1917 г., но из-за отсутствия угля и острого финансового кризиса, пуск завода не предвиделся [18].

По данным на 15 января 1918 г. общество «Перун» имело долг в 100 000 рублей, в связи с отсутствием наличных не было возможности выплатить жалование служащим и рабочим [19].

В связи с данным фактом от Карбидного завода в Контрольно-техническую комиссию при Совете Рабочих и Солдатских Депутатов Макеевского района было составлено и отправлено заявление. В данном документе на нескольких листах обосновывалось значение продукции данного завода для промышленности России. Поскольку к тому времени был закрыт из-за отсутствия нефти Петроградский карбидный завод Акционерного общества «Перун», производивший до 10 тысяч пудов карбида в месяц, и являющийся до сих пор единственным заводом в России. Закрытие этого завода лишало русский рынок карбида, причиняло большой ущерб всей российской промышленности и лишало работы несколько тысяч рабочих, специалистов по ацетиленовой сварке металлов и котельным работам, связанным с этой сваркой. В начале 1918 г. карбид был крайне необходим для всех русских железных дорог, нефтяных промыслов, фабрик и заводов и мог быть изготовлен только вновь оборудованным и вполне готовым к работе карбидным заводом в поселке Макеевке, являющимся к тому времени единственным в России.

Завод этот был вполне оборудован и совершенно готов к работе, снабжен достаточным запасом сырья, но не мог приступить к нормальной работе по причине

задержки в подаче тока для электрических печей, от станции «София», ссылающейся на недостаток угля. Это обстоятельство могло привести к закрытию всех заводов и отделений и расчету рабочих, за невозможностью дальше платить им при условии неполучения карбида с Макеевского завода. С ходатайством о снабжении данного карбидного завода электроэнергией неоднократно обращались в контрольно-техническую комиссию уполномоченные комитетов Бакинского и Николаевского заводов. Представители Екатеринославского, Макеевского и Петроградского заводов, подчеркивали, что если электростанция «София» предоставит для Макеевского карбидного завода ток, необходимый для функционирования печей, в минимальном количестве 800 кВт., что соответствует производительности завода – 500 пуд. карбида в сутки, то это производство карбида обеспечит работой непосредственно 1 160 рабочих, согласно следующему подсчету: во-первых для снабжения энергией карбидного завода требовалось 3 вагона угля в день, что обеспечивало работой не менее 100 горнорабочим; во-вторых, производство карбидного завода обеспечивалось 70 рабочими. В-третьих, было подчеркнуто, что получением карбида из Макеевки удастся избежать расчета рабочих в следующих отделениях общества «Перун»: Екатеринославском – 100 чел., Николаевском – 220 чел., Бакинском – 60 чел., Московском – 70 чел., Петроградском – 540 чел. Таким образом, 1 160 человек получали работу.

В письме подчеркивалось большое общественное значение производства карбида в ходе затянувшейся Первой мировой войны. Поскольку в связи с получением карбида из Макеевки в вышеуказанных отделениях, было возможно существование обширных сварочных цехов в целом ряде крупнейших железнодорожных мастерских и заводов, снабжающихся карбидом из этих отделений. Обращалось внимание контрольно-технической комиссии о важнейшем общественном значении снабжения карбидом железнодорожных мастерских, занятых ремонтом подвижного состава, ремонтных мастерских всех портов Балтийского и Черного моря и всех нефтяных промыслов и нефтеперегонных заводов на Кавказе.

Краткий перечень одних только крупнейших потребителей карбида давал возможность контрольно-технической комиссии убедиться в значении немедленного запуска Макеевского завода. Не только для рабочих местного завода и вышеупомянутых отделениях общества «Перун», но также и для рабочих специалистов по сварке металлов, работающих на всех заводах России, и остающихся без работы. Екатеринослав: Екатерининские железно-дорожные мастерские, железно-дорожные мастерские Южных Северо-Донецкой, Юго-Восточных и других дорог – Брянский завод (150 человек), Шодуар (250 человек), Гантке (70 человек) и много других заводов. Николаев: Севастопольский порт (ремонт военных кораблей) заводы Наваль (300 человек) и РССУД (100 человек). Ремонт пароходов торгового флота Баку: все крупные нефтяные промыслы и нефтеперегонные заводы. Москва: все железнодорожные мастерские Московского узла и все заводы и фабрики механической и обрабатывающей промышленности. Петроград: все заводы от самых крупных, как Путиловский, Обуховский, Ижорский и другие до самых мелких частных мастерских, расположенных часто в подвалах. Макеевка: все металлургические заводы и рудники, потребляющие карбид для разных ремонтных работ, а в особенности ремонта котлов.

В заключении обращалось внимание контрольно-технической комиссии на то, что карбид имел огромное значение также для ремонта и сварки мелких повреждений в машинах, из-за которых часто останавливалось производство, что увеличивало количество безработных. Было указано минимальное количество электроэнергии необходимое для работы электрических печей завода – 800 кВт часов, что

соответствовало производству 300 пудов карбида в сутки. При получении с электрической станции «София» 1 800 кВт часов (что давало не меньше 600 пудов карбида в сутки). Обращалось внимание контрольно-технической комиссии, что монтаж карбидного завода был закончен 10 октября 1917 г. и не могли до сих пор пустить завод в ход, из-за отсутствия энергии. Сначала по причине неисправности котлов, а затем из-за недостатка угля. Стараясь выполнить заказы всех заводов и учреждений, обращающихся за карбидом, оказывали содействие электрической станции «София» доставкой разных материалов, соответствующих тому количеству энергии, которую она была в состоянии производить. Подписали данный документ представитель Петроградского завода Брайдо, член заводского комитета Екатеринославского завода Пузмен, староста Макеевского завода Бондаренко и Директор Макеевского завода Арно [20].

Завод все-таки удалось запустить и он проработал с 3 февраля до 3 мая 1918 года, вырабатывая не более 8 000 пудов карбида в месяц. Для производства которых требовалось: извести – 18 000 пудов; кокса – 15 000 пудов, электрода – 750 пудов; кровельного железа – 750 пудов. Запас главных материалов необходимых для производства по данным на 1 ноября 1918 г. был следующим: извести – 5 000 пуд на 8 дней в случае запуска производства карбида; электрода – на месяц; кокса – 3 500 пудов на 7 дней; кровельного железа 1500 пудов на 2 месяца. В связи с отсутствием вагонов руководство завода обратилось в Правление железных дорог и Германским военным властям. При этом в месяц предприятию требовалось 150 000 пудов угля. На заводе имелось к тому времени 65 пудов карбида. Заказы поступали в пределах полной производительности завода. Руководил предприятием директор А.И.Арно, который имел инженерное образование. Количество служащих оставшихся по данным на 1 ноября 1918 г. было следующим: один инженер, трое мастеров, пять служащих по коммунальной части и конторе, а сторожей, пожарных и прислуги осталось в количестве шести человек, всего 15 человек. Количество квалифицированных рабочих на 1 ноября 1918 г. составляло 5 человек, неквалифицированных – 8 человек

Военно-революционный комитет Макеевского горного района 28 января 1918 г. сообщал Петроградскому заводу общества «Перун», что на заседании контрольной комиссии Макеевского района совместно с представителями Вашего завода т.Бройд и представителями Екатеринославского и Макеевского заводов т.Тузманом и г.Арно, было принято решение подать необходимые 800 киловатт электроэнергии ст. «София» на Макеевский карбидный завод для производства карбида. Подача тока должна быть начата с 3 февраля 1918 г. [21].

Таким образом, на основе документов Государственного архива ДНР, автором установлено, что в 1916 г. на территории Области Войска Донского был создан завод, производивший карбид кальция, было организовано кадровое обеспечение завода в условиях военного времени, в связи с усугубляющимся финансовым кризисом рабочие и служащие завода обеспечивались водой и дополнительными выплатами на питание. Установлен технологический процесс производства карбида на данном предприятии. В начале 1918 г. функционирование завода было остановлено, при этом как свидетельствуют архивные документы, продукция завода имела огромное значение для дальнейшей работы железнодорожных мастерских и других предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борбачева Л.В. Роль химической промышленности Донбасса в обеспечении оборонных нужд страны в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – №3 (66) – 2018. – С. 7-15. – http://donnuhist.ru/zhipmi_vol_66.pdf;

2. Борбачева Л.В., Рощина Л.А. Развитие угольной и металлургической промышленности Донбасса во втор. пол. XIX - нач. XX вв. в цифрах и фактах // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – №3(62). – 2017. – С.176-183. – http://donnuhist.ru/zhipmi_vol_62.pdf;
3. Морачевский А.Г. Военно-химическая промышленность России в годы Первой мировой войны. (1914-1918). (К столетию начала первой мировой войны) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. Исторические науки и археология. – 2014. – №4. – С. 55-61. <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-himicheskaya-promyshlennost-rossii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny-1914-1918-k-100-letiyu-nachala-pervoy-mirovoy-voyny>
4. Государственный архив ДНР. Ф.86, Оп.1, д.3. Л.80.
5. Государственный архив ДНР. Ф.86, Оп.1, Д.3. Л.81.
6. Государственный архив ДНР. Ф.86, Оп.1, Д.3 Л.89.
7. Государственный архив ДНР. Ф.86, Оп.1, Д.3. – Л.83-87.
8. Государственный архив ДНР. Ф.86, Оп.1 Д.2 Л.19.
9. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3 Л.34
10. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3. Л.35.
11. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.1. Книга учета рабочих завода 1916-1921 гг. 25 л.
12. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3. Л.78
13. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3. Л.1, 2.
14. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3. Л.111.
15. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3. Л.18.
16. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3. Л.113
17. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3. Л. 128.
18. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3. Л.124, Л.176.
19. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3. Л.170.
20. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3. Л.169.
21. Государственный архив ДНР. Ф. 86 Оп.1 Д.3. Л. 17

Поступила в редакцию 12.09.2019 г.

DEVELOPMENT OF THE CHEMICAL INDUSTRY IN DONBASS IN FIRST WORLD WAR: CREATION CALCIUM CARBIDE PRODUCTION PLANT IN MAKEYEVKA

N.N. Razumnaya

This article is devoted to study the process of creating and operating a plant for the production of calcium carbide in the Donbass in the fall of 1916. This fact is of particular relevance, since the plant was, in fact, the only supplier of these products within Russia. Archival materials confirm the unique value of this enterprise in the conditions of the First World War.

Key words: history of Donbass, World War I, industry, carbide, military industry.

Разумная Надежда Николаевна.
Кандидат исторических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
доцент кафедры Отечественной и региональной
истории.
E-mail: nnrazumnaya@mail.ru

Razumnaya Nadezhda Nikolaevna.
Candidate of History,
Associate Professor,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: nnrazumnaya@mail.ru

УДК 94(4) 1305/1378

КАРДИНАЛАТ АВИНЬОНСКОГО ПЕРИОДА: СВЯЩЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ В XIV ВЕКЕ

© 2019. В.А. Санжаров

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена кардиналату авиньонского периода в истории западной церкви (1305-1378). Разбираются принципы формирования и основные тенденции комплектования коллегии кардиналов. Их назначение целиком во власти папы. Каждый понтифик подбирает себе советников способных к судебной, административной и дипломатической работе. Личные предпочтения в подборе кадров коррелировались с необходимостью обеспечения эффективного руководства христианским миром: сохранением традиций и проведением административных преобразований. Кардиналам не только предоставляется значительная свобода и самостоятельность в исполнении папской политической воли, но они причастны к выработке политики папства. На примере коллегии кардиналов мы проследили процесс структурирования бюрократического поля церковной власти авиньонского периода.

Ключевые слова: коллегия кардиналов, конклав, курия, консистория, канцелярия, апостольская палата, камерарий, Рота, аудитор, легат.

Кардиналы – служащие высшего ранга при папском дворе [4; 5; 20, с. 341-348; 19; 11, с. 181-276; 9, с. 155-179; 21, с. 179-185]. Изначально их назначение целиком во власти папы, своим возвышением они обязаны исключительно папской милости: не существует периодичности в их назначениях, папа не советуется о новых назначениях ни с коллегией, ни с уже произведенными в кардиналы (разве что индивидуально, втайне, и с теми, с кем он сочтет нужным). Папа подбирает себе доверенных советников способных к судебной, административной и дипломатической работе. Понять критерии отбора, соответствие кандидатов уровню решаемых задач и отследить деятельность отдельных кардиналов – задача, которая все еще в повестке дня изучения кардиналата авиньонского периода.

Целью нашей статьи является изучение состава и принципов формирования священной коллегии на небольшом временном отрезке в 70 лет, так называемого авиньонского периода в истории церкви и папства, влияния оставления Рима и переноса столицы христианского мира за Альпы на назначения кардиналов, основных категорий кардиналов (кардиналов-епископов, кардиналов-священников и кардиналов-диаконов), формирования курии и управленческих институтов (канцелярии, апостольской палаты, пенитенциарии, Роты). Просопографические издания и «общие письма» дают возможность проследить церковные карьеры будущих кардиналов, а секретная и куриальная корреспонденция позволяет оценить их деятельность в новом качестве.

От предшествующего периода священная коллегия унаследовала 19 кардиналов: 15 итальянцев, 2 французов, 1 англичанина и 1 кастильца. Трое умрут до коронации нового папы Клементя V. Из 3 кардиналов папы Бенедикта XI один умер раньше самого понтифика, второй – перед коронацией его преемника, 10 – были произведены в кардиналы папой Бонифацием VIII, четверо – креатуры папы Целестина V (за 4 месяца понтификата он пополнил коллегию кардиналов 13-ю членами). Старейшина коллегии Маттео Россо Орсини был произведен в кардиналы более 40 лет назад – в 1262 г. папой Урбаном IV. Папы авиньонского периода до 1378 г. произвели в кардиналы

134 человека в 23 приема [8, с. 13-22, 35-62; 10, с. 4-24]. Таким образом, речь пойдет о микросообществе в 150–153 члена в зависимости от точки отсчета – смерти последнего понтифика или коронации нового.

Коллегия кардиналов как один из основных институтов католической церкви всегда вызывала исследовательский интерес. Ф. Дюшен уже во второй половине XVII в. издал 2 тома, посвященные французским кардиналам. Но наиболее плодотворно изучение кардиналата началось после открытия секретных архивов Ватикана в конце XIX в. Некоторые промежуточные итоги колоссальной по объему работы подведены в общих трудах по истории церкви «История французских институтов в средние века» том 3 «Церковные институты» под редакцией Ж.-Ф. Лемаринье, Ж. Годме, Г. Молла, в 6-ом томе «Истории христианства от происхождения до наших дней» под редакцией Ж.-М.Майер, Ш. Пиетри, А. Воше; в исследованиях по истории авиньонского периода Г. Молла, Б. Гийомена, Р. Манселли, Ж. Фавье, А. Паравичини-Бальяни, Ж. Ролло-Костер. В 2011 г. Ю. Дендорфер и Р. Лютцельшваб представили последние достижения и постулировали новые подходы в исследовании проблемы в «Истории кардиналата в Средние века». Появляется все больше работ, посвященных внутренней организации коллегии кардиналов (Г. Молла, П.М. Баумгартен, И. Кирш и др.), конклавам вообще (А. Паравичини-Бальяни, Г. Вольф, А. Меллони, М.А. Вишелья, Ф. Баугартнер и др.) и отдельным выборам пап (Э. Петруччи, Г. Форнасари, А.Гилмур-Брайсон, Р. Морген, Г. Молла, Д. Ригли, Н.П. Закур, Б. Бомби и др.), роли кардиналов в папском церемониале и процедуре коронации (М. Дикманс, Б. Шиммельпфенниг), завещаниям кардиналов (А. Паравичини-Бальяни), посольским миссиям кардиналов в качестве легатов и нунциев папы (Б.Р. Битти, Р. Лютцельшваб, А. Виллерсхаузен, П. Жюжи, А. Жам и др.), просопографии кардиналов и их окружения-«фамилье» (Р. Лютцельшваб, А. Жам и др.). Предметом изучения стали биографии и деятельность отдельных кардиналов: Р. Морген, Д. Табакко, Ф. Аллегрецца, Б.Р. Битти (Орсини), Б. Борги, А. Жам (Бертран дю Пуже), А. Клержеак (Гийом де Тет), Л. Каролу-Барре (Жан де Дорман), П. Коллива, Э. Дюпре-Тесиде (Альборноз), Н.П. Закур, Х. Делю (Эли де Талейран), Ф. Фелтен (Арно Нувель), П. Жюжи (Ги де Булонь), Э. Муру (Пьер де Пре), Ж. Верже (Пьер де Монтрюк) и др.

Традиционно в коллегии кардиналов представлены римские династии (7 членов): Орсини, Колонна, Каэтани, соответственно 3, 2 и 2 кардинала. Два представителя этих прославленных семейных кланов занимали архиепископские престолы в неаполитанском королевстве – вассально зависимом от римской курии, третий строил епископскую карьеру вне пределов Апеннин – в Утрехте и Ургеле. Ринальдо и Джакопо Орсини – исполняли функции нотариев папской канцелярии. Таким образом, выбор пал на безопасных людей из известных семей. Б. Гийомен полагает, что папа Иоанн XXII, вводя в коллегию кардиналов по одному представителю каждой из семей, постарался сгладить «обиду и унижение» знатных римских родов, заправлявших в коллегии в конце XIII в. и утративших былые ключевые позиции в ней после переезда в Авиньон. Характер личности и вся административная деятельность Иоанна XXII настаивают на смещении акцента на компетентность кандидатов. И в последующих производствах в кардиналы итальянцев (Гоккио да Римини, Марко да Витербо, Андреа Гини Мальпильи, Симон да Броссано, Пьетро Корсини) профессиональные качества являются определяющими. Дань традиции уступает место соображениям продвижения профессионалов: кардиналами становятся папский дипломат, патриарх Константинополя Гоккио да Римини и генерал ордена миноритов Марко да Витербо, флорентиец на службе короля Франции, епископ Арраса и Турне Андреа Гини

Мальпилли, высокопоставленный папский функционер, референдарий Симон де Броссано из Милана, 2 кардинала из епископов Флоренции – оплота и воплощения политики гвельфов.

Но основные тенденции комплектования коллегии кардиналов характерные для XIII в. (преобладание итальянцев, прежде всего римлян, слабая представленность французов, англичан и пиренейцев и отсутствие представителей империи, чьи отношения со святым престолом продолжали оставаться неровными и беспокойными) кардинально изменятся. Итальянцы с 1316 г. (время исчезновения итальянских кардиналов назначенных до понтификата Клементя V, т.е. до 1305 г.) по 1375 г. представлены в святой коллегии 14 кардиналами, но только при папе Бенедикте XII они смогут объединиться хоть в какую-то группу (3 члена). Для сравнения: в XII в. соотношение между Италией и Францией в коллегии кардиналов составляло 80 % против 12 %, в XIII в. – 65 % против 22 %, а в XIV в. – 10 % против 85 % [18, с. 25, сн. 43].

Противостояние сторонников того или иного из римских семейных кланов сменяется разделением по степени близости к папе. Кардиналы рекрутируются преимущественно из родных мест новых пап. Единственным исключением является понтификат Бенедикта XII, но он был слишком непродолжительным, чтобы переломить господствующую тенденцию. Четыре пятых своих кардиналов (111 из 134) папы авиньонского периода рекрутировали из французского королевства: 95 из них лангедокцы (представители центра и юга Франции). Лангедокцы составляли две трети коллегии кардиналов: одним или несколькими кардиналами были представлены средиземноморский Лангедок и Тулузен, Виваре и Жеводан, Альбижуа и Руэрг, Беарн и Комменж, Овернь и Перигор [12, с. 29-38]. Менее чем за три четверти века Гасконь, Кьерси, Фуа и Лимузен дали церкви 63 кардинала. Кроме них только итальянцы могли объединиться в «национальную» группу.

Папы авиньонского периода произвели в кардиналы 48 клириков из своих родных провинций. После смерти папы позиции его соотечественников в коллегии слабеют: они попадают в коллегию при последующих папах, но не в таких количествах. Клемент V сделал кардиналами 13 гасконцев, а сменивший его на папском престоле Иоанн XXII только одного – Гайяра де ля Мот. В 1350 г. до кардиналата добрался еще один гасконец – Пуатье де Монтестью. Иоанн XXII произвел в кардиналы 8 соотечественников за первые 4 года своего понтификата и только через 36 лет в коллегию войдет еще один кьерсиец, а затем с интервалом в 6-7 лет еще 4. Они так и не создадут собственной фракции – слишком велики временные разрывы между их появлениями в курии.

Лимузенские кардиналы – особый случай: до избрания папой Пьера Роже (Клемент VI) у них было всего три кардинала. За 33 года между 1342 и 1375 г. их ряды пополнили еще 27 соотечественников, только папа Урбан V (не из их числа) – назначил кардиналами всего лишь трех лимузенцев. На четырех конклавах 1352, 1362, 1370 и 1378 гг. им принадлежало более трети голосов, т.е. в их руках была так называемая «золотая акция». Объединенные семейными узами и очевидным общим интересом, они имели возможность маневра при голосовании и умело пользовались этим, проведя в папы Этьена Обер и Пьера Роже де Бофор. В 1362 г. они имели половину голосов на конклаве и были готовы явить миру еще одного лимузенского папу – Юга Роже, но чтобы предупредить возможное недовольство остальной части коллегии кардиналов, пошли на компромиссный вариант и поддержали кандидатуру аббата Гийома Гримоар. Таким образом, центральная Франция предоставила папской курии 62 кардинала и 443 куриалиста, Аквитания – 25 и 133; средиземноморский регион – 9 и 125 [12, с. 37].

Папы окружают себя соотечественниками, «сослуживцами», и не последнее место в их ближнем круге занимают непосредственно родственники. С 1305 по 1378 г. 5 семей (или семьи 5 пап) дали церкви 27 кардиналов. Только один папа авиньонского периода – Бенедикт XII – не произвел в кардиналы никого из своих родственников. Если не принимать во внимание продвижение папой Урбаном V собственного брата Англика Гримоар и трех племянников папы (Одуана и Этьена Обер, Пьера де Монтрюк), произведенных в кардиналы его предшественником – Иннокентием VI, оставшиеся 23 кардинала принадлежат к трем семьям – Го, Дюэз и Роже. Папа Клемент V вводит в коллегию 6 своих родственников (среди них 2 племянника), еще один внучатый племянник назначен его преемником. Из многочисленной кьерсийской родни Дюэз трое или четверо стали кардиналами, в 1350 г. папа Клемент VI вводит в коллегию новых кьерсийцев (Арно де Вийемур, Жан де Караман) взамен умерших. На долю семьи Роже приходится десять кардиналов: папа Клемент VI производит в кардиналы своего брата Юга, трех племянников (Гийом де ля Жюжи, Николя де Бес, Пьер Роже де Бофор – будущий папа) и 2 кузенов (Гийома д'Агрефей и Пьера де Кро); папа Григорий XI пополнил коллегию кардиналов 4 кузенами.

32 кардинала попали в коллегию из высших функционеров папского двора. Только трое были назначены непосредственно с провинциальных управленческих должностей. Лимузенец Эмери де Шателю – более 10 лет был ректором Романьи и архиепископом Равенны (затем еще 10 лет спокойно епископствовал в Шартре) – становится кардиналом при первом наделении папы Клемента VI. Филипп Кабассоль совмещает ректорат Комта Венассен и генеральный викариат епископства Авиньон во время пребывания Урбана V в Италии. Производство в кардиналы в 1375 г. «спасало лицо» Жеро Дюпюи после ряда серьезных неудач при управлении Патримонием. Таким образом, кардиналат – вершина удачной управленческой карьеры при папском дворе, и новый кардинал оставляет свою прежнюю должность. В коллегию кардиналов вошли: три аудитора папских писем, шесть нотариев, один протонотарий, 5 референдариев, один поддиакон, три аудитора Роты, казначей и теологи [11, сн. 269-276].

Порядка 20 кардиналов (15,7 % членов священной коллегии) обязаны своим возвышением значению их положения при королевских дворах, папы поощряют королевских фаворитов. Для Франции это шесть глав королевской канцелярии, восемь служащих короны или советников, духовник короля, судья в сенешальстве [11, сн. 280-283]. Как правило, королевские протеже епископы. До середины XIV в. вновь назначенные кардиналы оставляют свою прежнюю должность, перебираются в Авиньон и уже там «лоббируют» интересы своих светских покровителей. Но во второй половине века ситуация кардинально изменяется. Теперь кардиналат не является достаточным основанием для оставления королевской службы. «Путаница» обязанностей перед церковью и государством была на руку суверенам Франции. Кардиналы, занимавшие важные должности при дворах светских владык, вероятно, не им были обязаны своим церковным возвышением [16, с. 157-180]. Введение в коллегию кардиналов высших служащих короны по воле и желанию монархов (прошения подобного рода не прекращаются от Филиппа IV Красивого до Карла V Мудрого) было призвано обеспечить последним лояльность и учет королевских интересов при рассмотрении дел в папской курии. Андруан де ла Рош успешно воспользовался двойной рекомендацией королей Франции и Англии за участие в заключении мира в Бретиньи; это может утешить его за неудачу в Италии. Успехи королей Франции оттеняют неудачные попытки королей Арагона ввести своих прелатов в коллегию кардиналов. Король Кастилии утверждал, что в коллегии кардиналов должны быть зарезервированы три места для духовенства его государства.

По мнению Б. Гийомена, соображения политической целесообразности, которые могли бы в определенной мере послужить оправданием действий Святого Престола в отношении формирования коллегии кардиналов, иногда подменялись простым желанием услужить могущественным семейным кланам. В отношении Орсини, Колонна или Каэтани это казалось нормальным и как бы само собой разумеющимся; продвижение Жана де Комменж (его брат Бернар VIII дважды получил от папы золотую розу), Эли Талейрана де Перигор, сына графа Перигор и Брунисенды де Фуа, Ги де Булонь – сына графа Булони и Оверни, или Робера де Женев – представителя ветви рода графов Женевы, открывало возможности получения высших церковных должностей для французской знати. К сказанному стоит добавить только одно: представители мощных линий Ги де Булонь и Робер де Женев к моменту получения кардинальского достоинства, к своим 29 годам имели за плечами длительные и престижные церковные карьеры.

Близость к папе, заслуги, рекомендации королей и знатность происхождения перевешивают принцип пропорционального распределения мест в коллегии кардиналов между представителями различных «наций». Вернее сказать, – перевешивали бы. Но «национальные» государства, как и «национальные» церкви находятся в процессе формирования. Как только они в достаточной мере оформятся и окрепнут, «принцип пропорционального распределения мест в коллегии кардиналов» встанет в повестку дня. Произойдет это в следующем веке – на церковных соборах XV в.

Происхождение (национальное, провинциальное), рекомендации, карьера, семья, как нельзя лучше характеризуют состав и принципы формирования коллегии кардиналов авиньонского периода. Но это наблюдение требует некоторых дополнений. Из 134 кардиналов этого периода 91 принадлежал к белому духовенству, 43 – к черному или монашеству. Монахи были представлены 17 бенедиктинцами, 8 доминиканцами, 8 миноритами или францисканцами, 4 цистерцианцами, 4 августинцами, 1 регулярным каноником конгрегации Сен-Руф.

9 нищенствующих монахов удостоившихся кардиналата занимали видные посты в своих орденах. Жеро де Домар и Жан де Мулен были генералами ордена доминиканцев. Фортанье Вассал, Гийом Фаринье и Марко да Витербо генеральными министрами ордена францисканцев, папа Клемент V возвысил до кардинальского достоинства трех провинциалов доминиканцев и францисканцев, среди них, ожидаемо, – провинциал Аквитании; папа Иннокентий VI – инквизитора Арагона Николаса Россель.

На момент назначения 81 новый кардинал был епископом, 11 аббатами. Епископы занимали 61 престол. Три четверти епископских престолов, предварявших кардинальское назначение своих ординариев, находились либо в пределах королевства Франции, либо в графстве Прованс [8; 10]. Не все епископы были освящены, некоторые еще только «избраны», их епископское продвижение зачастую первое, предваряющее кардинальское назначение. Папа Иннокентий VI, вероятно руководствуясь подобного рода соображениями, назначил 10.03.1361 г. своего племянника, нотариуса папской канцелярии Этьена Обер епископом Каркассона, а уже 22.09.1361 г. объявил его кардиналом (до епископского освящения).

Пять епископств и архиепископств дали церкви по три кардинала во времена от Авиньона до Великого раскола: Авиньон, Альби, Руан, Осер, Тулуза; десять епископств и архиепископств дали по два кардинала: Экс-ан-Прованс, Бурж, Лимож, Тюль, Пуатье, Амбрюн, Безье, Шартр, Флоренция, Иерусалим [8, 10]. Во время одного и того же понтификата два епископа Безье и два епископа Осера вошли в коллегию кардиналов:

два Беранже Фредоль из Безье при папе Клементе V, Пьер де Мортмар и Эли Талейран из Осера при папе Иоанне XXII.

Папа Иоанн XXII произвел в кардиналы 4 представителей созданной им церковной провинции Тулузы, папа Иннокентий VI – 4 представителей церковной провинции Нарбона. Церковная провинция Буржа дала коллегии 14 кардиналов (родные места 5 из 7 пап). 14 кардиналов дали итальянские и иберийские престолы, но 6 из них иностранцы, за одним исключением французы. Английский епископат дал коллегии одного кардинала, германский – ни одного. До понтификата Клементя VI вне поля зрения пап оставалась церковная провинция Реймса: поскольку епископская карьера этого папы была связана с севером Франции, ситуация изменилась.

От Клементя V до Григория XI только галликанские аббатства были источником пополнения коллегии кардиналов. 11 аббатств делегировали своих представителей в священную коллегию: цистерианское Фонфруад, бенедиктинские Сен-Круа и Сен-Север в Бордо при Клементе V, августинский капитул Сен-Сернен в Тулузе при Иоанне XXII с Пьером Тессье, бенедиктинское Монтольё при Бенедикте XII, бенедиктинское Сен-Дени при Клементе VI, Клюни при Иннокентии VI, бенедиктинское Монмажор при Урбане V, Сито, бенедиктинские Флери и Мармутье при Григории XI.

Источники скупы в подробностях, когда речь заходит о возрасте кардиналов. Самое раннее назначение племянник папы Клементя VI – Пьер Роже де Бофор, ему еще нет 19 лет. Он недостаточно образован, у него нет опыта руководства монастырем или диоцезом, он даже не священник, простой диакон. Пьер Роже простой монах родившийся в правильной семье. Раймон де Ру стал диаконом в 21 год – как раз за три месяца до производства в кардиналы своим земляком, папой Иоанном XXII. Бакалавр гражданского права, епископ Лиможа (1344 г., без освящения) Николя де Бес становится кардиналом в 22 года. Кардинал Юг де Сен-Марциал в свои 25 еще учится в Тулузском университете. Обоим Гийомам д'Агрефей нет тридцати. Эли Талейран, произведенный в кардиналы в мае 1331 г. в 30 лет, продолжает учебу в маноре Верзи. Представители мощных линьяжей Ги де Булонь и Робер де Женев стали кардиналами в 29 лет.

С другой стороны, произведенные в кардиналы Пьер Бертран старший, Бернар де ля Тур, Жиль Альборноц, Педро де Луна были зрелыми и опытными людьми. Возраст не помеха для попадания в коллегию кардиналов: пятидесятилетние кардиналы «на излете жизни» (по выражению Б. Гийомена) не редкость, но сформировать из них большинство в коллегии представляется скорее аномальным.

Папы окружают себя и «служащими без прошлого», преимущества родственных связей которым заменила фортуна, везение. Эти люди посвящали себя служению тому, кому были обязаны карьерным взлетом: иногда это служащие светских князей, обретшие нового хозяина, иногда прелаты с богатейшим управленческим и дипломатическим опытом, отмеченные высшей наградой за усердие. Они всем обязаны назначившему их папе. Папская благосклонность сделала их «столпами римской церкви». Наиболее бесцеремонно в сравнении с любым из своих преемников пользовался своими правами папа Клемент V: половина его кардиналов никогда не управляла ни епископством, ни аббатством.

Как правило, папы знают как сделать выбор разумным и заслуженным. Фаворитизм позволяет продвигать не только преданных, но и талантливых. Один из первых назначенцев папы Иоанна XXII – кьерсиец Бертран дю Пуже [17, с. 69-94], до того неизвестный, храбро, часто блестяще, иногда вполне успешно защищает интересы святого престола в Италии. Кардинал Жиль Альборноц – глава кастильской церкви,

храбро сражавшийся против мусульман, – отправлен в Италию для наведения порядка в папских владениях [6, с. 433-459].

Кардиналы подразделяются на три категории: кардиналов-епископов, кардиналов-священников и кардиналов-диаконов [15, с. 1627-1628]. Процедура производства в кардиналы описана в церемониале кардинала Якопо Стефанески [7, с. 475-494]. Время пополнения коллегии кардиналов строго регламентировано. Доступный период времени был относительно узок. Описание алгоритма попадания в коллегию кардиналов свидетельствует о консультативной роли консистории. Она участвовала в пополнении своих рядов без собственного права предложения кандидатур. Консультации не носили обязывающего характера. Несмотря на мнение кардиналов, папа принимал решение по своему усмотрению [7, с. 476]. Затем в открытой консистории в присутствии папских капелланов, служащих апостольской палаты и других дворцовых чиновников проходила церемония производства в кардиналы. Новое достоинство, в идеале, порождало между папой и его «созданием» отношения, основанные на взаимной привязанности и уважении. Материалы представлений новых кардиналов в святой коллегии папой Клементом VI и назначений им легатов [18, с. 381-423] с привлечением куриальной корреспонденции позволяют составить портреты (биограммы, по терминологии Ральфа Лютцельшваба) кардиналов и получить не только представление о критериях отбора и востребованных качествах кандидатов, но и человеческое измерение изучаемого института; убедиться в правильности выводов, сделанных посредством изучения структур и практики власти [18, с. 424-496].

Кардиналы обладают одной исключительной прерогативой – коллегия кардиналов на конклаве избирает нового папу [20; 9; 21]. Состав участников конклавов XIV в., принципы формирования избирательных коалиций, кандидатуры претендентов на папский престол, поведенческие стратегии избирателей, попытки внешнего светского вмешательства в ход выборов с целью повлиять на его результат, как сказались на голосовании тенденции комплектования коллегии кардиналов – вопросы, которые требуют специального отдельного рассмотрения.

Влияние и участие кардиналата в папской универсальной монархии, рост властных амбиций членов священной коллегии, содержание притязаний кардиналов и способы их выражения (избирательные капитуляции), роль кардиналов в коронации папы [1, т.1, с. 195, 210, 217, 226, 241, 263, 276, 289, 309, 330, 343, 349, 384, 394-395, 398-399, 415, 439] (прежде всего кардинала-епископа Остии в проведении обряда освящения нового понтифика) [1, т. 1, с. 210, 226, 384, 394-395, 398-399] и коронации императора, административная, судебная, дипломатическая деятельность кардиналов также должны стать предметом анализа.

Некоторые предварительные замечания можно сделать прямо сейчас. Разнообразие стекавшихся в курию дел, усложнение процедур требовали профессионализма от близких папе лиц, призванных разгрузить его от нескончаемого вала проблем. Подготовка сообщений консистории о спорных епископских и аббатских избраниях или присланные капитулами и монашескими общинами протоколы голосований требовали тщательного расследования состава и размера доходов, количества вассалов церкви или монастыря, данных о личности кандидатов, ходе выборов, действиях и демаршах, предпринятых апеллянтами, кардинал собирает показания или определяет уполномоченных, чтобы разобраться в ситуации на месте. Подготовка сообщений консистории о спорных епископских и аббатских избраниях или присланные капитулами и монашескими общинами протоколы голосований требовали тщательного расследования состава и размера доходов, количества вассалов

церкви или монастыря, данных о личности кандидатов, ходе выборов, действиях и демаршах, предпринятых апеллянтами, кардинал собирает показания или определяет уполномоченных, чтобы разобраться в ситуации на месте. Хотя в окружении кардиналов были свои аудиторы и нотариусы, предшествующая юридическая практика не была лишней. Судебные расследования могли оказаться затяжными: полтора года ушло у кардинала Адемара Робера на процедурные формальности в судебном процессе над тираном Форли Франческо Орделаффи, напавшего на архиепископа Равенны за 13 лет до этого (1346–1348 гг.) [19, с. 82-88].

17 кардиналов авиньонского периода руководили основными службами папской курии. Канцелярия и пенитенциария управлялись исключительно кардиналами, а апостольскую палату кардиналы (3) возглавляли только при Клементе V, затем папы разделили руководство службой и кардиналат. Не менее 29 кардиналов или будущих кардиналов занимали в тот или иной момент своей карьеры должность в папской канцелярии. Передача кардиналам некоторых важных административных должностей яркое подтверждение роста олигархических притязаний в XIV в.

Кардиналы в качестве папских легатов и нунциев постоянно появляются во всех уголках христианского мира. Полномочия папского легата подтверждены специальными буллами [3; 13; 14]. Он назначает на вакантные бенефиции, предоставляет освобождения (диспенсы), выносит приговоры. Легаты заняты отвоеванием и реформированием управления папских владений, урегулированием бесчисленных споров и конфликтов, обеспечением соблюдения церковных прав, организационными вопросами будущего крестового похода. Не менее 29 легатов и генеральных викариев были отправлены в Италию [14, с. 73-96; 13, с. 29-80]. Сложность решаемых задач приводит к преобладанию длительных легатств.

Кардиналы ближайšie доверенные советники папы. Им не только предоставляется значительная свобода и самостоятельность в исполнении папской политической воли, но благодаря участию в секретных заседаниях консистории он причастен к выработке политики папства. Папы Клемент V и Иоанн XXII провозгласили, что не намерены действовать без совета и согласия своих кардиналов. В трудных обстоятельствах папа созывал консистории чаще обычного: в октябре 1311 г. с началом работы Вьеннского Собора Клемент V собирает кардиналов едва ли не ежедневно. Несомненно, что консисториальные обсуждения влияли на политику пап, но этот вопрос также требует серьезной специальной проработки.

Сплоченность и прерогативы коллегии кардиналов постоянно растут. Постепенно к коллегии кардиналов переходит часть доходов римской церкви [2; 16, с.72-80]: с 1289 г. между ней и суверенным понтификом делятся поступления от вассальных государств, цензы монастырей и церквей, уплачиваемые непосредственно Святому престолу, денарий Святого Петра, налоги собираемые с папских провинций; эти поступления дополняются постоянно растущими общими службами уплачиваемыми прелатами назначаемыми папами. Из этих поступлений складывается достояние камеры коллегии кардиналов. Этими средствами распоряжаются кардинал-камерарий, клерк и служащие камеры [2, с. 64-66; 11, с. 251].

Следующие выводы из рассмотрения положения, формирования и функционирования кардиналата авиньонского периода представляются вполне оправданными. Во-первых, процесс бюрократизации и усложнения аппарата управления не нарушал суверенитета папы: авторитарная природа власти предполагала полноту его полномочий (*plenitudo potestatis*), а создаваемый им аппарат был призван совершенствовать его властные возможности. Этой цели служит кардинальное

изменение основных тенденций комплектования коллегии кардиналов характерных для XIII в. Противостояние сторонников римских семейных кланов сменяется разделением по степени близости к папе. Во-вторых, коллегия кардиналов посредством церемониальной, юридической, дипломатической, документальной, культурной практик способствует конструированию и институализации придворных норм и правил. В третьих, роль коллегии кардиналов определяется исключительностью ее положения в непосредственной близости к папе и прямому участию во власти. Священная коллегия – живой компонент в деятельности церковной властной структуры, кардиналы многое делают для выработки и реализации папской политики, определяя ее вызовы, воздействуя на практику принятия решений, на получение папой информации, участвуя в реальном управлении от персонала двора до всего христианского мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baluze E. Vitae paparum Avenionensium: hoc est Historia pontificum romanorum qui in Gallia sederunt ab anno Christi MCCCXV usque ad annum MCCCXCIV / Etienne Baluze, Guillaume Mollat. – Paris 1914-1928. – Vol. 1-4.
2. Baumgarten, P.M. Untersuchungen und Urkunden über die Camera Collegii Cardinalium für die Zeit von 1295 bis 1437 / Paul Maria Baumgarten. – Leipzig: Giesecke & Devrient, 1898. – CCXIII, 378 s.
3. Barbiche B. Bulla, legatus, nuntius. Études de diplomatique et de diplomatie pontificales (XIIIe-XVIIe siècle) / Bernard Barbiche. – Paris: École des chartes, 2007. – 575 p.
4. Du Chesne, F. Histoire de tous les cardinaux françois de naissance, ou qui ont esté promoteus au cardinalat / François Duchesne. – Paris: F. Duchesne, 1660. – 722 p.
5. Du Chesne, F. Preuves de l'histoire de tous les cardinaux françois de naissance / François Duchesne. – Paris: F. Duchesne, 1660. – 632 p.
6. Dupré Theseider, E. Egidio de Albornoz e la riconquista dello Stato della Chiesa / Eugenio Dupré Theseider // El Cardenal Albornoz y el Colegio de España. – Bologna: Real Colegio de España, 1972. – T. 1. – P. 433-459.
7. Dykmans, M. Le cérémonial papal de la fin du Moyen Âge à la Renaissance / Marc Dykmans. Rome-Bruxelles : Institut historique belge de Rome, 1981. – T. II. De Rome en Avignon ou le cérémonial de Jacques Stefaneschi. – 569 p.
8. Eubel, K. Hierarchia catholica medii aevi, sive Summorum pontificum, S. R. E. cardinalium, ecclesiarum antistitum series ab anno 1198 usque ad annum perducta. – Monasterii : Sumptibus et Typis Librariae Regensbergianae, 1913-1967. – Bd. I. 1198-1431. – XXXXV, 560 s.
9. Favier, J. Les papes d'Avignon / Jean Favier. – Paris: Fayard, 2006. – 826 p.
10. Series episcoporum ecclesiae catholicae : quotquot innotuerunt a beato Petro apostolo / Pius Gams. – Ratisbonae: Manz, 1873. – 963 s.
11. Guillemain, B. La cour pontificale d'Avignon (1309–1376). Étude d'une société / Bernard Guillemain. – Paris: De Boccard, 1962. – 807 p.
12. Guillemain B. Les Français du Midi à la cour pontificale d'Avignon / Bernard Guillemain // Annales du Midi: revue archéologique, historique et philologique de la France méridionale, 1962, T. 74, N°57, P. 29-38.
13. Jamme, A. Les contradictions du service pontifical : procédures de nomination et raisons de l'office à travers la correspondance des papes et de leurs vicaires généraux / Armand Jamme // Offices et Papauté (XIVe-XVIIe siècle). Charges, hommes, destins. Rome, 2005. – P. 29-80.
14. Jugie, P. Les cardinaux légats et leurs archives au XIVe siècle / Pierre Jugie // Offices, écrit et papauté (XIIIe-XVIIe siècle). Rome, 2007. – P.73-96.
15. Jugie, P. Titres cardinalices (jusqu'à la fin du Moyen Âge) / Pierre Jugie // Dictionnaire historique de la papauté. Paris: éd. Fayard, 1994. – P. 1627-1628.
16. Jugie, P. Les cardinaux issus de l'administration royale française: typologie des carrières antérieures à l'accession au cardinalat (1305-1378) / Pierre Jugie // Crises et réformes dans l'Église de la réforme grégorienne à la préréforme. Actes du 115e Congrès national des sociétés savantes (Avignon, 1990). Paris, 1991. – P. 157-180.
17. Jugie, P. Un Quercynois à la cour pontificale d'Avignon: le cardinal Bertrand du Pouget (v. 1280-1352) / Pierre Jugie // La papauté d'Avignon et le Languedoc (1316-1342). Cahiers de Fanjeaux, 1991, 26, P. 69-94.

18. Lützelshwab, R. Flectat cardinales ad velle suum? Clemens VI. (1342-1352) und sein Kardinalskolleg. Ein Beitrag zur kurialen Politik in der Mitte des 14. Jahrhunderts / Ralf Lützelshwab. – München: R. Oldenbourg, 2007. – 509 s.
19. Mollat, G. Contribution à l'histoire du Sacré Collège de Clément V à Eugène IV / Guillaume Mollat // Revue d'histoire ecclésiastique, 1951, Vol. 46, P. 22-112, 566-594.
20. Mollat, G. Les papes d'Avignon 1305-1378 / Guillaume Mollat. Paris : Letouzey & Ané, 1949. – 598 p.
21. Rollo-Koster, J. Avignon and its Papacy, 1309-1417: Popes, Institutions, and Society / Joëlle Rollo-Koster. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 2016. – XIV, 314 p.

Поступила в редакцию 12.11.2019 г.

CARDINALATE OF THE AVIGNON PERIOD: SACRED COLLEGE IN THE XIV CENTURY

V.A. Sanzharov

The paper considers cardinalate of the Avignon period in the history of the Western Church (1305-1378). The author investigates the principles of formation and main tendencies of recruitment of the College of Cardinals. Their appointment is entirely in the power of the Pope. Each Pontiff chooses advisers capable of judicial, administrative and diplomatic work. Papa's personal preferences in personnel recruiting correlated with the need to ensure effective guidance of the Christian world: the preservation of traditions and administrative reforms. Cardinals not only possess considerable freedom and autonomy in execution of the papal political will, but they are involved in the development of papacy policy. We have followed the process of structuring the bureaucratic field of Church power in the Avignon period by the example of the College of Cardinals.

Key words: College of Cardinals, conclave, curia, consistory, chancellery, Apostolic Chamber, camerlengo, Rota, auditor, legate.

Санжаров Валерий Анатольевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры всемирной истории ГОУ ВПО
«Донецкий национальный университет»
E-mail: valsandzh@yandex.ru

Sanzharov Valery Anatolievich

Candidate of Sciences,
Associate professor at the Department of World History,
Faculty of History, SEI HPE "Donetsk National
University".
E-mail: valsandzh@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.191

КОНЦЕПТ «ОБРАЗ МИРА» В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТАХ

© 2019. *Т.В. Абросимова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена философскому исследованию образа мира как базового социокультурного концепта и фундаментальной матрицей, обуславливающей параметры восприятия мира как в массовом, так и в индивидуальном сознании. Сделан вывод о том, что образ мира отличается как от мировоззрения (по отношению к которому он выступает как более широкое понятие), так и от картины (модели) мира. Образ мира больше ориентирован на индивидуально-личностное и эмоционально-образное представление о бытии, чем картина мира, отражающее в большей степени социально-историческую объективность.

Ключевые слова: образ мира, картина мира, мировоззрение, культура, общество.

Образ мира является многоуровневой системой и включает все, что значимо для человека. Понятие «образ мира» используется философами, психологами, лингвистами, филологами. Под этим понятием понимается целостная, многоуровневая система представлений человека о мире, о других людях, о себе и своей деятельности, которая опосредуется, преломляет через себя любое внешнее воздействие. Образ мира является основой успешной адаптации и адекватного взаимодействия человека с социокультурной реальностью. Проблема образа мира относится к числу важнейших проблем современной философии и имеет значение для решения многих практических задач. В социально-философском и культурно-философском контекстах образ мира рассматривается в контексте мира конкретного человека и мира в целом. При этом очень важно достичь понятийной ясности, определиться с содержанием и значением концепта «образ мира» в связи с такими связанными с ним категориями как «картина мира», «мировоззрение» и др.

Целью данной статьи является философское исследование содержательного аспекта концепта «образ мира» в социокультурном и философском контекстах.

Проблемы образа мира, картина мира, а также общественного и индивидуального мировоззрения рассматривались в работах многих авторов. При этом монографий, посвященных комплексному анализу феномена «образа мира», в российской и зарубежной литературе практически нет. Тем не менее, можно говорить о новых подходах к феномену «образа мира» как к многомерному социокультурному феномену. Некоторые аспекты данного феномена выявлялись в ходе решения тех или иных исследовательских задач при обращении к темам средневековой ментальности (Ш. Блодель, М. Блок, А. Гуревич); российской ментальности (Г. Гачев); функционирования средств массовой коммуникации (А. Венгеров, Б. Грушин, А. Малько, А. Моль, Б. Розин, П. Шампань); мировоззрения (Е.В. Андриенко [1], Ю.В. Колин [7]); базовых структур языка (А. Вежбицкая, Н. Хомский); идеологии (Н. Автономова, Н. Классен, К. Манхейм, К. Маркс); психологии интеллекта

(М. Минский, Б. Петухов, А. Стеценко, А. Тойво, М. Холодная); обыденного сознания и повседневной деятельности (Б. Вандерфейс, А. Ионин, А. Шюц); синергетической концепции (А. Князева, Б. Курдюмов, И. Пригожин, Е. Режабек, В. Степин [9], Г. Хакен); культуры и искусства (С. Аверинцев, Е. Бергер, М. Богданова, Э. Фромм, К.-Г. Юнг); психоанализа (З. Фрейд, К.-Г. Юнг); форм первобытного мышления (Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Б. Поршнев). При это часто имеет место определенная понятийная путаница, в связи с которой не всегда понятно, чем «образ мира» отличается, например, от «картины мира» или других подобных категорий. Это говорит о необходимости устранить данный теоретический пробел.

Понятие «образ мира» и близкие ему понятия – «картина мира», «модель универсума», «схема реальности», «мировоззрение» и прочие – несут в контексте различных социально-гуманитарных теорий неодинаковое содержание. Так, в теории деятельности целостность образа мира выводится из единства отраженного в нем объективного мира и системного характера человеческой деятельности. Деятельностная природа образа мира проявляется в наличии у него, наряду со свойственными физическому миру координатами пространства и времени, пятого квазиизмерения: системы значений, воплощающей в себе результаты совокупной общественной практики. Их включение в индивидуальный акт познания обеспечивается участием целостного образа мира в порождении познавательных гипотез, выступающих как исходное звено при построении новых образов.

Наиболее тесно понятие «образ мира» связано с понятиями «мировоззрение» и «картина мира», на которых следует остановиться более детально.

Мировоззрение является одной из основных философских категорий. Собственно, каждая философская система выступает одновременно мировоззренческой системой (хотя не каждое мировоззрение является философским). Сегодня в научной литературе все чаще встречаются такие словосочетания как «мировоззренческий кризис», «духовный кризис», «поиски новой мировоззренческой парадигмы» и т.д. Основной причиной этого кризиса является существующий диссонанс между духовным и общественно-практическим измерениями человеческого бытия. Ведь накопленный за прошедшие периоды общественно-исторического развития духовный опыт почти не находит воплощения в повседневной жизни современного социума. В условиях глубоких трансформаций политического, экономического и культурного характера возникает острая потребность в целостном переосмыслении онтологических основ мировоззрения [1, с. 203–205]. Общественная среда постоянно усложняется, а изменения, которые в ней происходят, становятся все более интенсивными, что актуализирует социокультурные механизмы адаптации личности к данной среде. Все это непосредственно отражается в мировоззрении.

Понятие «мировоззрение» происходит из немецкого языка. Впервые оно было использовано в немецкой классической философии И. Кантом (*Weltanschauung*), который, впрочем, не отделял понятие «мировоззрение» от понятия «миросозерцание». Дальнейшее развитие это понятие получает в работах Ф. Шлейермахера («Разговоры о религии»), Ф. Шеллинга («Введение в философию мифологии»), а также в работе В. Дильтея «Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах», где оно приобретает современный смысл [5, с. 214].

Мировоззрение является неотъемлемым элементом бытия каждого человека. В отличие от животных, человек должен сам сформировать свое отношение к окружающему миру. Высшей формой этого отношения и является мировоззрение.

В структуре мировоззрения можно выделить следующие уровни [4, с. 98]:

- Элементарный (включает понятия, идеи, оценки, характерные для обыденного сознания);
- Концептуальный (включает различные концепции мира, познания, социального развития и т.п.);
- Методологические (формируется на основе понятий, принципов, а также ценностного образа мира и общества).

К историческим типам мировоззрения относят мифологию, религию и философию.

Мифология это тип мировоззрения, в котором переплетаются различные способы понимания природы и человека. Это наиболее древний из всех мировоззренческих типов. Мифические представления могут быть как реалистическими, так и фантастическими, основанными на вере, эмоциях, на мыслях или жизненном опыте.

Основные функции мифов: 1) мировоззренческая функция; 2) этиологическая функция (мифы дают объяснение различным процессам и явлениям внешнего мира); 3) коммуникативная функция (мифы создают основу для общения среди членов одного племени или сообщества); 4) компенсаторная функция (мифы компенсируют недостаток знания о мире и дают ощущение стабильности); 5) познавательная функция (мифы специфическим образом помогают людям в понимании мира); 6) социальная функция (мифы формируют социальные нормы и ценности, таким образом упорядочивая и структурируя социальную общность) [1; с. 117].

Религия – это тип мировоззрения, основанный на понятии о сакральном, на вере и специфических действиях (культе). В истории человечества, в зависимости от конкретных условий и общественного строя, религиозное мировоззрение играло различную роль – прогрессивно-организующую или реакционную.

Философия как тип мировоззрения характеризуется рациональностью, системным подходом, логическими методами познания и теоретической формой. Философия является наиболее интегративной формой мировоззрения.

На практике ситуация не так однозначна, как в теоретических схемах. Так, не до конца определенным является соотношение понятий «мировоззрение» и «философия», «мировоззрение» и «жизненные убеждения».

Понятие мировоззрения является очень многогранным, поэтому существуют различные подходы к его трактовке:

Существует трактовка мировоззрения как совокупности знаний. Наличие мировоззрения у человека является следствием его разумности. В условиях быстрых изменений жизненных реалий неизбежно возникает потребность в обобщенном взгляде на всю систему существующих природных и социальных связей. При этом все же не стоит сводить мировоззрение к знанию, то есть к представлениям о том, что в сознании личности мировоззрение пребывает только в виде знаний, в теоретической форме. В отличие, например, от науки, которая апеллирует только к интеллекту человека, мировоззрение обращается также к волевой и к эмоциональной сферам. Каждый человек свободен принимать или отвергать определенные мировоззренческие установки, чего нельзя сделать, например, с физическими законами. Мировоззрение нельзя сводить также к миропониманию. В целом, следует четко различать понятия «мировоззрение», «миропонимание» и «мироощущение». Миропонимание – это осознание смысла жизни с помощью понятий и, ставя его впереди мироощущения, мы обедняем собственные представления о человеке, отказывая ему в способности смотреть на мир с помощью интуиции, эмоций и чувств [3, с. 406]. Мироощущение и миропонимание (мировосприятие) можно назвать протоформами мировоззрения.

Человек как целостная биосоциальная сущность, сочетает в себе и знания, и верования, и убеждения, а на уровне повседневного восприятия и здравый смысл.

Мировоззрение иногда трактуют как образ (модель) мира. Модель мира выступает как система представлений человека о том, как устроен мир в целом и в отдельных деталях. Она отличается целостностью и, на уровне личности, значительной степенью субъективности. Не смотря на то, что человек до сих пор не нашел объективных ответов на целый ряд вопросов, в феноменологическом аспекте модель мира не содержит никаких «белых пятен» – они заполняются за счет убеждений, мыслей, догадок. В англоязычной литературе, в целом, не проводится разделение между мировоззрением и моделью мира (для обозначения этих понятий используется английское слово “*worldview*”, и лишь изредка – немецкое “*Weltanschauung*”). В русскоязычных источниках мировоззрение часто обозначается как центральный элемент модели мира. Западная социокультурная концепция модели мира (*worldview*) была сформулирована Р. Редфильдом [2, с. 35]. По его мнению, она является видением мира, характерным для определенного народа. При этом исследователь отрицает возможность существования общенациональной модели мира, поскольку существует разница между культурной традицией (моделью мира) «школ и храмов» и традицией сельской общины. Вполне логичным выступает разделение модели мира на мировоззрение и мироотношение.

Мировоззрение может трактоваться как система убеждений. При этом полностью сводить его к системе убеждений неправильно по тем же причинам, по которым не следует сводить мировоззрение к знаниям. Ведь убеждения появляются в результате освоения знаний, когда человек уже не нуждается в доказательстве определенных положений и полностью уверен в их истинности. Убеждения представляют собой реализацию знаний в практическом опыте индивида.

Мировоззрение рассматривают и как форму сознания. С психологической точки зрения, сознание – это свойство высокоорганизованной материи, которое возникает и развивается в процессе общественной деятельности и общения. Более логичным, в этой связи, представляется понимание сознания (и самосознания) как неотъемлемого аспекта мировоззрения.

Мировоззрение иногда отождествляется с идеологией. И все же идеология сама по себе не может составлять полноценное мировоззрение. Само слово «идеология» возникло в конце XVIII в. среди французских эволюционистов (П. Кабанис и другие) для обозначения науки о биологических основах мышления. Попытка разработать эту науку оказалась неудачной, но само слово «идеология» Наполеон Бонапарт стал использовать как штамп для развенчания бесплодных политических спекуляций. Позднее идеологиями стали называть ограниченные социальные теории, которые выражали интересы лишь одной социальной группы. Затем стали говорить о «классовой идеологии», а еще позже В. Ленин ввел словосочетание «научная идеология» (или «истинная идеология»)

В целом, в современной науке существует более двадцати дефиниций понятия «мировоззрение». Его можно определить как обобщенную систему взглядов человека на мир, на свое место в нем, а также на смысл собственной жизни и деятельности, которая упорядочивает действительность и отображает теоретико-интеллектуальный и эмпирический опыт.

Картина мира – это совокупность основанных на мироощущении, мировосприятии, миропонимании и мировоззрении, целостных и систематизированных представлений, знаний и мнений человеческих общностей и отдельного человека о

мире, а также о познавательных и творческих возможностях, смысле жизни и месте человека в нем. В любой картине мира преобладающими являются те идеи, которые соответствуют ценностным представлениям и смыслу жизни отдельного человека.

Понятие «картина мира» было введено в научный оборот немецким физиком Г. Герцем при описании все того многообразия, которое сложилось в ходе изучения различными исследователями объектов внешнего мира [6, с. 26]. В дальнейшем выводы Г. Герца были уточнены М. Планком, который дал определение физической картины мира, как «образу мира», который складывается в физической науке и представляет собой отражение тех закономерностей, которые существуют в природе. Вслед за представленной Г. Герцем и М. Планком физической картины мира стали появляться описания химической, биологической, экономической, демографической, педагогической, языковой, эстетической, культурной, технической и других картин мира – в зависимости от того, от представителя какой отрасли знания это описание исходило.

Начиная с XVII в., в ходе развития культуры различные картины мира последовательно сменяли друг друга. Так, в физике произошел переход от механической картины мира к электромагнитной, а от нее – к релятивистской. В целом можно говорить, что из всех существующих научных представлений природы о ее строении и развитии, складывается естественнонаучная картина мира [8, с. 56].

Все картины мира можно разделить по двум основаниям:

1) Степень общности. Здесь могут быть выделены:

- Всеобщая картина мира отдельного исторического периода (физика Аристотеля, физика Ньютона, теория относительности Эйнштейна);
- Частная научная картина какой-то определенной отрасли знания (физическая, химическая, биологическая и картина мира и т.д.);
- Индивидуальная (представления о мире отдельно взятого индивида).

2) Средства моделирования реальности. Здесь можно выделить мифологическую, религиозную, научную, философскую и эстетическую (художественную) картины мира, которые по своей сути являются полностью равноправными, взаимодополняющими друг друга, как и исторически относительными и изменчивым [8, с. 103].

«Образ мира» часто воспринимается как синоним «картины мира», но между этими понятиями есть значительная разница. Образ мира больше ориентирован на индивидуально-личностное и эмоционально-образное представление о бытии, чем картина мира, отражающее в большей степени социально-историческую объективность.

Образ мира является фундаментальной матрицей, обуславливающей параметры восприятия мира как в массовом, так и в индивидуальном сознании. Социально-исторически он заложен в самой основе субстанционального единства человеческого сознания. Образ мира как целостное и многомерное смысловое образование имеет сложную многоуровневую структуру, где каждый из уровней имеет автономную форму детерминации, обусловленную как внешними, так и внутренними факторами. Анализ образа мира позволяет выявить зачастую неосознаваемые и скрытые границы, которые устанавливает для рефлексивного анализа та или иная исходная модель мира.

СМИ, исходя из особенностей своей деятельности, транслируют не только легитимную модель восприятия мира, но и в качестве ее произвольного компонента, своеобразного подтекста – стихийно организованную модель восприятия. Произвольный эффект воздействия СМИ на общество обусловлен принципиальной нередуцируемостью общественного сознания к задаваемым извне схемам и образцам,

моделям видения мира. Все, что не входит в легитимный образ мира, не вписывается в формируемые им стереотипы восприятия, вытесняется из рефлексивного поля общественного интеллекта и образует в массовом сознании произвольный теневой образ мира, существующий в общественном интеллекте в качестве теневого компонента легитимного образа мира.

Образ мира может быть как осознанным, так и произвольным (согласно исследованию Ю. Колина [7]). Произвольный образ мира является разноуровневым смысловым образованием, представляющим констелляцию различных структур на основе их непризнанности официальной установкой восприятия мира. Следует отметить, что произвольный образ мира гораздо шире простого отрицания господствующей установки освоения мира, но в определенных случаях может служить ее своеобразным подкреплением, олицетворяя в себе богатство содержания коллективного бессознательного. Одной из развитых форм теневого образа мира является так называемое оппозиционное сознание. Однако ограниченность его проявляется в сильной зависимости от сознания официального. Носителями теневого, непризнанного образа мира могут быть различные маргинальные общественные группы. Однако элементы произвольного образа мира могут быть присущи групповому сознанию всех социальных групп общества в зависимости от глубины неадекватности его доминирующей установки освоения мира. Несмотря на то, что в структуру произвольного образа мира могут входить элементы смысловых образований, вытесняемых официальной установкой восприятия мира, он воспроизводится как за счет, официальных (произвольно), так и с помощью неофициальных путей распространения информации.

Многомерность когнитивной модели мира обусловлена степенью интегрированности ее когнитивных структур и, как следствие, количеством и глубиной измерений окружающей реальности, обеспечивающих спектр возможностей восприятия мира интеллектом [7, с. 34]. Процесс повышения роли интеллекта в функционировании современного общества создает предпосылки преодоления отчуждения индивида во всех сферах общественной жизнедеятельности.

Характер отношения политических институтов к общественному интеллекту является одним из основных показателей степени демократичности общества. Манипулирование массовым сознанием и общественным сознанием в целом приводит к разрушению его теоретически развитых уровней и деструктивной обратной реакции. Процесс регенерации интеллекта на всех его уровнях служит объективной основой разрушения всех субъектов деструктивных воздействий, направленных на интеллект.

Таким образом, образ мира является фундаментальной матрицей, обуславливающей параметры восприятия мира как в массовом, так и в индивидуальном сознании. Социально-исторически он заложен в самой основе субстанционального единства человеческого сознания. Образ мира отличается как от мировоззрения (по отношению к которому он выступает как более широкое понятие), так и от картины мира (хотя, безусловно, данные понятия тесно связаны между собой). Образ мира больше ориентирован на индивидуально-личностное и эмоционально-образное представление о бытии, чем картина мира, отражающее в большей степени социально-историческую объективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрієнко О.В. Світоглядні виміри демократичного соціуму / О.В. Андрієнко. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – 346 с.

2. Арутюнян М.П. Мировоззрение и образование: становление новой парадигмы // Высшее образование в России. – 2004. – № 12. – С. 32–37.
3. Вонсовский С.В. Современная естественнонаучная картина мира. – Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2005. – 680 с.
4. Горбачев В.В. Концепции современного естествознания. – М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»», 2005. – 328 с.
5. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: Антология / Под ред. С.Я. Левит. – М.: Юрист, 1995. – С. 213–255.
6. Ильенков Э. Диалектика и мировоззрение // Пропаганда. – 2009. – № 1. – С. 25–27.
7. Колин Ю.В. Непроизвольный образ мира и общественное сознание в современном российском обществе / Ю.В. Колин // Научная мысль Кавказа. – 1996. – № 3. – С. 30–36.
8. Котенев А.А., Лукьянов А.Е. Миросознание. – М.: Мысль, 2002. – 255 с.
9. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: Знание, 1994. – 274 с.

Поступила в редакцию 10.11.2019 г.

THE CONCEPT “IMAGE OF THE WORLD” IN SOCIALLY CULTURAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXTS

T.V. Abrosimova

The article is devoted to the philosophical study of the image of the world as a basic sociocultural concept and the fundamental matrix that determines the perception of the world in both mass and individual consciousness. It has been concluded that the image of the world differs from the worldview (in relation to which it acts as more broad concept), and from the picture (model) of the world. The image of the world is more focused on the individual-personal and emotional-figurative idea of being than the picture of the world, reflecting to a greater extent socially historical objectivity.

Key words: image of the world, picture of the world, worldview, culture, society.

Абросимова Татьяна Викторовна
Аспирант кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: abrosimova_tania86@mail.ru

Abrosimova Tatiana Viktorovna
Graduate Student of the Chair of Philosophy,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: abrosimova_tania86@mail.ru

УДК 165.43/34

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ПРАВОВОЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ФОРМАТЕ ДИСКУРСА

© 2019. *И. И. Бартагариева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье актуализируется проблема атрибутов и типов рациональности. Специфика правовой рациональности рассматривается в контексте ее роли в теории и практике гражданского общества. Фиксируются существенные признаки правовой рациональности. Вводятся понятия «консервативной» и «либеральной» рациональности. Приводится аргумент в пользу тезиса: правовой дискурс является адекватным механизмом формирования и функционирования правовой рациональности. Обосновывается положение: парадоксальность и релятивность правового дискурса – объективны и не тождественны релятивизму.

Ключевые слова: рациональность, правовая рациональность, гражданское общество, правовой дискурс, релятивность, релятивизм.

Введение. «Рациональность» – категория отличающаяся многозначностью и семантической «запутанностью» – маркирует сложнейшую проблему смысла разумности. Эта проблема является сквозной не только в исторически существовавших философских учениях. Ее следствия обнаруживаются также в дискуссиях вокруг локальных рациональностей – научной, социальной, и, конечно же, правовой. «Ключевой проблемой для ведущих правовых направлений становится соотношение рационального и правового. Право уже не мыслится как некоторый предопределенный человеку процесс или как поток индивидуально-психологизированного сознания (рационального в своей основе). Право представляется как способ существования всех феноменов и процессов действительности, выступающих в конкретно-правовых формах, которые являются результатом правовой деятельности человека» [1, с. 112]. «Ткань» рациональности соткана из абстракций, что не препятствует актуальным праксеологическим импликациям. В том числе, в плане конструирования теорий гражданского общества и их воплощения в жизнь. Итак, цель статьи состоит в обнаружении прикладного значения взаимодействия рационального и правового в рамках дискурсивной программы.

Историография рациональности и ее типов представляет собой огромный информационный массив. Упомянем лишь работы К.-О. Апеля, М. Вебера, П. Гайденко, В. Додоновой, И. Касавина, Г. Левина, Н. Лумана, В. Поруса, А. Ракитова, З. Сокулер, Ю. Хабермаса. Темой «Рациональность в праве» занимаются современные российские исследователи – Т. Агафонова, К. Скловский, И. Шаповалов и др. Влияние правового дискурса на формирование гражданского общества изучали Ю. Хабермас, О. Хеффе, Ж. Маритен, А. Селигман, К. Скиннер. На предметно-проблемном поле правового дискурса работают Л. Басова, Н. Костина, Н. Храмцова, А. Яркеев. Дабы не превышать объем статьи, интересующие нас теории Н. Лумана и Ю. Хабермаса, будут проанализированы с опорой на эвристические работы Л. Тухватулиной [2] и Т. Рубанцовой [3].

В методологическом плане статья представляет собой синтез дедукции и перехода от абстрактного к конкретному. После вводных дефиниций ключевых концептов, будем двигаться от максимально общего (рациональность как абстрактная универсалия) к частному (социальная рациональность), а затем частному региональному (правовая рациональность) с выходом на уровень фактов и конкретизаций.

Основная часть. Дискурс (от лат. *discurro* – «бегать в разных направлениях», «растекаться», «распространяться») имеет следующие существенные признаки: систематичность, аксиологическая обусловленность, иерархичность, методологическая и терминологическая точность, ситуативность, контекстуальность. Исчерпывающий анализ понятия «дискурс» проводит В. Додонова. По ее мнению, дискурс проявляется как единство субъективных и объективных сторон, он «вынуждает» текст работать в конкретных исторических, социокультурных, психологических, то есть экстралингвистических аспектах, создавая своеобразный мир – мир реальности, которая очень часто граничит с виртуальной реальностью [4, с. 26]. И. Касавин дает следующее определение: «Дискурс – это незавершенная последовательность языковых знаков, которая характеризуется частичной синтаксической, семантической и прагматичной когерентностью» [5, с. 89]. Согласно Касавину, дискурс это форма знания со сложной структурой. Смысловая консервация превращает дискурс в текст.

Текст может принимать форму закона. Правовой дискурс – и в этом его ценность – нацелен на формирование деонтологии и конструирование каркаса общественных связей и отношений. Участниками такого дискурса могут быть не только специалисты, ибо право невозможно без широкой социальной коммуникации. Правовой дискурс – это «процесс информационного воздействия субъектов права в сфере правового общения, основной целью которого является формирование правоотношений» [6, с. 60].

Рациональность можно интерпретировать как некую автономную идеальную субстанцию. Она существует вне исторического контекста, и представляет собой совокупность универсальных, общезначимых, организующих, регулирующих и контролируемых мышление норм и принципов. Последние могут экстраполироваться на Универсум. В своей крайней идеалистической форме рациональность эквивалентна Абсолютному Разуму. В антропологическом разрезе, рациональность – и атрибут человека, и своего рода матрица, в которой разум как таковой функционирует. Структурными элементами этой матрицы являются адекватность, релевантность, целеполагание, когерентность, выводимость, полнота, простота, ясность, исчисляемость, каузальная обусловленность, непротиворечивость, объяснительная сила, точность, эффективность, высокая квалификация.

Рациональность иногда отождествляют с логичностью. Тогда, используя терминологию И. Канта, перед нами рациональность рассудочная. Кроме законов логики она включает нормативную базу математики, аксиоматические и причинные схемы объяснения, номологию естествознания. Такая рациональность способна трансформироваться в каноничность, догматизм, механические умение проводить исчисления (в Древнем Риме, рациональность – способность оперировать с числами). Она, если абстрагироваться от кантианства и перейти к современной терминологии, вполне отвечает критериям закрытой рациональности, с ее априорной направленностью на совершенствование и реализацию уже имеющихся идей, часто принимающих форму постулатов. В формате такой рациональности, каузальность – четко очерчена, цели – однозначно заданы. Продуктивность, точность, простота, непротиворечивость, мощь дедуктивного вывода, экономия мышления гарантируют высокий КПД закрытой рациональности. Ассимиляция нового проходит в формате уже заданных клише и апробированного концептуального каркаса.

Открытая рациональность («разумная», по Канту) – это способность многовекторной оценки, критики и самокритики, сепарирование критериев, конструктивное творчество, рефлексия, коммуникабельность. Такая рациональность ориентирована на совершенствование и переработку исходных положений и концептуальных схем,

вплоть до отказа от них в пользу инноваций. В ее рамках можно пожертвовать непротиворечивостью в пользу эффективности, допустить временный, но контролируемый хаос, поставить под сомнение полноту, простоту, ясность и точность ради расширения гносеологического горизонта в будущем. Здесь цели заданы не жестко, детерминизм соседствует с вероятностью, «бритвой Оккама» и погрешностями в прогнозах можно пренебречь. Если закрытая рациональность больше ориентирована на алгоритмическое решение проблем, то открытая – на постановку проблем новых.

Закрытую рациональность условно назовем «консервативной», открытую – «либеральной». Ни одна из них не имеет аксиологического превосходства, скорее, они дополняют друг друга. В отношении пересечения находятся другие типы рациональности – субстантивная, формальная, теоретическая, практическая. Неоднозначной видится демаркация субстанциональной рациональности, характерной для метафизического мировоззрения и рациональности процедурной (смыкается с коммуникативной рациональностью), апеллирующей исключительно к фактуальности и объективной достоверности. Оценка любых типов рациональности – относительна и прагматически обусловлена. Проблему типологии рациональности оставляем за скобками. Это отдельная тема. Проводить классификацию понятия, имеющего своим референтом абстрактную сущность, всегда непросто. Ясно одно: концепции рациональности применимы не только в отношении мысли, но и форм, способов поведения и деятельности.

Говоря о социальной рациональности, ограничимся определением В. Додоновой: «Социальная рациональность – это тип рациональности, который характеризует содержание и направленность социальных отношений в единстве количественных и качественных измерений, и может рассматриваться как норматив, основа гармонии и целесообразности человеческой деятельности» [4, с. 59]. Такая рациональность имеет три аспекта – поведенческий, институциональный, социентальный (как соответствие «разумности» устройства локального общества трендам исторического процесса).

Правовая рациональность – подтип «либеральной» рациональности, с одной стороны и основание социальной рациональности, – с другой. Правовая рациональность имеет следующие атрибуты: адекватность, систематичность, гармоничность, аргументированность, высокая квалификация носителя, согласованность, эффективность, уместность, относительность. Она – ценностно-императивное основание исчерпывающего отражения социальной реальности, гарант коммуникативных практик. Правовая рациональность проявляет себя в регулирующей, регламентирующей, контролирующей сфере. Выполняет профилактическую и терапевтическую функции. Суть последних в предотвращении и «лечении» социальных аномалий, снятии политических и хозяйственных противоречий.

Правовая рациональность многоплановая и допускает различные трактовки своих оснований и импликаций. В формальном нормативизме, например, «разумность» правоприменителя сводится исключительно к существующим нормам, в американском реализме адекватным признается субъективное судебское усмотрение. Н. Луман, наоборот, в своей системной теории права, отказывает субъекту в статусе носителя практической рациональности. Последнюю он понимает как способность системы, реагировать на внешние вызовы и воздействия. Только слаженно функционирующая система может именоваться рациональной. Критерий роста рациональности правовой системы состоит в ее способности превращать информацию в юридически уместную и качественно эту информацию обрабатывать. Устойчивость правовой системы и ее защита от разрушения обеспечивается тавтологичностью, т. е. следованием правовому вменению в силу законодательно закрепленного статуса норм. Тавтологичность – свойство

«консервативной» правовой рациональности. От косности и застоя правовую систему спасают конфликтные ситуации, когда в правовом пространстве формируется несколько правдоподобных пропозиций, в сумме дающих противоречия. Другими словами, правовая парадоксальность – тоже элемент рациональности, но уже «либеральной». Именно продуктивные ошибки, парадоксы, коллизии заставляют переформатировать наличные нормы. Как видим, однозначность и согласованность правовой системы дополняется ситуационной асимметрией и чувствительностью к внешним вызовам. Даже следование жесткому принципу формального равенства людей перед законом может продуцировать контекстуальные противоречия. Особенно, если общезначимые нормы накладываются на религиозные структуры или диссонируют с политическими трендами. Например, в Германии в 2017–2019 гг. участились случаи насилия со стороны мигрантов-мусульман. Правовая система ФРГ слабо реагирует на подобные вызовы. Немецкие юристы и политики стараются не акцентировать внимание на этнической и религиозной составляющей преступлений против личности. Причина: политическая элита Германии продолжает имплементировать в общественное сознание идеи мультикультурализма. Она не желает видеть очевидное: мигранты дестабилизируют немецкий социум. Перед нами пример иррационального. Юридические решения, которые бы гармонизировали с реальностью и действительностью нравственной воли большинства жителей Германии, не принимаются. Система консервируется, парадоксы и конфликты не снимаются, а загоняются внутрь. Право перестает быть орудием конструирования и проектирования гармоничного и целесообразного в настоящем и желаемого в будущем образа общества. Коллизии, подобные описанной, мы встретим и на уровне, например, экологического права. Оно может вступать в противоречия с экономикой, создавая препятствия для эффективной деятельности хозяйственных субъектов, нивелировать достижения в области технологий и т. д. И это естественный процесс: агенты общества оказываются в несоизмеримых системах координат, имеют разные интересы и это может выступать в качестве меры правовой рациональности. Несовпадение интересов усугубляется контекстуальностью. В этом нет ничего иррационального. Для права важны «конфликтные» контексты. Они – не преграда для коммуникации, а стимул для достижения консенсуса. Но когда противоречия переходят в практическую плоскость и игнорируются на теоретическом уровне, перед нами проявление иррационального в жизни социума.

Как решать возникающие парадоксы и гармонизировать интересы? В ходе дискуссии, обмена мнениями, т. е. в пространстве практико-ориентированного дискурса. В этом плане уместно обратиться к Ю. Хабермасу. Он выделяет стратегическую рациональность (в ее основе – целеполагания) и коммуникативную рациональность. Критерий первого типа – эффективность и успешность действия на пути достижения цели. Второго – «интерсубъективность понимания интенций», «взаимная предсказуемость поведения». Стратегическая рациональность – «основа для алгоритмизации поведения, возникновения технических норм, которые можно понимать как нормы, основанные на достижении цели. Их можно выразить в формуле: «Для того чтобы получить такой-то результат, необходимо и достаточно совершить следующую последовательность действий». «За скобками» в этой ситуации остается рациональность самого целеполагания. Модальность долженствования, составляющая основу правовой нормы, оказывается диалектическим синтезом двух процессов: рационализации коммуникативного целеполагания и наполнения коммуникативной рациональности смыслами, составляющими идеальную основу существования правовой системы как целого» [7, с. 378].

Ю. Хабермас считает, что закон становится обязывающим лишь для тех агентов общества, которые его сконструировали и согласны с ним. Т. Рубанцова задается воп-

росом: «Проблема заключается в том, что законы должны быть приняты при согласии всех членов общества. В идеале достижение согласия должно быть свободным, а не вынужденным. Что делать, если демократический законодатель издает свои законы, ориентируясь только на большинство, хотя согласие требуется от всех?» [3, с. 84]. Ю. Хабермас считает, что можно принять закон, если принцип большинства базируется на справедливости. Он обращается к рациональному коммуникативному действию, которое распространяется на жизненный мир участников такого действия и создает пространство свободы в демократическом обществе. Достижение консенсуса – результат сознательной рациональной координации действий. Хабермас считает, что проект диалогического, переговорного механизма при принятии государственных решений выстраивается на принципах социальной справедливости и предполагает технологии сбора информации о предпочтениях граждан, наличие обратной связи между законодателем и населением. Если технологии меняются под воздействием ситуаций, интересов, контекстов, то они могут быть квалифицированы как рациональные. Формирование и функционирование институтов гражданского общества невозможны без открытых социальных экспертиз (и обсуждения их результатов), без дебатов вокруг коммуникативных проектов, направленных на реализацию взаимодействия государства с общественными организациями. Хабермас рассматривает демократический процесс в связи с юридической институализацией: Построить гражданское общество без юридического закрепления механизма достижения согласия нельзя. Такое общество создается самими людьми, пути его формирования необходимо осознать всему сообществу (или большей его части). Поэтому, «важнейшей задачей на пути построения гражданского общества является задача выстраивания рациональных коммуникаций, позволяющих консолидировать цели и интересы граждан» [3, с. 84–85].

Потенциальная парадоксальность правовой рациональности заложена в осознании правовой рациональностью самой себя и внутри юридического концептуального каркаса. Как отмечает И. Шаповалов, «выделение критериев рациональности того или иного поведения/высказывания содержит в себе проблему выделения критериев рациональности самих критериев рациональности» [7, с. 377]. Такие понятия как «достоинство личности», «свобода мысли», «защита чести», «дополнительные формы социального обеспечения» и пр. являются неопределенными по содержанию. Но именно они – терминологический фундамент «консервативной» правовой разумности. Их функционирование будет эффективным, когерентным и каузально обусловленным только в формате конкретного случая. Такой случай допускает критический анализ, метафизические вставки, нестандартные решения, а, следовательно, и ошибки. «Чистая» рационализация права – утопия. Но минимизировать иррациональное вполне по силам. «Определяющим фактором, позволяющим судить о том, насколько использование «размытых понятий» способствует гуманности и справедливости правосудия (а именно их достижение требует гибкости правоприменения), является именно качественное своеобразие социокультурного контекста, определяющего границы дозволенного при их интерпретации [2, с. 188].

Нельзя игнорировать размытость самого понятия «рациональность», особенно если оно используется в ареале социально-гуманитарных наук. На это обращают внимание современные российские философы – И. Касавин, З. Сокулер, А. Ракитов. Последний пишет: «Если в математических науках понятие «рациональность» является синонимом понятия «логическая доказуемость» или «точность вычислений», то в естественных науках оно является синонимом «эмпирической проверяемости теорий», а в общественно-гуманитарных науках – синонимом целого веера понятий, таких как

ценность, культурная детерминация, историческая обусловленность, идеологическая нагруженность, документальная подтверждаемость и т. п.» [8, с. 81]. Действительно, сумма понятий, отражающих разные уровни и исторические типы социальной реальности, не может создать цельный органичный ансамбль разумного. Нередко понятие «рациональность» используется в пропагандистских целях. Это создает иллюзию того, что некоторые социальные структуры, идеологии, наборы ценностей априори имеют преимущество перед своими конкурентами, которые автоматически превращаются в носителей иррационального. Например, многие нормы шариата входят в непреодолимый конфликт с ценностями и правовыми нормами стран ЕС, где стремительно растет численность мусульман. Если мы признаем европейское аксиологически-правовое поле рациональным, соответствующее поле исламского мира автоматически трансформируется в иррациональное. В таких условиях весьма проблематично обнаружение консенсуса. На помощь приходит правовой дискурс, который априори претендует на статус разумного. Тогда оппозицию рациональное/иррациональное применительно к европейской и исламской структурам можно вынести за скобки. Затем целесообразно рассматривать глобальную проблему сквозь «оптику» проблем частных. Так можно достичь цели, двигаясь к ней постепенно, «маленькими шажками» (step-by-step).

Правда, мы оказываемся перед угрозой релятивизации правового поля. Однако история не знает универсальных и вечных правовых клише и законов. Но и не всякий контекст имеет основания разрушать наличный правовой фундамент. Значимость контекстов выявляется в результате правового дискурса. Его рациональность определяется релятивностью, предметностью, прагматизмом, толерантностью и наличием концептуальной матрицы. «Концептуальный релятивизм не создает каких-либо серьезных препятствий для понимания, описания и предметно-практической деятельности как в объективной реальности, так и в реальности духовной. Релятивизм представляет собой систему взглядов, принципов, соглашений, договоренностей, убеждений, облаченных в некую теоретическую форму, утверждающих, что при оценке того или иного явления или процесса, а также при выборе предпочтительных решений, относящихся к данному явлению или процессу, можно исходить из различных доминирующих критериев, руководствуясь максимальной выгодностью или максимальным удобством, или наибольшей привычностью, или предельной эффективностью, или возможностью достичь наилучшего результата с минимальной затратой материальных или интеллектуальных ресурсов» [8, с. 88]. Аргументы А. Ракитова убедительны, однако, применительно к праву, релятивизм, как парадигмальная установка не видится уместной. Целесообразно вести речь о 1) релятивности пространства, на котором право функционирует, 2) контекстуальности права. Другое утверждение российского философа считаем категоричным, по крайней мере, в отношении правовой рациональности: «Понятия рациональности вообще и научной рациональности в частности являются избыточными. Они лишь добавляют словесный мусор в соответствующие эпистемологические исследования, и без них можно спокойно обойтись, так же как в современной науке обходятся без аристотелевского понятия энтелехии» [8, с. 83].

Возвращаемся к Н. Луману. Любая система, с его точки зрения, является открытой для информации, но закрытой для нормативного контроля. «Эта идея представляется чрезвычайно значимой, поскольку в ней заключается альтернативное решение той теоретической трудности в обосновании права, с которой сталкивался юридический позитивизм. Эта трудность – в неспособности позитивизма дать последовательное объяснение структурным и содержательным изменениям в системе правовых норм. Дело в том, что наиболее последовательное (с точки зрения теоретических установок

юридического позитивизма и, главным образом, идеи борьбы за «чистоту» права) объяснение предполагает необходимость признания за правом способности к самокоррекции. Причем, процесс самокоррекции может быть наиболее легитимным лишь в том случае, если он исключает какое-либо внешнее волевое вмешательство» [2, с. 180]. Нельзя не согласиться с Л. Тахватулиной: когнитивная открытость – важнейшая характеристика правовой рациональности [2, с. 188–189]. Такая открытость стала актуальной в условиях расширения современного информационно-коммуникативного пространства. Но способна ли правовая рациональность «переварить» неконтролируемый поток информации? В эпистемологическом плане современный социум далек от совершенства. У общества, отмечает В. Волошин, слабый иммунитет перед ложью и бессмыслицей, снижена скорость «рациональных реакций» на идеологемы и симулякры. «Все это – путь к эпистемологическому тоталитаризму и потере интеллектуальной свободы, которая, с молчаливого согласия большинства, оказывается под контролем группы агентов, насаждающих некую «рационалистскую» идеологию. Носителям социально-гуманитарного знания стоит напомнить, что либерализм и демократия – это, прежде всего, функционирующие институты и учреждения, а не сотни диссертаций и статей им посвященных; гражданское общество нельзя создать в блогах и на телешоу; социальная рациональность, ограниченная исключительно пространством научных монографий и «Фейсбука» – знаковая система, не имеющая референта» [9, с. 68]. Дискурса ради дискурса, теоретизирования ради лайков и дипломов явно недостаточно. Необходимы конкретные решения и их внедрение в жизнь общества, консолидированного рациональными, осуществимыми идеями. Теория не должна доминировать над практикой. Это идет вразрез как с субъективным, так и интерсубъективным здравым смыслом. Не разумно и бесперспективно строить гражданское общество по западным образцам в Саудовской Аравии, идеи Хабермаса не найдут сторонников в Мьянме и Боливии.

Субъект, в классическом понимании, это тот, кто творчески познает и созидает. В правовом пространстве его альтернативой, считает Луман, является наблюдатель, лишенный психики. «Наблюдателями» могут быть учреждения и социальные институты, в т. ч. судебные органы. Луман элиминирует наличие независимых критериев оценки наблюдения. Каждый акт наблюдения имеет собственную значимость (вариант step-by-step). Тем самым правовое пространство становится ситуативным и конструктивным, оно релятивизируется. Наблюдение предполагает образование лакуны – «слепого пятна», которое снимается наблюдателем второго уровня. «Далее выстраивается целая иерархия наблюдений и наблюдателей, которая в своем единстве обеспечивает целостное самоописание системы» [2, с. 183]. Отметим, что в роли наблюдателей могут выступать не только суды, но и институты гражданского общества.

Заключение. Правовая рациональность рождается в ходе коммуникации, но не предшествует ей в виде «вечных истин», аксиом, дефиниций, методологических принципов и т. д. Адекватной идеализацией является дополнительность «консервативной» и «либеральной», стратегической и коммуникативной правовой рациональности. Такая дополнительность гарантирует одновременно открытость и стабильность правовой системы. В результате дискурса правовая рациональность реализуется и, как это не тавтологично звучит, – легитимируется. Вышесказанное является идеализацией, рассуждениями об абстрактных сущностях. Однако дискуссии о таких сущностях проводятся конкретными агентами социума, обеспокоенными реальными проблемами.

Право само по себе не способно к самокоррекции. Такую способность оно обретает только благодаря воле и действиям власти и агентов гражданского общества. Правовые ошибки и «слепые пятна» нивелируются эволюционным путем, step-by-step.

Постепенно общество приспосабливается к новым условиям, толерантно разрешая конфликты, благодаря деятельности как «игроков», так и «наблюдателей».

Дискурс гарантирует реализацию таких атрибутов правовой рациональности как эффективность, адаптация, гармоничность, аргументированность, способность реагировать на внешне вызовы. Из недр дискурса выходит специалист с высокой квалификацией. Говорить об избыточности и спекулятивности правовой рациональности – не рационально. Разумеется, для формирования гражданского общества одних дискуссий мало. Правовой дискурс, как и любой другой, релятивен. Нужно признать и объективность релятивности права. Но релятивность не тождественна релятивизму как парадигмальной установке и руководству к действию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонова Т. Фактор рациональности и правовое время в контексте политико-правовых процессов / Т. Агафонова // Власть. – 2010. – № 12. – С. 112–115.
2. Тухватулина Л. А. Рациональность в праве: подход Н. Лумана / Л. А. Тухватулина // Эпистемология и философия науки. – 2017. – № 4. – С. 175–190.
3. Рубанцова Т. А. Правовая институализация и коммуникативная рациональность Ю. Хабермаса в построении гражданского общества в России / Т. А. Рубанцова // Идеи и идеалы. – 2014. – № 2 (20). – Т. 1. – С. 82–86.
4. Додонова В. И. Постнеклассичный дискурс социальной рациональности / В. И. Додонова – Донецк: Вид-во ДонНУ, 2011. – 340 с.
5. Касавин И. Т. Дискурс / И. Т. Касавин // Социальная эпистемология / Под ред. И. Т. Касавина. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – С. 77–93.
6. Храмцова Н. Г. Правовой дискурс и дискурсивность права / Н. Г. Храмцова // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5. – С. 57–61.
7. Шаповалов И. А. Проблема рациональности в правовой аргументации судебных решений / И. А. Шаповалов // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 1). – С. 377–383.
8. Ракитов А. И. Рациональность и реабилитация релятивизма / А. И. Ракитов // Эпистемология и философия науки. – 2017. – № 1. – С. 76–91.
9. Волошин В. В. Знание в современном социуме: атрибуты и следствия / В. В. Волошин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 62–69.

Поступила в редакцию 03.09.2019 г.

THE RATIONAL AND THE LEGAL: INTERACTION WITHIN A DISCOURSE

I. I. Bartagariyeva

The article deals with the problem of both attributes and types of rationality. Specificity of the legal rationality is treated within the context of the role it plays in theory and practice of civil society. Besides, essential features of the legal rationality are detected. The author introduces such notions as «conservative» and «liberal» rationality. It is argued that the legal discourse is an adequate mechanism in terms of forming and functioning of the legal rationality. It is elaborated that paradoxicality and relativity of the legal discourse are objective and do not equate with relativism.

Key words: rationality, legal rationality, civil society, legal discourse, relativity, relativism.

Бартагариева Ирина Ириковна

Старший преподаватель кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: irina-elf@bigmir.net

Bartagariyeva Irina Irikovna

Senior Lecturer of the Chair of Philosophy,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: irina-elf@bigmir.net

УДК 165.191

САКРАЛЬНЫЙ СИМВОЛ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2019. *А.Н. Гришанов*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена философскому исследованию функционального аспекта сакральных символов как многоуровневого социокультурного феномена. Сделан вывод о том, что сакральный символ тесно связан с ритуалом. Сакральный символ отражает космический порядок и моделирует поведение индивида в контексте определенной религиозной доктрины. Символы и их влияние на человека, как реципиента символического содержания религиозной доктрины, раскрываются в ритуале. Сакральный символ в контексте ритуала отражает космический порядок и моделирует поведение индивида в контексте определенной религиозной доктрины.

Ключевые слова: символ, знак, культура, религия, общество.

Сакральный символ – это наделенный священным статусом знак, выражающий в образной форме некий религиозный смысл, трансформирующий содержание сакрального из трансцендентальной формы в форму социокультурной репрезентации. В процессе познания универсума выявляется то, что символ является главным и многозначным структурным элементом познавательной деятельности. Для изучения функций сакрального символа следует проанализировать вариативность его значимости в религии, искусстве и социокультурном пространстве, в целом.

Целью данной работы является философское исследование функционального аспекта сакрального символа в социокультурном контексте.

Общие характеристики символа описывались и объяснялись многими классиками философии, эстетики и психологии: Пифагором, Платоном, Аристотелем, Платином, Проклом, Августином, Авиценной, Фомой Аквинским, Паскалем, И. Кантом, Г. Гегелем, Ф. Шеллингом, Ф. Шиллером, И. Гёте, Ч. Пирсом, Ч. Моррисом, Э. Кассирером, С. Лангер, З. Фрейдом, К. Леви-Строссом, Б. Расселом, Л. Витгенштейном, М. Хайдеггером, Э. Фроммом, М. Хеллером, М. Хессе, Х.Г. Гадамером, Ж. Бодрийяром, А. Менегетти и др. Заметный вклад в XX в. в изучение символического мышления внесли такие российские исследователи, как С.А. Азаренко, М.М. Бахтин, А. Белый, И. А. Бескова, В.С. Библер, В.П. Бранский, Л.С. Выготский, Вяч.И. Иванов, В.С. Горский, А.Я. Гуревич, В.И. Жуковский, В.В. Кандинский, В.В. Ким, В.И. Копалов, Н.В. Кулагина, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, К.С. Малевич, М.К. Мамардашвили, И.П. Меркулов, А.М. Пятигорский, И.Я. Режабек, Н.Н. Рубцов, К.А. Свасьян, В.Ф. Сетьков, А.А. Тахо-Годи, Л.В. Уваров, Б.А. Успенский, А.Я. Флиэр, Е.Н. Шульга и др. При этом вопрос функционального наполнения и социокультурной роли сакрального символа все еще остается недостаточно изученным.

Для выяснения социокультурной функциональной специфики сакральных символов стоит обратиться к концепции Э. Дюркгейма. Э. Дюркгейм определяет религию как систему верований и обрядов: а) относящихся к священному, то есть отделенному от всего другого; б) объединяющих всех тех, кто придерживается этих верований и обрядов в одну общину (церковь). Следует отметить, что под церковью Э. Дюркгейм понимает не религиозную общину с точки зрения христианства, как

религии, а в самом простом и исходном смысле этого слова – как собрание верующих одной религиозной системы.

Все религиозные верования содержат одну общую черту: разделение реальных и идеальных явлений на два класса, обозначаемых терминами «священное» и «профанное». Священное и профанное всегда и везде для человеческого ума являются двумя отдельными мирами, между которыми нет ничего общего.

Священное порождается обществом, и наделено особым моральным авторитетом и властью. Ему свойственны следующие качества: запретность и обособленность от всего остального, способность быть объектом любви и уважения. Священное – источник принуждения и запретов, а также, одновременно, любви и поклонения. Сферу профанного образует повседневная жизнь с ее частными интересами, занятиями и индивидуальными наклонностями.

Источник религиозной жизни – это социокультурное бытие людей. А.Б. Гофман отмечает что «Дюркгейм настаивает на том, что корни сакрализации тех или иных явлений действительности кроются не в их внутренних свойствах, которые оказывают то или иное влияние на человека» [3, с. 5]. Здесь становится ясно, что дело не в объекте, а в субъекте религиозного поклонения, и автор находит его в человеческом обществе. Таким образом, Дюркгейм подводит к мысли, что носителем религии, сакральности и религиозных символов, соответственно, является общество. Сакральная символика, таким образом, – явление социокультурное.

В.И. Гараджа также пишет: «Источник религиозной жизни – социальный способ существования людей. Религия существует не потому, что существует индивид, который рассуждает о мире, а потому, что существует общество, реальность особого рода, отличная от суммы составляющих его индивидов. Носителем религии является «коллективное сознание» группы. И в то же время религия – это фактор, который поддерживает социальную солидарность: религия в такой же степени создает общество, в которой общество творит религию» [1, с. 122]. Таким образом, социальная функция как религии в целом, так и религиозной символики как ее элемента, заключается в укреплении социальной солидарности членов группы.

На примере тотемической системы австралийских аборигенов Э. Дюркгейм раскрывает содержание и функцию символа. Использование тотемического, эмблематического символа не только указывает на то, что является символом для индивида, который использует его и входит в контакт с ним, но и указывает на принадлежность к определенному тотему, на членство в данной организации общества.

Тотемический рисунок или знак делают тот или иной предмет священным. Тотемические знаки являются необходимым элементом религиозных обрядов, при выполнении которых они имеют функцию освящения. Гараджа отмечает, что «Священными являются все предметы, которые выступают материальными носителями тотема – или тотемные животные (растения), или предметы, имеющие на себе тотемический знак: скала или дерево, место, где хранятся чуринги, лицо вождя и т.д.» [1, с. 120].

Посредником и носителем функции сплоченности и интеграции общества выступает символ, символ как эмблематический, так и содержательный, который раскрывается с помощью ритуала. В ритуале сказывается сакральность того или иного символа, раскрывается его сакральный смысл.

Эмблематический символ используется в религии как соединительный центр для любой группы верующих. Использование группой символа делает ее членов избранными через осознание содержания и сакрального значения, заложенного в этом

символе. Ритуал же выступает консолидирующим актом для членов группы. Консолидация происходит при раскрытии сакрального смысла, заложенного в символах, используемых в ритуале и известных членам данной группы.

М. Элиаде стремится обнаружить в истории религии не поступательно сменяющие друг друга состояния, прогрессирующее от простого к сложному, но универсальные морфологические образы (модели, «паттерны»), которые всегда присутствуют в культуре и составляют ее ядро. Независимо от хронологии и этнической принадлежности носителей религиозных традиций. В этих рамках он отмечает, что человеку любой религиозной традиции свойственна ориентация на интеграцию в трансцендентный первоисточник, или в сакральное. Эту ориентированность он определяет как интуицию сакрального, то есть способность человека воспринимать проявление священного в явлениях действительности, и ностальгию по сакральным источникам бытия.

Опыт священного предусматривает, по мнению М. Элиаде, целостность и полноту переживания. В философской мысли М. Элиаде священное само становится абсолютной реальностью, полнотой бытия и первопричиной сущего. Нужно конкретизировать понятие святого. Как отмечает А. Забияко «в употреблении понятия святое (*sacré, sacred*) М. Элиаде субстантивует прилагательное и подменяет в дискурсе субъект предикатом. Предикат «святое» заступает на место субъекта святого, которым выступает в религиозном сознании Бог, Брахман или иная ипостась Абсолюта» [4], Святое имеет в себе потенцию к выявлению себя в мире. Человек же, движимый «онтологической одержимостью», интуитивно стремится прорваться к первореальности сквозь рутину обыденности. Введение же первореальности, абсолютной реальности в сознание, М. Элиаде обозначил таким понятием как «иерофания» (греч. *e r ò j* – священный, святой и *fanos* – выявлять) [5]. Здесь можно добавить, что иерофания – это акт выявления святого в чувственно доступной форме. Человек ищет знаки присутствия псевдореальности в самых разнообразных сферах существования: «в космических явлениях (небе, земле, воде и др.) И процессах регулярности времен года, увядания и возрождения растений; в «биологических» формах жизни, например, в строении человеческого тела, в сексуальности; наконец, ищет эти знаки в «локальных» данности существования – в местах, где человеком обнаружен некий «абсолютный элемент, способный положить конец относительности и неразберихе» (такой локальной данностью может, например, выступить место удачной охоты)» [6].

В акте иерофании происходит встреча – трансцендентной реальности, которая проникла в мир, и ищущей откровения абсолютного бытия человеческой души. Предметы и явления, оказывающие абсолютное бытие или инобытие, становятся сакральными. Развивая свои представления о сакральном, человек, согласно пониманию сакрального, перестраивает свое существование.

Образы иерофании и знания о священном человеке прошлого запечатлела в символах. «Но символизм играет значительную роль в религиозной жизни человечества – писал М. Элиаде – благодаря символам Мир становится «прозрачным», способным показать всевышнее» [7, с. 84].

Символические структуры позволяют уловить проявление сакрального и открыть человеку сущностное содержание сакрального, поскольку наполняют смысловым содержанием ее переживания. Символы позволяют человеку передавать и сообщать сущностное содержание сакрального через традиционные структуры обряда и мифа.

Человек, по мнению философа, не останавливается на простом восприятии сакрального, но оформляет опыт встречи с сакральным в коллективном общем виде через мифическое повествование, обряды и ритуалы, а также через символическое структурирование пространства и времени (ритуальные столбы, жертвенники, праздники и т.д.). Опыт сакрального, являясь по своей сути неопишуемым и нерациональным, не может стать предметом какого-то конкретного описания, и это неизбежно требует обращения к символу. Обладая ретроактивным действием, символ внушает мысль о сакральном, поскольку является отправной точкой скрытых значений.

Человеку любой религиозной традиции свойственна ориентация на интеграцию в трансцендентных источников. Человек испытывает желание жить в священном мире, что равноценно его стремлению окунуться в объективную реальность. В акте иерофании трансцендентная реальность проявляет себя в чувственно доступной форме. Происходит «встреча» явления священного с ищущей откровения человеческой душой.

Появления священного в мире, опыт священного человек запечатлел в символах. Символы, содержащиеся в мифах, обрядах, символическом структурировании пространства и времени, выполняют коммуникативную и консолидирующую функции.

Клиффорд выдвинул семиотическую концепцию культуры, согласно которой культура – это символическая сеть, модель, а человек – существо, которое находится в созданной ею системе символических значений. К. Гирц выдвинул концепцию, согласно которой религия является авторитетной концепцией реальности, и символ является носителем базовых доктринальных идей.

Прежде чем проанализировать понимание сакрального символа К. Гирцем, следует рассмотреть понятие культурной деятельности, с которой связана потребность человека в символизации.

Культурную деятельность К. Гирц в своей работе «Интерпретация культур» равна к созданию, воспитанию и использованию символических форм. Потребность в создании и использовании символических форм является необходимостью и «естественным шагом», о чем он говорит следующее: «Культурная деятельность, создание, восприятие и использование символических форм – это такое же социальное явление, как и все остальные; она столь же публичная, как и брак, и столь же доступна наблюдению, как и сельское хозяйство» [2, с. 109]. Такое положение дел Гирц объясняет особенностями антропогенеза. Культурные системы в Гирца являются внешними носителями информации в социуме, и они у него подобно генам поставляют шаблон для устройства социальных и психологических процессов, формируя при этом поведение индивида.

Для К. Гирца сравнение культурных или символических систем с генокодом – не просто натянутая аналогия. Здесь он приходит к сравнению человека с низшими животными, в которых информация уже заложена в генах. «Чтобы построить плотину, бобрам нужно только подходящее место и подходящий материал – способ строительства уже заложен их физиологией» [2, с. 110]. У человека поведение слабее определяется внутренними источниками информации. Человек может получать информацию только из символического источника, «из чертежа, учебного пособия, или речи кого-нибудь, кто уже знает, как строить плотины, – или, конечно, из таких манипуляций с графическими и лингвистическими элементами, в результате которых он может сам сформировать представление о том, что такое плотины и как их строить» [2, с. 110], отсюда и вытекает необходимость в символизации. Здесь К. Гирц вводит понятие модели «чего-то» и «для чего», где гены и другие источники информации служат моделью для «чего-то», то есть модели, которые являются инстинктивными, механическими, такими как, например, коммуникативный танец двух пчел.

В моделях «для чего» акцент делается «на таком манипулировании символическими структурами, которое приводит их в более или менее близком соответствии с уже существующей несимволической системой» [2, с. 110]. Модели «чего-то» являются указателями языковых, графических, механических и других процессов, функция которых заключается не в том, чтобы быть источником информации и моделью для других процессов в их модуляции, а в выражении уже этих смоделированных процессов, и представлении их структуры с помощью других альтернативных средств.

Такие модели встречаются гораздо реже, и только у человека. Отсюда следует тезис о мышлении человека, в понимании его К. Гирцем, где он отмечает, что «Восприятие структурного соответствия одного ряда процессов, действий, связей, сущностей другому, для которого первый служит программой, и в отношении которого такую программу можно считать репрезентацией, образом – то есть символом, – вот в чем суть мышления человека» [2, с. 112]. Далее он заключает, что взаимозаменяемость моделей «для чего» и «чего-то», которая возможна благодаря символическим средствам, является отличительной чертой символического мышления человека.

Понятие «символ» у Гирца – это знак вообще, не обязательно языковой, и не обязательно используемый в прямом смысле. Религия, также как и культура, является системой символов, которая способствует возникновению у людей устойчивых настроений и мотиваций. Религия формирует представление об общем порядке бытия, прикладывая к этим порядкам ореол действительности таким образом, что настроения и мотивация кажутся единственно верными и необходимыми. Здесь следует отметить, что под мотивацией в религии К. Гирц понимал «устойчивое стремление, постоянное желание делать определенного рода действия и чувствовать своего рода чувства в определенного рода ситуациях» [2, с. 113]. Религия, как символическая система, предоставляет человеку символические ресурсы для выражения ее идей в форме авторитетной концепции о реальности. Религия оказывает символические ресурсы для выражения эмоций человека, его настроений, его страстей в формах свойственных только данному религиозно-символическому типу. Воспринимающий человек, восприняв символы, становится способным не только понять мир, но и привести в порядок свои чувства, придать направленность своим эмоциям.

Таким образом, сила религии как опоры социальных ценностей, базируется на способности ее символов выражать мир. Основное же значение религии, по К. Гирцу, заключается в способности создания с помощью символических средств образа такого настоящего порядка вещей, который бы объявлял и подносил неоднозначность и парадоксальность опыта человека. Назначением религии является сохранение фонда общих значений, с помощью которых человек интерпретирует свой жизненный опыт и организует свое поведение. Религиозный символ тесно вплетен в канву религиозности, о чем К. Гирц говорит следующее: «Группа священных символов, вплетенных в некое упорядоченное целое, и составляет религиозную систему. Для тех, кто посвящен в нее, религиозная система представляется такой, что передает истинное знание, знание о тех сущностных ориентирах, в рамках которых должно быть прожита, при необходимости, жизнь» [2, с. 152].

Священные символы олицетворяют не только положительные, но и отрицательные ценности. Они поднимают проблему добра и зла и формулируют ее языком картины мира данной общности, данного этноса. Типы символов, которые считаются священными в тех или иных народах, весьма разнообразны. Это «тщательно разработанные обряды инициации, как у австралийских аборигенов, сложные

философские сказания, как у маори, театрализованные шаманские представления, как у эскимосов, жестокие обряды с человеческими жертвоприношениями, как у ацтеков, мучительные лечебные церемонии, как в навахо, грандиозные общинные пиры, как в разных полинезийских племен» [2, с. 156].

Символы и их влияние на человека, как получателя символического содержания религиозной доктрины, раскрываются для человека в ритуале. Только в ритуале, в сакрализованной действии возникает у человека убеждение, что религиозные понятия отражают реальность и религиозные предписания умные, а картина мира, представляется символом, верная и абсолютная.

Смысл ритуала заключается в том, что человек, который находится в ритуальной действительности, с помощью ритуального действия становится частью символического мира, частью мира, в котором живут сакральные символы. Вызывая определенный набор настроений и мотиваций – этнос, создавая определенный образ космического порядка, картину мира с помощью ряда символов, ритуальное действие превращает модель «чего-то», и аспект модели «для чего» взаимозаменяемы.

Таким образом, сакральный символ в контексте ритуала отражает космический порядок и моделирует поведение индивида в контексте определенной религиозной доктрины, через сумму известных носителей соответствующей религиозной традиции и контекстов. Он обозначает реальность и вводит индивида в соответствующую религиозную доктрину. К. Гирц выдвинул семиотическую концепцию культуры, согласно которой культура – это символическая сеть, модель, а человек – существо, которое находится в созданной ею системе символических значений. Основное значение религии заключается в способности создания с помощью символических средств образа такого настоящего порядка вещей, который бы объяснял неоднозначность и парадоксальность опыта человека.

Символы и их влияние на человека, как реципиента символического содержания религиозной доктрины, раскрываются в ритуале. Сакральный символ в контексте ритуала отражает космический порядок и моделирует поведение индивида в контексте определенной религиозной доктрины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гараджа В.И. Социология религии / В.И. Гараджа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.verigi.ru/?book=1&chapter=26> (дата последнего обращения – 10.11.2019 г.).
2. Гирц К. Интерпретация культур; [пер. с англ.] / К. Гирц. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 560 с.
3. Гофман А. Б. Религия в философско-социологической концепции Э. Дюркгейма / Гофман А.Б. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.smolsoc.ru/images/referat/a2273.pdf> (дата последнего обращения – 10.11.2019 г.).
4. Забияко А. Сакральное как категория феноменологии религии М. Элиаде / А. Забияко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/biblio/text/1653734/index.html> (дата последнего обращения – 10.11.2019 г.).
5. Философская энциклопедия / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://enc-dic.com/search.php?search=%E8%E5%> (дата последнего обращения – 10.11.2019 г.).
6. Цыгуля Н.П. Феномен сакрального в контексте социального бытия: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Н.П. Цыгуля. – Чебоксары, 2010. – 24 с.
7. Элиаде М. Священное и мирское / [пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского] / М. Элиаде. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

Поступила в редакцию 12.12.2019 г.

SACRED SYMBOL IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL BEING: A FUNCTIONAL ASPECT

A.N. Grishanov

The article is devoted to the philosophical study of the functional aspect of sacred symbols as a multilevel sociocultural phenomenon. The conclusion is made that the sacred symbol is closely connected with the ritual. The sacred symbol reflects the cosmic order and models the behavior of the individual in the context of a particular religious doctrine. Symbols and their influence on a person, as a recipient of the symbolic content of religious doctrine, are revealed in the ritual. The sacred symbol in the context of the ritual reflects the cosmic order and models the behavior of the individual in the context of a particular religious doctrine.

Key words: symbol, sign, culture, religion, society.

Гришанов Александр Николаевич
Аспирант кафедры философии,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: alexandrdesign1983@gmail.com

Grishanov Alexander Nikolayevich
Graduate Student of the Chair of Philosophy,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: alexandrdesign1983@gmail.com

УДК 122; 930.1

**ТЕОРИИ ПОЛИВАРИАНТНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА:
КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ**

© 2019. Г.Э. Даниленко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

В статье предпринята попытка определения общих базовых онтологических характеристик теорий поливариантного развития истории. Анализируются неклассические и постнеклассические теории поливариантности исторического процесса. Обосновывается мысль о том, что онтологических оснований теории поливариантности не имеют, они подменяются метафизическими и когнитивными суррогатами.

Ключевые слова: поливариантность, исторический процесс, онтология, историческое время.

Вся проблематика исторического процесса тематизируется из онтологии истории. Теории поливариантного развития истории – не исключение. За последние годы появилось немало научных работ – диссертаций, монографий, статей, – которые освещают различные аспекты теорий поливариантного развития истории: типологию, методологию, различные проблемы теории познания и аксиологии этих систем. Но базовые онтологические вопросы в них рассматриваются, на наш взгляд, недостаточно всеобщее (чаще – в узко предметно-локальном приложении) и универсально [1–7].

Теории плюрального циклизма составляют, в целом, унифицированную группу теорий поливариантности истории. Они отличаются относительным методологическим единообразием в объяснении причин, факторов, периодов, смысла и целей всемирно-исторического развития. Это позволяет сделать некоторые обобщения, касающиеся общих онтологических принципов (они же – признаки) универсального концептуального единства этих теорий. Так, в циклических теориях поливариантности исторического процесса неклассического типа проблема исторического бытия редуцируется к теме метаисторического идеально-сущего, метафизически пребывающего вне исторического процесса. Онтологическая сущность этого подхода заключается в том, что историческая реальность предопределяется, детерминирована метаисторической реальностью. А историческая событийная действительность понимается и объясняется категориями метаисторической трансцендентности. Так, например, «судьба» у О. Шпенглера выступает в роли божественного провидения, а у А. Тойнби столь же произвольно, как и судьба в концепции О. Шпенглера, конечной причиной исторических событий объявляется Бог, искушающий человека своими «вызовами», провоцируя то или иное человеческое сообщество творческий ответ [3, с. 205].

Множество современных теорий поливариантного развития истории поражает количественным разнообразием и качественной несводимостью к простым типологическим схемам. Типологически наиболее сложное явление представляет собой множество так называемых контрфактических исследований, включающих в себя разновидности концепты: «альтернативная история», «ретроальтернативистика», «виртуальная история», «вероятностная история», «несостоявшаяся история», «экспериментальная история», «гипотетическая история», «ретропрогностика», «контрфактическое моделирование», «контрфактическая история» и т.п. В постнеклассических концептах поливариантности исторического развития проблема

исторического процесса вытесняется темой когнитивно существующего конструкта истории. А историческая событийная действительность, в свою очередь, дедуцируется из некоего идеального концепта/образа истории, конструируемого в сознании «сознающе-понимающего» историю интеллект.

Если мы понимаем историю как прогресс или даже как просто развитие – перед нами неизбежно встают базовые онтологические вопросы: что такое историческое время, что является субстанцией исторического процесса, что – его субъектом.

Можно выделить некоторые общие для столь разнообразных теорий характеристики исторического времени [4]. Поливариантность исторического процесса в темпоральном измерении может выражаться в следующих – также универсальных – формах:

– игнорирование линейной инвариантности, собственно, процессуальной направленности исторического времени (из прошлого в будущее);

– допущение (в других случаях – концептуальное утверждение) цикличности истории, с рецессией, возвратным движением исторического времени (обратимости развития исторического процесса в своеобразное «свитие»); при этом процессы развития-свития различны (вариативны) по длительности и множественности, а также асинхронны для разных культур-цивилизаций;

– игнорирование константности самого физического времени; время историческое (которое атрибутируется как многонаправленное, циклическое и обратимое) противопоставляется времени физическому (с его атрибутами линейности и необратимости).

Время в разных формах и контекстах субъективируется, аксиологизируется, ре- и конструируется, т. е. подвергается различным когнитивным абберациям. Целью такого когнитивного насилия, кажется, является власть над временем, владение, обладание и управление временем (историческим, если уж физическим владеть и управлять, очевидно, нельзя).

Проблема субъекта истории в поливариантных теориях исторического процесса решается двумя способами (соответствующими двум выше обозначенным подходам). Субстанциальным субъектом истории признается либо метаисторичный субъектно-статичный, неизменяющийся Абсолют, Бог и т.п. Так дело обстоит в неклассических теориях циклического развития истории. Либо субъектом истории выступает субъективно сознающий и волящий индивид (вариант: группа индивидов). Отсюда центральные темы поливариантности исторического процесса постнеклассического типа – проблема выбора, историческое небытие/инобытие, ризомная вариативность исторического процесса, ацентричность истории, диссипативный характер ее развития и прочие проблемы постмодернистского понятийного поля, не имеющий онтологического содержания и применения. И именно поэтому многочисленные концепты поливариантности исторического процесса постнеклассического типа выглядят столь хаотично-динамично, необоснованно, несистемно: в них нет субстанциального субъектного начала.

Ещё одна тема различных теорий поливариантного развития истории – виды (типы) исторического небытия. Однако, внешне онтологическая, она, по-существу, также таковой не является. Такими видами/типами исторического небытия признаются:

– метафизическое, метаисторическое небытие (этот вид небытия можно было бы вывести из рассмотрения видов поливариантного исторического бытия, если бы не многочисленные в прошлом теории объективно-идеалистического объяснения истории);

– абсолютное историческое небытие (невозможное, неосуществимое, недействительное, немислимое и нереальное абсолютно);

– относительное небытие.

Последний вид исторического небытия на событийном уровне истории обнаруживается в различных концептах в следующих формах:

– как возможное, но ещё недействительное (меональное, неосуществившееся);

– прошлое и будущее как временные модусы небытия настоящего;

– небытие как когнитивная (мыслимая, воображаемая) и субъективная, но недействительная реальность.

Нигилистический подход к истории представляет собой наиболее радикальную форму отрицания единства исторического процесса, отрицания самой онтологии истории. Он отрицает саму объективную онтологическую процессуальность истории. На этом основано допущение реальности вариантов не-действительного исторического бытия и признание возможной реальности – виртуального, когнитивного ино-бытия, альтернативного, недействительного исторического бытия, по-сути – исторического небытия. Онтологический (бытийный) статус истории в результате ставится вровень (в один онтологический ряд) с историей небытийное (небывшей), ино-бытием возможным, несвершившимся, а объективная реальность истории – с мыслительным экспериментом (когнитивным насилием) над историей. Небытие (меональное) приобретает равный онтологический статус с бытием. Само действительное историческое бытие рассматривается как вариант небытийных (инобытийных) историй.

С позиции классической (а никакой иной, собственно, и не существует) онтологии истории можно выявить некоторые ошибки (заблуждения или недоразумения) поливариантного понимания истории. Формы (и способы, модусы) проявления сущности исторического процесса (субстанции истории) принимаются за саму субстанциальную сущность ее. Отрицается историческая действительность как единственная онтологическая реальность исторического процесса. Отрицается объективный материальный характер исторического процесса, субъективируется историческая реальность. Небытие истории (через отождествление небытия с инобытием) уравнивается в онтологическом статусе с действительным бытием, как некая модальность последнего [7]. Возможность (меоническое небытие) уравнивается в онтологическом статусе с действительностью. Наконец, несуществующее (несуществовавшее, неосуществившееся) – с существующей (осуществившейся) исторической действительностью.

Из выше сказанного можно заключить, что онтологических оснований поливариантности исторического процесса в современном постмодернистском стиле просто не существует, мы имеем дело лишь с когнитивными обоснованиями онтологических оснований поливариантности истории, обоснованиями, выводимыми из некоторых допущений и произвольных предположений:

– о возвратном характере временного потока (с замыканием его в цикл);

– об обратимости времени (принудительной, субъективно);

– о дискретном характере времени (делимости на части, сегменты и, значит, возможности сегментировать, членить, разделять, противопоставлять выделенные фрагменты исторического временного потока друг другу);

– о антиконтинуальности (контрконтинуальности) пространственно-временного поля истории;

– об автономности и изолированности (пространственной и временной закрытости) фрагментированного процесса истории, до полного отрицания внешнего взаимодействия и причинной преемственности этих изолированных фрагментов;

– в противопоставлении времени исторического физическому;

– в отрицании биологического и психо-физического единства человечества (антинаучное деление вида *Homo sapiens* на подвиды и пр. по расовому, этническому,

психическому признакам, которые есть лишь этиологические модусы такого генетического нигилизма).

При всех видимых различиях метафизического и субъективно-когнитивного подходов к объяснения причин, факторов, хода самого исторического процесса, смысла и целей истории, мы обнаруживаем значительные аналогии и методологически согласованные принципы базового, онтологического уровня понимания истории в теориях поливариантности исторического процесса. Историческое бытие в неклассических теориях исторического циклизма понимается и объясняется метаисторическими факторами, и соответствующим понятийным аппаратом. В свою очередь, антиисторизм, присущий постнеклассическим концептам множественности исторических путей развития методологически произведен от метаисторизма циклического типа. Метаисторизм – онтологический коррелят антиисторизма, который, в свою очередь, является гносеологическим коррелятом метаисторизма.

В целом же, теориям поливариантности исторического процесса свойственна концептуальная несобранность, невыстроенность, несведённость, системная несистемность мышления.

Онтологические обоснования (поскольку мы не видим объективных онтологических оснований поливариантности исторического процесса, то будем говорить только о субъективных его обоснованиях) истории видятся в таких разновидностях:

1) Объективно-идеалистические обоснования (метафизические разновидности неоклассических теорий поливариантности исторического процесса). Априорное признание до-исторической первичности неких объективно-идеалистических пред-форм (пра-форм), их приданности-предданности-заданности и их внутриисторической доминантности в виде неких объективных парадигм культурно-цивилизационных типов над материальным субстратом истории. (На данном уровне абстрактного анализа этой группы концепций поливариантности исторического процесса нет логического смысла в различении понятий «культура» и «цивилизация», поскольку те или иные авторы этих теорий вкладывали тождественный смысл в эти понятия – «культурных организмов», «культурных типов», «культур», «цивилизаций» и т.п.).

2) Когнитивно-идеалистические основания (альтернативистские и контрфактические концепты истории постнеклассического типа). Это - собственно альтернативистское деконструирование истории, которое в контексте реализовавшегося прошлого допускает нереализовавшиеся, но содержащиеся потенциально в прошлом возможности. И, так называемые, контрфактические исторические исследования, развивающие концепцию альтернативности исторического развития контрфактическим моделированием событий. Альтернативистика представляет исторический процесс как дискретное, атемпоральное, антикумулятивное пространство разнонаправленных во времени микропроцессов, как некое волновое информационное поле. А контрфактическая история, отрицая онтологическую сущность времени, в объективно существующую органическую историческую реальность насильственно (когнитивным актом) имплантирует прерывистую, бессвязную последовательность событий, инцидентов, ситуаций. Что приводит к отказу от каузальных объяснений исторических событий и от понимания целостности исторического процесса. Причинно-следственный процессуальный характер истории, таким образом, подменяется псевдологической процедурой – контрфактической импликацией (с заведомо ложным антецедентом).

Множественность исторических форм бытия не отрицает процессуального единства истории. История – открытая саморазвивающаяся (сама себя

воспроизводящая) процесс-система, открытая и самоопределяющаяся в настоящем, неопределенная и открытая в будущее. В собственном смысле «история» - сбывшееся, ставшее бытие, т.е. определенное пространство-временем прошлое. История как становящееся (настоящее) бытие открыто возможностям, но как ставшее (прошлое) – закрыто для возможностей; бытие, ставшее действительностью, бытие действительное. Прошлое как оно есть – действительное бытие истории, тогда как прошлое каким оно могло бы быть (или должно было быть: долженствующее или желаемое прошлое) – область исторического сознания, а не исторического бытия. Попытки виртуальщиков, небытийщиков, контрафактников и пр. рассматривать прошлое как будущее (действительность как возможность), уже-бытие как ещё-небытие – демонтировать, деконструировать прошлое – пагубная практика рассистемывания, рассобытиявания истории. Это – негативистское желание выместить на истории свою неудовлетворенность, несогласность с реальностью, желание, наконец, выместить на прошлом зло непонимания, неприятия реальности, такой, как она есть (материи истории). Историю нужно познавать, понимать и принимать, а не вымещать и замещать. История – действительный материальный процесс. Ставшее прошлым (как омертвевшая клетка, как отмирающий орган, умирающий организм) отживает, перестает жить действительной жизнью, умирает физически. «Живет» историческое прошлое только в историческом сознании, в познающем это прошлое сознании человека. История «оживает» в идеальных образах материального прошлого, то есть, перестаёт быть действительным бытием, становясь когнитивно-производной формой субъективного идеального бытия. Действительная (осуществившаяся, ставшая прошлым) история воспринимается историческим сознанием, хранится в исторической памяти и воспроизводится историческим сознанием. Но воспроизводство идеальных образов прошлого (лишь идеальных образов) – не само прошлое. Идеальная реконструкция действительного исторического бытия – лишь воспроизводство прошлого в идеальных образах, а конструирование прошлого в сознании – лишь воображение (фантазия) о никогда не бывшем (но часто так желаемом) прошлом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альтернативные пути к цивилизации: коллективная монография / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. – М.: Логос, 2000. – 368 с.
2. Данин С.А. Природа цивилизации: социально-философский анализ. Автореф. дис. канд. филос. наук. – Тверь, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/priroda-civilizacii-socialno-filosofskij-analiz.html> (дата обращения: 12.09.2019).
3. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования / А.В. Лубский. – М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2004. – 339 с.
4. Модестов С.А. Нереализованные исторические возможности: философско-методологический анализ: автореф. дис. докт. филос. Наук. – Москва, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chloveknauka.com/nerealizovannye-istoricheskievozmozhnosti> (дата обращения: 12.09.2019).
5. Нехамкин В.А. Проблема поливариантности исторического процесса: генезис, пути решения / В.А. Нехамкин. – М.: МАКС-Пресс, 2002. – 104 с.
6. Нехамкин В.А. Контрфактические исследования в историческом познании: генезис, методология / В.А. Нехамкин. – М.: МАКС-Пресс, 2006. – 176 с.
7. Шевченко В.В. Многовариантность исторического развития. Автореф. дис. канд. филос. наук. – Волгоград. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chloveknauka.com/mnogovariantnost-istoricheskogo-razvitiya> (дата обращения: 12.09.2019).

Поступила в редакцию 30.09.2019 г.

THE PRINCIPLES OF THE ONTOLOGY OF CREATIVITY

G. E. Danilenko

The article attempts to determine the general basic ontological characteristics of the theory of multivariate development of history. Nonclassical and post-nonclassical theories of the multivariate of the historical process are analyzed. The idea is substantiated that it is replaced by metaphysical and cognitive surrogates.

Key words: polyvariance, historical process, ontology, historical time.

Даниленко Геннадий Эдуардович
старший преподаватель кафедры философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
технический университет».
E-mail: gddgtu@mail.ru

Danilenko Gennadiy Eduardovich
Senior Lecturer of the Chair of Philosophy,
SEI HPE “Donetsk National Technical University”.
E-mail: gddgtu@mail.ru

УДК 141.319.8:115

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

© 2019. *Н.Н. Емельянова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируется проблема человека в контексте философии времени от античности до наших дней. Рассматриваются наиболее знаковые концепции прошлого, настоящего и будущего, характеризующие как классические, так и неклассические подходы к изучению вечного и преходящего в человеческом бытии. Прослеживаются общие идеи в теориях зарубежных и отечественных философов.

Ключевые слова: философия, человек, время, прошлое, настоящее, будущее.

Проблема человека как центрального звена мира является одной из основных проблем философии, сущностью которой остается вечная любовь к мудрости. Диогеновское «Ищу человека» с древних времен обусловило главную задачу гуманистической философии, стремящейся понять, откуда мы пришли в этот мир и куда уходим, как в жизни соотносятся вечное и преходящее, каковы возможности человека в изменчивом мире. История культуры наполнена бесконечными попытками мыслящего человека познать скрытую сущность бытия, которое в эпоху постсовременности предстает то языковой реальностью (мир – большой словарь с множеством мыслительных и словесных лабиринтов), то рассыпанным бытием (мир – непрерывное исчезновение, попытка уловить следы прошлого), то попросту симулякр (виртуальный мир – феномен «двойного присутствия»). В процессе познания мира субъект осознает и собственное предназначение. Философия человека, ностальгируя по утраченной гармонии бытия, осваивает доступное субъекту смысловое пространство в интерпретациях прошлого, настоящего и будущего. В условиях информационного общества осмысление возможностей человека в данном ему пространственно-временном континууме становится необходимым условием сохранения стабильного социума.

В разработку философии времени существенный вклад внесли Платон, Аристотель, Августин, И. Ньютон, Г. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Барг, М. Киссель, Л. Витгенштейн, М. Аксенов, Н. Бердяев, В. Асмус, Э. Гуссерль, А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, М. Шелер, А. Эйнштейн, Г. Минковский, Ж. Делез, Г. Рейхенбах, М. Фуко и др. Исследование феномена времени привело научную мысль к построению трех основных его моделей: циклической, эсхатологической и энтропийной. Циклическая модель строится на понимании времени как движения в границах бесконечного круга (Д. Вико, С. Кьеркегор, Ф. Ницше и др.). Эту модель изменили Г. Гегель и К. Маркс, наполнив ее диалектическим содержанием и придав ей форму спирального развития. Эсхатологическая модель, возникшая как христианская концепция времени, основана на убеждении в том, что история человечества движется к концу, но не к разрушению и смерти, а, напротив, к воскресению и бессмертию (А. Августин, Тейяр де Шарден, Н. Бердяев и др.). Эсхатологическое время направлено к конечной цели, достижение которой символизирует финал времени и конец истории. В основание третьей,

энтропийной модели времени положен принцип необратимости и неизменности прошлого. Отрицаются общие закономерности и движение к конечной цели, текучесть времени рассматривается как процесс постоянного возрастания неопределенности, беспорядка и хаоса (К. Бейли, М. Форсе, В. Каплунов и др.). Все эти модели времени имеют точки соприкосновения, так как социальная жизнь осуществляется в их непрерывном взаимодействии. Примером осознания и теоретического обоснования этого симбиоза является уже упомянутая нами концепция спирального хода истории, предложенная Г. Гегелем и переосмысленная К. Марксом и Ф. Фукуямой. Несомненно, философские изыскания в этой области не завершены и постоянно открывают новые грани исследуемой проблемы.

Любые философские проекты, так или иначе, предполагают позитивный прообраз грядущего, знаменующий поворот к более высокому модусу существования. Философия помогает понять, что человек самой своей природой предназначен к поискам высшего начала, к переходу потенциального в актуальное. Чтобы по возможности скорректировать настоящее и наметить ценностные контуры будущего, необходимо не просто осознать прошлое, но и воспроизвести всю сложную гамму его противоречивых, порой полярных мировоззренческих парадигм. Чтобы идентифицировать настоящие убеждения, надо распознать прошлые, даже если они представляются ошибочными. Так философия времени органично вписывается в проблему человека.

Будучи внутренней мерой существования и самоуничтожения предмета, время одновременно находится и вне нас, и внутри нас. Оно может проходить быстро или медленно, казаться долгим или коротким; иногда мы стремимся «убить» время или, напротив, жалуемся на его нехватку. Пытаясь избавиться от горьких или постыдных воспоминаний, мы тем самым стремимся сделать «небывшими» те эпизоды, которые когда-то пережили. И наоборот: некоторые люди живут прошлым, не в силах расстаться с тем временем, которое давало им ощущение стабильности и счастья. Не случайно М. Вебер, анализируя традиционный тип господства, указывал на авторитет «вечно вчерашнего», то есть на авторитет удач, освященных вечной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение.

Известно, что все изменения во времени осуществляются в определенном месте. Термин «хронотоп», введенный в свое время М. Бахтиным в теории художественной коммуникации и высвечивающий сложные взаимосвязи двух составляющих единого целого, быстро распространился из литературоведения и теории искусства на другие области знания. М. Бахтин писал, что в понятии хронотопа ему важно было выразить неразрывность пространства и времени: приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осознается и измеряется временем [1, с. 121–122]. Хронотоп представляет собой структурообразующий феномен, являющийся своеобразным способом существования каждого конкретного коммуникативного действия. Другими словами, хронотоп – это пространственно-временная система координат, которая структурирует и организует ту или иную коммуникативную деятельность.

Еще на ранних фазах развития человечества, в древних мифологических, религиозных и философских системах пространственно-временная структура бытия рассматривалась как его генетическое начало. Так, у древних греков Хронос (Кронос), будучи персонифицированным воплощением Времени, стал основополагающим онтологическим мифом европейской культуры. Согласно этому мифу, Кронос, самый хитрый и ловкий из всех детей Земли-Геи и Неба-Урана, поразили алмазным серпом

заточившего их в темницу отца и стал властителем космоса. Опасаясь повторить участь Урана, он решил пожирать своих детей, но последнему из них, Зевсу, удалось одолеть Кроноса и бросить его в Тартар. Образ Хроноса, пожирающего своих детей, символизировал безжалостность и неумолимость времени, над которым ничто не властно и которое невозможно победить. Все, что существует, рано или поздно, поглощается временем. Оно обладает вечностью, хотя проявляется в конечных явлениях: всякая вещь возникает и разрушается, но мир в целом существует вечно. Даже смерть не означает полного уничтожения; не случайно в древней Греции сон и смерть (Гипнос и Танатос) изображались в виде близнецов, которые спят, обнявшись.

Древнегреческие философы, раздумывая о вечном и преходящем, приходили к выводу о беспредельной основе сущего. Так, Анаксимандр считал, что океан времени не имеет берегов, и ничто не спасет человека перед лицом равнодушной вечности. Протагор утверждал, что сама конечность человека служит препятствием для получения достоверных знаний, а Сократ был убежден не только в скоротечности мира, но и в существовании вечных ценностей – добра, истины, красоты. По Платону, в противоположность текучему и несовершенному миру вещей, вечностью обладают идеи, обитающие в верхнем слое бытия, сфере неподвижных звезд. Время же, существующее в сфере движения планет, в земных условиях становится иллюзией, поскольку отдельные вещи возникают и распадаются. Не существующее до сотворения мира, время является движущимся образом вечности. Если вечность выступает формой существования идей, то время предстает способом прикосновения к вечности.

Далее Аристотель характеризует настоящее (теперешнее) как момент единства бытия и небытия, ушедшего прошлого и не наступившего будущего: «Трудно увидеть, является ли «теперь», разделяющее прошлое с будущим, всегда единым и тождественным, или становится каждый раз другим» [2, с. 145]. Время двойственно, потому что оно складывается как из разрывов между моментами «теперь», так и из связи между ними. Следовательно, краткий миг «теперь» – это одновременно и точка разрыва, и точка связи. В контексте этих рассуждений вспоминается поучение из «Книги самурая», согласно которому «сейчас» – это и есть «то самое время», а «то самое время» – это и есть «сейчас».

В неоплатонической философии проблема времени рассматривается в контексте соотношения вечного и преходящего. Согласно Проклу, все, что в одном отношении вечно, а в другом преходяще, есть вместе и сущее, и становление: «Ведь где нет ни более раннего, ни более позднего, ни прошедшего, ни будущего, а есть только бытие, которое существует, там каждая существующая вещь есть одновременно целое... Все, что в одном отношении вечно, а в другом преходяще, есть вместе и сущее, и становление» [3, с. 145].

Опираясь на учения классиков античности и неоплатоников, Августин делает время атрибутом бытия, в котором настоящее постоянно стремится к небытию. Время представляет собой распавшуюся вечность, в которой осуществляется судьба человека, отданного одновременно и реальности времени, и его призрачности. По убеждению Августина, мир сотворен не во времени, но вместе со временем. Для Бога, пребывающего в вечности, нет понятий «раньше» и «позднее». Он продолжает творить мир вместе со временем, которое становится для человека его собственным опытом как переживание текучести бытия: «Так, для настоящего прошлых предметов мы имеем память или воспоминание; для настоящего нынешних имеем взгляд, наблюдение, а для настоящего будущих вещей мы имеем ожидание, надежду» [4, с. 588]. Подобное понимание времени как исторического, субъективного по содержанию, делает человека

ответственным за свое бытие. При этом время и вечность, вплетаясь в человеческое существование, взаимодействуют как единое целое. Впоследствии З. Фрейд назвал чувство преднатального единения человека со всем окружающим «океаническим» чувством, связанным с бессознательными воспоминаниями людей о том первоначальном времени, когда сознание отсутствовало.

Неоплатоническая составляющая доминировала и у Б. Паскаля, признававшего в конечных явлениях присутствие трансцендентного, которое нельзя постичь разумом, но можно прочувствовать сердцем. Как и Августин, Паскаль воспринимал человеческое время через трансцендус в вечность как момент совпадения прошлого и будущего. При этом человек оказывался одновременно в имманентной и трансцендентной реальности как центральной действительности жизни. Метафизическая бездомность индивида, экзистенциально пережитая Паскалем, проистекала из разорванности конечного и трансцендентного: «Я вижу пугающие пространства вселенной, которые меня окружают, я понимаю, что нахожусь в каком-то уголке этих просторов, но не знаю, ни почему я оказался именно здесь, а не в другом месте, ни почему краткий срок, отпущенный мне для жизни, назначен именно в этой, а не в другой точке целой вечности, которая была до меня и будет после. Повсюду я вижу только бесконечность, объемлющую меня как атом, как тень, которая существует лишь на один безвозвратный миг» [5, с. 192]. В зеркале христианской религии эмпирические факты человеческой жизни представляли отблесками предстоящего подлинного бытия.

Однако в эпоху Нового времени предпочтения отдавались рационалистическим представлениям о человеке и возможностях его разума. Известная полемика И. Ньютона и Г. Лейбница по поводу пространства и времени, знаменитое *cogito* Р. Декарта, идеи немецких классиков обогатили мировую философию гносеологическими изысканиями. Если И. Кант обозначил время как форму деятельности человека и его психологическую характеристику, то у Г. Гегеля конкретное настоящее предстало результатом прошедшего, чреватого будущим, а истинное настоящее – вечностью, то есть абсолютной вневременностью. Аккумулируя идеи античных философов и Августина, основатель абсолютного идеализма провозгласил время отношением, в котором реализуется бытийность субъективного духа: прошлое и будущее существуют в воспоминании и в страхе либо надежде. Прошлое для Г. Гегеля – это небытие бытия, место которого заняло «теперь», а будущее – бытие небытия, содержащееся в настоящем [6, с. 56–59].

Философия человека в контексте прошлого, настоящего и будущего обрела прочное место в неклассических построениях XIX века. Так, по убеждению С. Кьеркегора, вечная жизнь Иисуса Христа одновременна жизни человеческого рода, что создает для индивида возможность вневременного экзистенциального опыта. Если принципом жизни является наслаждение, то человек живет переживаниями минуты; если основой поведения является долг, человек живет заботой о будущем; если жизнь основана на вере, он живет ощущением вечности. В этом случае экзистенциальное время воплощается в мгновении, не имеющем внешних измерений. Философия имеет дело с прошедшим, но надо дать ответ на вопрос о будущем: «Разве ход жизни приостановился? Разве современное поколение может жить одним созерцанием прошлого? Что же в таком случае будет делать следующее поколение?» [7, с. 245]. Жизнь человека – не более чем момент времени, которое явится также отдельным моментом для будущего. Нет ничего нового под солнцем, но вечное повторение, свойственное бытию, делает наш внутренний опыт открытым внешнему как источнику

новых возможностей. Таким образом, человеческое Я всегда раздвоено и одновременно едино.

Эффект подобного самоудвоения С. Кьеркегор демонстрирует на примере зеркала как источника виртуальных видимостей. Подобно тому, как обретение индивидом действительного бытия (его места) осуществляется посредством собственной идентификации в виде зеркального отражения (не-места), в основе всякого пространственного образа лежит принцип зеркального становления места в не-месте. Обретение индивидом действительного бытия (его места) осуществляется посредством собственной идентификации в виде зеркального отражения (не-места). Следовательно, человек определяется как образ своего же отражения, его чистая возможность. Как отмечает В. Подорога, зеркало располагается в сердцевине времени, и прошлое, находящееся на равном расстоянии между настоящим и будущим, мгновенно переводит восприятие в воспоминание. Настоящее выпадает, чтобы раствориться в прошлом; но отсутствие настоящего делает невозможным наступление будущего, которое отказывается сбыться. Зазор, обнаружившийся между прошлым и будущим, оказывается тем экзистенциальным временем, в котором находится кьеркегоровский субъект: «В этой взаимной перегонке прошлого в будущее, а будущего в прошлое, минуя настоящее, в этой экзистенциальной пустоте между-бытия и помещается тот, ... чья жизнь не знает покоя и лишена всякого содержания, он чужд своему будущему, потому что он уже пережил будущее, чужд и прошедшему, потому что прошлое еще не пришло» (8, с. 88). Однако человек, находящийся в напряженном поиске подлинного существования, погружает свой опыт в устойчивую память и определяет свое самостояние как реализовавшуюся возможность. Таким образом, экзистенциальное время выявляет для человека огромное поле возможностей.

В отличие от С. Кьеркегора, А. Шопенгауэр ведет речь о самоотрицании индивидуального Я и растворении его в трансцендентном первоначале. Убежденный в том, что сердцевинной мира является воля, бытийствующая как бесцельность и пребывающая вне пространства и времени, философ подчиняет ее «принципу индивидуации», благодаря чему она становится волей к жизни. Вечная неудовлетворенность Воли временными и промежуточными достижениями цели порождает страдания, пронизывающие всю человеческую жизнь. Удовлетворение желаний несет за собой скуку и пустоту, следовательно, благо – это не что иное, как прекращение желания и окончание какой-либо муки. Воля, сама по себе лишенная этической обусловленности, является пунктом, где больше нет ни субъекта, ни объекта и где жизнь предстает эпизодом, напрасно нарушающим душевный покой Ничто. Интересно, что А. Шопенгауэр, подчеркивающий «отрицательный» характер своей философии, как и С. Кьеркегор, прибегает к образу зеркала: «Отрицание, упразднение, переворот воли есть в то же время и упразднение, исчезновение мира, ее зеркала. Если мы не видим ее больше в этом зеркале, то мы тщетно спрашиваем, куда она удалась, и сетуем, потому что у нее нет уже больше где и когда, – она обратилась в ничто» [9, с. 701].

Если А. Шопенгауэр пессимистически оценивает человеческое бытие, то Ф. Ницше воспекает вечность в бесконечном повторении одного и того же, а жизнь – в ее вечном становлении. Раздумывая о бесконечном восхождении человеческого духа, философ не прокликает жизнь, несущую страдания, а призывает полюбить ее во имя неиссякающей силы вечности. Но он не просто констатирует вечный возврат, а ищет способ его обмануть и ставит целью преобразование человека. Вечный возврат – это высшая степень сближения существующего и будущего миров, где каждое мгновение облагорожено прикосновением вечности. В преобразовании бытия человек является

исходным пунктом, преобразующимся вместе с миром: «... Собрать воедино и вместе нести все, что есть в человеке отрывочного, загадочного и ужасно случайного, ... быть соиздателем будущего и все, что было, – спасти, созидавая. Спасти прошлое в человеке и преобразовать все, что “было”...» [10, с. 173]. Кольцо вечного возвращения содержит в себе все те тупики и лабиринты, которые испытывают индивида на прочность и мужество преодоления.

Продолжая идеи Ф. Ницше, М. Хайдеггер не отождествляет повторение с возвращением пройденного, которое стремилось бы к собственному воспроизведению. Подлинную значимость повторения философ усматривает в ценности экзистенциального мгновения, вбирающего в себя возможности индивидуального самопроектирования. М. Хайдеггер уверен, что человек всегда находится в напряженном взаимодействии с наследием предыдущих эпох. Этим определяется «заброшенность человеческого бытия», то есть самостояние человека, которое в состоянии раздвинуть рамки субъективного опыта. Время представляет собою ряд последовательных «теперь», из которых каждое, едва названное, сразу исчезает в «вот только что» и уже гонимо наступающим «вот сейчас». Где же присутствует время? Отвечая на этот вопрос, М. Хайдеггер отмечает, что присутствие означает нечто постоянное, «задевающее» нас. Но отсутствие тоже нас задевает, ибо отсутствие – это еще-не-настоящее, но наступающее на нас, то есть будущее: «Наступающее протягивает и несет с собой осуществившееся; и наоборот, то, что осуществилось, протягивает и несет с собой свое будущее. Их взаимосвязь приводит с собой настоящее. Бытие и время протягивают себя друг другу. “Пространство-время” – этот термин означает открытость, просвечивающую во взаимном протяжении наступающего, осуществившегося и настоящего» [11, с. 399].

Размышления о бытии в контексте времени характерны и для Ж.-П. Сартра, по мнению которого будущее зависит от того, сумеет ли человек выбрать себя, спроектировать свой жизненный путь. В известном рассуждении об ужасе перед пропастью философ видит индивида тем, чем он будет в модусе небытия: подходя к пропасти, человек играет своими возможностями и идет к будущему. Этот путь сопряжен с преодолением усталости и отчаяния, с обретением свободы, неотделимой от ответственности. Избегая страха, индивид ставит себя в плоскость, где проявляется его творческая активность. Настоящего времени как такового не существует, ибо всякое мгновение Настоящего позади уже было его прошлым, а впереди будет его Будущим. Как Настоящее оно не является тем, что есть (Прошлое) и оно есть то, чем не является (Будущее): «Таким образом, Настоящее раскрывается через первоначальную временность как универсальное бытие, и в то же время оно является ничем – ничем более чем бытие; оно есть чистое скольжение протяженности бытия, чистое ничто» [12, с. 235]. Существование сопровождается онтологической нехваткой бытия (*le néant*), которая провоцирует искушение соскальзывания в нравственную индифферентность. Поэтому Ж.-П. Сартр возвращает человека к моральной проблематике: понятия добра и зла волнуют его не в меньшей мере, чем С. Кьеркегора, Ф. Ницше или Ф. Достоевского. Свобода – это бытие, ставящее свое прошлое вне игры. Это означает, что не надо заикливаться на своем прошлом: если что-то когда-то не получалось, из этого не следует, что не получится и в дальнейшем. Никогда не поздно отказаться от негативного опыта и «выбрать» себя заново. В этом смысле человек действительно обречен на свободу. Но точно так же он «обречен» на ответственность за свой выбор.

О так называемом «себяделании» пишет и А. Камю, требующий от человека самостоятельно созидать собственную жизнь, борясь против всего, что парализует его

свободу и активность. Противостояние, преодоление, бунт – все эти категории строятся на принципе активности и энергии. Выбор между историей и вечностью философ делает в пользу истории, призывая тем самым выбрать между созерцанием и действием: «Либо бог, либо время, или крест, или меч. Либо мир наделен величайшим смыслом, бесконечно превосходящим все треволнения, либо в нем нет ничего, кроме треволнений. Нужно жить своим временем и умирать вместе с ним или же уклоняться от него во имя высшей жизни» [13 с. 71]. Философ заключает союз со временем и требует от человека служения земной жизни и человеческим целям. Поэтому, относя сакральное к сфере созерцания, он противопоставляет Бога времени и крест – мечу.

Однако история свидетельствует о том, что крестом может освящаться воинствующее стремление переделать мир «огнем и мечом». В то же время, вера может стать не менее действенным оружием, чем энергия человека, отказавшегося от упования на божественные силы. Жажда сокровенного нередко не подавляет силы, а, напротив, вдохновляет к вызову (об этом свидетельствует, в частности, экзистенциальный выбор С. Кьеркегора). Что же касается альтернативы «либо бог, либо время», то эта метафора А. Камю, скорее всего, символизирует бытие, обретшее решимость и получившее стимул к активному действию. Такой стимул дает нам и отечественная философия, в которой религиозная вера не отделяется от творческой решимости скоординировать время личности и время истории. Наиболее отчетливо эта идея просматривается в персонализме Н. Бердяева, для которого время является основной проблемой экзистенциальной философии.

Размышляя о времени в его отношении с вечностью, Н. Бердяев приходит к выводу, что разрыв между вечным и временным является величайшим заблуждением человеческого сознания. Русский философ рассматривает тайну отношения вечного и временного в человеке как тайну Христа, как неповторимую точку прорыва Бога в природный мир. Вечность, принадлежащая божественному бытию, разрывает цепь времени; значит, победа над временем возможна только в вечности. Парадокс времени состоит в том, что люди объективируют конец истории, связывая его с привычным временем материальных взаимодействий в мире. На самом деле земная история является лишь проекцией бытия, совершающегося в вечности, и конец истории происходит только в экзистенциальном времени. Осмысливая проблему человека в контексте тройственного времени, Н. Бердяев, как и Августин, приходит к выводу о призрачности времени: нет ни прошлого, ни будущего, а настоящее превращается в некую отвлеченную точку. Земное смертоносное время разбито, испорчено, но ему противостоит память как проявление духа вечности и как основа истории: «В истории через больное и дурное время, пожирающее и истребляющее, превращающее жизнь нашу в кладбище, где на костях умерших отцов воздвигается новая жизнь сынов, забывших отцов, действует истинное время, неразорванное время, время, поддерживающее связь, в котором нет разрыва между прошлым, настоящим и будущим» [14, с. 59]. Н. Бердяев убежден, что прошлое входит в вечную действительность, и всякая реализация в настоящем есть символ бытия, направленного к бесконечности. Только в вечном, глубинном времени может быть достигнуто совершенство, поэтому личность всегда устремлена в будущее. Действуя одухотворенно, она овладевает историческим временем и силой своего духа превосходит историю.

Мысль Н. Бердяева о прошлом, которое не уничтожается, а входит в вечную действительность, перекликается с размышлениями Л. Гумилева о соотношении будущего и прошлого: «Будущего нет, ибо не совершены поступки, определяющие те

или иные последствия, и неизвестно – будут ли они совершены. Грядущее можно рассчитать только статистически, с допуском, лишаящим расчеты практической ценности. А прошлое существует; и все, что существует, – прошлое, так как любое свершение тут же становится прошлым. Вот почему наука история изучает единственную реальность, существующую вне нас и помимо нас» [15, с. 70–71].

Эти рассуждения получили продолжение в концепции З. Оруджева, попытавшегося ответить на вопрос о том, применимы ли к феномену времени понятия абсолютного и относительного. Автор справедливо полагает, что соотношение прошлого, настоящего и будущего – это соотношение основных параметров сознания и жизнедеятельности человека и общества во все времена. Человек всегда имеет дело с прошлым и с будущим, преломляя то и другое через настоящее. Если прошлое нуждается в объяснениях и использовании, то будущее нуждается в планировании и практических усилиях. По мнению З. Оруджева, накопленное прошлое, выступающее в виде мифа, памяти о реальном, истории, опредмеченных результатов человеческой жизнедеятельности, становится общественной силой и воздействует на мышление человека, которое тоже «накапливается» и воздействует на настоящее. Именно от нашего отношения к прошлому зависит способ мышления эпохи – прогрессивный или реакционный, радикальный или умеренный, революционный или консервативный.. Стабилизирующими факторами прошлого, которое всегда – активно или пассивно – присутствует в настоящем, являются символ, ритуал, обычай, религия, право, семья, традиция, а разрушительными факторами прошлого – война, социальная поляризация, криминал, терроризм. В отличие от прошлого, настоящее и будущее преходящи; но именно накопительный принцип истории предотвращает бессмысленное движение по кругу. «Настоящее постоянно исчезает в прошлом, но прошлое сохраняется в настоящем. Настоящее поэтому относительно, прошлое абсолютно. ...Настоящее – это прошлое в своих результатах...» [16, с. 43]. Овладевая накопленным прошлым в виде той или иной общественной силы, индивид становится личностью.

Полностью разделяя идеи З. Оруджева, заметим, что в нашу информационную эпоху проблема формирования способа мышления эпохи особенно актуальна. Постмодернистское мышление воспринимает историю как иллюзорную реальность, а бытие – как исчезающий сигнал из развалин прошлого. Время объявляется врагом истины, ибо оно обуславливает кризис любых представлений об истинности. Так, Ж. Делез, размышляя о категории становления, вписывает ее в мизансцену парадоксов смысла. Подобно Алисе из Зазеркалья, которая и растет, и сжимается одновременно, становление растягивается сразу в двух смыслах-направлениях: «В этом суть одновременного становления, основная черта которого – ускользнуть от настоящего. Именно из-за такого ускользания от настоящего становление не терпит никакого разделения или различия на до и после, на прошлое и будущее» [17, с. 15]. Таким образом, в противоположность здравому смыслу, парадокс утверждает два смысла одновременно. Это парадокс бесконечного тождества обоих смыслов сразу – будущего и прошлого, дня *до* и дня *после*, большего и меньшего, избытка и недостатка, активного и пассивного, причины и эффекта. В результате освобожденное время превращается во власть всеобъемлющей лжи, где истина и смысл рассматриваются не как самодостаточные понятия, а как *события*, которые в каждую эпоху получают новое истолкование.

При таком подходе смысл истории легко искажается, и тот способ мышления эпохи, о котором писал З. Оруджев, становится продуктом тщательно продуманной информационной политики. Поэтому так важно сохранять память о прошлом и бороться с любыми попытками искажения исторической правды. С давних времен

великие философы стремились преобразовать мир по законам разума и красоты. Эту работу необходимо продолжать в настоящем, вбирающем в себя позитивную силу накопленного прошлого. В этом смысле представляется показательным высказывание Р. Рорти, создавшего вариант постмодернистского неопрагматизма: «Мы должны согласиться с Марксом, что задача философов – не столько объяснить преобладание между прошлым и будущим, сколько помочь сделать будущее отличным от прошлого» [18, с. 29]. Заметим, что апелляция к К. Марксу вполне оправдана: гуманистическая составляющая его учения гармонично вписывается в экзистенциальную этику свободы и ответственности личности.

Если философия будущего в основе своей содержит потенциальное, стремящееся к актуализации, то философия прошлого основывается на свершившейся актуализации потенциального (что, разумеется, не исключает возможности фальсификаций прошлого). Еще китайские мудрецы, спорившие о том, можно ли предвидеть будущее, приходили к выводу, что на основе ясного можно познать скрытое, а на основе прошлого можно познать будущее. Вспомним рассуждение Мо-цзы, прокомментировавшего высказывание ученика о том, что будущее узнать нельзя: «Предположим, что твои близкие живут за сто ли отсюда и сейчас оказались в большой беде... Если ты придешь в этот день, то они будут жить; если нет, они погибнут. Перед тобой находится крепкая повозка с хорошей лошадей и другая, четырехколесная арба с разбитыми колесами, запряженная клячей... На чем же ты поедешь?» Ученик ответил: «Поеду на крепкой коляске с хорошей лошадей; так быстрее доеду». Тогда учитель Мо-цзы сказал: «Как же можно говорить, что нельзя узнать будущее?» [19, с. 205].

Разумеется, в построении грядущего не все так просто и прямолинейно. В той же ситуации, описанной Мо-цзы, выбор крепкой повозки сам по себе еще не гарантирует успешного результата. Исход события может определиться непредвиденными факторами, которые помешают осуществить задуманный план – неосторожностью седока, столкновением с другой повозкой, происками врагов и т. д. Несомненно одно: разумный выбор человека в любой жизненной ситуации увеличивает возможность прогнозируемого хода событий. История, как пронизательно заметил великий классик, действительно является деятельностью преследующего свои цели человека. В этой деятельности многое зависит от того, насколько ответственно субъект, живущий здесь и сейчас, использует негативный опыт прошлого во имя сохранения позитивного грядущего. Заглядывая в будущее и обозревая предстоящее, он узнает свои возможности и реализует себя в личной ответственности. Если же человек насильственно отделяется от своего будущего, он теряет ответственность за него и лишается свободного взгляда на вечное. Когда оказывается разрушенным единство языка, духа и свободы, идентифицирующее человека как личность (В. Гумбольдт), происходит разрыв реальности как связи между временем и вечностью. Духовность, свобода, гуманность, остающиеся связующими звеньями между временем и вечностью, создают опору, на которой держится бытие человека, выходящее на новые метафизические ориентиры.

Таким образом, анализ философии человека в контексте прошлого, настоящего и будущего позволяет констатировать непреходящую актуальность антропологической тематики в ее тесной связи с онтологическими, гносеологическими и социально-философскими изысканиями. Так или иначе, проблема времени вписывается в возможности человеческого существования и рассматривается в контексте бесконечной актуализации потенциального. Мир предстает горизонтом, в котором соединяются прошлое, нынешнее и грядущее, которые человек соотносит в смысловом поле.

В рассмотренных концепциях отечественных и зарубежных мыслителей затрагиваются основополагающие проблемы человеческого существования, погруженного в пространственно-временной континуум. Представители разных философских школ, исповедующие постулаты классической либо неклассической модели миропонимания, пытаются найти союз между вечным и преходящим, чтобы определить место человека в неустойчивом мире. Думается, данная проблематика породит немало новых исследований, поскольку феномен времени содержит в себе множество метафизических вопросов, имеющих важное мировоззренческое и методологическое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* / М. М. Бахтин. // Литературно-критические статьи. – М: Худож. лит., 1986. – С. 121–290.
2. Аристотель. *Физика* // Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель – М: Мысль, 1981. – Т. 3. – С. 59–262.
3. Прокл. *Первоосновы теологии* // Антология мировой философии: В 4-х томах. – Т. 1. Философия древности и средневековья. – Ч. 1. – М: Мысль, 1969. – С. 554–576.
4. Августин А. *Исповедь* // Антология мировой философии: В 4-х т. – Т. 1. Философия древности и средневековья. – Ч. 2. – М: Мысль, 1969. – С. 582–588.
5. Паскаль Б. *Мысли* / Б. Паскаль: пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю. А. Гинзбург. – М: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. – 480 с.
6. Гегель Г. В. Ф. *Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель* – М: Мысль, 1975. – Т. 2: Философия природы. – 695 с.
7. Киркегор С. *Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал* // С. Киркегор. *Наслаждение и долг.* / Пер. с датского Петра Ганзена; Подгот. текста и коммент. И. Булкиной А. Мокроусова. Издание третье. – Киев: Air Land, 1994. – С. 225-419.
8. Подорога В.А. *Авраам в земле Мориа. Серен Киркегор* // В.А. Подорога. *Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Серен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка.* – М: Ad Marginem. 1995. – С. 39–140.
9. Шопенгауэр А. *Мир как воля и представление* // А. Шопенгауэр. *Мир как воля и представление. Афоризмы и максимы. Новые афоризмы.* / Пер. с нем. Ю. Айхенвальд, Ф. Черниговец, Р. Кресин. – Минск: Литература, 1998. – С. 49–888.
10. Ницше Ф. *Так говорил Заратустра* / Ф. Ницше / Пер. Ю. М. Антоновского. – М: Изд-во МГУ, 1990. – 302 с.
11. Хайдеггер М. *Время и бытие* // М. Хайдеггер. *Время и бытие: Статьи и выступления: Пер с нем.* – М: Республика, 1993. – С. 391–406.
12. Сартр Ж.-П. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии* / Ж.-П. Сартр: Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М: Республика, 2000. – 639 с. – (Мыслители XX века).
13. Камю А. *Миф о Сизифе* // А. Камю. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство.* – М: Политиздат, 1990. – С. 24–100. – (Мыслители 20 века).
14. Бердяев Н. А. *Смысл истории* / Н. А. Бердяев. – М: Мысль, 1990 (с издания YMCA PRESS, Paris, 1969). – 176 с.
15. Гумилев Л. *Чтобы свеча не погасла: Диалог* / Л. Гумилев, А. Панченко. – Л: Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1990. – 128 с.
16. Оруджев З.М. *Способ мышления эпохи. Философия прошлого* / З.М. Оруджев. – М: Едиториал УРСС, 2004. – 400 с.
17. Делез Ж. *Логика смысла* / Ж. Делез: Пер.с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum.* – М: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
18. Рорти Р. *Философия и будущее* // *Вопросы философии.* – 1994. – №6. – С. 29–34.
19. Мо-цзы // Антология мировой философии: В 4-х томах. – Т. 1. Философия древности и средневековья. – Ч. 1. – Москва: Мысль, 1969. – С. 196–205.

Поступила в редакцию 10.10.2019 г.

**PHILOSOPHY OF HUMAN
IN THE CONTEXT OF THE PAST, PRESENT AND FUTURE**

N.N. Yemelyanova

In the article the problem of human in the context of the philosophy of time from antiquity to the present day has been analyzed. The most significant concepts of the past, present and future which characterize both classical and non-classical approaches to the study of the eternal and transient in human being have been considered. The general ideas have been traced in the theories of foreign and domestic philosophers.

Key words: *philosophy, human, time, past, present, future.*

Емельянова Наталия Николаевна

Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: fianu48@mail.ru

Yemelyanova Natalia Nikolaevna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Chair of Philosophy
SEI HPE "Donetsk National University".
E-mail: fianu48@mail.ru

УДК 1: 316

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВНАЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ДОНБАССА

© 2019. *А.Б. Клименко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируется проблема индустриальной идентичности в мировоззренческом контексте Донбасса. Рассматриваются основные ценностно-мировоззренческие доминанты общества Донбасса в контексте его социокультурного и экономического развития. Сделан вывод о том, что индустриальная идентичность Донбасса создает в общественном мировоззрении его имидж как Угольного края и Края Металлургов. Обе эти мировоззренческие модели Донбасса объединены общей аксиологической доминантой – ценностью труда.

Ключевые слова: философия, идентичность, Донбасс, общество, мировоззрение.

Сегодня общество находится на пороге новой социальной реальности, в которой появляется совершенно новый, глобальный тип социума. Это приводит к неизбежной дестабилизации оснований личностной идентичности – понимании собственного «Я» и места в изменяющемся мире. На этом этапе в условиях изменения ценностных оснований бытия человек все чаще обращается к своим историческим и архетипическим корням. Социокультурное бытие современного мира может быть представлено как троичное – а именно как синергетический процесс обмена веществ, энергии и информации, происходящий одновременно в природе, обществе и сознании человека. Векторы современных трансформационных процессов, получивших общее название «глобализация» имеют одну общую характерную черту – все они являются конвергентными. Иными словами, они направлены на сведение различного в единое. На первом этапе глобализации (до 1991 г.) это была конвергенция капитализма и социализма, и проявлялась она в бытии материальном – в системе управления хозяйством, отмене золотого обеспечения доллара, а затем установлении контроля Запада над ценами на ресурсных рынках.

Началом второго этапа глобализации можно считать 2002 г., когда началась конвергенция в сфере сознания. А именно – объединение неживой и живой природы на основе информационных технологий, создаваемых по модели работы человеческого мозга. Как известно, кто владеет информацией – владеет миром. Сегодня Россия и русская культура, частью которой является Донбасс, находятся в эпицентре глобальной «войны смыслов и нервов». И исход этой войны во многом зависит от целостного и глубокого осмысления ценностных оснований социокультурного бытия русского народа и понимания различий между русской культурой и западной, на основе чего должны строиться стратегии модернизации различных регионов Русского мира и Донбасса как его важнейшей части в культурном, политическом и социально-экономическом аспектах.

Целью данной статьи является философское исследование индустриальной идентичности как базиса общественного мировоззрения жителей Донбасса.

Вопрос индустриальной идентичности является практически неисследованным, поэтому работы, посвященные непосредственно этому феномену, на данный момент отсутствуют. При этом следует отметить, что существует ряд авторов, в трудах

которых освещаются отдельные аспекты данной проблематики. Это, прежде всего, Е.В. Андриенко [1], Е.В. Бельченко [2], С.В. Вальцев [3], Г.В. Горнова [4], Г.А. Коржов [6], К.Л. Сидорова [7], Е.В. Тараненко [8], И.А. Черненький [9] и др.

Особую остроту вопрос об индустриальной идентичности приобретает в условиях социальных противоречий внутри государства, когда часть населения отделяется и становится самостоятельной, что и произошло на Донбассе после 2014 г. Старые убеждения были разрушены, и идентифицировать себя с какой-либо общностью для некоторых людей стало гораздо сложнее.

Территория нынешнего Донбасса, исторически включающая юго-западную часть Донецкой области, южную часть Луганской области, восточные районы Днепропетровской области Украины, а также часть Ростовской области Российской Федерации, никогда не была безлюдным краем. Как справедливо отмечает Е. Сидорова, «на начальную колонизацию Донецкого края наибольшее влияние осуществило то обстоятельство, что он находился на пути движения народов с далекого востока на запад – немыслимой смесью разных традиций, взглядов и целей» [7, с. 224]. В целом, исторически можно говорить о Большом Донбассе (который, помимо Донецкой и части Луганской областей Украины, включает и часть территории Российской Федерации) и Малом Донбассе (к которому до событий 2014 г. относились территории Донецкой и Луганской областей Украины).

Согласно историческим исследованиям Е. Бельченко, которой «Дикое поле» служило условной границей в топографии Чужого, некультуренного, дикого пространства, полного опасностей и неожиданностей [2, с. 84]. Территория, связанная с казачеством, расположенная ниже днепровских порогов, ассоциировалась с бандитизмом, с негативными поведенческими девиациями и в сакрально-мифологическом плане считалась «изнаночным миром» [2, с. 85]. Именно такое, исторически сложившееся восприятие наложило свой отпечаток на последующее отображение Донбасса в массовом сознании украинцев как «криминального региона», о чем неоднократно упоминается даже в научных публикациях. Так, исследователь, проживающий на Донбассе, Г. Коржов пишет в своей статье: «Регион исторически находился под влиянием разных культур, принимая поселенцев со всей бывшей Российской империи – людей, чья судьба вынуждала бежать со своих мест ради заработка тяжелым физическим трудом. Нередко тут поселялись люди из мест лишения свободы – с криминальной и полукриминальной психологией. Русский язык и авторитарно-криминальный тип городской ментальности были факторами адаптации в этом регионе. Этнические процессы в Донбассе XIX–XX вв. можно сравнить с «американским котлом», где у оторванного от национальных корней, в значительной мере люмпенизированного элемента нивелировалась этническая самоидентификация» [6, с. 42–34]. Реалии современного Донбасса показывают ошибочность данного суждения. На территории Донбасса проживают представители свыше 133 различных этнических групп, которые сохраняют свою культуру и язык, не вступая при этом в межэтническую конфронтацию. Это связано не с нивелировкой этнической самоидентификации, а с формированием в общественном сознании особого уровня осознанности, связанного с принадлежностью к Донбассу как к части Русского мира [1, с. 12].

Донбасс как самая крупная городская агломерация Европы (52 города в Донецкой области и 37 городов в Луганской области), могла сложиться только, как целенаправленный продукт глобального индустриального проекта, где национальные, культурные и религиозные различия носят второстепенный характер, а общность

языка, поставленная «сверху» задача и необходимость и желание к труду носят первенствующее значение. Таким образом, заявление о «полисном патриотизме» дончан не вполне корректны. Индустриальное наследие Донбасса оказалось слишком избыточно для Украины, она так и не смогла вместить в себя столь густонаселенную промышленную территорию, где национальная составляющая вторична, а желание сохранить промышленный потенциал региона первично. Это во многом и побудило население присоединиться к Русскому миру, как к глобальному проекту, как в экономической, так и культурной составляющей, где приложение труда людей Донбасса было бы более эффективным [5, с. 161].

Обращаясь к терминологии, следует подчеркнуть, что идентичность – это категория, широко применяемая в социально-гуманитарных науках для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, тождественных самим себе целостностей. Индустриальная идентичность – это термин новый в социально-гуманитарном знании. Понятие индустриальной идентичности тесно связано с региональной идентичностью, городской идентичностью и определенным профессиональным трудом как аксиологическим базисом промышленного региона.

Конкретизация индустриальной идентичности и экономического статуса народа тесно связаны с установлением внутреннего баланса, как в экономической, так и в политической жизни страны. Затянувшаяся политическая нестабильность рано или поздно провоцирует экономический кризис. В мире существует множество примеров существования недемократических сбалансированных систем, но о народном самоопределении речь в данном случае не идет, поскольку развитие страны при этом полностью контролируется аппаратом власти. Сокращение объема государственных обязанностей является одной из центральных проблем демократизации постсоциалистических экономических систем. При этом следует отметить, что кроме национальной экономики, которая в значительной мере зависит от государства, существуют также микроэкономические факторы домашнего хозяйства, демонстрирующие высокую вариативность независимо от состояния макроэкономики. В мировоззренческом аспекте на сегодняшний день экономическая сфера все чаще доминирует над политической. Характерно, что именно страх утраты экономической стабильности поставили на первое место большинство граждан Украины (46 %) в 2008 г. во время всеукраинского социологического исследования «Оборонная стратегия глазами украинцев». Этот показатель был гораздо больше, чем страх потери свободы в результате военного вторжения других государств (8,8 %) и страх начала новой мировой войны (3,3 %) [10, с. 6]. Если достижение свободы ассоциируется с экономической нестабильностью, то общество неминуемо будет от нее отказываться, руководствуясь простым инстинктом самосохранения.

Экономическое самоопределение народа невозможно без его самоопределения как собственника природных и социальных ресурсов (научной, энергетической и промышленной отраслей, транспорта, финансов и т.д.). Самоопределение предполагает суверенитет по отношению к собственным природным и социальным ресурсам. Демократизация и рост народного самоуправления не означает отсутствие контроля над использованием природных ресурсов. Напротив, на сегодняшний день создание единых централизованных систем управления национальными ресурсами выступает магистральным направлением систем природопользования во многих развитых демократических странах. Особенно остро скоординированного государственного управления требует горнодобывающая и горноперерабатывающая отрасли, играющие важнейшую роль в экономике Донбасса.

Справедливости ради следует отметить, что изначально в экономическом аспекте существовало как бы «два Донбасса» – «Донбасс угольный» и «Донбасс металлургический». Причем, если «угольный тип» Донбасса был связан с весьма тяжелыми условиями труда и низким уровнем бытовых условий жизни и труда, то «металлургический тип», напротив, отображал передовые достижения инженерной мысли своего времени [7, с. 227–228]. Абстрагируясь от чисто экономических вопросов, очевидно, что на символическом уровне победил «Донбасс угольный», что нашло свое отражение в следующих формулировках, уверенно маркирующих общественное сознание: «Донбасс – шахтерский край», «Донецк – шахтерская столица», «город терриконов», «город шахтерской славы», «город угольной славы», «город черного золота» и т.п. [8, с. 88]. Даже название известного на весь мир донецкого футбольного клуба связано с угольной темой – ФК «Шахтер».

Индустриальная идентичность Донбасса была весьма четко отражена в сфере спортивного брендинга уже в начале XX в. Так, в 1914 г. в Горловке была организована футбольная команда под названием «ФОГАЗ» (футбольное общество горловского артиллерийского завода). 28 апреля 2013 г. в Юзовке был дан старт Кубку Донецкого бассейна, который продолжался до поздней осени [9, с. 21].

Не отрицая роли экономического фактора, следует помнить также о том, что экономическое развитие – это не самоцель, а средство удовлетворения социальных потребностей людей. Российский исследователь С. Вальцев в своей работе «Закат человечества» справедливо указывает на то, что отделение экономики от социальных народных интересов влечет за собой тяжелые деструктивные последствия [3, с. 215]. Ситуацию, когда это происходит, он назвал «экономическим тоталитаризмом». Наряду с этим в современной научной литературе также получили распространение термины «экономизм» и «экономикоцентризм». Логично, что явление, на которое указывают данные термины, не имеет ничего общего с демократией, хотя может сопровождаться демократическими лозунгами. По определению С. Вальцева, экономический тоталитаризм – это «принцип, согласно с которым развитие экономической системы определяет вектор развития всех сфер жизнедеятельности общества» [3, с. 215]. Реальные перспективы имеет только социально направленная экономика. В данном контексте особая актуальность для дальнейшей демократизации и народного самоопределения приобретают мощные ресурсы и четкое осознание народом своего социокультурного статуса.

Социальные ресурсы как система креативных способностей варьировать свой ранг в контексте общественной стратификации народа в целом и отдельных социальных групп, развиваются на основе системы социальных коммуникаций. Она включает мотивационные, интеллектуальные, демографические, организационные и другие виды ресурсов. Мировоззренческому самоопределению народа Донбасса как собственника социальных ресурсов на сегодняшний день препятствуют такие проблемы как недостаточно качественный уровень информированности общества в сфере принципиальных для его развития вопросов, трудности трудоустройства граждан, недостаточно высокий уровень рождаемости по сравнению с уровнем смертности, медленный темп привлечения инноваций в промышленную и социальную сферы. При этом следует отметить и позитивные изменения, происходящие в направлении информатизации, образования, социальных гарантий и т.д.

Отдельным и весьма важным аспектом индустриальной идентичности Донбасса является экологический аспект, в том числе – вопрос комфорта городской среды. К сожалению, в настоящее время слабость городских сообществ и несамостоятельность

муниципальной власти приводит к тому, что экономические интересы отдельных социальных групп (прежде всего в сфере девелопмента, нацеленность на максимальное извлечение прибыли: переуплотненная высотная застройка, предельная скученность населения в отдельных городских районах, точечная застройка, разрушение исторической среды, строительство «голых» квадратных метров в ущерб общественным пространствам и так далее) негативно сказывается на качестве жизнепригодности городской среды, разрушает «человеческую мерность» города, что, в свою очередь, запускает процессы негативной идентификации, обостряет конфликтность городского дискурса. Городская идентичность является одним из основных регуляторов миграционного поведения, так как влияет на выбор города, с которым человек связывает свою жизнь, и, в целом, на степень удовлетворенности своей жизнью и на экзистенциальное ощущение осмысленности жизни [4, с. 44]. В 1970 г. ЮНЕСКО признало Донецк лучшим промышленным городом мира. В 1960-е гг. первым секретарём обкома партии в Донецке был Владимир Дегтярёв. Именно под его началом город стали активно озеленять. Есть версия о том, что В. Дегтярёва вдохновили на это версальские розарии, которые он видел в одной из своих зарубежных командировок. В. Дегтярёв, совместно с директором донецкого ботанического сада, внедрил и реализовал идею высаживать розы по всему городу Донецку, вследствие чего столица Донбасса обрела свой «розовый» имидж. С распадом СССР данный имидж был утрачен на некоторое время, но в 2009 г. был восстановлен снова. В настоящее время в Донецк снова по праву называется «городом миллиона роз», поскольку коммунальные службы ежегодно высаживают более 2 млн. розовых саженцев, что весьма позитивно сказывается как на комфорте городской среды, так и на позитивных компонентах индустриальной идентичности Донбасса.

Таким образом, в содержание индустриальной идентичности входят особенности экономики и промышленности определенного региона, которые детерминируют мировоззрение его жителей, а также тесно взаимодействуют с социокультурными региональными характеристиками, обычаями, религией, моралью и спецификой материально-экономической деятельности. Индустриальная идентичность Донбасса создает в общественном мировоззрении его имидж как Угольного края (в первую очередь), и Края Металлургов (во вторую очередь). Обе этих мировоззренческих модели Донбасса объединены общей аксиологической доминантой – ценностью труда как такового, его важной ролью в становлении и самореализации личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриенко Е.В. Феномен «донбасского характера» как фактор народного самоопределения // Полиэтничность как функциональная детерминанта Донбасса в рецепции философской мысли: монография / [Т. А. Андреева и др.]; под ред. Е. В. Андриенко, Т. А. Андреевой. – Донецк: ДонНУ, 2017. – С. 7–15.
2. Більченко Є.В. Мотив Чужого як чинник формування етнокультурної ідентичності українства / Є.В. Більченко // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету імені Т.Г. Шевченка. Вип. 75. – Чернігів: ЧДПУ, 2010. – С. 81–92.
3. Вальцев С.В. Закат человечества. – М.: Книжный мир, 2008. – 351 с.
4. Горнова Г.В. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности / Г.В. Горнова // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – Вып. 3(17). – С. 43–56.
5. Клименко А.Б. Труд как основа идентичности Донбасса // Гуманитарное регионоведение: коллективная монография / [Е.В. Андриенко, А.С. Бобровский, А.А. Белицкий и др.]; под ред. Е.В. Андриенко. – Донецк: Издательство ООО «НПП Фолиант», 2019. – 204 с. – С. 161–167.
6. Коржов Г. Региональная идентичность Донбасса: генезис и тенденции развития в условиях общественной трансформации / Г. Коржов // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 38–51.

7. Сидорова К.Л. Витоки та розвиток донецького регіонального міфу / К.Л. Сидорова // Філософія і політологія в контексті сучасної культури. – 2012. – Вип. 4(2). – С. 222–229.
8. Тараненко О.В. Донецкая мифология: смена концептов, или Уголь, Розы и Футбол / О.В. Тараненко // Метафізика Донецька. Філософські есе. – Донецьк: Донецьке відділення Наукового товариства ім. Т. Шевченка, ТОВ «Східний видавничий дім», 2012. – С. 86–110.
9. Черненко И.А. Донецкому спорту 100 лет / И.А. Черненко. – Донецк: Донецкий комитет по физической культуре и спорту Донецкого городского совета, 2011. – 34 с.
10. Что больше всего беспокоит украинцев? // Город. Современный еженедельник. – 2008. – № 9(798). – С. 6.

Поступила в редакцию 12.11.2019 г.

INDUSTRIAL IDENTITY AS A BASIC WORLDVIEW PARADIGM OF DONBASS

A.B. Klimenko

In the article the problem of industrial identity in the worldview context of Donbass has been analyzed. The main values and worldview dominants of the Donbass society have been investigated in the context of its socially-cultural and economic development. It has been concluded that the industrial identity of Donbass creates its image in the public worldview as the Coal Region and the Region of Metallurgists. Both of these worldview models of Donbass are united by a common axiological dominant – the value of labor.

Key words: philosophy, identity, Donbass, society, worldview.

Клименко Алексей Борисович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: aleks_klim09@bk.ru

Klimenko Aleksey Borisovich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor of the Chair of Philosophy,
SEI HPE “Donetsk National University”.
E-mail: aleks_klim09@bk.ru

УДК 18.159.95

ПОНИМАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА: ОТ КОНЦЕПЦИИ СУЩНОСТИ К ПАРАДИГМЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

© 2019. *О.М. Мазаненко*

ГОУК «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В статье представлено обоснование субъектной парадигмы в отношении творческого сознания, разворачивающегося в поле художественно-эстетической деятельности. Автор приводит доводы о значимости смещения акцента с эмпирической психологии в построении модельной идеальной сущности эстетического субъекта к феноменологическому методу, который позволяет уйти от фиксации конечных отношений и сохранить ключевые характеристики творческого сознания. Подчеркивается перспективность феноменологического подхода в осмыслении существования эстетического субъекта как носителя творческого сознания.

Ключевые слова: эстетический субъект, творческое сознание, сущность, существование, феноменология, чувственность.

Собственный интерес к проблематике творческого сознания как эстетического феномена у автора данной статьи связан с многолетней психологической практикой, в которой особое место занимают методы арт-терапии. Нам удалось отследить, что процесс арт-терапии с клиентами, занятыми художественно-эстетическим творчеством отличается особой спецификой. Возникло стойкое впечатление, что творческая личность, соприкасаясь с арт-терапевтическими техниками, попадает в знакомую атмосферу, распознает и переходит на понятный язык коммуникации, преобразуется, чувствует себя уверенней, так, как ведет и чувствует себя человек дома, среди близких людей, привычных вещей, в комфортной для себя обстановке. Эта сторона наблюдений нам понятна и вполне объяснима. А вот сам процесс работы, ее динамика вызвали потребность осмысления феномена эстетического субъекта.

Здесь мы не ставим задачу анализа отличий, присущих субъекту художественно-эстетического творчества, а скорее приводим рассуждения по поводу тех факторов, которые детерминировали переход от практической психологии исследования сущности эстетического субъекта к выяснению феноменологии существования эстетического субъекта в контексте философско-эстетического исследования.

Психологическая практическая работа с художниками привела нас к пониманию необходимости исследования творческого сознания субъекта художественно-эстетической творческой деятельности. Оставаясь в координатах практической психологии, мы поставили перед собой задачу определения сущности творческого сознания как эстетического феномена. С точки зрения психологической эмпирической позиции, определение детерминант субъекта может включать в себя выяснение, к примеру, свойств восприятия, памяти, характерологических особенностей, аффективных процессов, особенности волевой саморегуляции, уровней развития общих и специальных способностей и т.д. [7, с. 25-38].

Такая работа, нацеленная на выявление сущности творческого сознания как эстетического феномена, привела нас в тупик элементаристских разрозненных представлений. Мы пришли к выводу, что постановку вопроса о выявлении сущности творческого сознания субъекта художественного творчества никак не может приблизить нас к пониманию самого эстетического субъекта. Психология нацелена,

прежде всего, на эмпирическое изучение, которое развернуть по поводу субъекта, на наш взгляд, в целом невозможно, а лишь имплицитно. Это связано с тем, что при измерении тех или иных качеств субъекта мы упускаем важные моменты, связанные с глубиной осмысления проблемы творческого субъекта. Обращение к изучению сущности субъекта, переводит его в координаты объекта, тем самым теряется его субъектная позиция. Кроме того, такой подход приводит к выяснению биологических, физиологических, психологических, социальных детерминант, определяющих субъект, а значит, исходное положение такой сущностной парадигмы есть признание заданности субъекта как такового [3, с. 96-108].

Понимая неудовлетворительность сущностного подхода для осмысления эстетического субъекта как носителя творческого сознания, отказываться от него нельзя. Он в значительной мере способствует решению такого важного вопроса, как эстетическое воспитание, так как задает образцовую модель, целеполагающие ориентиры.

Формулировка «эстетическое воспитание личности» подчеркивает всеохватывающий процесс передачи ценностей от старшего поколения к младшему, обучение особому способу познания действительности, развитие потребностей восприятия и оценивания всего эстетического, и прежде всего художественного творчества. Целеполагание типа «формирование эстетического субъекта» в большей мере относится к личностям, демонстрирующим способности и склонности к творчеству в художественно-эстетической деятельности. Поэтому, с одной стороны, процесс формирования эстетического субъекта более узкий в плане охвата, ведь не каждый становится художником, а с другой стороны он более сложный, так как он слабо поддается модельному фундированию образцовым набором субъектных качеств, свойств и проявлений.

Таким образом, эмпирические исследования сущности эстетического субъекта не решают проблему существования субъекта в связи с тем, что детерминированный субъект, привязываемый к тому или иному проявлению, лишается своей свободы, а потому он сам как понятие распадается и здесь уже становится нечего исследовать.

При более углубленном изучении интересующего нас феномена, мы обнаружили ряд теорий, которые раскрывают возможности принципиально иного подхода, связанного не с сущностью, а с существованием творческого сознания субъекта художественно-эстетической деятельности.

Так, любопытна экзистенциальная концепция Сёрена Кьеркегора, в которой мыслитель выделяет четыре типа человека или экзистенциального существования – обыватель, эстет, этик и рыцарь веры. В связи с нашим интересом к эстетическому субъекту, обратимся к характеристике «эстета», при этом подчеркнем, что автор не использует категорию субъекта. Итак, эстет в отличие от обывателя, который плывет по течению, имеет способность управлять своей жизнью через чувственное взаимоотношение с Миром. Он любит себя самого и живет для себя самого, а не для других людей и не для всеобщего (человечества, блага, совершенного общества и т. п.). Других людей эстет рассматривает как орудия (инструменты) собственного удовольствия. Для него не важны разум, этика, во главу угла своей жизни эстетик ставит ценности красоты, чувственного наслаждения, эротики. Кьеркегор описывает переживания эстета при его соприкосновении с музыкой Моцарта, произведениями Шекспира, прекрасной женщиной. Причем эти описания он строит на собственно пережитых феноменах ощущений, восприятий, эмоциональных переживаний.

Тип человека «эстет» философ называет «рабом минуты». Существование эстета Кьеркегор сравнивает с шампанским, которое «кипит собственным жаром». И если нет

этого жара, нет наслаждений, то и жизнь эстет воспринимает как пустую, не интересную. Это ввергает эстета в отчаяние, приводящего к нежеланию быть собой. Отчаяние эстета философ связывает с тем, что его цели находятся вне его самого. И именно отчаяние может привести его к развитию морали и этики. Такой переход знаменуется смещением его сознания от красоты как внешней характеристики к красоте внутреннего, духовного плана [2, с. 158].

Еще одна концепция, нацеленная на выяснение специфических особенностей существования человека эстетического, принадлежит Э. Шпрангеру. Наряду с человеком теоретическим, экономическим, социальным, политическим, религиозным он выделяет эстетический тип, который, по мнению мыслителя, наделен особым органом миропонимания, который позволяет ему предвидеть и интуитивно познавать Мир.

Только эстетический тип, романтический и мечтательный, способен во внутреннем видении представить предмет таким образом, что он, сонастроившись с ритмами его души перерождается в произведение искусства. Он ориентирован на эстетические идеалы, выраженные в форме гармонии и красоты, ему чужды прагматизм и ориентация на полезность. Причем эстетического человека он предлагает рассматривать как со стороны их активности по созданию эстетических ценностей, так и с точки зрения позиции потребления.

Э. Шпрангер высказывает предположение о различиях людей, относимых им к категории эстетов. Так, эстеты-реалисты склонны воспринимать впечатления в их исходной данности, эстеты-импрессионисты ценят сиюминутные впечатления, а эстеты-идеалисты ориентированы на свой внутренний мир.

Среди эстетов он также различает натуры лирические, очень чувствительные к актуальному воздействию на эмоциональную сферу и различают мельчайшие детали и нюансы, и эпические натуры, склонные к осмыслению жизни во всей её полноте. Промежуточное положение он отводит натурам драматическим [1, с. 38-74].

Антропологическое понимание специфики существования человека эстетического находим в работах Э. Диссанайк. Центральным положением, определяющим существование человека эстетического, выступает утверждение о том, что человек обживает и преобразует себя и внешний мир, исходя из данностей биологического, экономического порядка, а также такой врожденной данности, как стремление эстетизировать себя и окружающий мир. В качестве иллюстрирования этого стремления авторы прибегают к примерам наскальных рисунков, подчас шокирующим изменениям себя в различных племенах. Здесь подчеркивается не связанность таких проявлений с прагматичными, рациональными поисками, упор делается на существование, экзистенцию эстетического человека, субъекта [5, с. 13-16].

В концепциях дендизма Ш. Бодлера, Ф. Ницше, О. Уайльда, Д. Шиффера, С. Вайнштейна в центре внимания эстет, который не растворяется в серой массе, обладает эстетическим вкусом, ценит красоту и очень восприимчив к диссонансам. Он эмоционален, индивидуален и оригинален, ценит творчество как прекрасное, через творчество он организует коммуникацию [9, с. 118-206].

Как продолжение развития гипотезы о врожденности склонности к эстетизму, приведем высказывание М. Хайдеггера о том, что человек проживает мир поэтически, как человек творящий (*homo aestheticus*) [8, с. 117].

Отметим, что ни одна из приведенных оригинальных концепций в научном мире не рассматривается как истина в последней инстанции. Описание и представление характеристик человека эстетического исключительно сквозь призму собственного опыта, или как реализацию врожденной данности, или как типовое проявление – те

слабые стороны приведенных выше теорий, которые не позволяют нам считать их теоретико-методологическим базисом обоснования выбранной нами проблематики. Однако их заслугу мы видим как раз в уходе от вопроса сущности субъекта к вопросу его существования.

Кроме того, хотя мы и усматриваем в приведенных теориях склонность авторов к разведению творца (субъекта) и аудитории (объекта), в них все же более обоснованной выглядит не категория «эстетического субъекта», а «человек эстетический». Мы же изначально главным объектом своего исследования определили как раз не эстетического человека, а эстетического субъекта, и если быть более точными – субъекта-творца.

Продолжая поиски теоретико-методологического обоснования категории «эстетический субъект», мы обнаружили любопытное концептуальное видение, приближающее нас к пониманию существования эстетического субъекта в трудах С. Рубинштейна. Категорию субъекта он рассматривает сквозь призму его становления на протяжении всего жизненного пути. Он подчеркивает, что жизненный путь может быть эффективен, если субъект в состоянии соотнести собственные жизненные намерения с требованиями общества. Направление, движение своей жизни субъект придает благодаря таким проявлениям, как активность, ответственность. Воля рассматривается как значимое качество субъекта, позволяющее преодолевать внешние и внутренние препятствия [3, с. 24-45]. Все эти положения можно отнести к экзистенциальному жизненному пути художника как эстетического субъекта.

Опираясь на эти теории, мы можем попытаться вычленить те характеристики, которые отличают само существование, экзистенцию эстетического субъекта.

Ориентируясь на определение В.В. Бычкова, который понимает эстетический субъект как инициатора и носителя любой эстетической активности, для выбранной проблематики мы уточним это обобщение [1, с. 89]. В целом, о художнике, творце как эстетическом субъекте мы склонны говорить как о человеке, который обладает такими психическими свойствами и качествами, которые наиболее прямо и непосредственно определяют его поведение и деятельность в нерегламентированных ситуациях, особенности динамичного соотношения его внутреннего мира и требований общества, специфику его существования.

Творческое сознание эстетического субъекта определяется его особой чувственностью, эмоциональностью. Обобщенный портрет эстетического субъекта дополняется тем, что в своем творчестве он оригинален, индивидуален, часто романтичен и мечтателен, лишен прагматизма. Он ориентирован на гармонию, красоту и далек от ориентации на полезность. Его сознание может разворачиваться от сиюминутных переживаний, впечатленности малым до стремления познания всей полноты жизни. Его сознание индивидуально, но не эгоистично. Он умеет соотносить внутренние ритмы, желания, потребности с требованиями общества. Его творчество связано с активностью и инициативой. Он не боится взять на себя ответственность. Его чувствительность сочетается с хорошей волевой саморегуляцией.

В фокусе внимания находится чувственная сфера эстетического субъекта художественного творчества – то, что представляет исходный эпицентр эстетики античности, а затем философских взглядов А.Г. Баумгартена, И. Канта. Чувственность – доминанта существования человека эстетического. Б.Г. Соколов подчеркивает неоднозначность чувственности вообще и чувственности в связи с искусством. Предметы искусства предстают вместо феноменов окружающего мира. И те и другие человек наделяет смыслами, но художественные произведения уже обладают смыслом,

который располагается как бы в иной плоскости – в той, где Другой, творец, трансцендировал смысловую нагрузку. Художественно-эстетический предмет (арт-объект, произведение искусства, художественное творение) – то, что конституировано сознанием художника, воплощенная идея, замысел, мысль в чувственном исполнении [1, с. 88-12].

В связи с вышесказанным, мы, вслед за Ж. Рансьером в современной эстетике склонны видеть науку не столько об искусстве, сколько о способе мыслить по поводу произведений искусства. Причем не просто мыслить, а силиться высказать то, в чем художественные творения являются предметом мысли, сознания эстетического субъекта. Такая трактовка резонирует с нашими взглядами на то, что центральной фигурой, приобретающей особую значимость для современной эстетики может выступать эстетический субъект как носитель творческого сознания [5, с. 13-30].

Обратившись к исследованию специфики существования субъекта, мы конкретизировали данную дефиницию относительно эстетического поля, обратившись к описанию субъекта эстетического. Удалось ли нам полностью обойти концепцию фиксации, определения сущности? Возвращаясь к приведенному ранее обобщенному портрету эстетического субъекта становится очевидным то, что несмотря на наши попытки перейти от концепции сущности к парадигме существования, тенденцию фиксации субъектных характеристик мы все же не смогли преодолеть полностью. Наши рассуждения произвели сочетание ряда фиксированных субъектных сущностных свойств, признаков, как то эмоциональность, сензитивность, волевая саморегуляция и т.д. с экзистенциальностью существования эстетического субъекта в контексте активности, движения, текучести, темпоральности, вне которых сложно рассматривать и сознание и творчество, а тем более творческое сознание. Если бы мы ограничились только фиксированными характеристиками, то мы бы отделились от обозначенной приоритетности существования и возвратились к неперспективному обозначению сущности.

Преодоление такого возврата мы видим в подчеркивании, обострении внимания к тем характеристикам, которые теряются при фиксации, являющейся ключевым признаком концепции определения сущности. Нам представляется, что такую возможность предоставляет феноменологический подход. Мы приходим к такому заключению потому, что понимание субъектности творца с точки зрения феноменологической позиции, должно базироваться на усилении рефлексивных способностей самого эстетического субъекта, преодоление им и исследователем схем, шаблонов, паттернов, моделей, заданных образцов, которые можно рассматривать в качестве механизмов творческого сознания эстетического субъекта, не присваивая им статус детерминант субъектности. Тогда акцент будет смещен от выяснения сущности к анализу существования эстетического субъекта.

Так, отказу от положений фиксации, от которых мы, собственно и пытаемся уйти, могут служить описания существования эстетического субъекта в контексте его опыта и темпоральности, являющиеся одними из ключевых позиций в феноменологическом понимании сознания. Интерес к самому процессу восприятия и осмысления реальности, не фиксация и описание, а понимание сознания как непрерывного динамического потока переживаний, который нельзя зафиксировать как конечные отношения – те положения, которые могут способствовать решению заявленной проблематики. Воздержание от суждений о сущности эстетического субъекта, постижение его существования в контексте времени и опыта, а также соотнесение эмпирических данных о сущностных характеристиках эстетического субъекта с идеальным значением его существования – те

феноменологические принципы, которые представляют для нас базовые методологические ориентиры [4, с. 985].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что попытка обоснования субъектной парадигмы в отношении творческого сознания как эстетического феномена выглядит скорее как вопрос метафизический, как категория, конституирующая особую реальность – реальность, разворачивающуюся в поле художественно-эстетической деятельности. Эта попытка очерчивает горизонт проблематики изучения существования эстетического субъекта, достаточно отчетливо обозначенный актуальностью изучения вопросов механизмов, эстетических коррелят, смыслов, интенций эстетического субъекта как носителя творческого сознания.

Концептуальное обоснование исследования эстетического субъекта привело нас к убеждению о том, что заявленная проблематика решаема, прежде всего, в связи с переходом исследователя-психолога на позицию философа-феноменолога. Такой переход связан не столько с иным видением эстетического субъекта, сколько с пониманием того, как он действует в этом мире. Исходным положением размышлений становятся вопросы метафизического плана: что есть эстетический субъект, какого его место в мире. В изучении эстетического субъекта философская позиция первична, она определяет все уточнения и эмпирическое изучение каждого конкретного индивидуального случая, составляющего предмет психологической практики. Перспективу исследования категории эстетического субъекта мы усматриваем в положениях феноменолого-психологического метода, концептуальное обоснование которого содержится в трудах Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, А.Джорджи, Р. Мэя, К. Ясперса, Е. Минковского, Э. Страуса, А. Кронфельда, Г. Элленбергера, Р. Лэйнга, Ф. Перлза, К. Роджерса, Дж. Бьюдженталя, М. Босса, Ф. Базалья, Ю. Джендлина, А. Лэнгле, Э. Спинелли и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна // К.А. Альбуханова. – М.: РОССПЭН. – Серия «Философия России второй половины XX века», 2010. – С. 76-118.
2. Бычков В. В. Эстетика / В.В. Бычков. – М.: КНОРУС, 2012. – 528 с.
3. Кьеркегор С. Или-или. Фрагмент из жизни / С. Кьеркегор. – М.: Академический проект, 2014. – 214 с.
4. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – М.: Академический проект, 1957. – 364 с.
5. Рябушкина Т. М. Саморефлексия субъекта познания // Философия и культура. – 2013. – Т. 67. – № 7. – С. 985-995.
6. Соколов Б.Г. Homo aestheticus: человек чувствующий vs человек эстетический // Онтологии чувственности. / (Концептуализация Homo Aestheticus. Часть II). Санкт-Петербург, 2015. – С. 13-30.
7. Соколова Е.Е. Чтобы быть психологом, нельзя не быть философом, или почему имеет смысл спорить о понятиях. // Вестник Московского университета, 2016. – № 1. – С. 25-38.
8. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
9. Шиффер Д.С. Философия дендизма. Эстетика души и тела (Кьеркегор, Уайльд, Ницше, Бодлер) / Д.С. Шиффер – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2011. – 296 с.

Поступила в редакцию 03.09.2019 г.

**UNDERSTANDING THE AESTHETIC SUBJECT:
FROM THE CONCEPT OF ESSENCE TO THE PARADIGM OF EXISTENCE**

O.M. Mazanenko

The article presents the substantiation of the subjective paradigm in relation to the creative consciousness unfolding in the field of artistic and aesthetic activity. The author argues on the significance of the shift of focus from empirical psychology to build a model of the ideal aesthetic essence of the subject to the phenomenological method, which allows you to get away from fixing the end of the relationship and keep the key characteristics of creative consciousness. The perspective of the phenomenological approach in understanding the existence of the aesthetic subject as a carrier of creative consciousness is emphasized.

Key words: aesthetic subject, creative consciousness, essence, existence, phenomenology, sensuality.

Мазаненко Оксана Михайловна

Кандидат психологических наук, доцент,
Доцент кафедры рекламы и PR-технологий
ГОУК «Луганская государственная академия
культуры и искусств им. М.Матусовского».
E-mail: oksanamazanenko@gmail.com

Mazanenko Oksana Mikhailovna

Candidate of Psychological Sciences, Associate
Professor of the Department of Advertising and PR-
Technologies, SEI HPE Lugansk State Academy of
Culture and Arts. M.Matusovsky.
E-mail: oksanamazanenko@gmail.com

УДК 1(097).472

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА СЕРГЕЕВИЧА СОЛОВЬЕВА

© 2019. А.А. Миргородский

ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»

В статье рассматривается содержание философско-правовой концепции в творчестве Владимира Сергеевича Соловьева. Содержание правового феномена имеет важное значение в контексте проблем современности, потому что он лежит в основании жизни общества и в нем нуждается государство для своего развития. Право трактуется мыслителем как минимум нравственности.

Ключевые слова: государство, личность, нравственность, право, правосознание.

Философия права в России строится на уважении к свободе личности человека и равенстве прав всех людей. Правовая культура в России всегда неразрывно была связана с философской культурой. Цель данной статьи – определить роль философско-правовых идей В.С. Соловьева в контексте русской философско-правовой мысли. Исходным для понимания права как ценности является понимание его как формы осуществления свободы, как всеобщей меры свободы личностей, в чем и заключается сущность и смысл философии права в России. Одновременно эти идеи на первый взгляд имели утопический характер. При этом нужно отметить, что ценности, в отличие от знания, не подлежат логической, эмпирической проверке и обоснованию.

Актуальность и анализ последних публикаций по проблеме и задачи исследования состоят в теоретической значимости вопросов, поставленных в философии права выдающимся русским мыслителем Владимиром Сергеевичем Соловьевым (1853–1900) [3]. В.С. Соловьев подымал актуальные и до сегодня проблемы права, морали и государства в таких своих работах, как «Право и нравственность», «Чтения о Богочеловечестве», «Критика отвлеченных начал», «Оправдание добра», «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории».

В.С. Соловьев предложил свою концепцию всеединства, целью которой было создание цельной системы знания, объединяющей нравственность, рациональное познание и религиозную веру. Эта система взглядов выражала определенный способ понимания и ведущую идею софийности. Учение о праве в мировоззрении В.С. Соловьева неотделимо также и от этики, задача которой создание условий для существования свободного общества, где все составляют цель для каждого и каждый для всех. Такое общество должно быть организовано при правильных экономических отношениях, которые должно осуществлять государство.

Существуют три источника философии В.С. Соловьева – платонизм, немецкая философия, творения отцов Церкви. В целом, В.С. Соловьев трактует категорию права с религиозно-философской позиции, в русле идеалистического подхода к объяснению действительности. Мыслитель полагал, что естественное право – это общая идея права, в основе которой лежат понятия «личность», «свобода» и «равенство». Мыслитель рассматривал право как условие нравственного прогресса.

Как известно, право – особый вид общественного сознания и отношений, в котором выражаются знание и оценка юридических законов и нормативных актов, ограничивающих сферу социальной свободы и регламентирующих обязательные элементы общественной деятельности. Право реализует возможность выражения

общественных потребностей и интересов, нормальной жизни конкретного человека. При этом правовая деятельность людей направлена на подчинение поступков, действий, поведения в целом нормам. У В.С. Соловьева право должно опираться также на христианские заповеди, создавая условия для достижения всемирной солидарности и преображения человечества. Их задача заключается не в осуществлении Царства Божия, а в удерживании общества от превращения в «ад». Формальную и материальную стороны права мыслитель объединяет в работе «Право и нравственность» [6].

С формальной стороны В.С. Соловьев провозглашает формулу «право – это свобода, обусловленная равенством»: «Моя свобода как право, а не сила только, прямо зависит от признания равного права всех других» [5]. То есть цель права – уравнивать два нравственных интереса: личную свободу и общее благо. Общее благо должно ограничивать частные интересы людей, но оно не может их подменять.

Итак, право носит условный характер и предполагает ограничение: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [5, с. 525]. Правовое принуждение не принуждает никого быть добродетельным. Его задача – препятствовать злему человеку стать опасным для общества.

Таким образом, действительная нравственность – это должное взаимодействие между единоличным лицом и общественной средой, потому что, по мнению В.С. Соловьева, природа общества и личности нравственная. То есть общество – это расширенная личность, а личность – сжатое общество. В обществе проявляется разум личности: «Нравственный интерес требует личной свободы как условия, без которого невозможно человеческое достоинство и высшее нравственное развитие. Но человек не может существовать, а, следовательно, и развивать свою свободу и нравственность иначе как в обществе. Итак, нравственный интерес требует, чтобы личная свобода не противоречила условиям существования общества» [5, с. 526].

Право исторически прогрессивно приближается к нравственности: «Право есть исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага» [5, с. 528].

При этом, по мнению В.С. Соловьева, право может содержать положения, противоречащие нравственности. Закон не создает, а утверждает существующее общественное положение. Закон не означает справедливости, потому что существуют и несправедливые законы.

В свою очередь государство, строящееся на сугубо нравственных началах, рассматривается как «собираательно-организованная жалость». У В.С. Соловьева каждый человек имеет право на достойное существование. При этом мыслитель, отрицая уравнивание всех людей, считает, что государство должно взять на себя экономическое обеспечение слабых. Главная задача государства – польза для всех, это ограничение частных интересов для возможности совместного существования. Необходимо «помогать слабым, защищать угнетенных, благотворить неимущим, – распространять на земле благодатное Царство Божие» [4]. У В.С. Соловьева наилучшая модель государства – свободная теократия, где трем моментам общественной жизни – религиозному, политическому, пророческому – в ходе исторического развития соответствуют три формы общественного строя.

Особое значение в работе «Оправдание добра» [5] уделяется христианскому государству и христианской политике. Для В.С. Соловьева христианское государство, если оно не остается пустым именем, должно иметь определенное отличие от языческого государства. Таким образом, в любом случае существует нравственная

необходимость государства. Государство должно стать главным гарантом в обеспечении права каждого человека на достойное существование. Нормальная связь церкви и государства находит свое выражение в постоянном согласии их высших представителей – первосвященника и царя. Рядом с этими носителями безусловного авторитета и безусловной власти должен быть в обществе и конкретный человек.

Итак, по В.С. Соловьеву, основная задача государства состоит в том, чтобы как можно меньше ограничивать внутренний мир человека, при этом как можно больше обеспечивать внешние условия для достойного существования и совершенствования людей.

В философском смысле личность выше государства. Естественные права личности составляют общечеловеческие ценности, которые закреплены в праве. Хотя эти права по своей реализации, конечно, зависят от государственных интересов, но существование права не зависит от государства.

У В.С. Соловьева перманентно присутствует идея государства как целого, идея солидарности и гармонизации индивидуального и коллективного в общественном сознании. Народ рассматривается как государство, как некое системное организованное начало, а каждая организация неизбежно предполагает известное устройство элементов.

Согласно концепции В.С. Соловьева, базовым принципом является видение скорее не греховного, а доброго начала в человеке. Но, чтобы добиться положительного всеединства, нужно сформировать в отношении нравственное сознание как исторически сложившуюся систему и основную ценностную форму общественного сознания, что определяется необходимостью регуляции межличностных отношений в государстве.

Особая ценность права как раз и заключается в том, что оно является не только нравственным ориентиром, но и необходимым регулятором общественных отношений. По В.С. Соловьеву, каждый человек обладает абсолютной ценностью. Такие моральные категории как совесть, честь, чувство собственного достоинства, «живая справедливость» личности отражают имеющуюся у каждого человека способность самостоятельно определять и направлять свое поведение в своем стремлении к благу.

Таким образом, права личности – это добро для всех людей и значимая ценность блага. В общефилософском смысле общее благо выступает неким эталонным образцом, с которым соизмеряются другие ценности и поступки людей. Это идеалистическая тождественность права как нормы справедливости и закона.

В.С. Соловьев воспринимает человека как посредника между Богом и материальным бытием, как «тайну «абсолютного становящегося». В целом, категория права в русской философии связана с вниманием и уважением к человеческой личности, добрым отношением в целом ко всем существам.

В дальнейшем идеи права в творчестве В.С. Соловьева получили развитие в русской философии конца XIX – начала XX века благодаря таким мыслителям, как П.И. Новгородцев, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин. В частности, философско-правовые идеи посвящены поиску религиозных оснований справедливого государства, которое снимет противоречия между духовным и материальным мирами через реализацию категории правосознания как «воли к цели права» [1, с. 158]. Право выступает минимумом нравственности, оно становится нравственным законом, который осознается внутри, а затем действует во внешней среде. Нравственный закон внутри личности имеет также основание и в обществе [2].

Когда мы говорим об индивидуальном правосознании отдельного человека, то мы должны признать, что необходимо обеспечение личной свободы при сохранении

общественной солидарности с ориентацией государства на социальные преобразования.

Таким образом, идеи В.С. Соловьева в области философии права до сих пор являются актуальными, потому что вопросы о соотношении права и государства, об отношении власти и общества (личности) являются вечными. В.С. Соловьев, будучи патриотом, одновременно пришел к убеждению о необходимости преодолевать ограниченные рамки государства. В размышлениях о праве и государстве для В.С. Соловьева Царство Божие – это цель мировой истории, общество, возможное в некоем будущем, некий умопостигаемый идеал. Религиозный идеал и цель находится в тесной взаимосвязи с юридической организацией общества. То есть право и государство соединяются с религиозным началом и Церковью. Итак, закон и право занимают промежуточную область между идеальным добром и «злой действительностью».

Итак, согласно теории В.С. Соловьева, духовные ценности вновь должны возобладать над материальными ценностями, они должны быть основаны на представлениях о добре, справедливости, гражданственности и патриотизме, воспитании правосознания и нравственного начала в человеке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин // Собр. соч. в 10-ти томах. – Т. 1. – М.: Русская книга, 1996. – 400 с.
2. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П.И. Новгородцев. – М.: Наука, 1996. – 269 с.
3. Романовская В.Б., Жданов П.С. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. / В.Б. Романовская, П.С. Жданов // Мир политики и социологии. – 2013. – №11. – С. 28–35.
4. Соловьев В.С. Духовные основы жизни / В.С. Соловьев // Собр. соч.: в 3 т. – Т. 3. – М., 1982. – С. 346.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов / В.С. Соловьев. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с.
6. Соловьев В.С. Право и нравственность / В.С. Соловьев // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. – Л., 1990. – С. 98.

Поступила в редакцию 22.12.2019 г.

THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL IDEAS IN THE WORKS OF VLADIMIR SOLOVYOV

A.A. Mirgorodskiy

The article deals with the content of the philosophical and legal concept in the works of Vladimir Solovyov. The content of the legal phenomenon is important in the context of modern problems, because it lies at the basis of society and the state needs it for its development. The law is treated by the thinker as a minimum of morality.

Key words: state, personality, morality, law, legal consciousness.

Миргородский Андрей Александрович
Кандидат философских наук,
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел
МВД ДНР»,
Доцент кафедры социально-философских
и психолого-педагогических дисциплин.
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

Mirgorodskiy Andrei Aleksandrovich
Candidate of philosophical Sciences.
SEI HPE “Donetsk Academy of internal Affairs”
Associate Professor of social-philosophical and
psychological-pedagogical disciplines.
E-mail: Mirgorodskiy87@mail.ru

УДК 130. 2

КАТЕГОРИЯ ТВОРЧЕСТВА В ТЕОРИЯХ «ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

© 2019. *Н.И. Новак*

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В статье проводится анализ творчества как движущей силы в теориях «локальных цивилизаций». Автор исследует философское наследие Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, в частности, функцию творчества в их понимании исторического процесса. История, по мнению данных мыслителей, представляется развитием локальных независимых культур, основанных на творческом потенциале человека. В ходе исследования автор отмечает то, что история представляется морфогенезом культур в историческом пространстве, основанных на творческой деятельности человека. Уничтожение же культуры интерпретируется ими как следствие потери её субъектов творческой энергии, что приводит её к неизбежному забвению. Таким образом, творчество играет ключевую роль в теориях «локальных цивилизаций», что позволяет нам рассматривать его как особое явления стоящего у истоков истории человечества.

Ключевые слова: культура, цивилизация, природа, творчество, история.

Введение. Творчество представлено в философии как явление, способствующее возникновению новых ценностных ориентиров и идей, способствующих развитию человечества ставя его выше животного мира. По своей природе творчество – это основа человеческого существования в мире, являющеюся онтологической сущностью смысла жизни, а также стоит у истоков образования культуры как способности человека видоизменять свою действительность. Однако в человеке сосуществуют две противоборствующие силы. Первая – способность созидать искусственные формы в пространстве природы. Вторая – тяга к разрушению, которая затрагивает не только природные формы, но и искусственные.

Актуальным явлением развития философского осмысления истории представляется категория ценности, что связывает философию истории с христианским телеологизмом. Так одним из первых философов обративших внимание на развития истории был Августин Блаженный, рассматривавший её с позиции формирования морально-религиозного развития, что подводит к идее о том, что у её истоков становится во главе моральный разум (Божественная воля). Таким образом, первопричиной философии истории становятся ценностные ориентиры основание на творческой деятельности человека и божественного влияния.

В дальнейшем в эпоху просвещения философия истории постепенно видоизменяется. Если как было отмечено выше, у истоков формирования истории в средневековый период представляется морально – религиозное развитие, то в эпоху просвещения становится идея прогресса. На развитие философской мысли эпохи просвещения оказали влияние географические открытия, что позволили европейцам, познакомиться с представителями иных культур, именно это сообщило импульс исследованию философии истории с позиции просветительской деятельности, у начал которого стояла цель всемирной истории как идеи прогресса человечества. В дальнейшем данная идея отразилась в марксистской концепции формационного подхода. В некотором аспекте данный подход отражает концепцию истории как достижение высшего блага, в котором невозможна идея движения назад. Однако современные условия развития общества показывают иную ситуацию. Фактически данный подход был разрушен с распадом Советского Союза как высшей формы

достижения истории, такого как социализма. Исходя из этого, данный подход не использует категорию созидание и разрушение как основополагающий вектор развития цивилизации.

В концепции исторического подхода, по мнению автора, лежит идея человеческой природы, основанной на двух противоположных силах: созидания и разрушения, что отражается в философском наследии представителей цивилизационного подхода в осмыслении истории, позволяющей объяснить современную социокультурную действительность, а также творчество как особого явления в философии истории.

Яркими представителями данного подхода в постижении истории были: Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и т.д. Основными идеями данных мыслителей явилось отвержение концепции деления исторического прогресса на периоды: Древний мир – Средневековье – Новое время. Основой постижения истории на первое место выступала культура, образовавшаяся в определенной географической среде и проходившая путь своего развития до момента её гибели.

В настоящее время культурологические теории «локальных цивилизаций» являются предметом исследования ряда авторов. В частности, Л.И. Карпова, Д.Г. Попов. Так Л. И. Карпова отмечает то, что локально – цивилизационный подход осмысления истории позволяет выявить самобытность культур, их особенность в историческом пространстве развития общества. [3, с. 78]. Д.Г. Попов отмечает, что именно культурно-цивилизационный подход в осмыслении истории способствует самоидентификации нации на арене международных отношений [8, с. 127].

Целью данной научной статьи является исследование понятия творчества в качестве движущей силы истории в трудах авторов концепций «локальных цивилизаций» Н. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби как основного атрибута формирования культуры.

Основная часть. Одним из первых мыслителей стоявшего у истоков развития цивилизационного подхода в осмыслении истории был Н. Данилевский. В своей работе «Россия и Европа» он выдвигает теорию локальных культурных исторических типов, сравнивая их с живыми организмами проходящих стадии рождения, взросления и гибели. Он водит пять законов развития культурно-исторического типа.

Первым законом мыслитель определяет то, что племена или народы должны обладать языками близкими между собой, что способствует объединению этносов в одну культурную парадигму. Второй закон определяется политической независимостью народов, входящих в одну культурную модель. Третий закон гласит о том, что основа одного культурно исторического типа не передается другим народам, что его самобытность. Четвертый закон, мыслитель, характеризует тем, что для полноты раскрытия культуры, народы входящих в одну цивилизационную парадигму должны состоять в автономии, а не объединяться под одной политической элитой. Таким образом, федеративное условие существования этносов одной культурной парадигмы способствуют более полному раскрытию своеобразия народного творчества.

В пятом законе Н. Данилевский уподобляет культурно-исторический тип многолетнему одноплодному растению, которое увядает с потерей творческих сил. Именно концепция пятого закона мыслителя определяет проблему нашего исследования, так как у истоков развития культуры представляется творческая энергия её субъектов. Н. Данилевский отмечает, что умирание культуры происходит «когда иссякает творческая деятельность в народах известного типа: они или успокаиваются на достигнутом ими, считая завет старины вечным идеалом для будущего, и дряхлеют в

апатии самодовольства (как, например, Китай); или достигают до неразрешимых, с их точки зрения, антиномий, противоречий, доказывающих, что их идеал (как, впрочем, и все человеческое) был неполон, односторонен, ошибочен, или что неблагоприятные внешние обстоятельства отклонили его развитие от прямого пути – в этом случае наступает разочарование и народы впадают в апатию отчаяния. Так было в Римском мире, во время распространения христианства» [2, с. 131]. Таким образом, творчество у мыслителя представляется важнейшей силой формирования истории, так как стоит у истоков развития культурно исторических типов. Однако с потерей творческого потенциала одной культурной парадигмы, на ее смену приходит иная более молодая культура с новым творческим потенциалом. По мнению мыслителя, прогресс не должен идти в одном направлении, но суть его «в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях» [2, с. 135]. Так было с Грецией и Европой, которая не пошла по пути греческой культуры, а по своему новому образу, где основой становится аналитическое изучение природы и теологическое осмысления бытия. Таким образом, для развития всей истории человечества необходима вариативность творчества для развития многих разнообразных культурно исторических типов формирующих современную социокультурную реальность.

Следующим представителем цивилизационного подхода был О. Шпенглер. Для более полного осмысления поставленной проблемы отметим цитату определяющую концептуализацию творчества мыслителем: «Посредством столь же творческого, сколь бессознательного акта (это не «я» воплощаю возможное, но «оно» само воплощается через меня) между живым «здесь» и «там» оказывается наведен мост символа; внезапно и с полнейшей необходимостью из совокупности чувственных и припоминаемых элементов возникает мир «как таковой», который мы постигаем: для всякого отдельного существа – «его» собственный» [3, с. 190]. Творчество у О. Шпенглера является связующим звеном между культурой и природой. Благодаря деятельности человека и природы происходит процесс появления символов, что сообщает импульс развитию культуры. Таким образом, мы можем предположить о том, что у философа культура есть продуктом в первую очередь сотворчества человека и природы что обуславливает культуру как гармонии между двумя субъектами. Цивилизация представлена как потеря гармонии между человеком и природой в процессе чего происходит разрушения «символического моста» что способствует уничтожению творческой энергии субъектов культуры.

Работа О. Шпенглер «Закат западного мира» (нем. «Der Untergang des Abendlandes») [9] оказала существенное влияние на философское мировоззрение многих философ XX века и представляет интерес в современном социокультурном пространстве. Так русские мыслители Н. Бердяев, Я. Букшпан, Ф. Степун, С. Франк в 1922 году выпускают сборник статей посвященных этой работе. Так, Ф. Степун описывает творчество как важную силу исторического процесса, в произведении О. Шпенглера «Закат западного мира». Он отмечает: «Культура, – это могущественное творчество созревающей души – рождение мифа, как выражения нового богочувствования – расцвет высокого искусства, исполненного глубокой символической необходимостью, – имманентное действие государственной идеи среди группы народов, объединенных единообразным мирочувствованием и единством жизненного стиля. Цивилизация – это умирание созидających энергий в душе; проблематизм мирочувствования; замена вопросов религиозного и метафизического характера вопросами этики и жизненной практики» [5, с. 12].

Н. Бердяев и Ф. Степун усмотрели смерть культуры и превращение её в цивилизацию у О. Шпенглера в переходе от религиозных представлений о мире к безрелигиозным, основой которого становится научный атеизм. В ходе данной проблематике Н. Бердяев обращается к фаустовской концепции западной культуры, на которую опирается О. Шпенглер, в качестве рассмотрения конца культуры он соотносит с потерей религиозного мироощущения, сравнивая западную культуру с судьбой Фауста. Мыслитель отмечает: «...безрелигиозной цивилизации истощается творческая энергия Фауста, умирают его бесконечные стремления. Гете выразил душу западно-европейской культуры и ее судьбу. Шпенглер в своей волнующей книге "Der Untergang des Abendlandes" возвещает конец европейской культуры, окончательный ее переход в цивилизацию, которая есть начало смерти» [1, с. 56]. Исходя из данных представлений русских мыслителей, мы можем отметить, что в основе умерщвление культуры лежит разрушение религиозной основы, с чем происходит крушение творчества как духовного явления, заменяя его прогрессом. Так современный ученый Г.М. Тавризян рассматривал превращение культуру в цивилизацию у О. Шпенглера «внутри самой идеи развития» [6, с. 31]. В данном контексте творчество теряет свое духовное начало, и отходит от духовной составляющей человека в пользу материальных благ. В таких условиях творчество превращается в прогресс, которое обходит духовную жизнь человека, что превращает культуру в цивилизацию, создавая людей как объектов массового потребления, а не производителей. Прогресс как потеря духовной жизни общества, уничтожая творчество, стоит у истоков превращения культуры в цивилизацию у О. Шпенглера.

Таким образом, мы можем констатировать, что смерть культуры зыблется в переходе от творческого импульса, к истощению себя изнутри, в ходе которого творчество превращается в духовно истощанный прогресс, основой которого становятся материальные блага.

По мнению В. Межуева, О. Шпенглер рассматривал культуру как некий живой организм, который существует в пространстве человеческой истории. Всеобщая история для Шпенглера представляется как ничего незначащая абстракция: «Яркими словами Шпенглер рисует открывшийся ему исторический ландшафт, заселенный разными, непохожими друг на друга живыми организмами, или культурами» [4, с. 242].

Данная мысль отражает основную концепцию Шпенглера в понимании исторического процесса в обществе. Эта концепция представлена в виде существования локальных культур, образованных в определенном географическом пространстве, которые развертываются в условиях творческого потенциала человека, черпавшего вдохновения из природной среды. Таким образом, творчество представляется как жизненная сила культуры, формирующая историю. Именно О. Шпенглер сумел отразить творчество как иррациональную особенность человека представленного движущей силой истории в конкретизации морфологии культуры.

В исследовании творчества как движущей силы истории, в философском наследии О. Шпенглера отметим, что философ отвергает концепцию деления исторического прогресса на периоды – Древний мир – Средневековье – Новое время. История, по его мнению – это развитие локальных независимых культур, основанных на творческом потенциале человека. Морфогенез культур в историческом пространстве определяет современное социокультурное пространство в виде дошедших до нас артефактов мертвых культур, превратившихся в цивилизацию. Смерть культуры во многом обуславливается потерей творческого потенциала человека, что неизбежно превращает её в цивилизацию, из чего мыслитель выводит стадии её развития.

Важно отметить, что на философскую концепцию О. Шпенглера повлияла творческая деятельность Лео Фробениуса, который утверждает, что культура имеет *Paideuma* (душа), так как она представляется живым явлением. По мнению Л. Фробениуса, культура имеет три антропоморфных стадии своего развития. О. Шпенглер же определяет четыре стадии её развития, подобно творческому потенциалу человека.

Сравним четыре стадии развития культуры по О. Шпенглеру и три стадии её морфогенеза по Л. Фробениусу. Важной особенностью данных идей является представление о культуре как о человеке. И тот и другой проходят определенные стадии своего развития от детства к старости и к смерти.

Первую стадию развития *Paideuma* Л. Фробениус относит к периоду детства, характеризуется эмоционально вовлеченности в мир, основывается на полученных впечатлениях. Данную стадию он определяет как демоническую, а именно религиозные верования и обожествления природы становятся главенствующими формами бытия культуры. В данных условиях, по мнению О. Шпенглера и Л. Фробениуса, зарождается культура.

Вторым этапом развития *Paideuma* Л. Фробениуса является период юношества. Он отличается от первого тем, что человек способен выразить сущность природы. И уже идея начинает преобладать и проявляется в религиозных обрядах, в художественном творчестве, а также в повседневной жизни. О. Шпенглер так же рассматривал первую и вторую стадии развития культуры с позиции детства и юности человека, в которых преобладает мифическое мировоззрение. Например, с позиции детства и юности он рассматривает формирование романского и готического стиля, символизирующих изливающуюся юную душу. Здесь культура способна к образованию причудливых форм, пропитанных религиозным сверхъестественным началом. Творчество в данной стадии подобно детской фантазии, приобретающей материальную субстанцию в пространстве в виде искусственных форм.

Третьим этапом развития *Paideuma* Л. Фробениус, как и О. Шпенглер связывают с период зрелости, который определяется рационализацией действительности. В ходе этого периода творческий потенциал постепенно ослабевает, что приводит к «угасанию» культуры и в дальнейшем к ее смерти. Данный этап О. Шпенглер разделяет на две стадии: первая стадия будет существовать между юностью и старостью культуры. В данной стадии культура приобретает свою мужественность, и суровость в творческом потенциале. Именно в этот период творческий потенциал культуры приобретает наивысший расцвет своего бытия. В дальнейшем со старостью, по мнению О. Шпенглера, творческий потенциал угасает и вместо культуры приходит цивилизация. Творчество в данный период обретает второе дыхание и совершает творческий импульс, что придает культуре неслыханный размах. Однако этот огонь постепенно угасает, и умирающая культура тоскливо вспоминает о своем детстве и уже усталая, и холодная превращается в цивилизацию. На основе данного размышления О. Шпенглер приводит в пример развитие классицизма как второго импульса творческого потенциала, которое имеет неслыханный размах, и угасание, представленное в романтизме как тоскливый взгляд на свое прошлое.

Следующим представителем цивилизационного подхода рассматривающий творчество как основу развития локальных культур, формирующих современный вил истории был А. Тойнби. Примечательно является то, что он не использует культуру в своем исследовании, заменяя ее понятием цивилизации в отличие от О. Шпенглера. В основе его понимания развития цивилизации ложится концепция инь и янь, в котором действует принцип вызова и ответа.

Данные вызовы способствуют появлению ответа на них, что отражается в следующей мысли философа: «функция «внешнего фактора» заключается в том, чтобы превратить «внутренний творческий импульс» в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций» [7, с. 114]. Как видим, из данной мысли философа, творчество представляется особым явлением, способствующим дать отпор вызовам, что сообщает импульс формированию цивилизации. Однако в отличие от О. Шпенглера А. Тойнби рассматривал культуру не с позиции ее морфологии, а с социальной организацией индивидов. В данной организации он выделяет два типа общественной формации: творческое меньшинство, которое способно ответить вызовам благодаря своей творческой деятельности и повести за собой большинство, которое посредством мимесиса ассимилируются к творческому потенциалу меньшинства.

Распад цивилизации А. Тойнби характеризует не влиянием внешних факторов, а исходит от собственных сил индивидов одной цивилизационной парадигмы. Разрушение цивилизации происходит тогда, когда творческое меньшинство теряет свой творческий потенциал, превращается в правящую элиту, основой которой становится правление при помощи материальных продуктов цивилизации, зачастую имеющие вид оружия. Большинство превращается во внутренний пролетариат. В ходе данного разделения общества и происходит распад цивилизации, так как данному вызову меньшинство не может найти творческий ответ, потому что оно затрагивает саму основу цивилизации.

Примечательной концепцией «локальных цивилизаций» у А. Тойнби является то, что он рассматривал их формирования в связи со своими религиозными представлениями. Вся суть истории у А. Тойнби представляется взаимодействием Бога и человека в ходе чего, в конечном счете, человечество в историческом процессе должно приблизиться к божественному миру и замыслу. Таким образом, мыслитель выводит свою концепцию преемственности цивилизаций, в ходе чего происходит процесс перевоплощения умирающей цивилизации в новую рождающуюся цивилизацию, по средствам творческой активности меньшинства организующих Вселенскую церковь. Так было со следующими цивилизациями такими как: минойская – эллинская – западная цивилизации, минойская – эллинская – православная цивилизация, минойская – сирийская – исламская цивилизации, шумерская – индская – индуистская цивилизации. Цивилизации, которые не смогли вырваться по средствам творчества из периода распада, не сумевшие организовать Вселенскую церковь и приблизиться к божественному замыслу, обречены на жизнь в смерти в окаменелом виде. Примером такой цивилизации у философа представляется Египетская цивилизация, находящаяся в жизни в смерти, так как творческий потенциал её субъектов иссяк, в ходе чего в наше время она существует в окаменелом виде.

Заключение. В цивилизационном подходе творчество представляется как важнейшее явление, способствующее развитию культур, формирующих современную социокультурную действительность. Исходя из цивилизационного подхода, мы можем по иному посмотреть на творчество, так как в эпоху просвещения и формационном подходе осмысления истории оно означало линейный прогресс, что определяло его с позиции развития материальных благ. В цивилизационном подходе творчество не только отражается как материальное производство, но и стоит у истоков развития духовных ценностных ориентиров тем самым способствующего определению его как явление духовной деятельности человека. Отрицание концепции деления исторического прогресса на три периода представителями цивилизационного подхода:

Древний мир – Средневековье – Новое время, способствует по-иному исследовать историю и многогранность культурных типов и произведений искусств. Если рассматривать человеческую историю, то она представлена историческим временем бытия в пространстве локальных культур, основанных на творческом потенциале, которые формируют современную социокультурную действительность виде дошедших до нас артефактов запечатленных в камне мертвых культур.

Исследование творчества как движущей силы развития культур в цивилизационном подходе способствует объяснению современных социокультурных процессов, а именно распадам современных цивилизационных формаций, и выходом из них иных культурных организаций. Примечательным данного подхода является и то, что с исчезновением творческих сил в культурной организации происходит ее распад и неизбежно приводит к ее разрушению. К данным примерам можно отнести распад Советского союза, в котором творчество превратилось в пропаганду, в дальнейшем обернулось разрушением данной цивилизационной формации. Совсем иная ситуация происходит в России так как происходит возврат к духовной жизни индивидов данной культурной парадигмы, а творчество становится свободным от политического давления. Из чего следует оптимистические настроения на развитие современной России, так как по факту она является молодой цивилизацией с огромным потенциалом творческого духа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста / Н.А. Бердяев. – М.: Берег, 1922. – 97 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. Изд. 2-е – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – 816 с.
3. Карпова Л.И. Становление теоретических и методологических основ концепции локальных цивилизаций / Л.И. Карпова // Журнал Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2005. – С. 74-78
4. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры / В.М. Межуев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.
5. Степун Ф.А. Освальд Шпенглер и Закат Европы / Ф.А. Степун [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://odinblago.ru/stepun_osvald (дата последнего обращения – 5.10.2019).
6. Тавризян Г.М. О. Шпенглер, И. Хейзинга: две концепции кризиса культуры / Г.М. Тавризян. – М.: Искусство, 1988. – 272 с.
7. Тойнби А.Дж. Постижение истории / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Айрис-Пресс Год, 2010. – 640 с.
8. Попов Д.Г. Локальные цивилизации и цивилизационные противоречия: опыт постглобализации / Д.Г. Попов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – С. 122–128.
9. Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. Полное издание в одном томе / О. Шпенглер. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2014. – 1085 с.
10. Frobenius L. Paideuma; umrisse einer kultur- und seelenlehre / L. Frobenius. – München. Forschungsinstituts für kulturmorphologie Publication, 1921. – 152 p.

Поступила в редакцию 05.10.2019 г.

THE CATEGORY OF CREATIVITY IN THE THEORIES OF “LOCAL CIVILIZATIONS”

N.I. Novak

The article analyzes the creativity as an important attribute of the formation of history in the theory of “Local civilizations”. The basis of this interpretation of history is a critical analysis of the understanding of world history, its division into periods - the Ancient World - the Middle Ages - the New Age. Replacing the

formation approach, representatives of the theory of “Local Civilizations” explored the morphogenesis of cultures in the historical space of society based on human creativity. In the course of the study, the author relies on the philosophical legacy of N. Danilevsky, O. Spengler, A. Toynbee, who consider culture as a phenomenon in the historical space of human development, which passes through the stages of birth, adulthood and death. Creativity is a phenomenon that stands at the origins of the formation of culture, with the loss of the creative potential of its subjects, culture gradually dies. Based on the teachings of the representatives of the theory of “Local civilizations,” we note that world history is defined as the field of “livelihoods” of various cultures, driven by creative potential.

Key words: culture, civilization, nature, creativity, history.

Новак Никита Игоревич

Преподаватель кафедры «Культурологии»
ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия
культуры и искусств имени М. Матусовского».
E-mail: nktnovak@mail.ru

Novak Nikita Igorevich

Lecturer at the Department of "CULTUROLOGY",
SEI HPE "Lugansk State Academy of Culture
and Arts named after M. Matusovsky".
E-mail: nktnovak@mail.ru

УДК 111.1 + 101.1:316

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ОТ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ К НЕОДНОЗНАЧНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ

© 2019. *И.С. Половинкина*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье анализируется интенционал понятия «виртуальная реальность» в контексте ключевых проблем современной виртуалистики. Установлено, что виртуальная реальность является сложным комплексом еще не систематизированных и порой противоречивых конструкторов с неопределенным экстенциональным статусом. Первым этапом на пути к пониманию процессов, происходящих в самой виртуальной реальности и в дискурсе вокруг нее, является фиксация однозначного определения данной реальности, в совокупности присущих ей признаков и функций.

Ключевые слова: реальность, виртуальная реальность, киберпространство.

Понятие «виртуальная реальность» (далее – ВР) вызывает научный интерес уже не одно десятилетие. Став следствием масштабных социальных и технологических трансформаций, референт данного концепта присутствует в разнообразных сферах жизни современного человека. «ВР» заслужено приобрело статус онтологической категории. В то же время, содержание понятия «ВР» было и остается неоднозначным, а объем – не регистрируемым.

Несмотря на то, что атрибутивное пространство ВР зачастую связывают с компьютеризацией и интернетом, смысл и значимость рассматриваемой категории этим не ограничивается. Он многогранен и может выступать в разных ипостасях. Таким образом, мы имеем дело с содержательной (интенциональной) неопределенностью. Параллельно, варьируется объем – набор объектов, принадлежащих к ВР, следовательно, и функциональность данных объектов. Другими словами, налицо экстенциональная неоднозначность.

Об актуальности тем и рубрик ВР свидетельствуют работы иностранных и отечественных философов и ученых. Среди них выделим исследования Н. А. Носова, Е. Е. Таратуты, Д. А. Беляева, В. А. Гермашовой, а также Д. Дойча, Т. Диттона, Ф. Фукуямы. Предметно-проблемное поле, на котором происходит постижения ВР, отличается масштабностью и сложностью. В таких обстоятельствах наличие гносеологических лакун неизбежно. Одна из них обнаруживается уже на первых этапах ознакомления с категорией «ВР». Содержание последней является столь неоднозначным, что философы до сих пор не пришли к единому мнению по данному вопросу.

Цель статьи: обнаружить взаимосвязь интенциональной и экстенциональной составляющих «ВР» и объекта (объектов), который (которые) являются референтом данного понятия.

В ходе исследования используются преимущественно контекстуальный и аналитический методы научного познания.

По мнению В. А. Гермашовой, ВР – это сформированная компьютерными средствами трехмерная модель реальности, которая создает эффект присутствия человека в ней, позволяет взаимодействовать с представленными в ней объектами, включая новые способы взаимодействия: изменение формы объекта, свободное перемещение между микро- и макро- уровнями пространства, перемещение самого

пространства [2, с. 218]. Н. А. Носов характеризует ВР, как особый тип взаимодействия между разнородными объектами (располагающимися на разных иерархических уровнях), а также специфические отношения между ними – порожденности и интерактивности [4, с. 12]. В. П. Руднев понимает ВР, как осмысленную часть мира, преломленную через измененное состояние сознания: сновидение, бред, опьянение, вдохновение, тоску, радость, апатию [5]. Д. Дойч считает, что ВР – это «любая ситуация, в которой пользователю дается ощущение нахождения в точно описанной среде» [3, с. 205]. Итак, фиксируем отсутствие четко очерченного референта понятия «ВР» и наличие различных смысловых интонаций, присутствующих в дефинициях.

Понятие «ВР» обнаруживает себя еще в эпоху Средневековья. Данный термин нашел свое отражение в работах Николая Кузанского, Фомы Аквинского, Дунса Скота. Последний, в частности, отмечает, что ВР – это «некоторая сила, способная содержать в себе будущие следствия, в которой потенциально заложен будущий способ действий, поведение объекта, его будущая актуальная реализация» [6, с. 30].

Еще Аристотель выделял два мира: актуальный и потенциальный. Актуальный – существует независимо от субъекта, потенциальный – имеет онтологический статус благодаря субъекту. Например, стул, на котором сидит человек, скорее имеет потенциальный статус, так как человек может привести его в движение, но не наоборот. Человек в данном случае – вещь более актуальная. В свою очередь, ВР соединяет в себе и первое, и второе в равной степени. Она может быть потенциальной, то есть, вероятной, создаваемой, конструируемой. ВР нуждается во внешней «силе» и источнике движения для дальнейшей самореализации. Одновременно с этим, ВР является актуальной, то есть, «бытийной», существующей в настоящий момент автономно. Созданное киберпространство не исчезает при отсутствии пользователей, опубликованное произведение не утрачивает части сюжета или героев, гаджет не лишается своих функций в том время, когда человек им не манипулирует. Другими словами, онтологическая выполнимость ВР – не очевидна. ВР как бы балансирует между действительностью и возможностью, реализованным и реализующимся.

В данном контексте возникают два вопроса. Первый: что уместно относить к проявлениям ВР? Второй: если ВР универсальна, то на каком этапе практически проявляется ее актуальность?

Отвечая на первый вопрос, необходимо отметить, что в данной работе под ВР понимается широкий комплекс воздействий, созданных за счет физически актуальных средств, влияющий на органы чувств (зрение, слух, обоняние и т. д.) и сознание пользователя. Такая реальность может моделировать специфическое виртуальное пространство (*cyberspace*), что делает возможным ее дальнейшее автономное существование. Важно подчеркнуть, что *cyberspace* – это не только интернет-площадки или сетевые ресурсы, это также вариативная, субъективно воспринимаемая индивидом модель мира. В связи с этим, справедливо отметить, что ВР – это, помимо прочего, воспринимаемые художественные образы, которые не могут быть взяты из очевидного и фиксируемого опыта конкретного человека. Важно также подчеркнуть, что воспринимаемые художественные образы не тождественны объективно существующему произведению, из которого они взяты.

К проявлениям ВР уместно отнести как наскальную живопись, так и современные социальные сети, художественные и литературные произведения, ресурсы связи, симуляторы и т. п. Уже древний человек воспринимал созданный им рисунок на стене пещеры в отрыве от реального объекта. Например, существование нарисованной лани было виртуальным (вероятным); восприятие смотрящего были обусловлены разными

уровнями пространства. Древний человек осознал, что нарисованная конкретная лань не существует в физическом мире, он не может дотронуться до ее шерсти или погладить. Субъект воспринимал и осознал только сам образ. Современные социальные сети обладают теми же (и, естественно, более расширенными и усложненными) характеристиками. Происходящее на просторах интернета (размещенные копии книг, картин, различная информация и т. д.) – это вероятно существующие образы, не имеющие, как правило, непосредственного денотата в физическом мире. Оригинальная картина живописца и ее репродукция, человек и его фото – соотносятся как знак и его референт, они родственны, но не тождественны.

Отвечая на второй вопрос о практической реализации актуальности ВР, необходимо отметить, что ВР – это сумма определенных влияний на ощущения и восприятие человека (актуальность ВР), а также набор физических элементов и материалов, которые нуждаются во внешнем источнике инициативы для дальнейшего существования (потенциальность ВР).

Физическое проявление универсальности – это область технологий, в которой формируется ощущение пребывания человека в определенной среде. То есть, любой генератор ВР, ее физический источник (очки ВР, компьютер, художественное произведение), считает Д. Дойч, влияет на ощущения человека, фактически, манипулирует чувствами, доминируя над их нормальным функционированием только для того, чтобы пользователь «полноценно» ощутил конкретное киберпространство [3, с. 167–168].

Это подтверждает наличие еще одной универсальной особенности существования ВР – необходимость обратной реакции пользователя. Например, если человек попадает под дождь, то, как бы субъект к нему ни относился, дождь не прекратится, пока не исчезнет объективная причина осадков. В контексте создания и функционирования ВР участие и реакция человека – один из центральных элементов. То есть, если дождь будет создан в каком-либо киберпространстве, данное явление можно будет признать влияющим на субъект только в том случае, когда пользователь на него как-либо реагирует. Человек волен в любой момент снять очки ВР, выключить компьютер или закрыть книгу. В таком случае влияние ВР рано или поздно прекращается по волеизъявлению человека. Из актуального состояния ВР переходит в потенциальное, и наоборот. Тем не менее, ни компьютер, ни книга, ни очки не пропадают как объект физической действительности. Они просто перестают функционировать в данный момент времени в формате конкретного сознания.

Необходимо учитывать, что содержание ВР, как и любой иной категории, со временем трансформируется. В средневековой философии феномен виртуальности был неразрывно связан с идеей Бога и трансцендентностью, в то время как современные ученые связывают ВР с техницизмом, информатизацией общества, развитием квантовой физики. Виртуальность стала повсеместным явлением. Ее содержание неоднозначно и в довольно большой части случаев – противоречиво. Именно выявляемые противоречия и стремление их объяснить являются исходным толчком для структурирования и дальнейшего развития виртуалистики.

Одной из фундаментальных проблем виртуалистики является не только сложность в определении содержания ВР, но и трудности в фиксации ее проявлений, влияния и функциональности в целом. Обозначенные сложности обуславливаются, помимо прочего, отсутствием четкой и научно зафиксированной семантической составляющей. В контексте данной категории уместно выделить крайне размытые субъект-объектные связи, неструктурированным остается конкретное толкование

большинства процессов, происходящих в ВР. Ввиду этого нередко проявления ВР могут быть неоправданно отождествлены с идеальными или фантомными сущностями.

В связи с этим необходимо выделить отличия категории «ВР» от категории «идеальное»:

1. У средств ВР, способных влиять на человека, имеется посредник, а также «создатель», ряд действий которого в прошлом спровоцировал формирование киберпространства. Программист создает программное обеспечение, конструктор – системный блок, писатель – книгу. В пространстве «идеального» человек максимально субъективен и транслирует различные образы и суждения в соответствии со своими внутренними воззрениями. Нельзя не учитывать того, что индивидуализированное идеальное способно к объективации, трансформации в автономную информационно-смысловую сущность.

2. Проблема социального отчуждения. Несмотря на наличие общения и контактов «онлайн», субъект, тем не менее, испытывает отчуждение – состояние, при котором человек ощущает себя бессильным и бессмысленным в обществе; он переживает социальную изолированность и отстранение. Отстранение возможно только «от чего-то», то есть, только в том случае, когда изначально индивид был погружен в ту или иную социальную группу. Данный процесс провоцируется активным использованием ресурсов ВР. В свою очередь, категория «идеального» не оказывает подобного влияния, так как идеи априори невещественны.

Например, можно предположить, что книга – это физический предмет, состоящий из бумаги и печатных оттисков (потенциальное существование или фоновое бытие), ее содержание и сюжет – это отдельный возможный мир, а влияние, оказываемое на ощущения и эмоции человека, – это проявления ВР (ее актуальное выражение).

Следовательно, то, что происходит с возможной книгой в сознании автора до ее преобразования в текст и печатное издание, уместно отнести к категории «идеального», то есть, признать совокупностью идей (эйдосов). Воображение, мнения, рассуждения и т. п., хотя и происходят в некотором смысле в виртуальном (то есть, в вероятном) пространстве, не относятся к ВР. Если они, конечно, не являются реакцией человека на проявления ВР. Воображение и рассуждения – это следствия частного человеческого опыта, от которых субъект не может быть отчужден. В свою очередь уже созданное произведение имеет физическую фиксацию в объективном мире и посредника – необходимые условия для признания элемента проявлением ВР.

Одной из особенностей ВР, важной для понимания ее содержания, является то, что проявления ВР подрывают основы эмпиризма, нивелируя значение опыта, фиксируемого в протокольных предложениях. Попадая в пространство ВР, субъект может наблюдать предметы, подчиняющиеся объективным законам физики. Однако, как отмечает В. А. Гермашова, в ВР возможны изменения формы объекта, свободное перемещение между микро- и макро- уровнями пространства, перемещение самого пространства, игнорирование психологической стрелы времени и т. д. Следовательно, эмпирическое исследование ВР становится невозможным. Только человеческий разум может отвечать на вопросы, что именно, происходящее в киберпространстве, реально. Однако если конкретный субъект не обладает соответствующими знаниями относительно происходящего с ним в ВР, то проявления референта данной категории могут восприниматься человеком как подлинные, т. е., объективно существующая реальность для конкретного пользователя искажается.

Поэтому переход от актуального состояния ВР к потенциальному размыт, так же, как и конкретное определение позиции субъекта в киберпространстве (пользователь

или используемый). Ведь если пользователь – это человек, который отдает себе отчет в том, какие именно процессы виртуальны, а какие – происходят в объективной действительности, то субъект, погруженный в ВР – это лицо, не способное рационально разделить объективный и виртуальный миры, ибо сама рациональность, как бы «расщепляется».

Условия ВР могут убедить «используемого» субъекта в существовании ложных явлений, вплоть до наличия «законов» физики, которые невозможны. Например, существует эксперимент «Марс 500», в частности модуль «Имитатор марсианской поверхности». В рамках настоящего эксперимента, российские научные сотрудники 520 суток находились в замкнутом комплексе, в котором за счет различных симуляторов создавались физические условия марсианской поверхности. Фактически, данный эксперимент являлся тренировкой космонавтов для первой пилотируемой экспедиции на Марс.

Несмотря на то, что подобный полет в настоящий момент не представляется возможным, средства и проявления ВР, на примере эксперимента «Марс 500», создают максимально свободные условия для человеческого познания. Рамки человеческого познания в таком случае ограничиваются исключительно законами физики и логики (при условии их соблюдения), а также человеческим опытом в историческом ракурсе и в некоторых ситуациях – возможностями человеческого воображения. Например, посредством ВР представляется допустимым создать пространство, которое никогда не существовало в реальности. Однако невозможно создать предмет, не имеющий аналога, по крайней мере, в воображении человека. Субъект всегда будет использовать формы, оттенки и материалы, известные опыту человечества. ВР не может сформировать неизвестный человеку цвет или несуществующий химический элемент. И возможные миры, и ВР «нуждаются в пресуппозициях, смысловых паттернах, которые черпаются из знаний о действительности» [1, с. 47]. Несмотря на это, проявления виртуальной реальности ограничиваются только изобретательностью создателя и мощностями оборудования ВР.

Современные исследования ВР являются противоречивыми и неоднозначными. В настоящий момент не существует единой меры оценки того или иного проявления ВР. Большинство ученых связывают ВР с компьютеризацией, однако, как видно из проведенного исследования, содержание этого понятия значительно шире.

Таким образом, ВР – это широкий комплекс воздействий, созданных за счет физически актуальных средств, влияющий на органы чувств (зрение, слух, обоняние и т. д.) и сознание пользователя. ВР – такая модель мира, которая может восприниматься пользователем как субъективно, так и объективно. Уместно считать ВР одним из видов возможных миров. ВР – это также различные художественные образы, воспринимаемые человеком, которые он не может черпать из своего очевидного опыта. При этом рассмотренный термин обладает определенными специфическими условиями, которые отличают ВР от, например, «идеального мира» или фантомных сущностей:

1. Наличие посредника – субъекта, который пользуется ресурсами ВР, погружаясь в киберпространство. Использование данных ресурсов приводит к появлению обратной реакции на проявления виртуальной реальности. При отсутствии реакции пользователя, ВР переходит в потенциальное состояние, существуя автономно.

2. Наличие проблемы отчуждения субъекта от социальной действительности. Атрибуты ВР могут оказывать как конструктивное, так и деструктивное влияние. Проблема отчуждения демонстрирует, что пользователь становится социально не

вовлеченным, так как природа ВР отлична от любых иных вариантов игнорирования окружающего мира. Наличие подобной проблемы не всегда означает, что отчуждаемый использовал ресурсы ВР. Однако при их использовании обозначенная проблема рано или поздно становится актуальной.

3. ВР является универсальной. Она может находиться в потенциальном и актуальном состояниях одновременно. Это отличительная черта ВР.

При всей своей интенциональной «необъятности» для человеческого познания, ВР обладает четкими рамками, устанавливаемыми объективно. Это делает данную категорию классифицируемой. Так, ВР уместно считать познаваемой только рационально, в то время как опыт, воспринятый человеком в рамках использования ресурсов ВР, может быть не фиксируемым и не артикулируемым, а, следовательно, – непроверяемым и недоказуемым.

ВР фактически является своеобразной альтернативой существующего социального мира. Тем не менее, данная альтернатива более обширна по своему функционалу, но менее устойчива в объективной действительности. Это важнейший экстенциональный параметр ВР.

Нередко ВР воспринимается как субъективная реальность, которая ограничивается экстенционально – законами логики и физики. Однако проявления ВР свидетельствуют о значительно более масштабных возможностях, в частности, о ее актуальном и существенном влиянии на сознание человека. Подобное не может следовать из очевидного опыта индивида. В дальнейшем – данное влияние может приводить к отчужденности. То есть, ВР уместно признать частью психологической реальности человека. Однако физически и рационально обусловленные границы проявлений ВР наделяют референт рассматриваемой категории возможностью автономного существования.

ВР – сложный комплекс явлений, который в настоящий момент в достаточной мере не исследован для трансляции четких выводов и позиций. И интенциональные, и экстенциональные составляющие ВР нуждаются в дальнейших экспликациях, которые позволят глубже понять процессы, происходящие в киберпространстве. Это необходимо еще и потому, что проявления ВР являются повсеместными, а НТП и расцвет современных технологий обуславливают дальнейшую тенденцию информатизации общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волошин В. В. Возможные миры и супервентность / В. В. Волошин // Культура и цивилизация. – 2018. – № 2 (8). – С. 43–52.
2. Гермашова В. А. Понятие «Виртуальная реальность» в философском знании / В. А. Гермашова // Вестник Ставропольского государственного университета. Философские науки. – 2009. – № 64. – С. 215-221.
3. Дойч Д. Структура реальности: Наука о параллельных вселенных / Д. Дойч; пер. с англ. – 3-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 614 с.
4. Носов Н. А. Виртуальный человек: очерки по виртуальной психологии детства / Н. А. Носов. – М.: Магистр, 1997. – 192 с.
5. Руднев В. П. Возможные миры и виртуальные реальности / В. П. Руднев, В. Я. Друк. – URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=126268> (Дата обращения: 12.09.2019).
6. John Duns Scotus, Allan Bernard Wolter, William A. Frank. Duns Scotus on the will and morality. – The Catholic University of America Press. – 1997. – P. 27–33.

Поступила в редакцию 11.11.2019 г.

**VIRTUAL REALITY: FROM CONTENT UNCERTAINTY TO CONTROVERSIAL
FUNCTIONALITY**

I. S. Polovinkina

The article analyzes the intension of the concept of “virtual reality” in the context of the key problems of modern virtualistics. It is established that virtual reality is a complex set of not yet systematized and sometimes contradictory constructs with an indefinite extensional status. The first step towards understanding the processes occurring in virtual reality itself and in the discourse around it is to fix an unambiguous definition of this reality, together with its inherent signs and functions.

Key words: reality, virtual reality, cyberspace.

Половинкина Ирина Сергеевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Аспирант кафедры философии.
E-mail: polovinkina.irra@yandex.ru

Polovinkina Iryna Sergeevna

SEI HPE “Donetsk National University”,
Postgraduate of the Department of Philosophy.
E-mail: polovinkina.irra@yandex.ru

УДК 130.121:78 (811.112.2)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЛЮБВИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ РОК-ПЕСЕН ГРУППЫ «LACRIMOSA»

© 2019. *Е. В. Рочняк*

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье проводится разделение рок-музыки на 2 большие тематические группы: «рок бунтующий» и «рок ищущий». Акцентируется внимание, что в тексте песен «рока ищущего» главное место уделяется философскому осмыслению внутреннего мира человека. На примере песен швейцарской рок-группы «Lacrimosa» доказывается, что рок-культура – это не только и не столько открытый бунт против существующего порядка. Часто она представляет собой глубокий анализ человеческой психики, одновременно чувственно-личное и обобщенно-философское осмысление вечных вопросов.

Ключевые слова: рок-музыка, философия рока, виды любви, феноменология любви, Lacrimosa.

Музыка – это не только искусство выстраивания звуков, но и способ донесения с их помощью информации, некой мысли, образа, философской доктрины. Проблема сущности и генезиса рок-музыки как некоего довольно значительного пласта культуры затрагивает широкий круг вопросов социокультурного развития, детерминирующих самые различные стороны общественной жизни. Социальный опыт рок-культуры имеет огромное значение и должен стать объектом осмысления социогуманитарных наук. Рок давал и продолжает давать молодежи модели поведения в кризисных ситуациях и быть формой осознания гармонизации своего бытия в мире. Именно этим обуславливается актуальность темы нашего исследования.

В литературе последних лет было уделено большое внимание разработке музыкального аспекта рок-культуры, в частности, это работы Э. Артемьева, Т. Диденко, В. Конена, Н. Мейнерта, О. Феофанова. Однако в этих трудах акцентируется узко профессиональный, музыковедческий подход к проблемам рока. Нам бы хотелось обратить внимание, прежде всего на его философскую основу.

Рок – первая музыкальная форма, созданная специально для молодых людей, выражающая их отношение к действительности. Появившись в виде саундтрека к фильму «Blackboard jungle» как сомнение в моральных и политических устоях послевоенного мира, он превращается к концу шестидесятых годов в мощное культурное направление. Это звуковой фон целого поколения.

Поначалу в рок-композициях мало обращали внимания на слова. Первые тексты были достаточно просты, можно даже сказать банальны. Суть была не в них, а в завораживающем ритме, в потоке энергии, который передавался от музыкантов слушателям. Но позже, к середине 1960-х рок стал для целого поколения образом жизни, философией, религией – всем сразу. А всем сразу – значит, и литературой тоже. И первыми, кто поднял песенные тексты до уровня большой поэзии, были музыканты группы «Beetls».

Рок всегда притягивал и продолжает притягивать стихийных бунтарей, тех, кто в силу убеждений или отсутствия социальных и материальных возможностей не мог идти стандартным путём. Его предпочитают люди, стремящиеся отделиться от окружающих, доказать, что они отличаются от большинства. Рок создают и слушают люди нестандартно мыслящие, те, кто самостоятельно принимает решения в жизни и имеет

собственную точку зрения. «Философия» рока – это протест, протест против навязываемых порядков. Рок побуждает действовать, бороться, изменять и изменяться.

С точки зрения философского подхода всю рок-музыку можно разделить на 2 большие тематические группы: рок бунтующий и рок ищущий.

К року бунтующему относят в первую очередь тяжелый рок. Тяжелый рок может слушать человек, нуждающийся в эмоциональной разрядке, выбросе накопившейся агрессии. Он находится в постоянном напряжении. Его самооценка занижена, поэтому нередко такой человек защищается при помощи позиции «я плохой, и мне это нравится». Зарождением этого направления можно считать уже упомянутые 60-е годы, когда формируются и завоевывают массовое признание классические роковые группы и исполнители: «Rolling Stones», Боб Дилан, «The Doors». В этот период рок-музыка была знаменем протеста против войны во Вьетнаме. Возникают организации «Рок против войны», «Рок против расизма».

Классическим примером бунтующего русскоязычного рока являются композиции конца 80-х – начала 90-х, времени распада Советского Союза. Это были песни, направленные против общественного строя:

*Круговая порука мажет как коготь,
Я беру чью-то руку, а чувствую локоть,
Я ищу глаза, а чувствую взгляд,
Где выше голов находится зад.
(И. В. Кормилцев, «Скованные одной цепью»)*

Так называемый андеграунд или «рок подворотен» выражал основную мысль – необходимость изменений. Куда и как двигаться дальше особо не уточняется, зато констатируются недостатки существующего общественного строя и стиля жизни вообще:

*Перемен требуют наши сердца,
Перемен требуют наши глаза.
В нашем смехе и в наших слезах и в пульсации вен
Перемен, мы ждем перемен.
(В. Цой, «Перемен», песня из к/ф «Асса»)*

Что касается рока ищущего, то здесь, как правило, главное место уделяется человеку, его внутреннему миру. И это является главной причиной того, что средний возраст аудитории этого направления всегда был лет на 5-10 старше, чем возраст поклонников «бунтующего рока». На современном этапе подавляющее большинство рок-исполнителей относятся именно ко второму течению, року ищущему. Это не значит, что в мире стало меньше проблем, меньше явлений, против которых стоит бунтовать. Скорее, была утрачена вера в то, что простой человек, даже объединившись с другими, может что-то реально изменить в «мире вещном». Именно поэтому произошла переориентация на мир внутренний.

Особенно ярко данный факт нашел свое выражение в немецкоязычной рок-музыке. И это не удивительно. Ведь еще Г. Гейне в своем произведении «Германия. Зимняя сказка» писал:

*Franzosen und Russen gehört das Land,
Das Meer gehört den Britten,
Wir aber besitzen im Luftreich' des Traums
Die Herrschaft unbestritten. [3, с. 235]*
*Французам и русским досталась земля,
Британец владеет морем.
Зато в воздушном царстве грез
Мы с кем угодно поспорим. [1, с. 603]*

Подобную же мысль о немецком языке высказывает основатель, композитор и вокалист швейцарской рок-группы «Lacrimosa» Тило Вольф: «Это очень хороший язык для двусмысленностей, глубокой наглядности» [6].

Часто для песен направления «ищущий рок» характерна постановка так называемых «вечных философских вопросов»: поиск смысла жизни, соотношение свободы и необходимости, что такое реальность и насколько она действительно реальна, взаимосвязь добра и зла. Одним из таких «проклятых вопросов» является вопрос сущности и видов любви, поэтому нет ничего необычного в том, что ему уделяется достаточно внимания многими мировыми рок-исполнителями.

Большинство философов характеризуют любовь как феномен внутренне разнообразный, имеющий уникальный, субъективный характер, что отражается в различных проявлениях любви – любви-страсти, романтической любви, родительской любви, супружеской любви, конфлюентной любви, любви-партнерстве, любви-жертвенности и т.д. Согласно мнению немецкого социолога, философа и психоаналитика Э. Фромма, лишь любовь и творчество наполняют нашу жизнь смыслом, предоставляя человеку возможность прочувствовать свою исключительность неповторимость.

Для рок-культуры также характерно акцентирование самобытности, уникальности, стремления к самореализации и самоактуализации, подчеркнутый уход от «мещанства» и «серости». Родившись в музыкальной среде, рок вышел за ее пределы, претендуя на то, чтобы утвердиться как стиль жизни, поведения. Адепты так называемого «поколения хиппи» были уверены, что рок-музыка будет способствовать изменению сознания людей, сделает их добрыми и счастливыми, избавит от подчинения ценностям истеблишмента, научит свободно творить. Таким образом, мы видим, что феномены любви и рок-культуры тесно внутренне взаимосвязаны.

Говоря о феноменологии, следует отметить, что она представляет собой наиболее широкое и влиятельное направление в современной философии. Главная задача этого учения состоит в обращении к первичному опыту, к такому, в котором сознание следует понимать как «трансцендентальное я», т. е. внутреннее «я» каждой личности. Достаточно точно данную установку можно передать словами Тило Вольфа: «Речь идет о том, чтобы иметь возможность как можно достовернее выразить свои ощущения и в этом мне никто помочь не может» [6].

Согласно одному из основателей феноменологического направления, М. Шелеру, феноменолог обращен к самим «феноменам» и процедуре их созерцания, он не наблюдает, а переживает и усматривает, направляясь на непосредственный контакт с самим миром. Жизненная позиция представителя рок-культуры во многом сходна с данной установкой: не рациональность, а эмоции, не отстраненное философствование, а непосредственное действие и переживание должны лежать в основе жизни каждого человека.

Одна из основных целей феноменологии – это систематизация и классификация универсальных ценностей человечества, к которым, однозначно, относится любовь. Человеку намного проще ориентироваться в реальности, когда она структурирована, имеет определенные схемы и названия.

Так уже в Древней Греции выделяли следующие базовые виды любви: эрос (любовь-страсть), людус (любовь-игра, флирт), сторге (любовь-нежность), филия (безусловная, бескорыстная любовь), мания (любовь-одержимость), агапэ (жертвенная любовь), прагма (рассудочная любовь, любовь по расчету).

Русский философ В. С. Соловьев выделял 3 вида любви: нисходящая (дает больше, чем получает), восходящая (получает больше, чем дает) и полая (равноценная).

Довольно много внимания уделял вопросу любви Э. Фромм, отмечая две противоположные формы любви: созидательную и разрушительную. Помимо этого, он выделил 5 видов любви: братская любовь, родительская любовь, любовь к себе, любовь к Богу и эротическая любовь.

Также можно выделить такие разновидности любви как неразделенная, роковая, страстная, романтическая, платоническая, однополая, безумная, христианская, ангельская, общечеловеческая любовь. Отдельно следует отметить любовь как чувство, направленное не на субъект, а на объект, например, любовь к Родине, к профессии, к жизни в целом.

Однако, безусловно, наиболее поэтизируемой и воспеваемой во все времена была и остается любовь межполовая, которая имеет сложную структуру и включает в себя высокие эмоциональные чувства, стремление к духовному и телесному единению, подсознательный и осознанный выбор объекта любви, этические ценности и нормы и многое другое.

Тема любви в различных её проявлениях является основной для уже ставшей классикой немецкой рок-музыки группы «Lacrimosa», основанной в 1990 г. По словам основателя Тило Вольфа, музыка Lacrimosa является «интеллектуальной, она дает человеку шанс погрузиться в мир сложных эмоций, мир Lacrimosa, и вполне естественно, что это музыка не для всех» [5].

Уже в 1992 г., в альбоме «Einsamkeit» («Одиночество») через систему символов слушатели музыки группы «Lacrimosa» приобщаются к восприятию чувства безнадежности и бесцельности человеческого существования в случае непонимания и отторжения личности другими.

*Bin ich nur eine Kreatur der Langweile
Nur ein schlechter Witz in einem leeren Wartesaal.
Ich träumte einst vom Leben
Und träumte einst von Liebe
Doch aus dem Leben wurde Flucht
Und aus Liebe wuchs die Angst. [8]*

*Я только плод скуки,
Всего лишь глупая шутка в пустом зале ожидания.
Я когда-то мечтал о жизни
И когда-то мечтал о любви,
Однако был совершен побег из жизни
И из любви вырос страх.
(перевод наш. – Е. Р.)*

Как тут не вспомнить известную цитату из советского кинофильма «Доживем до понедельника»: «Счастье – это когда тебя понимают»? Или фундаментальный труд Э. Фромма «Бегство от свободы», где подробно исследуется ситуация, когда стремление к индивидуальности ведёт к одиночеству, ощущению своей ничтожности и бессилия.

Альбом «Elodia», выпущенный в 1999 г. представляет собой рок-оперу в трех актах. Её название неслучайно и обусловлено сюжетом. Элодия – это древнегреческая полубогиня одновременно любви и смерти, иначе говоря, любви, обреченной на неудачу. В произведении повествуется о двух влюблённых, чья любовь со временем начинает ослабевать.

*Einsam – gemeinsam
Wir haben verlernt uns neu zu suchen
Die Gewohnheit vernebelt
Die Trägheit erstickt*

*Der Hochmut macht trunken
Und die Nahe treibt zur Flucht
Tanz – mein Leben – tanz
Tanz mit mir
Tanz mit mir noch einmal
In den puren Rausch der nackten Liebe. [2]*
*Одинокие – вместе.
Мы разучились искать для себя новое.
Привычка затуманивает,
Инерция души,
Высокомерие опьяняет
И близость принуждает к побегу.
Танцуй – моя жизнь – танцуй.
Танцуй со мной,
Танцуй со мной еще раз
В чистом хмеле обнаженной любви.
(перевод наш. – Е. Р.)*

Анне Нурми, вокалистка группы, автор песен и аранжировщик следующим образом объясняет события: «Так происходит из-за того, что каждого из них все меньше заботят желания и мысли другого. Их эгоизм начинает все больше преобладать, и любовь постепенно уходит. В трёх действиях нашей оперы рассказывается о том, как зарождалась их симпатия друг к другу, как они были близки и как трагично все окончилось» [9].

*Der letzte Kuß – im Geist verweht.
Was Du denkst bleibst Du mir schuldig,
Was ich fühle das verdanke ich Dir.
Ich danke Dir für all die Liebe,
Ich danke Dir in Ewigkeit.
Ich verlasse heut' Dein Herz.
Verlasse Deine Liebe. [4].*
*Последний поцелуй рассеивается в воздухе.
Ты думаешь, что ты остаешься мне должной,
Что я чувствую – это благодарность тебе.
Я благодарю тебя за всю любовь,
Я буду благодарить тебя вечно.
Сегодня я оставляю твоё сердце.
И ты оставь свою любовь.
(перевод наш. – Е. Р.)*

В этих строках невольно обращает на себя внимание глубина и зрелость подхода к эмоциональному переживанию сложной психологической ситуации, Психологические трудности, с которыми сталкиваются герои, не являются причиной взаимных обвинений. Напротив. Такова жизнь. Её невозможно объяснить рационально, можно лишь обрести уникальный опыт переживания той или иной ситуации. А потом сделать сознательный выбор. Собственно, данную рок-оперу можно назвать своеобразным манифестом экзистенциализма, главная идея которого состоит в том, что человек постигает свою сущность в течение всей жизни и несёт ответственность за каждое совершённое им действие, не имея права объяснять свои ошибки «обстоятельствами».

Таким образом, даже небольшой анализ немецкоязычных рок-песен группы «Lacrimosa» дает нам представление о том, что рок-музыка – это не только и не столько

открытый бунт против существующего порядка. Часто она представляет собой глубокий анализ человеческой психики, одновременно чувственно-личное и обобщенно-философское осмысление вечных вопросов.

Рок – сродни классике – он не доступен для тех, кто не воспринимает ничего, кроме «два притопа, три прихлопа». Его своеобразие в том, что рок можно отнести одновременно к субкультуре, массовой и элитарной культуре. Искренний по своей сути, он требует от своего слушателя той же искренности. Рок не может изменить кого-то в худшую или лучшую сторону, ведь человек слышит только то, что хочет услышать. Любая информация воспринимается им только до тех пор, пока она ему интересна, пока имеет ценность. Что же касается элементов бунтарства, то это было свойственно духовно активной части общества, прежде всего молодежи, во все времена. Стремление противостоять давлению традиций, спорить с ними, отрицать их. Но на самом деле это лишь попытка проложить свой путь в мире. Только так и получает свое развитие культура.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гейне Г. Избранные произведения / Г. Гейне. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950. – 1012 с.
2. Alleine Zu Zweit. Lacrimosa [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://pervod-tekst-pesni.ru/lacrimosa/tekst-pesni_alleine-zu-zweit.htm – Заголовок с экрана.
3. Heine H. Das Glück auf Erde. Ausgewählte Gedichte. / H. Heine – М. : Прогресс, 1980. – 640 с.
4. Ich verlasse heut dein Herz. Lacrimosa [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://pervod-tekst-pesni.ru/lacrimosa/tekst-pesni_ich-verlasse-heut-dein-herz.htm – Заголовок с экрана.
5. Lacrimosa [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://muslib.ru/lacrimosa/> – Заголовок с экрана.
6. Lacrimosa [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.cultin.ru/musitian-lacrimosa> – Заголовок с экрана.
7. Lacrimosa-Fan [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://lacrimosa-fan.ucoz.ru/index/0-5> – Заголовок с экрана.
8. Loblied Auf Die Zweisamkeit. Lacrimosa [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://pervod-tekst-pesni.ru/lacrimosa/tekst-pesni_loblied-auf-die-zweisamkeit.htm – Заголовок с экрана.
9. Lumen фан-клуб [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://all-lumen.ru/forum/t31.html> – Заголовок с экрана.

Поступила в редакцию 20.09.19 г.

THE PHENOMENOLOGY OF LOVE IN THE GERMAN LYRICS BY ROCK-GROUP «LACRIMOSA»

E. V. Rochnyak

The article divide rock-music into two large thematical group: «rebellling rock» and «searching rock». The attention is concentrated on lyrics of 'searching rock', which give the main place for philosophic determination of human inner world. By examples of lyrics by «Lacrimosa» it is proved that the rock culture isn't only an open rebellion agains existing order, but also deep analysis of human psychology, sensual, personal and philosophical regarding of eternal question.

Key words: rock-music, philosophy of rock, arts of love, phenomenology of love, Lacrimosa.

Рочняк Елена Владимировна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и истории
ОО ВПО «Горловский институт
иностраных языков».
E-mail: lero1981@yandex.ru

Rochniak Elena Vladimirovna

Candidate of Philosophical sciences,
associate professor of the Department
of Philosophy and History of EE HPE
«Gorlovka Institute for Foreign Languages».
E-mail: lero1981@yandex.ru

УДК 124.5+130.2

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ЦЕННОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ОПЫТ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

© 2019. *И.Г. Сухина*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского»

Статья посвящена аксиологической теме ценностей в аспекте интерпретации их природы и онтологического статуса. Предложено концептуальное семантическое понимание природы и статуса феномена ценностей. Семантика представлена в качестве философского миропонимания, выступающего достаточным основанием соответствующей концептуализации ценностей. Обладающая семантической природой ценность трактуется главной категорией человеческого бытия, сублимирующей и интегрирующей его аутентичные – сообразные со смыслом, значениями проявления. Праксеологическая объективация ценностей, потенциала их семантической природы рассмотрена с позиции субъектной культуротворческой деятельности человека, конституирующей семантически исполненную социокультурную среду его бытия в мире как собственно бытия в культуре. Культура представлена морфологически организованной системой ценностей, развертывающей семантический потенциал своих ценностей в пространстве и времени, а человеческая история как культурно-исторический процесс объективации и аффирмации ценностей. В статье проводится философская идея онтологически объективного смыслового измерения, порядка бытия.

Ключевые слова: ценность, смысл, значение, семантика, семантическая природа, человеческое бытие, ценностное отношение, деятельность, культурная ценность, культура, бытие, мир, аксиология.

Бытие человека аксиологично – оно всегда связано с ценностями. Ценности воплощают собой исполненные смыслом, значениями потенциалы конституирования той действительности, которая является подлинно человеческой. Поэтому аксиологическая тема и проблема ценностей, их природы, онтологического статуса и т.д. неизбежно актуальна, – особенно, например, в современную эпоху НТП и глобализации, когда ценности становятся фактором, определяющим состояние и развитие современного мира.

В силу своей безусловной актуальности и значимости тема ценностей основательно представлена в философии/философском дискурсе и обрела свою разработку в трудах многих видных философов Нового времени и современности – Р. Лотце, В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Г. Мюнстерберга, М. Шелера, Н. Гартмана, Э. Гуссерля, Р. Ингардена, Ж.-П. Сартра, Г. Марселя, Ж. Маритена, Д. фон Гильденбранда, Б. Кроче, Ч. Пирса, Д. Дьюи, Л. Витгенштейна и др. Аксиологическая тема присуща традиции русской религиозной метафизики, в которой последовательно проводится магистральная идея онтологической объективности ценности – В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, Е. Трубецкой, Н. Лосский, В. Эрн, П. Флоренский, С. Франк, И. Ильин, Б. Вышеславцев и др. Объективистский подход к ценностям, постулирующий их онтологическую объективность, и представленный в концепциях аксиологического онтологизма (М. Шелер, Н. Гартман, Ф.-И. фон Ринтелен), аксиологического трансцендентализма (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), неотомистской аксиологии (Р. Гвардини, Д. фон Гильдебранд, Ж. Маритен, Л. де Реймекер, Э. Жильсон), а также феноменологической аксиологии (Э. Гуссерль, Р. Ингарден, М. Дюфрен) и др., корреспондирует предпринятой в статье концептуализации ценностей с позиции семантики как философского миропонимания. Согласно ей ценности, с их семантической природой представляются онтологически

объективными конфигурациями смыслов – семантемами. Такое понимание феномена ценностей не редуцируется к их семиотической интерпретации с позиции выявления их знаковых структур (У. Моррис и др.).

Цель статьи: обоснование природы ценностей и их онтологического статуса с концептуальной позиции семантики как философского миропонимания. Соответственно – рассмотрение и анализ культуры и культуротворчества с позиции прагматологической объективации и аффирмации семантической природы ценностей, ее потенциальности.

Человеческое бытие есть бытие с позиции смысловой детерминации, развертывающееся в актуализируемой им смысловой потенциальности, – в этом его главная особенность. И как таковое оно есть бытие с позиции ценностей – значащих смыслов, фундирующих его содержательность, в пределе – его состоятельность.

Человеческое бытие есть бытие в его смысловой обозначенности, и как таковое оно погружено в мир ценностей: добро и зло, священное и профанное, истинное и ложное, прекрасное и безобразное, справедливое и несправедливое, полезное и бесполезное, любимое и нелюбимое, должное и недолжное и т.д. Эта корреляция свидетельствует о «... трансцендентальном (в смысле универсального принципа функционирования сознания) характере ценностей, о том, что человек воспринимает мир через призму ценностных представлений...» [13, с. 13]. Собственно через ценности, их значения осуществляется смысловая идентификация действительности человеком, в них сублимируется и интегрируется смысловая содержательность человеческого бытия.

Смысловая значимость – главная и самая существенная характеристика ценности. Сама лексема «ценность» указывает на это. Как отмечал Г. Риккерт, о ценностях следует говорить то, что они значат [7, с. 55], и проблема ценности есть проблема «значимости» [8, с. 23]. Согласно утверждению Риккерта, «...смысл и значение что бы то ни было имеет лишь по отношению к ценности. Во всех отношениях свободное от ценностей бытие вместе с тем лишено смысла и значения...» [10, с. 336]. В свою очередь Н. Лосский подчеркивал, что «... понятие ценности связано с понятием значения...» [4, с. 261], и т.д.

Итак, ценности – это всегда определенные значения или значимости, полагаемые во всем многообразии сообразных со смыслом, т.е. аутентичных проявлений человеческого бытия. Ценности выступают его смысло-значимой актуализацией. И если говорить о природе ценностей, то ее образует смысл, значение, смысло-значимость, – она удостоверяются с этой позиции; тем самым «...всякая ценность, указывал Н. Лосский, или сполна идеальна, или, по крайней мере, заключает в себе идеальный аспект» [4, с. 286].

Природу ценностей можно квалифицировать как семантическую, принимая во внимание семантику (греч. *semantikos* – обозначающий) именно как теорию смысла, указывающую на смысловую сферу человеческого бытия как свой объект/предмет. Это характеризует семантику в качестве философского миропонимания – с позиции онтологической трактовки смысла, а не просто изучающего отношение знаков к обозначаемой ими сфере действительности раздела семиотики. Так, согласно словам занимавшегося философской разработкой проблем семантики российского математика, логика и философа В. Налимова, «...понимание смыслов – это всегда *овладение* смыслами, осуществляемое путем распаковки исконно заложенного в мироздании» [5, с. 124].

С позиции философски ориентированного семантического понимания мир/бытие предстает, раскрывается в его смысловой модальности, в его смысловой потенциальности,

а актуализирующие ее ценности предстают сингулярностями смыслов – центрами их тяготения, интегрирующего оформления и развертывания. Ценности можно представить семантемами – конфигурациями смыслов, их эйдосами как организующими и интегрирующими их значения идеальными формами/формообразованиями; при этом смысл в самом общем плане – это некая, обладающая значениями и предполагающая развивающую ее актуализацию содержательность.

Обретающий форму или конфигурацию смысл соответственно обретает действенность, раскрывается значениями и выступает в качестве ценности, которая по своей природе представляет собой семантическое образование, семантему. Ценность – не просто способ выражения смысла, это его действительность, раскрывающаяся, развертывающаяся во всем многообразии своих значений. Ценность – не просто артикулированный, это – интегрированный смысл, содержащий присущие ему значения и контекстуально проявляющийся, раскрывающийся в качестве таковых.

Семантическое миропонимание предполагает онтологический статус смысла, его онтологическую объективность, позиционированную в системе мироздания. Так, В.Налимов представлял мир, бытие как материально-семантический универсум, в котором смыслы существуют самостоятельно, как особая семантическая реальность [5, с. 62]; при этом он указывал, что «... смыслы – явления качественные по своей природе...» [5, с. 225].

Эта семантическая реальность бытия становится достоянием сознания как мерная определенность смысла, как актуализирующая его конфигурация, т.е. ценность. Онтологический статус смысла есть достаточное основание онтологической объективности ценностей как семантического, по своей природе, феномена; онтологическая объективность ценности определяется ее семантической природой.

В связи с этим можно отметить концепцию «трех миров» одного из создателей общей теории систем – австрийского биолога Л. фон Берталанфи, который считал ценности составной частью особого, существующего наряду с физическим и биологическим мирами символического мира смыслов; так, в общей структуре мироздания Берталанфи выделял три главных уровня: физический, организмический и символический, причем считая это не оригинальным, а достаточно распространенным.

Благодаря своей природе ценности содержат семантические потенциалы значений. Реализующая их объективация осуществляется во всем многообразии праксеологического отношения человека-субъекта к действительности, на протяжении всей человеческой истории; посредством этого происходит означивание (семантизация) доступной человеку действительности, ее ценностно удостоверяющее освоение, ассимиляция, что приводит к созданию собственно человеческого бытия – социокультурного бытия, исполненного ценностями. Это позволяет трактовать философскую теорию ценностей – аксиологию (греч. *axia* – ценность), согласно словам российского философа В. Ильина, «...сводом специальных знаний о гуманитарно выверенном освоении действительности» [2, с. 11]. Посредством ценностей, их объективации и аффирмации действительность (семантически) оборачивается актуальными для человека жизнедеятельности значениями.

В общем ценности представляют собой актуализируемую сознанием определенность смысла, проявляющуюся как его значение и обретающую свою предметность в праксеологическом плане человеческой деятельности, воплощаясь в артефактах социокультурной среды. Являясь средоточиями, сублимациями актуальных смысловых содержаний человеческого бытия, они определяют сознательно-мотивированную формацию человеческой жизнедеятельности; сама человеческая

жизнедеятельность – это не просто инстинктивная активность, она имеет сознательно-мотивированный характер, она значима, обусловлена ценностями, предполагает ценностную детерминацию.

Будучи актуализируемым в его значении смыслом ценность выступает как отношение, в котором разворачивается и объективируется семантическая ее потенциальность. Н. Лосский отмечал: «...всякое значение содержит в себе отношение...» [4, с. 261]. На основе ценностей конституируется система связей «человек-мир», в контексте которой осуществляется человеческая жизнедеятельность. Словом, ценности задают и определяют собой человеческое мироотношение.

В человеческой жизнедеятельности вырабатывается определяющая ее ориентиры, цели система ценностей. Исходя из критерия феноменологически фиксируемой степени смысловой значимости ценностей, следует выделять:

- высшие (терминальные) ценности-цели – предельно значимые для человека ценности, имеющие мировоззренческий и смысложизненный характер, обладающие безусловно актуальным духовно-личностным содержанием;

- инструментальные ценности-средства, соподчиненные высшим ценностям и представляющие средствами и условиями их осуществления и сохранения (вместе с высшими ценностями способны образовывать семантическую целостность, но также могут иметь самостоятельное значение);

- производные ценности, символически выражающие другие актуальные ценности, выступающие их следствиями и условиями;

- ситуативные ценности, значение которых ограничивается эпизодическим контекстом ситуации деятельности, но фиксируется сознанием и опытом, и предполагает соответствующие – ситуативные ориентиры и цели [14, с. 73].

Эта система ценностей задает смысловую ориентацию (ее приоритеты) человека в окружающем его мире и в мире его собственной субъективности. Человеческие индивиды объединяются в социальные сообщества на основе общей/общезначимой, совместно или коллективно разделяемой системы ценностей. Ценности выступают смыслообразующим началом человеческого бытия, которое имеет значимый характер, сопряжено со смыслом и является бытием с позиции ценности. Человеческое бытие – это бытие в его смысловой обозначенности, которая воплощается, объективируется в ценностях.

Ценности универсальны. Под ними следует понимать собственно не только идеальный «мир должного», но и в предметном плане – все феномены социокультурного и природного «мира сущего», имеющие смысловую значимость для человека.

Как семантически исполненная побудительная значимость ценность предполагает субъектное мироотношение, и раскрывается как отношение субъектно-объектное и субъектно-субъектное или межсубъектное. Субъектно-объектный и межсубъектный аспекты ценностного отношения взаимно дополняют друг друга в объективирующем ценности человеческом (субъектном) мироотношении. При этом на межсубъектном уровне ценностное отношение приобретает социально-коммуникативный характер.

В структуре определяющего человеческое мироотношение ценностного отношения следует выделять: субъект ценности (индивид, социальная общность); обладающее положительной или отрицательной значимостью смысловое содержание, удостоверяющее семантическую природу ценности; объект ценности – ее носитель, который может выступать артефактом и культурным благом; объективирующее ценности поведение и деятельность субъекта, праксеологическое его отношение к миру/действительности. Тем самым ценность выступает диалектическим единством человеческой субъективности и субъектности и объективной действительности,

выступает органическим единством идеальной – значение и реальной – действительность сторон бытия.

Идеально-реальную ценность можно рассматривать микромоделью мира/мироздания, ориентированную в своей положительной – активирующей потенциал сущего значимости на абсолютную полноту бытия, т.е. бытия в актуализации его смысловой содержательности. Мир и все в нем не только существует, но и содержит в себе оправдание или осуждение своего существования, т.е. обладает значимостью, значительностью. «Бытие, как утверждает Н. Лосский, не есть только носитель ценностей, оно само, будучи взято в его значительности, есть ценность, оно само есть добро и зло» [4, с. 287]. «Любое содержание бытия есть ...ценность *не в каком-либо своем отдельном качестве, а насквозь всем своим бытийственным содержанием*» [4, с. 263].

Итак, «...само бытие, само esse есть не только бытие, но и ценность» [4, с. 263]; причем бытие во всем своем объеме. Бытие, – мир и все сущее в нем имеет свой смысл и, следовательно, свою ценностную содержательность, свое ценностное измерение. Ценность, благодаря своей семантической природе, имеет всепроникающий характер, она наличествует в объекте всецело, и как, в связи с онтологической теорией ценности Н. Лосского, отмечает российский философ Н. Рыбаков, «...ценность связана не просто с отдельными объектами, их свойствами и качествами, но с предметами мира вообще, и не просто с предметами, но с их бытием, и не частично, а полностью» [11].

Согласно такому миропониманию семантическая модальность бытия тяготеет к разрешению в ценностях, актуализирующих, сублимирующих (лат. *sublimare* – возносить) и интегрирующих ее смысловые потенциалы. Ценности тяготеют к своему разрешению, объективации в (субъектном) ценностном отношении, которое развертывается в ходе человеческой истории, и в своих адекватных – сознательно-творческих проявлениях осуществляется в антропогенной сфере культуры.

Культура выступает антропогенной/культурогенной сферой, хронотопом творческой объективации ценностей – перевода их в артефакты, культурные блага человеческого бытия, что осуществляется в субъектном ценностном отношении. Ценность есть всеобщее, родовое свойство культурных явлений – артефактов. Так, по утверждению Г.Риккерта, «сущность культуры всегда остается неизменной: во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления были созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком... В объектах культуры всегда заложены ценности» [7, с. 55].

Субъектное ценностное отношение к действительности реализуется во всем многообразии видов и форм сознательно-мотивированной человеческой деятельности, выступающей способом перевода ценностей в модальность артефактов и в своей оптимальности имеющей культуросозидающий – культуротворческий характер.

Как смысловые значимости ценности являются мотивационной основой человеческой деятельности, определяя ее ориентиры, цели и приоритеты, и как конфигурации смыслов – семантемы, они, согласно словам российского философа И. Докучаева, выступают конкретными порождающими моделями человеческой деятельности, интегральными моделями всех ее артефактов [1, с. 19]; т.е. ценности выступают порождающими моделями человеческой деятельности и со стороны ее процессов, и со стороны ее продуктов [1, с. 222].

Тем самым ценности являются задающей ориентиры и приоритеты мотивационной основой, процессом и предметным результатом человеческой

деятельности, ее продуктом – воплощающим (культурное) благо артефактом, но что самое главное – они определяют ее смысловое содержание. Ценности определяют собой всю тотальность человеческого бытия, все многообразие его мироотношения, будучи сопряженными с субъективной, объективной и коммуникативной – межсубъектной или интересубъективной реальностью.

Само культурогенное по своей сути ценностное отношение, как отмечалось, включает в себя два аспекта: субъектно-объектный и межсубъектный, реализуется в них. Российский философ М.Каган отмечает: «...роль ценностей в жизни общества и культуры двумерна – она проявляется и в *отношениях субъекта к объекту* и в *межсубъектных отношениях...*» [3, с. 189]. Связанное с культурой человеческих отношений межсубъектное ценностное отношение предполагает коммуникативную интерпретацию значений ценностей, сопровождающуюся их семантическим приращением, что является самым необходимым условием развития культуры как мира/системы ценностей.

В аксиологическом рассмотрении человеческая жизнедеятельность, как бытие в его смысловой обозначенности предстает как «бытие в культуре». В принципе любая ценность именно как определенный смысл, предполагающий его праксеологическую объективацию и аффирмацию в социокультурной среде человеческого бытия, может быть отнесена к культурным ценностям. Само понятие культурной ценности отнюдь не редуцирует понятие ценности как таковой, – в нем подразумевается объективация ее семантического содержания (потенциала) в культуротворческой деятельности субъекта, и тем самым – придание ей культурной формы, ее опредмечивание в артефакте, превращение в культурное благо. Так, Г.Риккерт утверждал, что «...ценность, превращает действительность в культурное благо» [7, с. 94], и, согласно с этим, «...прогресс, означает... повышение в ценности культурных благ...» [7, с. 99].

Культурная ценность может быть определена как вырабатываемый и утверждаемый в развитии культуры человечески-значимый, гуманистически-адекватный смысл, задающий соответствующую перспективу деятельности в сфере конструктивной, а в предельном выражении – творческой реализации человека-субъекта. Культурная ценность характеризуется идеально-реальной своей целостностью, то есть целостностью идеального (смысл/значение) и реального (социокультурная предметность артефактов) своих компонентов. Идеально-реальная природа культурной ценности включает определенный смысл/значение или семантему, фиксируемую и выражаемую в присущей культуре знаково-символической системе, и предметное благо, выступающее в качестве артефакта и связанное с потребностями человека и общества.

Будучи в своей сущности смыслом/значением, ценность обладает предполагающим объективацию семантическим потенциалом, и потому для человека не существует ценности «вообще», для него существует культурная ценность, то есть ценность, выступающая основанием и началом созидания исполненной смыслом/значениями социокультурной среды его бытия в мире, а также развития самого человека как субъекта объективирующей ценности культуротворческой деятельности.

Общезначимая ценность, то есть ценность, семантически соответствующая коду культуры, ее картине мира и позиционированная в социокультурной среде, включает три основных семантических слоя значимостей: 1) слой обобщенных мировоззренческих и смысложизненных представлений; 2) слой конкретных значимостей, действенных, будучи удостоверяемыми в контексте кода культуры, задающего единую систему смысловых координат, и представленного ценностной

доминантой или доминирующей ценностью; 3) слой социетальных значимостей, соответствующих коммуникативным межсубъектным отношениям и выступающих нормативными принципами социальных связей.

В сфере культуры, в социокультурной среде ценности выступают в форме и в качестве: духовной предметности, материальной предметности, а также социальной предметности человеческих (межсубъектных) коммуникативных отношений. «Всякое осуществление ценностей, утверждает Г. Риккерт, предполагает содержание, которое благодаря «форме» становится носителем ценностей или которое должно приобрести ценностный вид» [9, с. 369-370]; добавим – культурной формы, переводящей образующую содержание ценностей семантическую потенциальность в модальность артефактов. При этом благодаря своей семантической природе ценности реализуются, конечно, через свои реальные носители, но не редуцируются к ним всецело. «Ценность, отмечает И. Докучаев, и есть тот самый интеграл культуры, исследование которого дает возможность определить специфику культуры как целого, описывать ... целостную структуру отдельно взятого культурно-исторического типа или культуры в целом» [1, с. 23].

Собственно через ценности осуществляется интеграция действительности для человека, что находит свое воплощение в культуре как мире подлинно человеческого бытия, где ценности раскрывают семантический потенциал своей природы. Польский философ Р. Ингарден утверждал, что «ценность действительно сопряжена и с объективной реальностью, и с реальностью субъективной, и с реальностью intersубъективной («бытие-для-другого»)» [12, с. 250]. В целом культуру и социокультурную среду можно представить неотчуждаемой от человека, его бытия/жизнедеятельности, многомерной действительностью ценностей. Согласно словам российского философа В.Ильина, «...человеческий истинный мир есть мир ценностный, кристаллизуемый на стыке сущего и должного, наличного и потребного» [2, с. 4]. И этим истинным «ценностным миром» человека является культура как сфера творческой объективации ценностей.

Мир ценностей – это, прежде всего, культура, в которой происходит первоначальная объективация и аффирмация ценностей; семантическая природа ценности имеет культурно адекватный характер, и предполагает творческую объективацию своей потенциальности в культуре, в ее историческом развитии.

Согласно с семантической природой ценности, культура как мир/сфера ценностей есть, прежде всего, (семантический) мир смыслов, значений, которые человек всегда вкладывает в свои действия и создания. В культуре первична ценность – смысл/значение, а не материал и вещь. Культура не только конституирует артефакты – разнообразную предметность человеческого бытия, но и задает, определяет его смысловой порядок. Такое – семантически концептуализированное аксиологическое понимание позволяет представить ее ценностно-смысловой тотальностью человеческого бытия. «Культура, как отмечают российские исследователи А. Пелипенко и И. Яковенко, есть система всеобщих принципов смыслообразования и ... феноменологических продуктов этого смыслообразования» [6, с. 10]. Эти всеобщие принципы смыслообразования связаны с общезначимыми ценностями культуры, задаются ими, при этом «...эмпирический мир дан не иначе, как в модусе культурного смыслополагания» [6, с. 62]. «Всеобщность культуры, считают А. Пелипенко и И. Яковенко, определяется тем, что в ней нет ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности. За пределами культуры может лежать только то, что в принципе непомышляемо ее субъектом» [6, с. 12].

Как мир ценностей и система всеобщих принципов смыслообразования культура не ограничивается отдельными областями/сферами жизнедеятельности индивида и общества, она охватывает и проникает собою все стороны человеческого бытия, придавая им целостность, ценностно-смысловую определенность, и тем самым оптимизирует их.

Представляя человеческую историю в виде культурно-исторического процесса можно констатировать, что благодаря культурным типам в ней происходит развертывание смысловых порядков человеческого бытия, которые интегрируются и удостоверяются культурными ценностями. Каждая состоятельная культура в своем историческом типе вырабатывает свой репрезентативный смысловой порядок, в котором осуществляется жизнедеятельность ее субъектов, и через который не просто презентуется, – но моделируется мир/действительность.

Этот вырабатываемый и утверждаемый культурой в ее историческом развитии смысловой порядок человеческого бытия выступает семантической моделью мира, включающей актуальные для субъектов культуры принципы смыслообразования. Так, например, канадский философ М. Маклюэн утверждал, что «каждая культура и историческая эпоха имеет свою излюбленную модель мира...» [15, с. 21].

Человек создает себя и свое бытие в мире на основе ценностей, на основе их, прежде всего, культуротворческой объективации и аффирмации в доступной действительности. При этом связи, отношения между человеком и миром – не просто извечная данность, но и заданность – миссия овладения хаосом, а точнее – потенциалом их бесконечных возможностей, и его преобразования в упорядоченный, обладающий человечески-значимыми смыслами космос культуры, развертывающий семантический потенциал своих ценностей в пространстве (морфологическая организация системы культуры) и времени (историческая динамика культуры – культурно-исторический процесс).

Философская концептуализация семантической природы ценности ведет к трактовке семантики как философского миропонимания, а не только лишь структурного раздела семиотики, наряду с синтактикой и прагматикой. В теоретико-мировоззренческом плане это предполагает онтологическую презумпцию объективно сущего смыслового измерения мира/бытия, которое, согласно аксиологии, наиболее адекватным и непосредственным образом воплощается в ценностях, онтологический статус которых неотъемлем от их семантической природы; словом, онтологическая объективность ценностей определяется их природой. «Признание объективного ценностно-смыслового порядка бытия позволяет выводить из сущего – должное или из того, что есть – то, что должно быть» [14, с. 61].

Вряд ли возможно состоятельное философское обоснование непреходящего значения ценностей без признания их онтологического статуса в структуре бытия.

Семантика в философской ее концептуализации должна исходить из представления о мире/действительности как онтологизированном смысле. В аксиологической коннотации такого миропонимания онтологизация смысла осуществляется посредством ценностей, их культурогенной объективации, конституирующей мир человеческого бытия – мир значащих смыслов. И если вершение человеческой истории – это инициативное (субъектное) смыслополагание и сознательно-творческая деятельность, связанная с его объективацией, история может быть представлена как культурно-исторический процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры / И.И. Докучаев. – СПб.: Наука, 2009. – 595 с.
2. Ильин В.В. Аксиология / В.В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.

3. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
4. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло: Сборник / Лосский Н.О. – М.: Республика, 1994. – С. 249-314.
5. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / Налимов В.В. – М.: Прометей, 1989. – 287 с.
6. Пелипенко А.А. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М.: Языки русской культуры, 1988. – 376 с.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт; пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 43-128.
8. Риккерт Г. О понятии философии / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Риккерт Г. ; пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 13-42.
9. Риккерт Г. О системе ценностей / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Риккерт Г. ; пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 363-391.
10. Риккерт Г. Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Риккерт Г. ; пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 205-362.
11. Рыбаков Н.С. Н.О. Лосский: онтологическая теория ценностей [Электронный ресурс] / Н.С. Рыбаков. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-353821.html>
12. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии / Л.Н. Столович. – М.: Республика, 1994. – 464 с.
13. Сухина И.Г. Аксиология культуры: философско-антропологические основания: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: Донбасс, 2011. – 560 с.
14. Сухина И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: ГО ВПО ДонНУЭТ, 2016. – 444 с.
15. McLuhan M. Understanding Media: the extensions of man / M. McLuhan. – New York: The New American Library, Inc., 1964. – 318 p.

Поступила в редакцию 12.10.2019 г.

ABOUT THE SEMANTIC NATURE OF VALUE: CONCEPTUAL EXPERIENCE OF THE AXIOLOGICAL REFLECTION

I.G. Suhina

Article is devoted to an axiological subject of values in aspect of interpretation of their nature and the ontological status. Conceptual semantic understanding of the nature and the status of a phenomenon of values is offered. Semantics is presented as the philosophical outlook acting as the sufficient basis of the corresponding conceptualization of values. The value possessing the semantic nature is treated by the main category of human being sublimating and integrating its authentic – corresponding to sense, meanings of manifestation. The praxeological objectivization of values, potential of their semantic nature is considered from a position of the subject culture-creative human activity constituting semantic executed socio-cultural environment of its being in the world as actually beings in culture. Culture is presented by morphologically organized system of values developing the semantic potential of the values in space and time, and human history as cultural and historical process of an objectivization and affirmation of values. In article the philosophical idea of ontologically objective semantic measurement, a being order is carried out.

Key words: value, sense, meaning, semantics, semantic nature, human being, valuable relation, activity, cultural value, culture, being, world, axiology.

Сухина Игорь Григорьевич,
кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры социально-гуманитарных дисциплин
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила Туган-
Барановского».
E-mail: suhina_igor@mail.ru

Suhina Igor Grigoryevich,
candidate of philosophical sciences, associate
professor, professor of social and humanitarian
disciplines, State organization of higher education
«Donetsk National University of Economics and Trade
named after Mikhail Tugan-Baranovsky».
E-mail: suhina_igor@mail.ru

УДК 130.1

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД: СУЩНОСТЬ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

© 2019. *Н.Ф. Тихомирова*

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В статье рассмотрено становление системного подхода как направления методологии научного познания, в основе которого лежит исследование объектов как систем. Раскрыта сущность системного подхода, его основные принципы, аспекты общенаучности, выделены основные тенденции его развития. Сделан вывод о том, что без системного подхода на современном этапе не обходится ни одна сфера высокопрофессиональной деятельности.

Ключевые слова: системный подход, элементы, целостность, методология, познание.

Одним из наиболее методологически плодотворных и распространенных методов современной науки является *системный подход* к изучению сложно эволюционирующих систем. Идея системности пронизывает всю человеческую культуру, но методологическим инструментом системный подход стал в XX веке, когда наука приступила к изучению сложно организованных и эволюционирующих объектов.

Поскольку на современном этапе без применения системного подхода немислима успешная профессиональная деятельность практически в любой сфере, цель данной работы состоит в том, чтобы раскрыть сущность системного подхода, рассмотреть основные тенденции его развития, интегрировать различные аспекты системного знания, описанные в научных источниках.

Исходное понятие данного подхода – «система» – имеет множество различных толкований. Сложность однозначного определения данного понятия связана с его предельной общностью и фундаментальностью.

Известный специалист в области системного анализа И.Н. Дрогобыцкий дает четыре определения системы: «Система – это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенное единство» [1, с. 45]; «система есть особая организация специализированных элементов, объединенных для решения конкретной задачи» [1, с. 44]; «система есть сущность, которая в результате взаимодействия ее частей может поддерживать свое существование и функционировать как единое целое» [1, с. 44]; «система – это философская категория, характеризующая организацию материи и духовного мира» [1, с. 45].

Но чаще всего принято использовать определение основоположника общей теории систем Л. Берталанфи: «Система – комплекс взаимодействующих элементов, образующих некоторую целостность» [2, с. 29].

Концептуальный анализ различных подходов к сущности системы, сфере ее действия показывает, что имеет место два уровня анализа данного понятия: общеметодологический и конкретно-научный. Вместе с тем при любом подходе системность близка идее целостности и противостоит элементаристскому подходу к реальности. Философия исходит из целостности сущего, поскольку с самого начала пыталась объяснить будущее из некоего первоначала, развитие которого приводит к многообразию бытия.

Для того, чтобы некий процесс считать системой, необходимы элементы, связи между элементами и структуре как сеть связей между этими взаимодействующими

элементами. Чтобы система функционировала нормально, необходима стабильность системы и определенная ее равновесность и саморегуляция.

Таким образом, системность предполагает ряд условий: наличие элементов и существенной связи между этими элементами; преобладание роли внутренней связи компонентов по отношению к внешним воздействиям; преобразующее воздействие системы на свои элементы, в результате которого эти элементы обогащаются; устойчивость свойства системности, которая способствует целостности объекта в процессе функционирования и изменения [3, с. 398].

Системный подход – направление методологии специально-научного познания и социальной практики, в основе которого лежит исследование объектов как систем [4, с. 612].

Системный подход не существует в виде строгой методологической концепции, он выполняет свои эвристические функции. Эвристические возможности системы зависят от природы составляющих ее элементов, способов их организации, количества. Не менее важны для системы и особенности структуры, поскольку целостность системы обуславливается ее структурой, характером организации элементов.

Системный подход методологически ориентирует исследователя на выявление тех связей, которые организуют систему.

Анализ концептуальных основ системности показывает, что система предполагает не только наличие определенной совокупности элементов, компонентов, частей, но и то, что эти компоненты, части, элементы автономны, самостоятельны и на данном этапе неделимы. При этом указанная автономность элементов относительна, поскольку в системе приоритетная и первичная их связь, которая и образует новую совокупность, называемую системной. Системность предполагает подчинение элементов целому, образуемым связям.

Системное представление изучаемого объекта – результат конструктивной деятельности познающего субъекта. Наглядным подтверждением эвристических возможностей системного подхода является наука, поскольку атрибутивное свойство науки – системное изучение познаваемых процессов. Наука позволяет не только выделить исследуемый объект из более целостной системы связей для изучения нужных для решаемой задачи аспектов, но и найти пути преодоления этих ограничений, понять познанный объект как часть развивающейся системы.

М.С. Каган дифференцирует стадии развития философского мировоззрения: системность как завершенность, органическое соединение частей в целое и системный подход как раскрытие целостности объекта путем выявления многообразных типов связей в нем и сведения их в единую теоретическую картину на основе определенных общих принципов познавательной деятельности [5, с. 37-40].

В одной из публикаций по системной проблематике И.В. Блауберг, В.Н. Садовский и Э.Г. Юдин для определения научного статуса системного подхода разделили всю сферу системных исследований на ряд областей со специфическими задачами:

- формирование специфической системной картины мира и общей системной теории – область на стыке общенаучных и философских разработок;
- разработка логики и методологии системного исследования – область мета научной дисциплины;
- осуществление специально – научных системных разработок – область конкретных наук;
- построение общей теории систем, т.н. «метатеории» - некоторой обобщенной концепции теории систем применительно к определенным классам задач [6, с. 28–31].

По мнению Б.Г. Юдина, различение философского и общенаучного уровней методологического анализа играло защитную роль – «методологи, провозглашавшие, что они занимаются не философией, а общенаучной методологией, обретали тем самым какое-то укрытие от философско-идеологического надзора» [7, с. 125].

Философская дискуссия сыграла роль научного и социокультурного фактора, повлиявшего на распространение системного подхода в конкретных науках.

На протяжении 1970-х годов исследователи активно возвращались к решению вопроса о соотношении философии и системного подхода. В результате образовалось два направления:

1. системный подход и философия – разные уровни методологического анализа (И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин, А.Д. Урсул и др.);

2. системный подход – один из элементов диалектики (В.Г. Афанасьев, М.С. Каган, В.Н. Сагатовский, А.И. Уемов и др.)

Обе позиции внесли существенный вклад как в защиту системного подхода от политической критики, так и в развитие самого системного движения, в его распространение в конкретных науках.

В первом направлении системный подход и философия были разведены на разные уровни методологического анализа. Обобщение современного состояния научного познания, в котором существовало два уровня – философский и научный, позволило исследователям обнаружить объективную тенденцию возникновения общенаучных феноменов: понятий (алгоритм, вероятность, дополнительность, знак, инвариант); методов (логико-математический, вероятностно-теоретико-информационный); проблем (научно-техническая революция и ее компоненты, проблемы человека и окружающей среды) и др. [8, с. 31].

Исходя из этого, выделялись четыре уровня современного методологического знания:

1. Уровень философской методологии;
2. Уровень общенаучных методологических принципов и форм исследования;
3. Уровень конкретно-научной методологии;
4. Уровень методики и техники исследования.

По мнению А.Д. Урсула, общенаучность системного подхода выступает прежде всего как процесс, развертывающийся в «пространстве и времени» научного познания, науки как системы знаний и как деятельности по их производству и использованию.

А.Д. Урсул выделил три аспекта общенаучности системного подхода:

- потенциальная общенаучность – в векторе системного движения на охват системными принципами и идеями все большего числа отраслей и компонентов научного знания;

- принципиальная общенаучность – основные идеи системного подхода на современном этапе их развития абстрагированы от какой-либо конкретной предметной области, либо их группы, что позволяет их использовать в принципе во всех научных теориях и дисциплинах;

- гносеологическая общенаучность – общность логико-гносеологических функций системного подхода, выполняемых им в различных отраслях науки и в науке в целом [8, с. 37].

Если понятие «подход» с момента своего появления в науке означало особый угол зрения на объект исследования, то системный подход соотносился еще и с выстраиванием особой исследовательской программы на основе этого угла зрения и дальнейшей конкретизации этой программы в особых методах [9, с. 20].

Если онтологическое направление соотносится с выделением объекта познания, гносеологическое – с актом выделения предмета познания и его представлением в виде системы, то методологическое направление системного подхода обращается к эпистемологическому уровню, на котором совершается построение программы исследования этого предмета как системы, то есть определенных исследовательских шагов по реализации системного подхода к предмету познания. [9, с. 28].

Э.Г. Юдин считал, что эффективное и адекватное применение системного подхода предполагает изучение объекта как системы. Это означает применение действий в следующей последовательности:

1. Фиксация некоторого множества элементов, относительно отделенного от остального мира;

2. Установление и классификация связей этого множества – внешних (то есть связей множества с остальным миром) и внутренних (то есть связей между элементами множества);

3. Определение – на основе анализа совокупности внешних связей – принципов взаимодействия системы со средой;

4. Выделение среди множества внутренних связей специального их типа – системообразующих связей, обеспечивающих определенную упорядоченность системы;

5. Выявление в процессе изучения упорядоченности структуры и организации системы (структура выражает инвариантный аспект системы, а организация – количественную характеристику и направленность упорядоченности);

6. Анализ основных принципов поведения системы, обнаруживаемых ею как целостным организованным множеством;

7. Изучение процессов управления, обеспечивающих стабильный характер поведения и достижение системой результатов [9, с. 29].

Принципиально важно то, что в реализации системного подхода исследователя интересуют не элементы как таковые, а их место и роль в функционировании и развитии системы, в порождении ее внешних и внутренних характеристик, то есть элементы представляются как необходимые и достаточные для существования данной системы.

В конце XX века параллельно с выдающимися успехами системности появляются кризисные процессы, которые проявляются в том, что методология причинно-следственных связей, принцип детерминизма, однозначности в понимании сущности явлений природы и общества не всегда удовлетворяли ученых. Переходное состояние общества, непрерывно обновляющиеся подсистемы требовали обновления системной методологии, что и произошло благодаря формированию И.И. Пригожиным концепции хаоса и переходных процессов. Дальнейшее развитие идеи системности привело к возникновению концепции синергетики Г. Хагена и принципа синергизма [10, с. 11–12].

Таким образом, системный подход, при котором любая система (объект) рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов (компонентов), имеющая выход (цель), вход (ресурсы), связь с внешней средой, обратную связь. Системный подход представляет собой форму приложения теории познания и диалектики к исследованию процессов, происходящих в природе, обществе, мышлении. Его сущность состоит в реализации требований общей теории систем, согласно которой каждый объект в процессе его исследования должен рассматриваться как большая и сложная система и, одновременно, как элемент более общей системы.

Развернутое определение системного подхода включает обязательность изучения и практического использования следующих его аспектов:

1. Системно-элементного или системно-комплексного, состоящего в выявлении элементов, составляющих данную систему. Во всех социальных системах можно обнаружить важные компоненты (средства производства и предметы потребления), процессы (экономические, социальные, политические, духовные и так далее), и идеи, научно-осознанные интересы людей и их общностей;

2. Системно-структурного, заключающегося в выяснении внутренних связей и зависимостей между элементами данной системы и позволяющего получить представление о внутренней организации (строение) исследуемой системы;

3. Системно-функционального, предполагающего выявление функций, для выполнения которых созданы и существуют соответствующие системы;

4. Системно-целевого, означающего необходимость научного определения целей и под целей системы, их взаимной увязки между собой;

5. Системно-ресурсного, заключающегося в тщательном выявлении ресурсов, требующихся для функционирования системы для решения системой той или иной проблемы;

6. Системно-интеграционного, состоящего в определении совокупности качественных свойств системы, обеспечивающих ее целостность и особенность;

7. Системно-коммуникационного, означающего необходимость выявления внешних связей данной системы с другими, то есть, ее связей с окружающей средой;

8. Системно-исторического, позволяющего выяснить условия во времени возникновения исследуемой системы, пройденные ею этапы, современное состояние, а также возможные перспективы развития.

Основными принципами системного подхода является:

- целостность, позволяющая рассматривать одновременно систему как единое целое и в то же время как подсистему для вышестоящих уровней;

- иерархичность строения, то есть наличие множества (по крайней мере, двух) элементов, расположенных на основе подчинения элементов низшего уровня элементам высшего уровня. Реализация этого принципа хорошо видна на примере любой конкретной организации. Как известно, любая организация представляет собой взаимодействие, двух подсистем: управляющей и управляемой, одна подчиняется другой;

- структуризация, позволяющая анализировать элементы системы и их взаимосвязи в рамках конкретной организационной структуры. Как правило, процесс функционирования системы обусловлен не столько свойствами ее отдельных элементов, сколько свойствами самой структуры;

- множественность, позволяющая использовать множество кибернетических, экономических и математических моделей для описания отдельных элементов и системы в целом;

- системность, свойство объекта обладать всеми признаками системы.

Составляющие системности реализуют функции. Так, системный подход, будучи принципом познания, выполняет ориентационную и мировоззренческую функции, обеспечивая не только видение мира, но и ориентацию в нем. Системность выступает в качестве инструмента познавательной деятельности, обширного арсенала конкретных методов познания.

Создание в XX веке системного мировоззрения, системного метода получения знаний предопределили в конечном итоге огромное количество открытий и достижений в области науки, техники, производства, политики и культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дрогобыцкий И.Н. Системный анализ в экономике /И.Н.Дрогобыцкий. – М.: Финансы и статистика. ИНФРА – М, 2009. – 512 с.
2. Берталанфи Л. Общая теория систем: Критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23-82.
3. Философия: Учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под общ. ред. Л.Н. Москвичева. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 648 с.
4. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
5. Каган. М.С. Философия как мировоззрение // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 36-45.
6. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования. – М.: Мысль, 1970. – 455 с. – С. 7-49.
7. Юдин Б.Г. Предисловие и комментарии к статье И.В.Блауберга «Из истории системных исследований в СССР: попытка ситуационного анализа» // Системные исследования. Ежегодник. – М.: Наука, 1991. – 300 с. – С. 110-125.
8. Урсул А.Д. Общенаучный статус и функции системного подхода // Системное исследование. Ежегодник. 1977. – М.: Наука, 1977. – 264 с. – С. 29-47.
9. Кузнецова А.Г. Развитие методологии системного подхода в отечественной педагогике: Монография. / А.Г. Кузнецова. – Хабаровск: Изд-во ХК ИППК ПК, 2001. – 152 с.
10. Сурмин Ю.П. Теория систем и системный анализ: Учеб. пособие / Ю.П.Сурмин. – К.: МАУП, 2003. – 368 с.

Поступила в редакцию 10.10.2019 г.

SYSTEMATIC APPROACH: ESSENCE, FORMATION AND DEVELOPMENT

N.F. Tikhomirova

In this article the formation of a systematic approach is considered as the direction of the methodology of scientific knowledge which is based on the study of objects as systems. The essence of the system approach, its basic principles and general scientific aspects are discovered, the main trends of its development are emphasized. It is concluded that no one area of highly professional activities does without a systematic approach at the current stage.

Key words: systemic approach, elements, integrity, methodology, cognition.

Тихомирова Наталья Федоровна

Преподаватель-методист

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского».

E-mail:tichom57@gmail.com

Tikhomirova Natalia Fyodorovna

lecturer, methodologist,

SEI HPE “Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky”

E-mail:tichom57@gmail.com

УДК 168

НООСФЕРА КАК НАУЧНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

© 2019. *Е.А. Шелехов*

ГОУ ВПО «Донецкий институт железнодорожного транспорта»

Статья посвящена историко-философскому исследованию вариативности содержательного наполнения категории «ноосфера». Сделан вывод о том, что категория «ноосфера» употребляется «ноосфера» в следующих значениях: как состояние планеты, когда человек становится крупнейшей преобразующей геологической силой; как область активного проявления научной мысли; как главный фактор перестройки и изменения биосферы. В настоящее время под ноосферой понимается сфера взаимодействия человека и природы, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится главным определяющим фактором развития.

Ключевые слова: ноосфера, ноосферное сознание, общество, личность, культура.

Феномен ноосферного мышления в мировой культуре возник как результат научной деятельности В.И. Вернадского, который зарекомендовал себя как широкомыслящий естествоиспытатель. Его научные интересы простирались от минералогии и кристаллографии, изучения атомного ядра, биогеохимии до учения о живом веществе. Он создал учение о биосфере и её эволюции, о переходе биосферы в ноосферу – взаимоотношениях природы и общества, внутреннем единстве человечества и космоса. Интегрируя различные сферы человеческого знания, создавая крупные естественнонаучные и мировоззренческие концепции, он привлёк к этому феномену, многих ученых, что повлекло за собой создание мощных научных школ ноосферных исследований мирового значения.

Целью данной работы является историко-философское исследование базовых вариантов трактовки категории «ноосфера».

Основными источниками для написания данной работы выступили труды В.И. Вернадского [1; 2], Ф.Т. Яншиной [3], а также Э. Леруа [4; 5]. В целом, несмотря на то, что проблема ноосферного сознания является достаточно актуальной и ей посвящены работы многих авторов, пишущих о вопросах экологического сознания и глобальных проблем современности, в научной литературе часто возникает терминологическая путаница в связи с наличием разнообразных трактовок самой категории «ноосфера». Все это говорит о необходимости решения данного вопроса и появления научных публикаций соответствующего характера.

В.И. Вернадский (1863–1945) – признанный во всём мире создатель современной концепции биосферы и замечательного её раздела – учения о переходе биосферы в ноосферу, не был специалистом в какой-то одной науке или даже в нескольких науках. Он блестяще знал добрый десяток наук, но изучал природу, которая неизмеримо сложнее всех наук, вместе взятых.

Интерес к его работам получил в России и во всём мире широкое распространение. Современность содержащихся в них мыслей поражает и открывает всё новые и новые пути познания мира. Наиболее существенным в учении Вернадского было утверждение о том, что собственно природа в процессе эволюции приводит к необходимости включения разума в процессы своего развития. Тем самым решительно пересматривается классическая рационалистическая традиция новоевропейской

философии, а природа и социальная функция разума превращают его в универсальный механизм связи человека и Вселенной. Именно эти идеи В. Вернадского вдохновили деятелей т.н. Римского клуба на разработку концепции Устойчивого развития, как единственно возможной альтернативы перед опасностью глобальной катастрофы. Данная концепция была принята в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро на конференции ООН. Устойчивое развитие это такое развитие, которое удовлетворяет потребности современного мира, не создавая угрозы для будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

Ещё будучи студентом и выступая с докладом на заседании Студенческого научно-литературного общества Санкт-Петербургского университета в 1882 году, В.И. Вернадский говорил о том, что «Человек настоящего времени представляет из себя геологическую силу, и сила эта сильна именно тем, что она возрастает, и предела её возрастанию нам не видно» [1, с. 152].

В 1922 году, читая лекции по геохимии в Сорбонне, В.И. Вернадский впервые обосновал идею о том, что человечество стало самостоятельной геологической силой, влияние которой на перемещение элементов в геологических оболочках Земли огромно. «Минералогическая редкость – самородное железо – вырабатывается теперь в миллиардах тонн. Никогда не существовавший на нашей планете самородный алюминий производится теперь в любых количествах. То же самое имеет место по отношению к почти бесчисленному множеству вновь создаваемых на нашей планете искусственных химических соединений (биогенных «культурных» минералов). Масса таких искусственных минералов непрерывно возрастает. Лик планеты – биосфера – химически резко меняется человеком сознательно, и главным образом бессознательно» [1, с. 149]. Он акцентировал внимание на том, что «Человек чрезвычайно меняет всю работу живого вещества. Он вместо прежней природы создаёт новую культурную природу, резко меняет облик земной коры» [1, с. 166].

Лекции Вернадского были изданы в Париже в 1924 году и привлекли внимание двух замечательных французских мыслителей – математика и философа Э. Леруа (1870–1954) и палеонтолога П.Т. де Шардена (1881–1955), которые развили учение Вернадского в своих работах.

Достаточно детально историю возникновения понятия «ноосфера» исследовала Ф.Т. Яншина – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий сотрудник Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН. В своей статье «О появлении и первоначальном толковании термина ноосфера» [3] она сообщает, что в апреле 1921 года В.И. Вернадский вернулся из Симферополя, где он работал в должности ректора Таврического университета, в Петроград. Но условия для собственной научной работы в Петрограде были неблагоприятными. Народное хозяйство России после войны ещё не было восстановлено. А, самым главным для учёного было то, что в библиотеках Петрограда отсутствовала иностранная литература за последние семь лет. В таких условиях продолжать научную работу над «живым веществом» было очень трудно.

В декабре 1921 г. в Академию наук пришло письмо от ректора Сорбонны профессора П.Э. Аппеля с просьбой предоставить командировку В.И. Вернадскому во Францию для чтения лекций по геохимии. Академия дала согласие, и в мае 1922 года В.И. Вернадский, приехал в Париж. Зарубежная командировка продолжалась до 3 марта 1926 года.

Во время командировки В.И. Вернадский читал лекции по геохимии в Сорбонне и в Эколь де Франс, вёл интенсивную научную работу в музее естественной истории и

Минералогической лаборатории, руководимой его давним другом Альфредом Лакруа. Результатом этой работы стали статьи по минералогии, геохимии, биогеохимии, проблемам изучения живого вещества и биосферы. Часть из них отсылалась на родину, но многие публиковались во французских, английских и чешских журналах, что быстро укрепило научный авторитет В.И. Вернадского в Западной Европе.

По завершении первого курса лекций совет факультета и научное издательство «Феликс Алкан» обратились к русскому ученому с просьбой подготовить лекции к печати, так как никаких учебников по геохимии в то время ещё не существовало. Работа эта заняла большую часть 1923 года. В 1924 году «Геохимия» вышла на французском языке.

Русский перевод этой книги, сделанный автором и несколько им дополненный, опубликован в 1927 году. Позднее она переиздавалась (в 1934, 1954 и в 1983 годах), была переведена на немецкий (1930) и японский (1933) языки. Две большие главы из неё опубликованы в 1967 году в книге «Биосфера».

Ещё в своих ранних работах В.И. Вернадский отмечал всё возрастающую роль человеческой деятельности как мощного геологического и геохимического фактора. Он подчёркивал, что с появлением человека в истории Земли начался новый геологический период или даже новая геологическая эра, которую американский геолог Чарльз Шухерт предложил назвать «психозойской», а русский учёный А.П. Павлов – «антропогеновой».

Особенно чётко представления о ноосфере изложены В.И. Вернадским в книге «Очерки геохимии», в параграфе «Геохимическая деятельность человечества». Уместно процитировать этот параграф, иначе появление термина «ноосфера» будет непонятным: «В нашу геологическую эпоху – в психозойскую эру – эру разума – появляется новый геохимический фактор первостепенной важности. В течение последнего десятка-двух лет геохимическое воздействие человечества, захватившего посредством земледелия зелёное живое вещество, стало необыкновенно интенсивным и разнообразным. Мы видим удивительную быстроту роста геохимической работы человечества. Мы видим всё более яркое влияние сознания и коллективного разума человека на геохимические процессы. Человек ввёл в структуру планеты новую форму действия живого вещества на обмен атомов, которые были нужны для роста, размножения, питания, дыхания. Человек расширил этот круг, влияя на элементы, нужные для техники и для создания цивилизованных форм жизни. Человек действует здесь не как *Homo sapiens*, а как *Homo faber*» [2, с. 215].

В этой работе акцентируется внимание на том, что человек распространяет своё влияние на все химические элементы. Он изменяет геохимическую историю всех металлов, он образует новые соединения, воспроизводит их в количествах того же порядка, какой создавался для минералов, продуктов природных реакций. И этот факт исключительной важности в истории всех химических элементов. Потому что мы увидели в первый раз в истории нашей планеты образование новых тел и невероятное изменение «земного лика».

Изучение геохимии доказывает важность этого процесса и его глубочайшую связь со всем химическим строением земной коры. Он находится ещё в состоянии эволюции, конечный результат которой от нас скрыт. Но таков, каков он есть уже теперь и каким, наверно, останется через века, – он является фактором, всё резче изменяющим обратимые геохимические циклы всех элементов. Он вводит в земную кору новые соединения, и эти соединения ещё более устойчивы в термодинамических условиях земной коры, чем те, которые существовали раньше; они являются источником более

интенсивной активной энергии, увеличивают свободную энергию земной коры, оставшуюся неизменной с незапамятных времён.

«Человек всюду увеличивает количество атомов, выходящих из старинных циклов – геохимических «вечных циклов». Он усугубляет нарушение этих процессов, вводит туда новые, расстраивает старые. С человеком, несомненно, появилась новая огромная геологическая сила на поверхности нашей планеты. Равновесие в миграции элементов, которое установилось в течение геологических времён, нарушается разумом и деятельностью человечества. Мы находимся в настоящее время в периоде изменения этим путём условия термодинамического равновесия внутри биосферы» [2, с. 216].

Приведённая выше цитата свидетельствует о том, что чёткое представление о переходе биосферы Земли под влияние человеческого разума и коллективной деятельности людей в качественно новое состояние было сформулировано самим В.И. Вернадским в его парижских лекциях и опубликовано в книге «La géochimie» ещё в 1924 году.

Оставалось только назвать это состояние биосферы. В.И. Вернадский, давший человечеству множество плодотворных идей, не любил заниматься изобретением новых терминов. Великолепно зная литературу даже далёкого прошлого, он обычно находил там нужный ему термин. Так, термин «геохимия» в близком к современному смысле был предложен ещё в 1838 году базельским учёным К.Ф. Шенбейном (1799–1868), а термин «биосфера», то есть «область жизни», введено было в биологию Ламарком (1744–1829) в Париже в начале XIX века, а в геологию этот термин введён в 1875 году австрийским геологом Эдуардом Зюссом (1831–1914) для обозначения оболочки Земли, населённой живыми организмами.

Но, применительно к качественно новому состоянию биосферы, связанному с воздействием на неё человека, старый термин явно уже не годился. Поначалу В.И. Вернадский ограничился описательной трактовкой явления. Но один из его слушателей и почитателей, Эдуард Леруа предложил называть новый этап существования биосферы «ноосферой» (от греческого слова «ноос», обозначающего разум). В.И. Вернадский по этому поводу пишет следующее: «Приняв установленную мною биогеохимическую основу биосферы за исходное, французский математик и философ бергсониец Э. Леруа в своих лекциях в Коллеж де Франс в Париже ввёл в 1927 году понятие ноосферы как современной стадии, геологически переживаемой биосферой. Он подчёркивал при этом, что он пришёл к такому представлению вместе со своим другом, крупнейшим геологом и палеонтологом П.Т. де Шарденом, работающим теперь в Китае» [1, с. 148–149].

Первая работа Э. Леруа, в которой употреблен термин «ноосфера», опубликована в 1927 году. В соответствии с философскими взглядами автора она названа «Необходимость идеализма и факт эволюции» [5]. В этой книге он цитирует «La géochimie» и другие работы В.И. Вернадского в основном в связи с общей характеристикой живого вещества и химических процессов, происходящих в биосфере.

Глава XI книги Э. Леруа озаглавлена «Структура и история биосферы: завершающие достижения». Таким завершающим достижением в истории биосферы автор считает появление человека. В конце главы Леруа пишет: «Начиная с человека, эволюция осуществляется новыми, чисто психическими средствами... Прогресс осуществляется только духовными средствами: через промышленность, общество, язык, интеллект и так далее, и таким образом биосфера переходит в ноосферу». Более конкретного определения этого термина автор не даёт. Существование нового состояния биосферы, для которого Э. Леруа предложил термин «ноосфера», за три года до этого было описано В.И. Вернадским более глубоко и подробно.

Вторая книга Э. Леруа, в которой он полнее раскрывает свое отношение к понятию «ноосфера» – «Происхождение человека и эволюция разума» [4]. С декабря 1927 года по июль 1928 года она печаталась отдельными выпусками в «Revue de cours et conférences», а в конце 1928 г. вышла в свет отдельной книгой. Второе её издание осуществлено в 1931 г. без каких-либо изменений, если не считать вставки об открытии в Китае синантропа со ссылкой на статью П.Т. де Шардена, опубликованную в июне 1930 году в «Revue des questions scientifiques».

Глава III второй книги Э. Леруа озаглавлена «Ноосфера и гуманизация». Из контекста несложно понять, как автор представляет себе ноосферу, хотя и здесь он чётких дефиниций не дает. Характеризуя современное состояние биосферы Земли, в подстрочном примечании Леруа пишет: «Относительно химии биосферы я могу лишь отослать к столь интересным работам г-на Вернадского». Далее он подходит к сути своих представлений о ноосфере: «Если мы хотим, наконец, вписать человека во всеобщую историю жизни, не увеча её и не дезорганизуя, то необходимо поискать его выше низшей природы, в ситуации, где он господствует над ней, но тем не менее не отрывается от её почвы, а это равносильно тому, чтобы представить себе над существовавшей ранее животной биосферой и как её продолжение некую человеческую сферу, сферу рефлексий свободного и сознательного изобретения, сферу мысли как таковой: короче говоря, сферу духа, или ноосферу. А затем у истока этого великого нового единства следует поставить феномен *sui generis* жизненной трансформации, воздействующей на всю биосферу в совокупности. Итак, человечество принадлежит как бы к новому порядку реальности, поддерживающему с низшим миром отношения, эквивалентные тем, которые на более низком уровне можно распознать между жизнью и материей». Вероятно, имеется в виду неорганическая материя, или «косное вещество» Вернадского.

Леруа продолжая развивать свою мысль с точки зрения феномена, пишет, человечество продолжает жизнь, но тем не менее оно само в себе образует чрезвычайно обширную оригинальную новую систему. В прошедшей истории Земли было два важнейших факта: витализация материи, а затем гоминизация жизни. С гоминизацией жизни связан переход от биосферы к ноосфере. Биосфера существовала раньше, развивалась стихийно, не осознавая себя. Понять закономерности её развития помогает человеческий разум, который является детищем ноосферы. Таким образом, пишет Леруа, «мы можем с чистой совестью пытаться понять биосферу через ноосферу». Уже в конце своей книги он ещё раз возвращается к интересующей нас теме. Усилием человеческого ума и сознательной воли человека ноосфера мало-помалу обособляется от биосферы и становится всё более независимой от неё, что происходит со стремительным ускорением и с множеством усиливающих последствий.

Из анализа этих цитат очевидно, что Э. Леруа рассматривал ноосферу как определенный последовательный этап развития жизни на Земле, хронологически связывая её зарождение с гоминизацией, то есть с появлением на Земле в процессе эволюции человека мыслящего (*Homo sapiens*). Следовательно, время существования ноосферы, по Леруа, соответствует психозойской эре Ч. Шухерта или антропогеновому периоду А.П. Павлова. Леруа дал только для этого этапа развития жизни на Земле более удачный не временной, а пространственный термин, тем самым связав его со всем предшествующим развитием биосферы. Содержание этого термина он глубоко не раскрыл, конечных целей создания ноосферы не определил, условий её образования не проанализировал. Все это предстояло сделать значительно позже В.И. Вернадскому.

Хорошо знавший точку зрения французских ученых В.И. Вернадский от употребления термина «ноосфера» долгое время воздерживался. Последний

противоречил его первоначальным представлениям о неизменности всех количественных и качественных показателей биосферы с самых ранних эпох существования Земли, а влияние на неё человеческой деятельности, которое он тщательно изучал, рассматривал как явление чуждое, наложенное волей человека на её перманентное существование. Лишь с середины 1930-х годов Вернадский изменил свои взгляды на биосферу и признал её многоэтапное эволюционное развитие. Вот тогда ему и пригодился термин «ноосфера» для наименования последнего этапа эволюции биосферы, связанного с весьма ощутимыми и всё возрастающими масштабами воздействия человека на природу.

В первый раз он употребил этот термин в письме Б.Л. Личкову из Карлсбада от 7 сентября 1936 года: «Я принимаю идею Леруа о ноосфере. Он развил глубже мою биосферу. Ноосфера создалась в постплиоценовую эпоху – человеческая мысль охватила биосферу и меняет все процессы по-новому, и в результате энергия, активная, биосферы увеличивается» [1, с. 178].

В следующем письме Б.Л. Личкову из Москвы от 15 ноября 1936 года Вернадский повторяет: «Очень многое я продумал, и выясняется многое. Ввожу новое понятие «ноосфера», которое предложено Леруа в 1929 году и которое позволяет ввести исторический процесс человечества как продолжение биогеохимической истории живого вещества» [1, с. 178]. Упоминает В.И. Вернадский о своих размышлениях над проблемой ноосферы и в более поздних письмах. А впервые публично термин «ноосфера» он употребил 22 июля 1937 года в докладе «О значении радиогеологии для современной геологии» на первом пленарном заседании XVII сессии Международного геологического конгресса в московском Доме ученых, через 10 лет после того, как этот термин ввел Леруа. В докладе он говорил, что «мы живем в эпоху, когда человечество впервые охватило в бытии планеты всю Землю. Биосфера, как удачно выразился Леруа, перешла в новое состояние – ноосферу» [3, с. 1017].

С этого времени В.И. Вернадский начал разрабатывать учение об эволюции биосферы и о ноосфере как последнем этапе эволюции. «Взрыв научной мысли в XX столетии подготовлен всем прошлым биосферы и имеет глубочайшие корни в её строении. Он не может остановиться и пойти назад. Он может только замедлиться в своём темпе. Ноосфера – биосфера, переработанная научной мыслью, подготовлявшаяся шедшим сотни миллионов, может быть миллиарды лет, процессом, создавшим *Homo sapiens faber*, не есть кратковременное и преходящее геологическое явление. Процессы подготовлявшиеся миллиарды лет, не могут быть преходящими, не могут остановиться. Отсюда следует, что биосфера неизбежно перейдёт так или иначе, рано или поздно, в ноосферу, т.е. в жизни народов, её населяющих, произойдут события, нужные для этого, а не этому процессу противоречащие» [1, с. 197–198].

Таким образом, используя историко-философский подход к изучению вопроса о происхождении понятия «ноосфера» можно утверждать, что научная концепция В.И. Вернадского о глобальном воздействии на «клик Земли» человеческого разума была принята и получила параллельное развитие благодаря французскими учёным Э. Леруа и Т. де Шардену. Термин «ноосфера» был впоследствии предложен Леруа, который ссылаясь при этом на огромную помощь Шардена. Так или иначе всех троих можно считать классиками ноосферного мышления. Категория «ноосфера» употребляется «ноосфера» в следующих значениях: 1) как состояние планеты, когда человек становится крупнейшей преобразующей геологической силой; 2) как область активного проявления научной мысли; 3) как главный фактор перестройки и изменения биосферы. В настоящее время под ноосферой понимается сфера

взаимодействия человека и природы, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится главным определяющим фактором развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1989. – 261 с.
2. Вернадский В.И. Очерки геохимии / В.И. Вернадский. – М.–Л.: Госиздат, 1927. – 368 с.
3. Яншина Ф.Т. О появлении и первоначальном толковании термина «ноосфера» / Ф.Т. Яншина // Вестник РАН. – 1994. – Т. 64. – №11. – С. 1016–1022.
4. Le Roy E. Les origines humaines et evolution de intelligence / E. Le Roy. – Paris, 1928. – 376 p.
5. Le Roy E. L'exigence idealiste et le fait L'evolution/ E. Le Roy. – Paris, 1927. XVIII. – 270 p.

Поступила в редакцию 20.10.2019 г.

NOOSPHERE AS A SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL CATEGORY: THE HISTORICALLY PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ye.A. Shelekhov

The article is devoted to the historical and philosophical study of the variability of the content of the “noosphere” category. It has been concluded that the “noosphere” category is used in the following meanings: as the state of the planet when a human becomes the largest transforming geological force; as an area of active manifestation of scientific thought; as the main factor in the restructuring and changes in the biosphere. Currently, the noosphere is understood as the sphere of interaction between man and nature, within the framework of which rational human activity becomes the main determining factor in development.

Key words: Noosphere, Noospheric Consciousness, Society, Personality, Culture.

Шелехов Евгений Александрович

Кандидат философских наук,
ГОУ ВПО «Донецкий институт железнодорожного
транспорта» .
E-mail: jennaistorik@mail.ru

Shelekhov Yevgeniy Alexandrovich

Candidate of Philosophical Sciences,
SCE HPE “Donetsk Institute of Railway
Transport”.
E-mail: jennaistorik@mail.ru

ПЕДАГОГИКА

УДК [37.01:32]-048.35

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ КАК ФАКТОРА МОДЕРНИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

© 2019. *И.П. Акиншева*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье рассматриваются виды и этапы политической социализации. Анализируется социально-педагогическая специфика исследования политической социализации, а также этапы осуществления политической социализации личности.

Ключевые слова: политическая социализация, модернизация, педагогическая наука, политическое сознание, политическое поведение.

Введение. Актуальность темы исследования заключается в том, что изменения, которые происходят в социально-экономической сфере современного общества, закономерно привели к существенным преобразованиям в политической структуре государства: изменилась идеологическая система, общественно-политические институты, отношения, принципы политической жизни.

Изменения коснулись и основ политического сознания и поведения людей – социально-психологическая сфера. В этих условиях политическая социализация современной молодежи, которая является важной составной частью общесоциализационного процесса, стала одной из актуальных социальных проблем. От правильности и эффективности ее решения зависит не только морально-этическое состояние общества, но и его спокойствие и политическая стабильность.

Целью данной статьи является рассмотрение роли политической социализации как фактора модернизации педагогической науки.

Основная часть. Поскольку наш анализ будет осуществлен с педагогической позиции, то он существенно отличается от классических политологических и социологических трактовок политической социализации. Нас интересуют не столько механизмы, этапы, политические ориентации и образцы политического поведения, которые давно и успешно исследуются представителями других обществоведческих дисциплин, сколько педагогические аспекты этого процесса.

Мы выходим с того, что механическое перенесение трактовки политической социализации, которой апеллируют политологи, для нас не совсем уместны. Это связано с тем, что у них не учитываются нюансы психолого-педагогического характера, которые отображают усвоение личностью политических взглядов, ценностей, а также механизмов этого процесса, формы и методы педагогического управления в условиях образовательного пространства.

В традициях отечественных психолого-педагогических и социологических наук, проблемы политической социализации рассматривались в основном через проблемы политического воспитания, политического обучения и образования. В исследованиях В. Байковой, В. Васильевой, Д. Гилязитдиновой, А. Деркача, А. Яковлевой и др.,

анализировались каналы и механизмы политической пропаганды и агитации, их результативность, влияние на формирование политических убеждений.

Отдельные аспекты политической социализации достаточно широко представлены в научной литературе. Философско-социологические аспекты отображены в работах А. Бандуры, Н. Недикова, Д. Истона, Б. Скинера и др.

Стремительное распространение новой терминологии, мы связываем с тем, что со второй половины XX века в исследованиях по классической социализационной проблематике утвердилась мысль, что понятийное пространство, образуемое термином «социализация», охватывает общие и специфические особенности. Следствием стало появление значительного количества исследований, посвященных политической, этнокультурной, полоролевой, этнической и другим видам социализации.

Определение особенностей политической социализации учащихся требует определения специфики общего социализационного процесса. Иными словами, невозможно выявить особенности политической социализации, не определившись с общей формулировкой социализации в современной педагогической науке. Наша позиция подтверждена подходом, принятым в современной политологии, где политическая социализация рассматривается по аналогии с процессом социализации как процесса включения индивида в политическую систему.

Производным общего понятия «социализация» является термин «политическая социализация», который в 50-60-е годы XX века прочно входит в научный политологический лексикон. Свидетельством тому является его широкое использование в работах Г. Алмонда, С. Вербы, Р. Зигель, Д. Истона, Р. Гесса, Г. Хаймена. Именно с именем последнего связано непосредственное использование термина в работе «Политическая социализация», вышедшей в 1959 г.

Американский политолог Ф. Гринштейн утверждает, что использование этого понятия возможно в таких ситуациях:

- 1) при изучении политических ориентаций у детей;
- 2) при изучении норм и правил, которые преобладают в обществе;
- 3) при изучении влияния различных политических теорий на граждан в любой стадии их жизненного цикла;
- 4) в ходе наблюдений за деятельностью институтов социализации, которые являются своеобразными каналами воздействия общества на человека.

Нетрудно заметить, что при определении контекста, в котором возможно использование термина «политическая социализация», на наш взгляд, упущен аспект социально-педагогический, предполагающий, что сегодня говорить о социализирующем процессе без определения педагогических механизмов управления им невозможно.

Необходимо иметь в виду, что политическая социализация выполняет ряд важнейших функций:

- 1) определяет политические цели и ценности, к которым идет и которых стремится достичь индивид через политическое участие;
- 2) формирует представления о приемлемых способах политического поведения, об уместности тех или иных действий в конкретной ситуации;
- 3) определяет отношение индивида к окружающей среде и политической системе;
- 4) вырабатывает определенное отношение к политической символике;
- 5) формирует способности к познанию окружающего мира;
- 6) формирует убеждения и отношения, являющиеся «кодом» политической жизни [1].

Выделяются различные типы политической социализации: прямая и косвенная (первичная и вторичная). Прямая социализация – это непосредственное приобретение политических знаний и установок. Косвенная социализация – это своего рода «проекция» черт характера, раннего детского опыта, непосредственного окружения личности на формирование политических установок. Так, например, установки ребенка по отношению к жизни отца, формирующиеся в ранние периоды, могут быть в дальнейшем трансформированы в отношении к политическим объектам (президенту, парламенту, суду, партии и др.) [2].

Политическая социализация личности осуществляется в несколько этапов.

На первом из них – этапе политизации – у детей под влиянием оценок родителей, их отношений и реакций, формируются первые представления о мире политики.

Второй этап – персонализация. В этот период восприятие власти персонифицируется. Образцами власти становятся, к примеру, фигуры президента, премьер-министра или полицейского.

На третьем этапе – этапе идеализации – важнейшим политическим фигурам приписываются определенные качества и на этой основе образуются устойчивые эмоциональные отношения к политической системе.

Четвертый этап, получивший название институционального, характеризуется переходом от персонифицированного восприятия политики к абстрактному. На этой стадии закладываются представления об институтах власти.

Большинство авторов едины во мнении, что политическая социализация может быть представлена разными возрастными периодами. В этом случае прослеживается довольно тесная связь с общесоциализирующим процессом, в котором выделяется несколько стадий. В политической социализации выделяют обычно четыре основных этапа: 1) от рождения до поступления в школу; 2) время обучения в школе; 3) период трудовой деятельности; 4) после завершения трудовой деятельности [3, с. 496].

Каждому из указанных этапов соответствует группа задач, призванных сформировать в человеке определенные политические знания и умения. Так, первому соответствует задача идентификации с определенным политическим сообществом – государством, нацией. Для периода обучения характерно усвоение специфических политических знаний и умений, формирование чувства патриотизма и ответственности перед обществом. Период трудовой деятельности предполагает активное участие личности в политической жизни, выполнения разнообразных политических ролей: избирателя активного политического деятеля, лидера, оппозиционера и др. Наконец, для этапа после трудовой социализации характерно угасание политической активности, перенос акцента на пассивные формы проявления интереса к политике.

Заключение. Социально-педагогическая специфика исследования политической социализации обуславливает ее понимание как вида определенных процессов познание, общение, овладение навыками практической политической деятельности. По сути, каждый политический лидер, и студенческий в том числе, рассматривается как исполнитель определенной социальной роли, которая тем лучше выполнена, чем более профессионально он к ней подготовлен.

С позиций теории политической социализации в этом определении содержатся важнейшие ее характеристики: 1) указание на то, что процесс усвоения социального, в том числе и политического опыта, происходит путем включения индивида в общественно-политические связи; 2) мысль о том, что нельзя успешно политически

социализироваться вне активной политической деятельности, не вступая во взаимодействие с политической средой.

Перспективы наших дальнейших исследований заключаются в изучении основ политической социализации студенческой молодежи, в контексте сохранения ценностей политической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Москаленко В.В. Социализация личности (философский аспект) / В.В. Москаленко. – К.: Вища школа, 1986. – 199 с.
2. Политическая социализация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uk.wikipedia.org> (Дата последнего обращения – 10.09.2019.).
3. Шляхун П.П. Политология / П. П. Шляхун. – К.: Либ, 2002 – 576 с.

Поступила в редакцию 12.09.2019 г.

THE ROLE OF POLITICAL SOCIALIZATION AS A FACTOR OF MODERNIZATION OF PEDAGOGICAL SCIENCE

I.P. Akinsheva

The article discusses the types and stages of political socialization. The article analyzes the socio-pedagogical specificity of the study of political socialization, as well as the stages of political socialization of the individual.

Key words: political socialization, modernization, pedagogical science, political consciousness, political behavior.

Акиншева Ирина Петровна

Директор Института педагогики и психологии
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко», ЛНР,
г. Луганск.
E-mail: akinsheva.irina@mail.ru

Akinsheva Irina Petrovna

Director of the Institute of Pedagogy and Psychology,
SEI HPE “Luhansk Taras Shevchenko National
University”, LPR, Luhansk.
E-mail: akinsheva.irina@mail.ru

УДК 364-43:[174+17.022]

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ВЕДУЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

© 2019. Т.М. Гужва

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье раскрыта сущность моральной ответственности социального работника, охарактеризованы ее составляющие. Доказано, что моральная ответственность занимает ведущее место в системе профессиональных ценностей специалиста социальной сферы.

Ключевые слова: моральная ответственность, профессиональные ценности, этический кодекс, этические дилеммы.

Введение. На современном этапе усиливается значение социальной работы как вида профессиональной деятельности и повышается роль социального работника как профессионала, поскольку социальная работа соответствует жизненным потребностям человека и является фундаментальным направлением практической реализации социальной политики государства. Миссия социального работника заключается не просто в предоставлении социальных услуг, а в облагораживании мира людей, которые по разным причинам оказались в сложных жизненных обстоятельствах, в наполнении этого мира, как бы это ни было сложно, положительными эмоциями. Реализация обозначенной миссии требует от работника социальной сферы не только определенных профессиональных знаний, умений, готовности использовать формы, методы, технологии социальной работы для разрешения конкретных ситуаций, но и соответствующих личностных качеств, сердцевиной которых выступают профессиональные ценности.

Одной из наиболее значимых профессиональных ценностей в системе индивидуальных качеств социального работника является моральная ответственность, формирование которой надо начинать еще в процессе профессиональной подготовки. В научных трудах, посвященных подготовке социальных работников, рассматриваются теоретико-методические основы подготовки специалистов социальной сферы (С.П. Архипова, И.Д. Зверева, О. Карпенко, А.И. Капская, Ж.В. Петрочко), проблемы подготовки социальных работников к работе с волонтерами (Р.И. Короткова), к формированию здорового образа жизни детей и молодежи (А.И. Капская), к менеджменту в социальной работе (Е.Г. Дедов). Ученые лишь касаются некоторых вопросов, связанных с формированием профессиональных ценностей будущих социальных работников, и специально не рассматривают моральную ответственность. В научных трудах по аксиологической проблематике профессиональные ценности социальных работников так же, как правило, не анализируются.

Проведенный анализ показывает, что в научных публикациях, посвященных профессиональной подготовке социальных работников, лишь вскользь рассмотрена проблема формирования нравственной ответственности как ведущей профессиональной ценности.

Цель статьи заключается в раскрытии сущности моральной ответственности социального работника и определении ее места в системе профессиональных ценностей.

Основная часть. Следует подчеркнуть, что социальная работа является видом деятельности, который направлен на решение социальных проблем отдельных людей,

социальных групп, на создание условий, способствующих восстановлению и улучшению способности людей к социальному функционированию. Она помогает людям осознавать личные, социальные, ситуативные трудности и преодолевать их благодаря поддержке, защите, коррекции и реабилитации [4, с. 13]. Н.Б. Шмелева указывает, что системообразующей ценностью социальной работы является потребность служить своей профессией в пользу других людей [8, с. 116].

Решение этих задач, так или иначе, затрагивает интересы других людей, общества и ставит социального работника в ситуацию нравственного выбора. В свою очередь нравственный выбор является выражением реальной связи специалиста социальной сферы с другими людьми и выступает профессиональным действием, приобретающим определенное значение для других людей. Именно это возлагает особую моральную ответственность на социального работника. Не случайно в Этическом кодексе специалистов по социальной работе сформулированы этические принципы их деятельности и нормы этического поведения. В частности, речь идет об уважении достоинства каждого человека, толерантности, доверии, взаимодействии, конфиденциальности, соблюдении норм этики. Кодексом задекларированы также этические нормы, опирающиеся на общие моральные принципы, среди которых ведущее место занимает профессиональная ответственность.

Заметим, что в этике социальной работы существует самостоятельный раздел – деонтология социальной работы, который содержит совокупность норм относительно профессионального долга и ответственности социального работника перед обществом и государством, перед социальной работой как профессией и социальным институтом, перед коллегами и клиентами социальных служб.

Ответственность в научной литературе определяется как необходимость, обязанность отвечать за свои действия и поступки [3, с. 427], как способность личности осознавать соответствие результатов своих действий поставленным целям, принятым в обществе нормам [6, с. 187]. А.В. Зайчук и Н.М. Онищенко ставят вопрос о социальной ответственности, которую рассматривают как диалектическую взаимосвязь между личностью и обществом, характеризующуюся взаимными правами и обязанностями по выполнению социальных норм и применением различных средств воздействия в случае их нарушения [1].

Ответственность по отношению к профессионалу, который работает в системе «человек-человек», определяется, как способность правильно понять потребности других людей, умение руководить личным поведением, не давая воли иррациональным страстям. Следует также учитывать, что нести ответственность означает принимать на себя все последствия своих поступков.

Необходимо обратить внимание на содержание термина «моральность», которая определяется как совокупность моральных законов, регулирующих жизнь человека. Причем эти законы человек самостоятельно определяет для себя в зависимости от воспитания, окружающих его людей и т.д. На наш взгляд, важно подчеркнуть, что моральность является своеобразным внутренним регулятором поведения человека, его отношения к обществу, обуславливает внутреннюю потребность личности в осуществлении нравственных действий и поступков.

Основываясь на таких рассуждениях, можно утверждать, что основой моральной ответственности социального работника является обеспечение баланса его личных интересов и профессиональных обязанностей, предусматривающих конкретные действия, направленные на улучшение реальной жизни людей и категорически исключающие обман, дискриминацию, унижение, нечестность. Своеобразие моральной

ответственности как формы регуляции социального поведения заключается в том, что критерием ее внешнего контроля выступает общественное мнение, а внутреннего – совесть.

Учитывая, что в современных условиях социальный работник как представитель профессионального сообщества должен нести личную моральную ответственность за взаимоотношение с различными субъектами, с которыми он вступает в контакт при осуществлении профессиональной деятельности, опираясь на Этический кодекс специалистов социальной работы, можно выделить несколько составляющих моральной ответственности социального работника [2].

Во-первых, моральная ответственность – это ответственность перед клиентами социальной работы. Она предусматривает признание приоритета потребностей и интересов клиентов, запрет на использование их для получения собственной выгоды, на раскрытие информации о них третьим лицам. Именно Этический кодекс рассматривает интересы клиента как первостепенные в социальной работе и выдвигает требование к социальному работнику обслуживать клиента лояльно, применяя максимум профессиональных знаний, компетенций и навыков. В связи с этим в документе зафиксированы этические обязательства социального работника по отношению к клиенту, которые сформулированы в форме абсолютного запрета (недопустимость дискриминации клиентов по любому признаку), запретов, которые при определенных обстоятельствах могут быть нарушены (в некоторых случаях социальный работник может передать информацию, полученную от клиентов, без их согласия), регламентаций, которыми должен руководствоваться социальный работник в профессиональной деятельности. Примером регламентаций могут служить требование иметь четкую программу действий по оказанию помощи клиенту, учет советов коллег при возникновении трудностей в работе и т. п.

Во-вторых, моральная ответственность социального работника является ответственностью перед коллегами. Она касается проблем, возникающих во время общения и взаимодействия с другими профессиональными социальными работниками и предусматривает сотрудничество, корректность, готовность к разрешению конфликтов, готовность при необходимости оказывать социальные услуги клиентам коллег. Недопустимо использование коллег для получения собственной выгоды.

Следует помнить, что социальная работа может быть успешной только в команде, поэтому в профессионально-этическом кодексе содержится требование строить взаимоотношения между коллегами на принципах честности, уважения, вежливости.

В-третьих, важной составляющей моральной ответственности социального работника является его ответственность перед работодателями, которая основывается на необходимости твердо выполнять свои обязанности перед соответствующими органами социальной работы, то есть учреждениями, в которых работает специалист социальной сферы. Она требует от социального работника осуществлять действия в соответствии с существующими процедурами, с тем, чтобы совершенствовать политику учреждения, повышать ее результативность, рационально использовать ресурсы учреждения. С другой стороны, работодатель не должен мешать профессиональной деятельности социального работника, которая проводится в интересах клиента, не преследовать его в связи с такой деятельностью, не допускать дискриминационной политики в вопросах приема на работу.

В-четвертых, моральная ответственность социального работника предполагает его ответственность перед профессией. Н.Б. Шмелева даже выделяет отдельную группу

профессиональных ценностей социального работника – ценности моральной ответственности перед профессией. Следование указанным ценностям предусматривает защиту достоинства и целостности профессии, развитие этических норм, знаний, миссии социальной работы [8, с. 116].

Иначе говоря, моральная ответственность перед профессией означает, что работник социальной сферы хранит ценности и предназначение своей профессии, использует и развивает специальные знания. Он должен защищать и утверждать достоинство, честь своей профессии, соответственно реагировать на неэтичное поведение коллег, не использовать дезориентирующую рекламу, основывать свои практические действия на научных знаниях, исследовать новые ситуации, вносить вклад в пополнение системы профессиональных знаний, методов и подходов.

М.А. Боттаева обращает внимание на определенные этические дилеммы и ценностные противоречия, возникающие в социальной работе в контексте ответственности социальных работников по отношению к клиентам, коллегам, профессии, обществу и государству [5, с. 32-33]. Трудности такого характера обусловлены необходимостью выбора между двумя или несколькими противоречивыми обязательствами.

Первой дилеммой является выбор между независимостью клиента и необходимостью манипулирования его поведением. С одной стороны, социальный работник должен рассматривать независимость человека как одну из базовых ценностей, с другой – ему приходится в определенных обстоятельствах управлять поведением клиента, что выглядит как манипулирование.

Распространенной является дилемма между патернализмом и самоопределением. Как известно, социальная работа имеет целью обеспечение благополучия клиента, что порождает патерналистские подходы к ее осуществлению. Патернализм вызывает опекунические модели взаимоотношений социального работника и клиента, допускает вмешательство в его желания, свободу для его же собственного блага. При этом самоопределение клиента рассматривается как одна из основополагающих ценностей социальной работы.

Ценностные противоречия в профессиональной деятельности социального работника возникают также из-за необходимости предоставлять клиенту достоверную информацию о его состоянии и благополучии (хотя это не всегда возможно), конфликта между личными и профессиональными ценностями социального работника. Может возникать ситуация, когда специалист социальной сферы не разделяет политические, религиозные взгляды, нравственную позицию клиента, но он должен выполнять профессиональный долг.

Решение моральных дилемм может привести к нарушению социальным работником моральных обязательств. К сожалению, в Этическом кодексе специалистов по социальной работе отсутствуют конкретные положения, касающиеся рассмотрения нарушений. Поэтому довольно часто на практике используются управленческо-административные формы урегулирования таких ситуаций без надлежащего учета сущности возникших ценностных противоречий. Более корректным представляется решение моральных дилемм через работу специальных этических комитетов и экспертных советов, которые смогут провести этический аудит, провести экспертизу коллизий, связанных с моральной ответственностью социального работника и принять более взвешенное решение.

Какое же место занимает нравственная ответственность в системе профессиональных ценностей специалиста социальной работы?

Интересным по этому поводу является мнение Е.И. Холостовой, которая подчеркивала, что социальная работа больше чем другие профессии осуществляется в ситуации нравственного выбора и этического поведения [7, с. 22]. Это означает, что моральная ответственность не является самоцелью, а выступает неотъемлемой составляющей повседневной профессиональной деятельности социального работника.

Заключение. Таким образом, моральная ответственность социального работника является одной из наиболее важных профессиональных ценностей, которая способствует гармонизации личных интересов и профессиональных обязанностей, направленных на решение социальных проблем отдельных людей, социальных групп, на создание условий, способствующих восстановлению и улучшению способности людей к социальному функционированию. Составляющими моральной ответственности является ответственность специалиста перед клиентами социальной работы, перед коллегами, перед работодателями и перед профессией.

Предметом дальнейшего изучения являются вопросы, связанные с классификацией профессиональных ценностей социального работника, обоснованием педагогических условий их формирования в процессе профессиональной подготовки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Етичний кодекс спеціалістів із соціальної роботи України // Соціальна політика і соціальна робота. – 2003. – № 1. – С. 16-22.
2. Зайчук О. В., Оніщенко Н. М. Теорія держави і права. Академічний курс: підручник / За редакцією О. В. Зайчука, Н. М. Оніщенка. – К.: Юрінком Інтер, 2006. – 688 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 846 с.
4. Павленок П. Д. Введение в профессию "Социальная работа". Курс лекций. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 174 с.
5. Профессионально-этические основы социальной работы. Методические рекомендации / Автор-составитель Боттаева М.А. – Нальчик, 2010. – 124 с.
6. Словарь по социальной педагогике: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Авт.-сост. Л. В. Мардахаев. – М.: Академия, 2002. – 368 с.
7. Холостова Е. И. Профессиональный и духовно-нравственный портрет социального работника. – М., 1993. – 365 с.
8. Шмелева Н.Б. Ценностные ориентации, мотивации и психологические установки в профессиональной подготовке социального работника // Российский журнал социальной работы. – 1997. – № 1. – С. 115-124.

Поступила в редакцию 02.09.2019 г.

MORAL RESPONSIBILITY AS A LEADING PROFESSIONAL VALUE OF SOCIAL WORKERS

T.M. Guzhva

The essence of the social worker moral responsibility is considered in the article, the components of it are defined. It is proved that the moral responsibility takes the leading position in the system of professional values of the specialist in the social field.

Key words: moral responsibility, professional values, ethical codex, ethical dilemma.

Гужва Татьяна Михайлова

Старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной педагогики
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко».
E-mail: guzhviha@mail.ru

Guzhva Tatiana Mikhailovna

Senior Lecturer at the Department of Social Work and Social Pedagogy,
SEI HPE "Luhansk Taras Shevchenko national university".
E-mail: guzhviha@mail.ru

УДК 378.046.4

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ ГОТОВНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ ХИМИИ К ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ ПО УЧЕБНОМУ ПРЕДМЕТУ «ХИМИЯ»

© 2019. *Е.Ю. Дробышев*

Муниципальное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 4 города Макеевки»

В статье описывается диагностический инструментарий, предлагаемый для диагностики уровня готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по учебному предмету «химия». Диагностику готовности учителей предлагается проводить по таким компонентам готовности как: мотивационный, личностный, когнитивный, деятельностный, рефлексивный. Для компонентов описаны критерии, уровни готовности и методики диагностики. Диагностика позволяет определить уровень готовности учителей как: низкий, средний или высокий.

Ключевые слова: учебно-исследовательская деятельность, готовность учителей, диагностика готовности, диагностический инструментарий.

Введение. Одним из важнейших факторов готовности учителя к инновационной деятельности является постоянное самосовершенствование своих профессиональных и личностных качеств.

Исследования показывают, что введение инноваций в среднем образовании приводит к выстраиванию нового формата взаимоотношений учащегося и учителя. Учитель для учащегося должен выступать не только транслятором знаний, но и наставником, тьютором. В процессе внедрения инновационных технологий в систему обучения, репродуктивные формы усвоения знаний уходят на второй план, а преобладающими становятся такие формы, которые способствуют самостоятельному поиску знаний учащимся, и их применению.

В инновационной деятельности учителя, по нашему мнению, должны преобладать потребность в постоянном поиске новых средств и способов педагогического мастерства, системном и непрерывном повышении своей профессиональной компетентности.

Сущность педагогической диагностики определяется ее предметом. В нашем исследовании предметом такой диагностики выступает готовность учителей химии к организации инновационной деятельности в рамках учебно-исследовательской деятельности учащихся по учебному предмету «химия». Наш интерес к проблеме готовности учителей к организации учебно-исследовательской деятельности вызван противоречием, которое мы выявили при анализе литературы по данной проблеме. С одной стороны учебно-исследовательская деятельность учащихся весьма продуктивный метод для развития целого перечня качеств формирующейся личности. Однако готовность учителей к организации такого вида деятельности учащихся и их сопровождению недостаточна, и требует дальнейшего изучения.

Цель статьи: описание диагностического инструментария, предлагаемого нами для оценки уровня готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по учебному предмету «химия».

Основная часть. Для объективной диагностики необходим диагностический инструментарий. Такой инструментарий должен включать комплекс диагностических материалов, критериев оценивания и показателей готовности.

Функции диагностики готовности учителей к инновационной деятельности описаны в статье Е.Э. Воропаевой [2]. Оценочная функция позволяет определить уровень готовности учителя по анализируемым показателям. Прогностическая функция позволяет выявить потенциал учителя, его возможности. Управленческая функция позволяет проанализировать, насколько учителя могут самостоятельно добывать необходимые им знания для повышения своей профессиональной компетентности.

Анализ литературы дает возможность выделить наиболее распространенные и популярные способы диагностики показателей готовности учителей.

Чаще всего применяются: опросы, деловые и ролевые игры, анкетирование, анализ творческих работ учителей, тестирование, анализ участия учащихся в различных конкурсах под руководством учителя, анализ участия учителей в семинарах и прочих методических мероприятиях, применение карт самооценки.

Мы согласны с М.Е. Иньковым [4], в том, что методика диагностики должна соответствовать следующим принципам:

- 1) Методика должна позволить получить объективные результаты уровня готовности учителей;
- 2) Методика должна быть целостным методическим продуктом;
- 3) Методика должна быть научно обоснована;
- 4) Методика должна содержать четкие критерии оценивания уровней готовности учителей;

В качестве диагностического инструментария для определения уровня готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по учебному предмету «химия» мы предлагаем использовать: анкеты, тесты, опросники, задания проблемного характера. При помощи подобранного нами диагностического инструментария можно оценить уровень готовности учителей по таким компонентам как: мотивационный, личностный, когнитивный, деятельностный, рефлексивный. Компоненты и показатели готовности, а также диагностический инструментарий приведены в табл. 1.

Таблица 1

Компоненты, показатели готовности, диагностический инструментарий для определения уровня готовности учителей химии к организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по учебному предмету «химия»

<i>Показатели готовности</i>	<i>Диагностический инструментарий</i>
Мотивационный компонент – готовность к стремлению к обогащению педагогического опыта. Наличие внутренней мотивации к инновационной педагогической деятельности	
1. Стремление к обогащению педагогического опыта. 2. Наличие внутренней мотивации к инновационной деятельности.	1. Количественная оценка посещения методических мероприятий. 2. Диагностика внутренней мотивации по Т.Д. Дубовицкой (анкета-опросник).
Личностный компонент – готовность к личностному развитию и самосовершенствованию	
1. Восприимчивость к инновациям. 2. Стремление к генерированию нестандартных и творческих идей и подходов в работе.	1. Диагностика восприимчивости к инновациям по В.А. Слостенину, Л.С.Подымовой (карта-опросник). 2. Диагностика стремления к развитию творческого потенциала по В.И.Андрееву (адаптированная анкета-опросник).
Когнитивный компонент – готовность к организации учебно-исследовательской деятельности учащихся на высоком теоретическом уровне	

1. Наличие теоретических знаний об организации учебно-исследовательской деятельности учащихся	1. Тест. Теория учебно-исследовательской деятельности
Деятельностный компонент – готовность применять теоретические знания для реализации задач в своей педагогической деятельности	
1. Планирование и организация учебно-исследовательской деятельности учащихся. 2. Экспертное оценивание учебно-исследовательских работ учащихся. 3. Количественный показатель участия учащихся под руководством учителя в различных конкурсах исследовательской направленности.	1. Составление плана реализации учебно-исследовательской деятельности учащегося учителем (проблемное задание). 2. Экспертная оценка учебно-исследовательских работ учащихся учителем (проблемное задание). 3. Количественная оценка участия учащихся в различных конкурсах исследовательской направленности под руководством учителя.
Рефлексивный компонент – готовность анализировать свою деятельность, и корректировать ошибочные действия	
1. Уровень сформированных рефлексивных способностей учителя.	1. Самодиагностики рефлексии по А. В. Карпову, В. В. Пономаревой (адаптированная)

Мотивационный компонент готовности в нашем видении включает готовность к профессиональному росту учителя, познанию современных инновационных педагогических идей, применению инновационных методик в работе, разработке собственных методических продуктов на высоком уровне. Учитель может знать о важности педагогической исследовательской деятельности, но не хотеть это осуществлять в своей педагогической практике. Прежде всего, учитель должен осознавать важность данной процедуры для себя как личности, направленной на развитие в себе творческих способностей.

По нашему мнению, такой анализ необходимо осуществлять, за период не менее двух лет. Такой временной период взят как промежуток, за который у учителя может возникнуть мотивация. Как следствие желания учителя развиваться в этом направлении, станут различные мероприятия, перечисленные выше, в которых он будет принимать участие.

По формированию уровней готовности учителей к инновационной деятельности мы разделяем точку зрения исследователей, описанную в работах [2; 5] и в своем исследовании выделяем низкий, средний и высокий уровни готовности.

Методика диагностики внутренней мотивации Т.Д. Дубовицкой позволяет выявить ожидания учителей, которых они ждут от своей профессии, основные внутренние мотивы, побуждающие учителей к творческой деятельности. При помощи методики можно определить преобладание внешней или внутренней мотивации учителя.

Согласно М.С. Гусаровой [3] внутренняя мотивация для сотрудника определяется содержанием профессиональной деятельности и ее значимостью. Внешняя мотивация, как правило, характеризуется проявлением экономической и статусной заинтересованности сотрудника.

Анализ интереса учителей к различным методическим мероприятиям напрямую зависит от их уровня мотивации. Таким образом, представляется интересным сравнить уровень внутренней мотивации учителей с их реальными желаниями участвовать в мероприятиях по совершенствованию своей профессиональной компетентности.

Низкий уровень мотивационной готовности нами характеризуется полным или практически полным отсутствием стремления учителя к участию в различных методических мероприятиях, направленных на обогащение педагогического опыта. Учитель имеет низкий уровень внутренней мотивации, может преобладать внешняя мотивация.

Средний уровень мотивационной готовности – учитель регулярно не участвует в семинарах, конференциях прочих подобных мероприятиях, но осознает, что подобные мероприятия могут быть полезны для него с точки зрения обогащения опытом. Учитель имеет средний уровень внутренней мотивации.

В случае высокой мотивационной готовности учитель проявляет высокую активность участия в различных методических мероприятиях: семинарах, конференциях, методических объединениях и др. Учитель имеет высокий уровень внутренней мотивации.

Личностный компонент готовности мы определяем как готовность учителя к личностному саморазвитию и самосовершенствованию. Способность учителя оценивать себя как личность, готовую к осуществлению инновационной деятельности, одна из важнейших при комплексной диагностике готовности.

По нашему мнению, особое внимание стоит обращать на стремление учителей к генерированию творческих, нестандартных идей, подходов в работе с учащимися. Стремление учителя работать креативно позволяет по новому взглянуть на подходы к организации учебно-исследовательской деятельности. Именно специфические, нестандартные способы работы, найденные или изобретенные учителем самостоятельно, по нашему мнению, будут более продуктивными в развитии творческих способностей как самого учителя, так и учащегося.

Карта педагогической оценки и самооценки способностей учителя к инновационной деятельности В.А. Слостенина и Л.С. Подымовой[11] позволяет оценить такие способности учителей как: владение методами педагогического исследования, способность учителей к овладению методологией творческой деятельности, способность к созданию авторской концепции, технологии; способность к планированию и проведению педагогического эксперимента.

Адаптированная методика определения уровня творческого потенциала В.И. Андреева [10] выявляет личностные качества учителя либо их проявления, характеризующие уровень развития творческого потенциала личности. Методика позволяет охарактеризовать такие творческие качества как: целеустремленность, эвристичность, решительность, гибкость, требовательность, независимость, энергичность, авторитарность, оптимистичность, практичность, принципиальность, коммуникабельность, лидерство, новаторство, конкурентоспособность, интеллигентность, революционность, реформаторство.

В случае низкого уровня готовности в рамках личностного компонента у учителя восприимчивость к инновациям слабая или полностью отсутствует. В работе доминирует консервативный подход без реализации творческой деятельности.

Средний уровень готовности в рамках личностного компонента описывается следующими показателями. Учитель не до конца осознает важность внедрения инновационной деятельности в свою педагогическую практику. Учитель пытается внедрять нестандартные идеи и подходы в организации учебно-исследовательской деятельности учащихся.

При высоком уровне личностной готовности учитель имеет высокую восприимчивость к педагогическим новшествами. Способен организовывать

педагогическую деятельность на высоком уровне с применением творческих, нестандартных, креативных подходов.

Когнитивный компонент готовности мы определяем как готовность учителя к организации учебно-исследовательской деятельности учащихся на высоком теоретическом уровне.

Мы согласны с С.В. Калашниковой [6] в том, что показателями когнитивного компонента являются: владение учителем аналитическими навыками, критическим мышлением; наличие общепедагогических и узко-профильных теоретических знаний; владение методами педагогических исследований и педагогического эксперимента; способность к организации исследовательской деятельности.

Авторский тест «теория учебно-исследовательской деятельности» позволяет определить теоретический уровень подготовки учителей по организации учебно-исследовательской деятельности учащихся.

Низкий уровень готовности. Теоретическая база готовности учителя развита слабо. Знание теоретических аспектов организации учебно-исследовательской деятельности учащихся недостаточное, эпизодические, или отсутствует.

Средний уровень готовности. Теоретические знания по организации учебно-исследовательской деятельности учащихся у учителя достаточные для их реализации, однако, присутствует ряд затруднений по определенным пунктам организации такой деятельности.

Высокий уровень готовности. Теоретические знания учителя по данной проблеме достаточны для организации учебно-исследовательской деятельности учащихся на высоком уровне. При организации такой деятельности затруднений у учителя практически не возникает.

Деятельностный компонент готовности учителя мы видим в готовности им применять, накопленные теоретические знания для реализации практических задач в своей педагогической деятельности в области учебно-исследовательской деятельности учащихся.

Для эффективной и успешной работы по организации ученического исследования, учитель должен уметь спланировать такое исследование в правильной логической последовательности. Такая последовательность должна включать все обязательные этапы исследования, в зависимости от его вида. В данном вопросе мы согласны с А.В. Леонтовичем [9]. Так, для проведения учебно-исследовательской деятельности в рамках проектно-исследовательской деятельности обязательными этапами исследования должны быть:

1. Определение объекта и предмета исследования;
2. Выбор и формулировка темы, обоснование ее актуальности;
3. Формулирование гипотезы исследования;
4. Формулирование целей и задач исследования;
5. Подготовка к проведению исследования (изучение литературы по теме, ознакомление с методами исследования);
6. Выработка собственного алгоритма проведения исследования;
7. Проведение исследования;
8. Обработка результатов исследования;
9. Формулирование выводов.

Для диагностики методически правильной реализации ученического исследования учителем, нами было разработано задание проблемного характера, требующее от учителя составления плана осуществления ученического исследования.

План включает десять обязательных этапов ученического исследования, которые учителю необходимо распределить в верной логической последовательности в соответствии с их реализацией на практике [9]. Данное задание позволило выявить наиболее часто встречающиеся ошибки в планировании и реализации ученического исследования.

Так же по нашему мнению, важным аспектом деятельностного компонента готовности учителя является его роль в качестве учителя-наставника, под руководством которого учащиеся принимают участие в различных конкурсах исследовательской направленности. Количественный показатель участия учащихся в конкурсах исследовательской направленности различных уровней сложности позволяет оценить уровень деятельности учителей по подготовке учащихся к таким конкурсам.

Уровень готовности учителя в соответствии с количественным показателем описан в табл. 2.

Таблица 2

Уровень готовности учителя к организации учебно-исследовательской деятельности учащихся с точки зрения его работы по подготовке учащихся к конкурсам исследовательской направленности

Уровень готовности	Результативность участия учащихся
Низкий	<ul style="list-style-type: none"> Подготовка 1-2 учащихся – победителей или призеров муниципального (городского) этапа конкурсов
Средний	<ul style="list-style-type: none"> Подготовка 1 учащегося – призера или победителя Республиканского этапа конкурсов. Работа 1 и более учащихся принята на конференцию Республиканского уровня, опубликована в сборнике материалов конференции.
Высокий	<ul style="list-style-type: none"> Подготовка 2 и более учащихся – призеров или победителей Республиканского этапа конкурсов; Подготовка 1 и более учащихся – призеров или победителей международного этапа конкурсов; Работа 1 и более учащихся принята на конференцию международного уровня, опубликована в сборнике материалов конференции, журналах.

Важным показателем деятельностного компонента готовности учителя является опыт по оцениванию им исследовательских работ учащихся. Оценивание такого рода работ является сложным и неоднозначным. Мы согласны с мнением О. В. Колясникова и Н. И. Морозовой [8] по данному вопросу. Учитель, имеющий большой опыт в таком роде деятельности может компетентно оценить работу учащегося без прописанных критериев. Однако по данным исследователей, экспертные оценки, выставленные без соблюдения критериев и с их соблюдением – хорошо соотносятся у учителей с большим опытом в данном направлении работы.

Критерии оценивания исследовательских работ учащихся по химии не могут быть связаны с тематикой работ, сложностью их выполнения. Оценке должна поддаваться не столько сама работа, а насколько учащийся овладел исследовательской формой деятельности в процессе ее выполнения. Насколько он развил в себе исследовательское поведение, поисковую активность, отраженную в своем ученическом исследовании.

Система оценки учебно-исследовательских работ как совокупность взаимосвязанных составляющих рассмотрена в [1]. Составляющими являются:

1. Уровень организации процесса учебно-исследовательской деятельности учащихся;
2. Уровень сформированности исследовательских навыков у учащихся;
3. Индивидуально-психологические особенности учащихся (наличие исследовательской позиции).

Анализ учителем отчета об исследовательской работе учащегося на предмет наличия ошибок позволил нам оценить компетентность учителя в данном вопросе, способность учителя «видеть» основные этапы ученического исследования посредством проверки отчета о проделанной работе. Оценивание данного задания производилось путем сопоставления с оценками, присвоенными отчетам экспертной группой учителей, имеющих большой опыт в организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по учебному предмету «химия» по разработанным критериям.

Низкий уровень готовности. Планирование учебно-исследовательской деятельности учащихся вызывает сложности, Нет (практически нет) опыта по оцениванию исследовательских работ учащихся. Участие учащихся в конкурсах исследовательской деятельности отсутствует или эпизодическое.

Средний уровень готовности. Планирование учебно-исследовательской деятельности учащихся вызывает затруднения в определенных моментах. Присутствует некоторый опыт по оцениванию исследовательских работ учащихся. Участие учащихся в конкурсах исследовательской деятельности регулярное на муниципальном и Республиканском этапах конкурсов.

Высокий уровень готовности. Планирование учебно-исследовательской деятельности у учителя не вызывает затруднений. Присутствует большой опыт по оцениванию исследовательских работ учащихся. Оценивание исследовательских работ не вызывает затруднений и является объективным. Участие учащихся в конкурсах исследовательской деятельности регулярное на муниципальном, Республиканском и международном этапах конкурсов

Рефлексивный компонент готовности мы видим в способности учителя анализировать свою деятельность и корректировать ошибочные действия, возникающие в ходе такой деятельности.

Диагностика рефлексивного компонента готовности нами проводилась при помощи адаптированной методики А.В. Карпова и В.В. Пономаревой [7].

Низкий уровень готовности. Учитель имеет слабую способность к выявлению ошибок в своей педагогической деятельности.

Средний уровень готовности. Учитель выявляет ошибки в своей деятельности, однако не может в полной мере применить эффективные способы и механизмы для их устранения.

Высокий уровень готовности. Учитель объективно анализирует свою деятельность, видит допущенные ошибки и предпринимает эффективные действия для их устранения.

Выводы. По нашему мнению, процесс формирования высокого уровня готовности учителя химии к организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по учебному предмету «химия» во многом зависит от качества образовательной деятельности, которую осуществляют организации системы ДПО. Так же важным аспектом формирования высокого уровня готовности является существенная вариативность форм повышения квалификации учителей.

Наиболее продуктивными методами обучения учителей в системе ДПО считают такие, которые стимулируют обучающихся учителей к активному усвоению образовательного материала. Усвоение образовательного материала в свою очередь

способствует повышению познавательной активности учителя, его мотивации к самосовершенствованию и развитию своего творческого потенциала [12].

Мы считаем, что подобранный нами диагностический инструментарий может быть использован для диагностики уровня готовности учителей химии по организации ими учебно-исследовательской деятельности учащихся в рамках учебного предмета «химия» и позволит определить проблемы готовности, требующие устранения. Также, при незначительной модификации инструментария, он может быть использован для диагностики уровня готовности учителей других предметов, входящих в предметную область «естествознание».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Важнова Е.Р. Система оценки качества исследовательской деятельности учащихся профильного лицея: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. – Йошкар-Ола. ГОУ ВПО «Марийский государственный университет», 2010. – 23 с.
2. Воропаева Е.Э. Структура и критерии готовности педагога к инновационной деятельности [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru-/article/view?id=13880>. Дата обращения: 14.04.2019.
3. Гусарова М.С. Копытова, А.В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности персонала вуза в рамках реализации кадровой стратегии / М.С.Гусарова, А.В. Копытова // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2014. – №4. – С. 14–22.
4. Иньков М.Е. Диагностика профессиональной компетентности учителя в условиях повышения квалификации: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. – Ростов-на-Дону. ГОУ ДПО «Ростовский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования», 2009. – 25 с.
5. Казакова М.А. Диагностика готовности субъектов образовательного процесса профессиональной переподготовки педагогических работников к профессиональному саморазвитию / М.А. Казакова // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2016. – № 3(19). – С. 123–128.
6. Калашникова С.В. Когнитивный компонент формирования готовности к профессиональной самореализации преподавателя ВУЗа МВД России / С.В. Калашникова // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – №2(57). – С. 15–18.
7. Карпов, А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2004. – 424 с.
8. Колясников О.В., Морозова Н.И. Опыт оценки эффективности исследовательской работы старшеклассников с использованием библиографической системы «Истина» // Естественнонаучное образование: проблемы оценки качества. Сборник / Под общей ред. проф. Г. В. Лисичкина. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – 248 с. (Методический ежегодник Химического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Том 14, 2018 год).
9. Леонтович, А.В., Саввичев, А.С. Исследовательская и проектная работа школьников. 5-11 классы. / Под ред. А.В. Леонтовича. – М.: ВАКО, 2014. – 160 с.
10. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии//Учебное пособие для педагогических вузов. – М.: Народное образование,1998. – С.130–193.
11. Слостенин, В.А. и др. Педагогика: Учебное пособие для студ. высш.пед.учеб.завед./ В.А.Слостенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; Под ред. В.А.Слостенина.–М.:Изд. центр "Академия", 2002.–576 с.
12. Юревич, С.Н. Методы и формы подготовки учителя к творчеству в процессе повышения квалификации / С.Н. Юревич // Научно-теоретический журнал. – 2011. – №1(6). – С. 61–68.

Поступила в редакцию 01.11.2019 г.

DIAGNOSTICS OF THE READINESS LEVEL OF CHEMISTRY TEACHERS FOR THE ORGANIZATION OF TRAINING AND RESEARCH ACTIVITIES OF STUDENTS IN THE EDUCATIONAL SUBJECT “CHEMISTRY”

Ye. Yu. Drobyshev

The article describes the diagnostic tools offered to diagnose the level of readiness of chemistry teachers to organize educational and research activities of students in the subject "chemistry". It is proposed that teachers be prepared for diagnostics of readiness by such components of readiness as: motivational, personal, cognitive,

active, reflective. For components, criteria, availability levels and diagnostic procedures are described. Diagnostics allows you to determine the level of readiness of teachers as: low, medium or high.

Key words: educational and research activities, teacher readiness, readiness diagnostics, diagnostic tools.

Дробышев Евгений Юрьевич

Муниципальное общеобразовательное учреждение
«Средняя школа № 4 города Макеевки»,
учитель химии.

E-mail: zhe-drobyshev@yandex.ru

Drobyshev Yevgeny Yuryevich

Municipal educational institution
"Secondary school No. 4 of Makeyevka",
chemistry teacher.

E-mail: zhe-drobyshev@yandex.ru

УДК 37.013

«ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ» КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

© 2019. *Е.М. Загороднова*

ОО ВПО «Донецкая академия транспорта»

В статье проведен анализ сущности и выявлены проблемы формирования понятия «Гражданская позиция». В сложившейся социально-политической ситуации идет девальвация ценностей у студенческой молодежи технических вузов, потеря им исторической памяти, ощущения долга перед Отечеством, поэтому процесс формирования гражданской позиции молодежи занимает важное место в развивающейся Донецкой Народной Республике.

Ключевые слова: гражданская позиция, патриотизм, аксиологический подход, общество.

Гражданская позиция личности в современном обществе является важнейшим показателем ее общественной и политической зрелости. Проблема формирования гражданской позиции личности является актуальной в современных условиях в связи с социально-экономическими преобразованиями в Донецкой Народной Республике. Формирование гражданской позиции студентов технических вузов – одна из актуальнейших задач процесса подготовки современного инженера.

Обучаясь в вузе, студент уже имеет право голоса и, таким образом, у него есть возможность выразить свою гражданскую позицию. Но зачастую студенты, недавние выпускники школ, не чувствуют себя частью общества, не знают, что такое гражданский долг, идея, патриотизм, гражданственность и т.д. Таким образом, студенты первых курсов оказываются социально пассивными членами общества.

В системе образования Донецкой Народной Республики сохраняются определённые проблемы в воспитании детей и учащейся молодежи – девальвация в современном социуме общечеловеческих ценностей, потеря им исторической памяти, ощущения долга перед Отечеством. В связи с этим необходима работа по восстановлению утраченной системы основополагающих для нашего народа источников нравственности, складывающейся из патриотизма, социальной солидарности, гражданственности, человечества.

Педагогические исследования последних лет показывают, что студенческая молодежь не готова к социализации. В связи с этим процесс формирования гражданской позиции молодежи занимает важное место в развивающейся Донецкой Народной Республике.

Цель данной работы – исследование основных этапов формирования и определение педагогического содержания категории «гражданская позиция».

В соответствии концепции развития непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Донецкой Народной Республики основные составляющие воспитания детей и учащейся молодежи в Донецкой Народной Республике: гражданское и патриотическое воспитание, направленное на формирование активной гражданской позиции, патриотизма, правовой, политической, информационной культуры, духовно-нравственное воспитание, направленное на приобщение к общечеловеческим и национальным ценностям.

По нашему мнению, главное условие успешного функционирования гражданского общества республики – это граждане с активной гражданской позицией.

Понятие «Гражданской позиции» в современной науке исследуется философами, психологами, педагогами. Философы Л.М. Архангельский, В.Т. Лисовский, О.А. Михалина раскрывают содержание понятия «Гражданская позиция», выделяя его ценностные аспекты с точки зрения проблемы социальной активности и ее роли в процессе гражданского становления [1–3]

В пределах задач педагогической науки изучением возможности гражданского образования и формирования гражданской позиции занимаются Т.В. Болотина, И.В. Суколенов и др. [4; 5]. А.В. Мудрик, В.А. Сластенин изучают влияние социальных и политических общественных факторов на формирование феномена гражданственности и др. [6; 7].

В образовательном процессе технические вузы должны давать каждому студенту возможность не только профессионального, а также культурного, нравственного, интеллектуального развития, поскольку именно в этот период жизни человек социализируется, выбирает жизненные ориентиры, прививаются нравственные ценности. Технические вузы должны помочь молодым специалистам преодолеть социальную неуверенность. Формирование гражданской позиции и патриотизма у учащейся молодежи напрямую связано с процессом становления и развития личности, что может быть достигнуто только на основе соблюдения морально-этических принципов, реализуемых в образовательном и воспитательном пространстве вуза. Проблема в воспитании студенчества это отсутствие единой технологии и методологии воспитательной работы, которая бы отвечала современным социально-экономическим, духовно-нравственным принципам общества.

В современном обществе происходят преобразования, и как никогда республика нуждается в гражданах с активной гражданской позицией, людей, которые смогут стать на защиту своей Родины.

В социально-педагогической литературе гражданская позиция понимается как наличие качеств у личности, соответствующих высоким нравственным принципам: честности, ответственности, чувства долга и др. Человеком со сформированной гражданской позицией считается личность, обладающая высокими нравственными качествами (Демокрит, В.А. Сухомлинский, Ю.П. Азаров, М.И. Шилова и др.). На разных этапах становления общества философы, педагоги, по-разному определяли сущность данного понятия. В целом же, принадлежность конкретного человека какому-либо народу диктовала ему определенные условия деятельности и поведения, определенные требования к его становлению в качестве гражданина. Человек принимал обязанности, которые он должен был выполнять по отношению к обществу, государству: быть активным и законопослушным.

Гражданская позиция личности рассматривается как сложное социально-педагогическое явление, которое выражается в осознании и оценке личностью своего положения в обществе, прав и обязанностей гражданина, в совокупности чувств и качеств личности. Педагогические исследования ориентированы на рассмотрение гражданской позиции как интегративного качества личности и базовой ценностной ориентации. З.Я. Капустина среди основных векторов формирования и развития гражданственности называет гражданскую позицию, гражданское патриотическое состояние личности [8, с. 48].

Таким образом, в педагогике гражданская позиция личности рассматривается как качество личности и как система отношений к окружающей действительности.

Изменения в обществе обострили целый ряд проблем, основной из которых является неготовность молодежи самостоятельно определять способы своей

социальной деятельности, выстраивать партнерские отношения в обществе. Деятельность учреждений высшего профессионального образования должна быть нацелена на создание максимально эффективной воспитывающей среды, которая не только способствует всестороннему развитию личности, но и увеличивает культуросообразность содержания высшего профессионального образования. Период обучения в вузе необходимо подчинить цели формирования активной гражданской позиции студенческой молодежи.

В современных же исследованиях в области психологии выделяют два подхода в определении понятия «гражданская позиция». Первый подход связан с определением данного понятия как интегративного качества личности, которое включает в себя патриотизм, политическую культуру, нравственность, законопослушность, трудолюбие и социальную активность. Второй – как различные аспекты отношений (нравственных, духовных, правовых и т. д.)

Согласно Н.Н. Перепича формирование гражданской позиции студентов базируется на следующих подходах: аксиологическом – определяемым воспитанием общегосударственных ценностей, социокультурном – определяемым воспитанием в рамках отечественной культуры, культурных условий обучения студента, нормативном – определяемым влиянием реализации нормативно-правовой базы формирования гражданской позиции студентов, средовом – определяемым вовлеченностью студентов в педагогический процесс технического ВУЗа, выполняющий государственный заказ на подготовку высококвалифицированных специалистов с сформированной гражданской позицией [9, с. 86–87].

Гражданская позиция личности, как определяет Е.Е. Болотина: «сформированность определенной системы отношений к самому себе как гражданину, а так же к праву, гражданскому обществу и другим людям» [10, с. 125].

Е. А. Казаева рассматривает понятие «Гражданская позиция» как «интегративное качество личности, которое включает в себя комплекс знаний, ценности, направленности качества личности, отражающее социально обусловленное отношение личности к своей стране, гражданскому обществу и самому себе, которое предполагает сознательные реальные действия (поступки) в отношении окружающего в личном и общественном плане» [11, с. 45].

Предпринятый педагогический анализ показал, что современное состояние проблемы воспитания гражданина и формирования гражданской позиции имеет глубокие корни, постоянно развивается, ставя перед обществом новые задачи.

В современной педагогической науке нет единого подхода к определению понятия «гражданская позиция». В соответствии с нашими задачами мы обратились к определению «гражданской позиции» к психолого-педагогической литературе. В исследованиях Т.М. Абрамян мы выявили, что гражданская позиция – важнейшая составная структуры личности, по сути, она представляет собой совокупность действий, способов поведения, осознание и принятие на себя личностью ответственности [12, с. 95].

П.А. Баранов рассматривает гражданскую позицию как доминантную сферу личностной характеристики, определяющую смысл, направленность поступков, сопричастность личности к судьбе Отечества, к процессу в целом [13, с. 14].

По мнению Н.П. Капустина [8, с. 105], гражданская позиция – комплекс качеств личности, включающих социальную активность, следование Закону, доминирование мотивов общественного долга.

Г.Н. Филонов утверждает, что гражданская позиция – это принятие общечеловеческих нравственных ценностей, это гуманизм взаимоотношений людей,

это проявление достоинства, которое утверждается личностью в общении с другими людьми, на основе взаимного уважения и признания самобытности каждого. Она, по его мнению, – комплекс субъективных качеств личности, проявляющихся в деятельности и отношениях человека, включая сферы труда, семейно-бытовых, межнациональных и межличностных отношений [14, с. 47].

А.М. Шаленов придерживается точки зрения, что гражданская позиция – это различные аспекты отношений – духовных, трудовых, нравственных и др. [15, с. 18].

Таким образом, анализ литературы показывает, что общество на всех ступенях своего развития заботилось о формировании человека со зрелой гражданской позицией – нравственной личности, способной приносить пользу государству, соблюдать правила совместного общежития, трудиться на благо общества, защищать в случае необходимости его от врагов.

Т.А. Мирошина выделяет следующие элементы гражданской позиции: когнитивный, эмоциональный, волевой и деятельностный [16, с. 110].

С точки зрения И.Л. Гуляевой понятие «гражданская позиция» выражает политические, нравственные права и обязанности граждан по отношению к своему государству и предполагает сознательное и ответственное отношение личности к обществу [17, с. 504].

Гражданская позиция является отражением всего многообразия общественной жизни личности и оказывает решающее влияние на утверждение социального статуса гражданина. Уровень гражданской позиции педагогов во многом определяет общекультурный уровень развития личности и, как следствие, нормальное функционирование гражданского общества и государства в целом

Под формированием гражданской позиции Т.А. Мирошина, понимает «целенаправленный и сознательно осуществляемый педагогический процесс взаимодействия педагогов и студентов по овладению политическими, историческими, экономическими, экологическими, психолого-педагогическими и другими знаниями и приобретением гражданского опыта в социально значимой деятельности, необходимыми для самореализации личности в обществе, при направляющей деятельности педагогов» [16, с. 114]. Сформированность гражданской позиции проявляется в: гражданском сознании, чувствах, поведении, активности, которые выражаются в активном участии личности в общественной жизни страны, города, института, осознании прав и обязанностей. В формировании гражданской позиции выделяют следующие этапы: формирование гражданского сознания, убеждений и поведения. На этапе формирования гражданского сознания идет процесс усвоения личностью политических, экономических, исторических и других знаний, необходимых для гражданской жизни, знаний об основных гражданских правах и обязанностях. На этапе формирования гражданских убеждений личности, знания приобретают силу глубоких внутренних мотивов и стимулов действия, происходит перевод гражданских знаний в убеждения, которые являются осознанной потребностью личности, побуждающей ее действовать в соответствии со своими ценностными ориентациями, а поступки – осознанными и обоснованными.

Гражданское поведение является результатом формирования гражданской позиции личности и зависит не только от внешних воздействий, но и от внутренней работы личности, осмысления и переживания своих поступков и их последствий. Гражданское поведение выражается в гражданской активности: деятельное отношение личности к миру; умение пользоваться знанием своих прав; привычка добросовестно и творчески выполнять обязанности гражданина республики; готовность к участию

в управлении общественной и политической жизнью государства; умение ориентироваться в сложных современных условиях; готовность и умение на практике отстаивать свои убеждения.

Е.Е. Болотина делает вывод, что процесс становления гражданской позиции личности включает содержательный компонент: функции, основные направления и содержание деятельности.

В качестве основных показателей становления гражданской позиции личности в образовательном учреждении автором приняты: «отношенческий, поведенческий, рефлексивный и деятельностный компоненты, а так же их выраженность у личности и их устойчивые проявления» [10, с. 126].

В педагогической теории и практике существуют различные подходы к решению проблемы формирования гражданской позиции студента технического вуза в период обучения в вузе и в процессе профессиональной деятельности, которые исследовались М.Т. Громковой, В.Д. Семеновым, В.А. Сухомлинским и др. Обращаясь к проблеме формирования гражданской позиции, Ю.П. Азаров [18, с. 448] утверждает, что энергия и гражданская заинтересованность в судьбе детей – наилучший метод воспитания. В основе деятельности преподавателя вуза должен лежать гражданский мотив: преподаватель должен жить тревогами народа, знать и любить его историю, заботиться о приумножении духовного богатства учительства. Стержень учительства – гражданственность и гуманизм, Ю.П. Азаров.

В различных образовательных учреждениях гражданское воспитание осуществляется в рамках патриотического воспитания, изучения курса «Обществознание», анализируются понятия «гражданин», «гражданская позиция», «активная гражданская позиция» и т.д.

В современных условиях значимым гражданским качеством является способность к критике социального поведения, которое проявляется в готовности противостоять проявлениям асоциального поведения. С.В. Миллер, Е.В. Крутых понимают под гражданской ответственностью, «интегративную характеристику личности, понятие, которое характеризует гражданско-патриотическую позицию личности, ее ценностную ориентацию на ответственность за судьбу своей Родины, сопричастность с ее судьбой» [19, с. 185]. Воспитание гражданской ответственности предполагает активную гражданскую позицию, гражданское самоопределение, осознание внутренней свободы и ответственности за свой политический и моральный выбор. С точки зрения И.Л. Гуляевой гражданская позиция формируется в рамках общей позиции личности в результате взросления личности, она занимает ведущее место в ее структуре. Данная структура характеризует личность с точки зрения ее отношений с окружающей действительности. Формирование гражданской позиции личности осуществляется в пределах процесса самоопределения личности и по содержанию совпадает с ним, включая познавательную составляющую (усвоение социального опыта, материальной и духовной культуры общества) и деятельностно-практическую (включение личности в общественно полезную деятельность). Психолого-педагогические предпосылки являются необходимым условием формирования гражданской позиции личности. Рассмотрим данные предпосылки: наличие знаний о существующем мире, обществе и самой личности; освоение форм общественных отношений в процессе общественно полезной деятельности; накопление личностью опыта человеческого общения, что требует продуманного ее включения во взаимодействие с окружающими. Формирование гражданской позиции предполагает целостное восприятие личностью мира, и себя в нем. В процессе формирования

гражданской позиции выделяется движущая сила ее формирования – противоречие между знаниями и социальным опытом личности. Основой данной связи является жизненный опыт личности, развитие которого происходит через жизненный опыт личности. Накопление личностью социального опыта обеспечивает базу для проявления себя как личности во взаимодействии с окружающей действительностью, для проявления гражданской позиции.

В основе историко-педагогического анализа понятия «Гражданская позиция» безусловно стоит аксиологический подход, так как на каждом этапе развития государства присутствовал свой набор базовых ценностей связанный с соответствующим на тот момент мировоззрением. Аксиологический подход в воспитании утверждает человека как носителя базовых национальных ценностей, как высшую ценность, как субъекта, способного к организации своей деятельности в мире на основе духовных идеалов, нравственных установок и моральных норм. Значимую ценность представляет собой и идея гармонично развитой личности, связанная с идеей справедливого общества, способного реально обеспечить каждому человеку условия для максимальной реализации заложенных в нем возможностей. Эта идея определяет ценностные ориентации культуры и ориентирует личность в истории, обществе, деятельности. Основными средствами формирования гражданской позиции у студентов выступает их самостоятельная деятельность по направлениям, связанным формированием их гражданской позиции, и рефлексия собственных душевных состояний сознания, а методологической базой настоящего исследования мы определили аксиологический подход и следующие принципы, которые данный подход определяет:

- 1) Опора на нравственные и патриотические качества студента;
- 2) Возможность прямого обращения к ценностно-смысловой сфере студентов через организацию специальной ценностно-ориентационной деятельности гражданского содержания;
- 3) Вооружение учащихся приемами установления социальной и личной значимости гражданских ценностей;
- 4) Формирование гражданской рефлексии в ходе ценностно-диалогового взаимодействия всех субъектов образовательного процесса;
- 5) Взаимодействие со всеми участниками педагогического процесса (общественными и политическими объединениями патриотической направленности, объединениями верующих традиционных религий).

Проанализировав многообразие точек зрения существующих в философии, социологии, психологии, педагогике в отношении понятия «Гражданская позиция» и исходя из представлений о ней как об одном из видов целостной позиции личности, мы полагаем, что проблема формирования гражданской позиции студентов технических ВУЗов, нуждается в полном подробном анализе, поскольку в научном сообществе отсутствует единая позиция по поводу содержания понятия «Гражданской позиция». Предлагаем понимать под «Гражданской позицией» студентов технических ВУЗов интегративное качество личности, в котором отражаются ее представления о социальном идеале общества, государстве, являющиеся ориентиром ее гражданского поведения в профессиональной деятельности, осознание человеком своей принадлежности к числу граждан определённого государства, предполагающее наличие у него высокого уровня политической и правовой культуры, достаточного аксиологического потенциала, стремления к регулярному проявлению гражданской активности в обществе. В качестве методологической базы исследования мы опираемся

на аксиологический подход, получивший обоснование в трудах М.Г. Казакиной, А.В. Кирьяковой, И.С. Ломакиной, З.И.Равкина, В.А. Слостёнина, В.П. Тугаринова. Тем более существует мнение о том, что «через анализ ценностей можно отчётливо увидеть изменения, происходящие в культуре и личностив ответ на исторические и социальные перемены» [7, с. 45], которое подтверждает необходимость исследования возможностей реализации аксиологического подхода в нашей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский Л.М. Ценностные ориентации и нравственное развитие личности / Л.М.Архангельский. – М., 1982. – 359 с.
2. Лисовский В.Т. Социология молодежи / В.Т.Лисовский. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 361 с.
3. Михалина О.А. Гражданское образование как проблема социальной философии: автореф. дисс...канд. филос. наук / Михалина Оксана Александровна. – Новосибирск, 2004. – 28 с.
4. Болотина Т.В., Новикова Т.Г. Ключевые стратегии развития гражданско-патриотического образования в России // Народное образование. – 2012. – № 8. – С. 100–108.
5. Суколенов И.В. Теория и практика патриотического воспитания учащихся в современных условиях / И.В. Суколенов; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию. – Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2006. – 177 с.
6. Мудрик А. В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Слостенина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 200 с.
7. Слостенин В.А. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А.Слостенин. – 6-е изд. – Москва: Издательский центр «Академия», 2007. – 480 с.
8. Капустина З.Я. Воспитание гражданственности в условиях обновляющейся России // Педагогика. – 2003. – № 9. – С. 45–50.
9. Перепеча Н.Н. Условия формирования у студентов гражданской позиции / Н.Н. Перепеча // Вестник университета (ГУУ). – 2010. – № 17. – С. 86–87.
10. Болотина Е.Е. Модель становления гражданской позиции подростка в воспитательной среде школы / Е.Е. Болотина. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2009. – Т. 15. – С. 123–127.
11. Казаева Е.А. Педагогическая концепция развития гражданской позиции будущего учителя: автореф. дисс. ...док. пед. наук. / Казаева Евгения Анатольевна. – Челябинск, 2010. – 41 с.
12. Абрамян Т.М. Подготовка будущего учителя к гражданскому воспитанию подростков: дисс. ... канд. пед. наук / Абрамян Татьяна Михайловна. – М., 1991. – 185 с.
13. Баранов П.А. Современный гуманизм и гражданская позиция личности // Гражданское образование: материалы международного семинара. – СПб., 1997. – С. 10–20.
14. Филонов Г.Н. Феномен гражданственности в структуре личностного развития / Г.Н.Филонов // Педагогика. – 2002. – С. 24–29.
15. Шаленов А. М. Проблема воспитания гражданственности школьников в советской педагогике 70–80 гг.: автореф. ... канд. пед. наук. / Шаленов Аргин Миргенович. – М., 1991. – 18 с.
16. Мирошина Т.А. Формирование гражданской позиции студентов ВУЗа как социально-педагогическая проблема / Т.А. Мирошина, Т.Б. Игонина. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (58), Т. 1. – С. 110–114.
17. Гуляева И.Л. Гражданином быть обязан: формирование гражданской позиции личности / И.Л. Гуляева // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / [Сост. С. А. Тихомиров.]. – Вологда: Книжное наследие, 2007. – 686 с.
18. Азаров Ю. П. Семейная педагогика / Ю.П. Азаров. – С.-Пб: Питер, 2011. – 395 с.
19. Корниенко Е.Р. Новиков Н.И. и формирование гражданской позиции школьников средствами гуманитарного образования / Е.Р. Корниенко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 65. – С. 408–414.
20. Миллер С.В. Особенности формирования гражданской ответственности учащейся молодежи / С.В. Миллер, Е.В. Крутых. // Современные наукоемкие технологии. – 2013. № 7 (2). – С. 185–187.

Поступила в редакцию 10.09.2019 г.

“CIVIL POSITION” AS A PEDAGOGICAL CATEGORY

E.M. Zagorodnova

The article analyzes the essence and identified problems of formation of the concept of “civil position”. In the current sociopolitical situation, the values of students of technical universities are devaluing, they are losing their historical memory, and a sense of duty to the Fatherland, therefore, the process of creating a “Civic Position” of young people occupies an important place in the developing Donetsk People's Republic.

Key words: civic position, patriotism, axiological approach, society.

Загороднова Елена Михайловна

ОО ВПО «Донецкая академия транспорта»,
Заведующая кафедрой языка и социальные
дисциплины факультета автомобильный транспорт
и транспортные технологии.
E-mail: zagorodnova.elena@mail.ru

Zagorodnova Elena Mikhailovna

EO НРР "Donetsk Academy of Transport",
The head of the department languages and social
disciplines of the faculty automobile transport and
transport technologies
E-mail: zagorodnova.elena@mail.ru

УДК 796.011.3–057.87

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ

© 2019. *И.П. Зенченков*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье проводится теоретический обзор проблемы формирования духовности как составляющей физической культуры личности. Формирование духовности в системе непрерывного процесса образования будущего специалиста осуществляется среди молодых людей студенческого возраста. Студенческий возраст является сензитивным периодом по формированию духовности и духовного потенциала. В связи с этим на первый план выступает система образования, от которой зависит осуществление подготовки будущего профессионала. В этой системе, подготовленный профессионал должен быть готов и способен к самореализации и самовыражению с помощью профессионального обучения культурным, общечеловеческим и духовным ценностям

Ключевые слова: физическая культура личности, духовность, сензитивный, формирование.

Во время становления и утверждения Донецкой Народной Республики, происходят коренные, глубинные преобразования, которые направлены на изменения не только в политической и экономической системы, но и на изменения ценностной системы общества, с ориентацией на формирование и развитие человека. В переходных условиях сложилась ситуация, когда у человека возникает положение свободного выбора, требующего от него дальнейшего решения в отношении не только выживания и существования, но и относительно смысла жизни, её цели, понимания, осознания духовной сущности своего бытия и других людей. Важно при этом учитывать, что какие бы изменения в обществе или преобразования, не происходили бы, все они не найдут понимания и поддержки со стороны человека до тех пор, пока они не будут подкреплены в виде фундамента в его внутреннем духовном мире и не станут основополагающими в культурной жизни общества, системах образования и ценностях людей. Дальнейшее существование, формирование и развитие людей в обществе без духовной основы будет проходить в направлении потребления и приложения к современным технологиям. В настоящее время человек теряет возможность дальнейшего формирования и развития в виде творческого субъекта деятельности, который бы шёл по пути созидания, повышая свой духовный уровень и увеличивая свой духовный потенциал.

Формирование и развитие человека по пути личностного роста с духовным потенциалом остаётся и в перспективе будет оставаться актуальным вопросом. Это, с одной стороны, идёт в согласии с ориентацией и распространения во всём мире основных свобод и уважения прав человека, достоинства, солидарности и полноценного развития человека. С другой стороны, это происходит в противовес распространению западной идеологии и распространяю ценностей, противоречащих природной и человеческой сущности людей. Вследствие противостояния происходит торможение и осложнение процесса духовного возрождения.

Актуальность проблемы формирования духовности личности также повышается в связи с тем, что в обществе увеличивается тенденция в направлении увеличения антигуманного, антиинтеллектуального движения. Поэтому формирование и развитие духовности способствует не только увеличению роста человечности у каждого

отдельного человека, но, и повышает, и обогащает духовность, и духовный потенциал общества в целом, что отражается во всех сферах человеческой деятельности, особенно в сфере образования. Это объясняется тем, что в образовательных учреждениях, где происходит процесс обучения и воспитания, формируется, а в последующем и развивается, духовность и духовный потенциал будущего специалиста. Будущий специалист, формируя свою духовную сферу и увеличивая духовный потенциал познаёт и берёт духовные ценности, расширяет личный духовный опыт. Этот процесс не является односторонним, поскольку будущий специалист в этом процессе обновляет сферу духовности учебного учреждения и общества, поскольку он взаимный, т.е. осуществляется и отдача со стороны будущего специалиста. В этом процессе личность, являющаяся гармонически сформированной и целостной, сможет достичь той степени социокультурного развития, которая поможет оказаться в пространстве культуры, а также выйти за границы исследованного, освоенного, созданного, что характеризует высокий профессионализм, личностный рост.

Цель: провести теоретический обзор проблемы формирования духовности и духовных ценностей у студенческой молодёжи.

Задачи:

1. Определить роль образовательных учреждений в формировании духовности и духовных ценностей у студенческой молодёжи.
2. Теоретически рассмотреть студенческий возраст как сензитивный в формировании духовности и духовных ценностей.

Наши взгляды, касающиеся формирования духовности и духовных ценностей совпадают с взглядами исследователя Н.А. Коваль, которая в свою очередь также основывается на других исследователей. Она рассматривает процесс формирования духовности относительно трёх моментов, которые являются важными для нашего исследования: возраст студентов как сензитивный возраст формирования и развития духовности, духовных ценностей; рассмотрение студента как субъекта учебной деятельности; студенчество как социальная категория [8].

Формирование физической культуры личности будущего учителя в непрерывной системе в процессе образования будет более эффективным если учитывать студенческий возраст как особый возраст формирования духовной составляющей физической культуры личности. В непрерывной системе образования студентами могут быть учащиеся педагогических колледжей и училищ, техникумов и ВУЗов. Мы рассматриваем возраст от пятнадцати до двадцати трёх лет – период юношества.

Учащиеся педагогических колледжей и училищ, техникумов и ВУЗов представляют собой потенциал интеллигенции. Будущие специалисты в процессе непрерывной подготовки проходят качественный отбор с устоявшейся определённой в будущей педагогической профессии. Они в стенах учебных заведений получают комплекс основополагающих знаний, практические навыки и умения, а также проходят этапы становления личности, с формирующейся и развивающейся духовно-нравственной системой, и системой мировоззрения. В этом и состоит социальное предназначение учебных заведений, поскольку через систему образовательной и профессиональной подготовки общество соблюдает условия для дальнейшего своего жизнеобеспечения. При соблюдении условий выполнения социальных задач системы образования реализуется передача культурных, общечеловеческих и духовных ценностей при обучении учащихся в профессиональных учебных заведениях. В этой системе человек усваивает условия и правила самоконтроля для нахождения в социуме. Общество устанавливает свою систему для подготовки будущих профессионалов. Перед подрастающим поколением ставится

задача, заключающаяся в том, чтобы в своей будущей профессиональной деятельности найти применение и в последующем реализовать свои знания, умения, навыки и накопленный духовный потенциал. Задача непрерывной системы образования состоит в том, чтобы осуществить подготовку будущего профессионала к самореализации и самовыражения с помощью профессионального обучения культурным, общечеловеческим и духовным ценностям.

Система образования, появившаяся в процессе развития общества, существовала и продолжит своё дальнейшее существование при условии сохранения надёжной связи поколений, а также при переходе культуры от одного поколения к другому. В процессе развития общества возникают новые цели и задачи, функций системы образования и воспитания последующего поколения. Поэтому в периоды переходов от одних социально-экономических и политических условиях к другим, когда происходят реформы образования, акцентируется внимание на молодёжь, её стремлениях, потребностях, духовном состоянии и ценностях.

В настоящее время духовная жизнь общества не имеет однозначной оценки на происходящую жизнь, к ориентации подрастающего поколения независимости и самостоятельности, поиска смысла жизни и соответствующих целей и задач. Формирование и развитие духовности и духовных ценностей молодёжи происходит в процессе нестабильной политической и идеологической обстановки, роста в деятельности свободы, увеличение резерва для духовного и общественного утверждения, активности и творчества, самостоятельности. К этим обстоятельствам добавляется условия, которые диктует рынок труда, определяющий спрос, профессиональную занятость, конкуренцию и безработицу. Эти условия оказывают влияние на молодёжь в отношении выбора будущего вуза, для получения будущей профессии и подходящих для себя форм обучения. Всё это отражается профессионализме будущих выпускников, снижением профессиональной гордости и чести, обесцениванием научной и исследовательской деятельности. На фоне этого снижается ценность знания, престиж образования.

Среди студенческой молодёжи присутствует разноплановый духовный мир. Это отражается на увеличении противоположности и противоречивости культурных ценностей, формирования и развития духовности молодёжи. У подрастающего поколения всё чаще встречается проявление отсутствия духовности, например, отсутствие патриотизма, пренебрежение социальными нормами существования в обществе, отказ от опыта предыдущих поколений, снижение роли образования и отношение к нему с позиции потребления, увеличение значимости материального потребления, поиск возможностей быстрого обогащения, нарушение законов и вхождение в преступную деятельность и т.д. Кроме этого возрастает количество молодых людей, которые находятся в неуверенности и в беспомощности от происходящего, проявляют равнодушие к окружающим событиям или стараются приспособиться и находиться в пассивном наблюдении. Однако, с другой стороны, увеличивается тенденция по пути появления новых взглядов и интересов, основой которых являются общечеловеческие и культурные ценности, способствующих сохранению и укреплению преемственности поколений [6, 8].

Открытость общества, открытое проявление различных взглядов, в том числе и идеологических, изменяют представления о реальной действительности, о значимости деятельности человека и о его целях жизни. Всё это свидетельствует об увеличении влияния существующих социально-психологических движущих сил и тенденций на поведение, деятельность и жизнь молодёжи. Происходящие изменения имеют новый характер для общества с ориентацией на общечеловеческие ценности. Новые

изменения во многом обозначены в направлении значимости и ценности каждой отдельной личности и её свободы. Понимание и осознание духовности и духовных ценностей, направленность на общие ценности каждого человека будут содействовать благоприятному исходу в профессиональной подготовке будущих учителей. Поэтому духовный мир будущего учителя необходимо тщательно рассматривать и принимать во внимание не только в отношении настоящего времени, но и с учётом будущего.

Рассмотрим подробно процесс духовного становления и развития личности учащегося среднего педагогического заведения или специализированные классы и учащегося высшего педагогического учебного заведения.

Во всех учебных заведениях в системе непрерывного профессионального образования учёба является ведущим видом деятельности, которая определяет смысл получения образования. Под влиянием учёбы находятся все области формирования и развития личности учащегося. Поэтому учёба формирует профессиональное самоопределение, самовыражение, самореализацию, то есть именно учебная деятельность вмещает в себя эстетическую, нравственную и познавательную области духовности. Таким образом, формирование и развитие духовной составляющей физической культуры личности будущего учителя в процессе непрерывного профессионального образования будет проходить под влиянием учебной деятельности. Учебная деятельность даёт возможность самореализации, самовыражения и самоопределения личности во всех областях духовности. Однако, наиболее преимущественная область остаётся познавательная.

Учащиеся средних и высших педагогических профессиональных заведений (от 15 и до 23 лет) входят в период юности. Согласно исследованиям Б.Г. Ананьева, это возраст представляет собой особый период для социального развития личности. Именно в этом возрасте происходит интенсивное формирование и развитие личности как гражданина, как активного социального деятеля. В этот период происходит сосредоточение и познание, формирование и развитие социальных свойств и функций, а также формирование профессиональных качеств [1].

В этом возрасте молодым людям свойственна активность в деятельности, познавательные процессы характеризуются повышенными свойствами, а именно: переключение и устойчивость внимания; развитая память; продуктивное мышление, способное к подробному анализу и синтезу, проводить обобщение и абстракцию. Молодые люди, находясь в этом периоде приобщаются и усваивают познавательные, эстетические и нравственные ценности. Одним из важных изменений, которых происходит в этом возрасте, является то, что происходит становление личности и характер приходит в устойчивое состояние [1, 8].

С.И. Архангельский отмечал, что в современное время молодёжь является наиболее информирована как на научном, так и общекультурном плане, она в своём стремлении активно ищет возможность самореализации и творческого выражения, проявляет живой и энергичный интерес ко всему новому и прогрессивному [3]. Исследователь Н.И. Коваль отмечает, что поскольку в этом возрасте происходит выражение черт личности, то этот возраст является «сензитивным» для формирования духовности и духовных ценностей [8]. Отметим, что для нашего исследования это является важным, поскольку для формирования физической культуры личности необходимо развитие духовной составляющей.

Далее Н.И. Коваль отмечает, что этот период является сензитивным по формированию духовности и духовных ценностей ещё и потому, что в этом возрасте молодой человек начинает принимать те решения, которые в дальнейшем определяют его жизненный путь, ориентацию на самореализацию в профессиональной

деятельности. Выбор жизненного пути и самореализация личности учащегося в первую очередь зависят от сформированной духовности, которая в дальнейшем является маяком последующего духовного и профессионального развития [8].

Согласно данным Б.Г. Ананьева в этот период возрастного развития происходит как увеличение, так и уменьшение психофизиологических функций. Это отражается на том, что у человека происходит непостоянство и нет устойчивости в мнении, взглядах, позиции. Поэтому это увеличивает актуальность становления и развития личности в период профессиональной подготовки. Сформированная духовность личности позволяет дальше гармонично и целостно развиваться как в личностном, так и в профессиональном плане [1].

Немецкий учёный Э. Шпрагнер выражал мнение, что происходящие психофизиологические процессы у молодых людей, способствуют духовному развитию и последующему духовному становлению. Этот возраст он считал, как период больших потрясений, подвижных и гибких внутренних процессов, и состояний, а вследствие этого – постоянные стремления к достижению признания и уважения окружающих. Для молодых людей важно приобретение авторитета и расположенность к самоанализу. Учёный указывает три основные положения, которые свойственны для этого возраста.

К первому он относит то, что в этом возрасте люди открывают для себя самого себя, то есть своё «Я». Это «Я» отдельно от окружающего мира, поэтому возникает ощущение одиночества, а иногда отчаяния.

Ко второму положению он относит построение на будущее планов в дальнейшей жизни и пути достижения их.

В третьем положении он указывает на вхождение в жизнь, к её областям: политической, нравственной, религиозной, хозяйственной и к другим [10].

В понимании учёного Г. Реймплен, молодость представляет собой своеобразный путь от одного психического развития к другому. При этом во время пути душевного развития происходит смягчение структуры души. Он считал, что происходит развал предыдущего душевного состояния, который выражается в повышенном подвижном поведении, при контакте с окружающим миром возникает чувство неуверенности [10].

Э. Эриксон считал, что в период зрелой юности возникают чувства, которые способствуют самоутверждению личности в стремлении быть не таким как остальные, индивидуальности и идентичности. По его мнению, во время процесса идентификации происходит интегрирование предыдущего опыта человека, его скрытых возможностей и ориентиров, к которым он должен стремиться. Если же человек не способен к идентификации, то это может привести к неустойчивости «Я», её расплывчатости и неопределённости. Как правило это выражается в увеличении игровых ролей, при чём, ни одна из них не усваивается окончательно и в полной мере. Эти роли касаются различных областей: учебной, профессиональной, социальной и многих других [10].

В своих работах Д.Б. Бромлей, считал, что вхождение в зрелую юность выражается с установлением духовной, политической, а также экономической независимости от родительской заботы. Также английский психолог выражает предостережение в том, что эта независимость опасна для молодых людей, которые неустойчивы в своём мировоззрении, не имеющих твёрдых убеждений и выбранных жизненных ориентиров. В этом случае независимость и самостоятельной становится зависима от меняющихся влечений и настроений, от происходящих в окружающем мире негативных обстоятельств [10].

В отечественной науке данный возраст изучается не с позиции человека в социализации, а в основном в системе общественно производственной деятельности [4; 5].

И.С. Кон считает, что на этапе поздней юности у молодых людей происходит выбор профессиональных ролей и труд становится ведущим видом деятельности. Поэтому, образование на этом этапе развития для молодых людей является профессиональным или специальным. Далее он считает, что сама учёба для студентов является как трудовая деятельность [9].

С.И. Никонникова убеждена в том, что на период студенчества, с 17 до 25 лет, молодые люди находятся в переходном положении между взрослостью и юношеством. В большей степени это касается психофизиологических характеристик и социальных отношений. В этом возрасте происходит самоутверждение как взрослого и самостоятельного, индивидуального человека. Построение будущих планов на жизнь происходит во взаимосвязи овладения профессией и планированием созданием будущей семьи. В этот период возникают первые трудности, которые могут повлиять на дальнейшую жизнь, поскольку начальные этапы самостоятельности происходят в неуверенности при ещё не совсем сформированном и устоявшемся мировоззрением. Раннее создание семьи с одной стороны могут усиливать неуверенность в жизни, но с другой стороны, появляется ответственность перед созданной семьёй [7].

В работах многих авторов, при различных подходах, приводится одна общая мысль, подчёркивающая происходящие изменения в этом возрасте. Эти изменения касаются самоопределения как в личностном, так и в социальном плане. В этом возрасте свойственно поиск личных путей для самореализации и самовыражения, способствующие для создания дальнейшей ориентации для определения и создания своего места как в обществе, так и в личной жизни. Это разделяет не только целый комплекс различных интересов и возможностей в познавательном плане, без которых невозможно определение будущей профессиональной деятельности, но и способствует развитию объединяющих процессов самосознания, утверждение личной жизненной позиции и мировоззрения.

Периоду студенчества, согласно большинства учёных, присуще повышенная работоспособность и продуктивность, способствующая дальнейшему личностному развитию. Так, В.Т. Лисовский считает, что для наиболее активных студентов характерно проявление творчества при обучении и их стремление в заинтересованности к научно-исследовательской работе. Находясь в коллективе, большинство активны в общественной работе вуза и тем самым влияют и на других студентов создавая благоприятный социально-психологический климат [11].

Завершённые процессы физического созревания, а также процесс овладение разнообразных видов ролей создают мощную основу повышенной работоспособности. Это увеличивает возможности понимания и ощущения окружающего мира, что также изменяет в направлении дальнейшего развития интеллекта и познавательных процессов. Происходящие изменения в интеллекте и в психофизиологических процессах свойственны для людей, находящихся в этом возрастном периоде развития. Однако при организованном обучении в высшем учебном заведении у молодых людей увеличивается возможность более интенсивного развития этих процессов. Так, Б.Г. Ананьев подчёркивает, что для молодых людей, находящихся в студенческом возрасте и обучающихся в вузе, улучшается ситуация для интеллектуального и личностного развития [2].

Выводы.

1. Теоретический анализ показал, что система образования, появившаяся в процессе развития общества, существовала и продолжит своё дальнейшее существование при условии сохранения надёжной связи поколений, а также при переходе культуры от одного поколения к другому. При этом роль системы

образования состоит в том, чтобы осуществить подготовку будущего профессионала к самореализации и самовыражения с помощью профессионального обучения культурным, общечеловеческим и духовным ценностям.

2. Обзор научной литературы показал, что у молодых людей, находящихся в студенческом возрасте, осуществляется максимально интенсивно процесс освоения, сохранения, накопления, регулирования, контроля поступающих знаний, для будущей профессиональной деятельности. Этот фактор свидетельствует о принципиальном значении для формирования духовной составляющей физической культуры личности будущего учителя в процессе профессиональной подготовки.

Перспективы последующих исследований ориентированы на исследование проблемы основы духовной составляющей в физической культуре личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. В 2-х т. Т.1. – М.: Педагогика, 1980. – 232 с.
2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – М.: Наука, 1997. – 380 с.
3. Архангельский С.И. Учебный прогресс в высшей школе: его закономерности, основы и методы / С.И. Архангельский. – М.: Высшая школа, 1980. – 368 с.
4. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – М.: Прогресс, 1986. – 422 с.
5. Бовкун В.В. Образ жизни советской молодёжи: тенденции, проблемы, перспективы / В.В. Бовкун. – М.: Высшая школа, 1988. – 144 с.
6. Добрынина В.И. Студенчество 90-х: новые тенденции и старые традиции / В.И. Добрынина, Т.Н. Кухтевич. – Вып. 1. – М.: НИИВО, 1993. – 68 с.
7. Духовная культура развитого социализма и личность: Сб. статей / Науч. ред. С. Н. Иконникова. – Л.: ЛГИК, 1980. – 152 с.
8. Коваль Н.А. Духовность в системе профессионального становления специалиста : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / Коваль Нина Александровна. – М., 1997. – 464 с.
9. Кон И.С. Психология старшеклассника: Пособие для учителей / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1980. – 192 с.
10. Критика буржуазных теорий молодёжи / общ. ред. Б.К. Лисин. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 264 с.
11. Лисовский В.Т. Советское студенчество: Социологические очерки / В.Т. Лисовский. – М.: Высшая школа, 1990. – 302 с.

Поступила в редакцию 10.09.2019 г.

FORMATION OF SPIRITUAL COMPONENT OF PHYSICAL CULTURE OF THE PERSONALITY AT STUDENTS

I.P. Zenchenkov

The article provides a theoretical review of the problem of formation of spirituality as a component of physical culture of the individual. The formation of spirituality in the system of continuous education of the future specialist is carried out among young people of student age. Student age is a sensitive period for the formation of spirituality and spiritual potential. In this regard, the education system, on which the implementation of the training of the future professional depends, comes to the fore. In this system, a trained professional should be ready and able to self-realization and self-expression through professional training in cultural, human and spiritual values.

Key words: physical culture of personality, spirituality, sensitive, formation.

Зенченков Илья Петрович

каандидат педагогических наук, доцент кафедры адаптивной физической культурой
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Институт физической культуры и спорта.
E-mail: zenchilya@mail.ru

Zenchenkov Ilya Petrovich

Candidate of Ped., docent of the chair Adaptive physical culture,
SEI HPE «Donetsk National University»,
Institute of Physical Culture and Sports.
E-mail: zenchilya@mail.ru

УДК 316.624.2-053.2

ПРОФИЛАКТИКА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ В РУСЛЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА

© 2019. А. Д. Золотова

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье проанализированы некоторые социальные подходы к профилактике аддиктивного поведения детей. Рассмотренные подходы в центр внимания ставят самого ребенка, его отношения с социумом, а не психоактивные вещества. У ребенка, живущего в гармонии с социумом, не возникает потребность в табакокурении, употреблении алкоголя, наркотиков. Психоактивные вещества употребляются вследствие непринятия ребенка обществом, отчуждения от него. Особую актуальность приобретает разработка инновационных форм и методов профилактики аддикций с учетом рассмотренных подходов.

Ключевые слова: аддиктивное поведение детей, психоактивные вещества, профилактика.

Введение. Сегодня у нас наблюдается аномально высокий уровень смертности. И одним из мощных факторов этого ученые считают высокие уровни употребления табака, алкоголя, наркотиков несовершеннолетними.

Проблема аддиктивного поведения неоднократно поднималась специалистами как социологической, так и педагогической и психологической областей. Так, проблемам химических зависимостей посвящены исследования таких ученых как Т. Андреева, Ю. Белоусов, Д. Колесов, К. Красовский, С. Лидак, К. Лисецкий, Е. Литягина, А. Личко, А. Михайловский, И. Орлова, С. Сибирякова, П. Сидоров, В. Паников, И. Паршутин, О. Родькина, А. Сердюк, Т. Суховольская, Л. Фортова, И. Хажилина, Т. Шилова, С. Шишкунов, Е. Югова и др. Отклонения в поведении в социологических исследованиях аддиктивного поведения рассматриваются, прежде всего, в контексте взаимосвязи с факторами социализации, десоциализации и личностного развития. Алкоголизм и наркомания являются поведенческими отклонениями детей и молодежи, факторами, которые влияют на их формирование и проявление. Проблемы предупреждения современных нехимических видов аддиктивного поведения отражены в трудах Н. Дмитриевой, А. Егорова, А. Елизарова, А. Запорожца, В. Качалова, Ц. Короленко, В. Лоскутовой и др. Вместе с тем, особенности социального подхода к профилактике аддиктивного поведения детей раскрыты недостаточно.

Цель статьи – раскрыть особенности социального подхода к профилактике аддиктивного поведения детей.

Основная часть. Рассмотрим исследования, посвященные табакокурению. Важным шагом в предупреждении табакокурения было принятие Рамочной конвенции ВООЗ по борьбе против табака. Было предложено пересмотреть табачные налоги и цены, предоставить открытую информацию относительно состава табачной смеси, упаковку и маркировку табачных изделий использовать для просвещения, принять меры по обеспечению лечения табачной зависимости, под особый контроль взять выполнение запрета продажи табака несовершеннолетним, оптимизировать научные исследования и международное сотрудничество, обеспечить отчетность и обмен информацией. Руководящими принципами конвенции являются принципы информированности о вреде табака; защиты от пассивного курения; международного сотрудничества в передаче технологий профилактики табакокурения; ответственности за наносимый табаком вред.

Интересным является ряд фактов, которые были установлены во время социологических исследований табакокурения. Несмотря на то, что устоявшимся является мнение относительно меньшего распространения табакокурения среди детей, занимающихся спортом, исследователи решили выяснить, есть ли здесь прямая закономерность. Например, исследования показали, что подростки из бедных семей меньше занимаются спортом, среди них выше уровень табакокурения. Что касается употребления алкоголя, то большой разницы не обнаружено. Здесь исследователь обращает наше внимание на рекламу. Оказывается, что в алкогольной рекламе часто заняты выдающиеся спортсмены, и эта реклама имеет влияние на тех, кто этим видом спорта и занимается. Законодательство относительно табачной рекламы в спорте более строгое, что подтвердило первоначальное мнение. К тому же привлекаемых к употреблению алкоголя таким образом больше, так как такое воздействие затрагивает не только юных спортсменов, но и болельщиков. Поэтому авторы делают неутешительные выводы: занятия спортом сами по себе не приводят к безопасному поведению. На это влияют также такие факторы, как социально-экономический статус ребенка, выбор вида спорта, его традиции и личность самого тренера. Часто употреблением алкоголя сопровождается «боление» за своих кумиров дома перед телевизором. И для улучшения этой ситуации необходимо предложить формировать резкое отрицательное отношение к употреблению табака и алкоголя в спортивных сообществах, а для формирования нужных ориентиров приводить примеры выдающихся спортсменов, которые полностью отказались от употребления психоактивных веществ [1].

Не обходят своим вниманием ученые и проблему употребления алкоголя. Для изучения вопроса алкоголизма используют три группы социологических показателей: во-первых, уровень употребления алкоголя; во-вторых, характеристики массового поведения, являющиеся следствием потребления спиртного; в-третьих, вред, который наносится экономике и обществу пьянством [2, с. 183].

Среди различных социальных причин ученые обращают внимание на существующее противоречие между социально значимыми целями и доступными средствами их достижения. Это создает ситуацию тотального социального стресса у населения. А поскольку люди по-разному реагируют на стресс, то определенная часть обращается к употреблению алкоголя. Заметим, что существуют и определенные группы риска в отношении данной причины аддиктивного поведения. Это, прежде всего, социально незащищенные слои населения, неполные, многодетные и неблагополучные семьи, безработные и др.

Исследователи мотивов употребления алкоголя выделяют следующие группы мотивов. Социально-психологические – это традиционные, то есть наиболее распространенные мотивы; субмессивные, то есть такие, которые связаны с навязыванием употребления алкоголя; и псевдокультурные, определяющие стремление человека приспособить свой личный опыт к «алкогольным ценностям» социальной микросреды, в которой он функционирует. Ко второй группе относится группа личностных, персонально значимых мотивов употребления алкоголя. Это гедонистические, отражающие стремление человека получить физическое и психологическое удовольствие от действия алкоголя; атарактические, связанные с желанием нейтрализовать негативные эмоциональные переживания – напряжение, тревогу, ужас и др. с помощью алкоголя; мотивы гиперактивации поведения, которые дают стимулирующий и растормаживающий эффект. Эти мотивы отражают стремление человека найти выход из состояния психологической пустоты, скуки,

незанятости, душевного бездействия, либо стремление усилить эффективность своего поведения – «для храбрости» и прочее. И к третьей группе относятся патологические мотивы употребления алкоголя: похмельный мотив – стремление с помощью алкоголя снять проявления алкогольного абстинентного синдрома; аддиктивные мотивы выражают пристрастие к алкоголю, фиксацию в сознании влечения к нему; и мотивы самоповреждения – стремление пить назло себе и другим в результате потери перспективы в будущем.

Исследования социологов показали, что мотивы психологической группы выражены меньше, чем социальной, причем на первом месте атактическая мотивация. Также выявлено, что гедонистические мотивы (получить наслаждение) более ярко выражены у лиц молодого возраста, чем у более старших респондентов.

Также было установлено, что доминирует традиционная и псевдокультурная мотивация, однако для лиц мужского пола характерно доминирование традиционных мотивов, а для лиц женского пола – наоборот: лжекультурной мотивации [3].

Рассмотрим особенности формирования зависимости от наркотиков. Наркоманию как социальное явление ученые характеризуют степенью распространенности наркотиков или веществ, к ним приравненных, без медицинских показаний, куда входит как злоупотребление наркотиками, так и болезненное употребление. Профилактика алкоголизма и наркомании должна состоять в нравственном воспитании, которое, в свою очередь, базируется на формировании у подрастающего поколения ценностной ориентации, на правовых ценностях, как определенной мировоззренческой основе [2, с. 272].

Специалисты отмечают рост количества подростков, употребляющих наркотики и токсические вещества без признаков зависимости. Это еще раз подтверждает латентность этого явления. Предлагается интерпретация понятия «наркотизм» как разновидность девиантного поведения, которая проявляется в немедицинском употреблении наркотических веществ, что вызывает развитие таких заболеваний как наркомания и токсикомания, а также в целом спектре деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ (приобретение, продажа, производство наркотиков и т. п.). И, соответственно, институционализация профилактики наркотизма представляет собой процесс, который заключается в определении и закреплении социальных норм, правил, статусов и ролей, приведения их в систему, способную ослабить влияние наркотизма на общество, в устранении и нейтрализации причин и условий наркотизма. Результатом этого является создание социального института профилактики наркотизма. Наличие цели, задач, организационной структуры, функций, которые профилактика наркотизма выполняет в современном обществе, дает право рассматривать это социальное явление в качестве социального института. Для воплощения социального института нужна система специализированных субъектов профилактики наркотизма [3].

Все чаще в литературе мы встречаем понятие «наркокультуры». Так, говорится о том, что наркокультура становится реальной частью жизни людей, даже и тех, кто наркотики не употребляет. Об этом можно судить по тому, что информация о наркотиках распространяется различными путями. Так, преобладают такие источники информации, как СМИ, друзья и знакомые, лица, которые употребляют наркотики (то есть те, которые могут привлечь к экспериментам с наркотическими веществами). Гораздо меньше информации, получаемой от родителей, учителей, врачей, работников полиции (то есть от тех, кто может предостеречь от первой пробы). В связи с этим, не удивляет тот факт, что юные наркоманы не имели никаких защитных установок против

наркотиков. Они почувствовали сильное влияние наркокультуры со стороны окружающей среды, возрастные особенности усилили это влияние, а факторы, которые бы способствовали формированию защитных установок, отсутствовали [4].

Заметим, что это дает нам новые ориентиры в социально-педагогической деятельности. Мониторинговый опрос выявил также локализацию первой попытки употребления наркотических веществ в местах проведения досуга, ее спонтанность и инициирование социальным окружением. Социологические исследования указывают на то, что количество несовершеннолетних, употребляющих наркотики, больше, чем тех, кто употребляет токсикоманийные вещества. Но темпы распространения зависимости от последних гораздо интенсивнее, чем темпы роста количества наркозависимых. Меньшие цифры распространения токсикомании авторы связывают с медленными темпами формирования зависимости к токсикоманийным препаратам и трудностью диагностики токсикоманий [3].

Говоря о перспективах построения профилактической работы, следует отметить, что все больше ученых более прогрессивной и перспективной считают идею превентивности, то есть предупредительных санкций [5].

Целесообразным считаем обратить внимание на теорию социального контроля, важнейшим инструментом которой является социальная санкция. Прежде всего, нас интересуют позитивные санкции (поощрения за совершение одобряемых, желательных для общества или группы действий) и неформальные (одобрение или порицание, высказываемое неофициальными лицами, ближайшим окружением), их необходимо пытаться использовать для построения системы профилактической работы.

Особую заинтересованность вызывают вопросы проектирования социальных отношений и социального поведения на уровне регионального проектирования, потому что определенные черты региона можно соотнести с чертами, которые присущи территориальной общине как социальному институту. Так, важным является понимание принципов взаимодействия региональных и муниципальных организаций, региональных общественных институтов. Авторы отмечают социальную ответственность организаций, под которой понимают определенный уровень добровольного отклика на социальные проблемы. При этом выделяют следующие задачи регионального проектирования, которые нам становятся полезными в определении собственного целеполагания: определение основных стратегических задач по ключевым направлениям деятельности; общая оценка преимуществ и недостатков региональной организации относительно других подобных; анализ существующих и возможных перспективных направлений деятельности. Стратегия регионального проектирования содержит систему крупномасштабных мероприятий по достижению конкретных задач. Понятие стратегии авторы определяют как «выбор из многочисленных альтернатив определенного набора (порядка) действий, который призван обеспечить достижение намеченной стратегической цели или группы целей» [6].

Поскольку ученые разных отраслей важным моментом распространения аддиктивного поведения считают момент первой пробы, обратимся к этому аспекту. Первую пробу наркотиков и других психоактивных веществ можно рассматривать и как самостоятельную закономерность аддиктивного поведения, и как группу закономерностей. Среди этих закономерностей была обнаружена фиксация возраста первой пробы алкоголя и табака на более ранних возрастных промежутках, чем проба наркотиков. Это нужно учитывать при построении превентивных программ. Кроме того, стоит принимать во внимание, что после 20 лет первые пробы практически не происходят [3].

Отмечается, что у ребенка, живущего в гармонии с социумом, не возникает потребность в уходе от реальности. Психоактивные вещества употребляются вследствие непринятия ребенка обществом, отчуждения от него. Табак, алкоголь и наркотики используются детьми и подростками, чтобы ослабить дискомфорт от деструктивных отношений, чтобы чувствовать уверенность в себе наряду с другими и заглушить чувство собственной неполноценности вследствие дисгармоничных отношений со средой.

Как видим, рассмотренные подходы в центр внимания ставят самого ребенка, его отношения с социумом, а не психоактивные вещества. И если брать во внимание, что наше общество переживает сегодня период трансформации, – социологи акцентируют внимание на проблему «ребенок – общество», и прежде всего с позиций социализации личности. Это сопровождается динамикой институтов (агентов) социализации и развитием юношеской субкультуры, появлением таких особенностей в этих факторах, которые не наблюдались ранее [6].

Следует отметить, что исследователи обращают внимание на недостаточное количество подготовленных специалистов и предлагают ввести в подготовку будущих специалистов юридической отрасли блок дисциплин, который подготовит будущего работника к профилактике употребления наркотиков. Учебные курсы должны содержать информацию об особенностях социальной работы с лицами с химической зависимостью и перспективах ее развития; о главных нормативных документах, регламентирующих деятельность с определенным контингентом; характеристику основных признаков и синдромов химической зависимости; должны формировать умение планировать и организовывать социальную работу с лицами с химической зависимостью; организовывать воспитательную, профилактическую работу с детьми.

Среди последних разработок в области профилактики аддиктивного поведения авторы предлагают использование социальных технологий. Социальная технология – это определение научно обоснованных способов реализации образа будущего общественного состояния. Объектом такой деятельности являются те состояния общественных явлений и процессов, которые планируется достичь. Поскольку мы предполагаем, что полный отказ общества от употребления аддиктивных веществ признается сомнительным, целью социальной технологии профилактики аддиктивного поведения является снижение употребления психоактивных веществ. Здесь принято различать два вида целей:

- снижение предложения (уменьшение возможности приобрести наркотик потенциальным потребителем);
- снижение спроса (это лечение и реабилитация зависимых и усилия, направленные на формирование адекватной установки на избегание первичного приема наркотиков).

Существовать подобная деятельность должна в двух формах – в форме программы, содержащей процедуры и операции (способы и средства деятельности) и в форме личностной деятельности, построенной в соответствии с конкретной программой.

Для эффективности профилактики важно дифференцировать субъекты профилактического воздействия: «потенциальные потребители» наркотиков (ученики младших и средних классов), в отношении которых принимаются меры первичной профилактики; «случайные потребители», в отношении них меры вторичной профилактики; родители, учителя, социальные педагоги, врачи, для них – информационно-просветительская помощь или замена недостоверной информации на

правильную; и «регулярные потребители», они требуют лечебного вмешательства, мер реабилитации, ресоциализации и адаптации [3].

Полностью соглашаемся с исследователями социологических проблем аддиктивного поведения, и, не уменьшая значения принятой в современной медицине классификации профилактики на первичную, вторичную, третичную, подчеркиваем следующее противоречие. При внедрении профилактических программ первичной профилактики целевыми группами традиционно являются учащиеся учебных заведений – школ, техникумов, институтов. Но, по данным мониторинга, который проводили упомянутые авторы, около половины молодежи, которая учится, имели хотя бы одну пробу наркотиков. И поэтому указанный контингент должен быть объектом вторичной профилактики, что ведет за собой использование кардинально иных методов и приемов, с одной стороны, и обращение к школьникам младших классов и распространение профилактического влияния на другие социальные институты, с другой. К тому же надо заметить, что определенное количество подростков присутствовали при употреблении наркотиков, имеют знакомых, употребляющих наркотики. Поэтому нужно предложить новые подходы к пониманию сущности профилактической работы.

Ученые обращаются к изучению социальных причин распространения наркомании и еще раз подчеркивают единую природу табакокурения, алкоголизма и наркомании. Ведь курение табака и конопли очень близки по форме, дети часто не различают барьер между ними. Многие наркоманы начинали прием наркотика в форме курения, считая, что если не «колоться» – это не вредно. Поэтому с проблемой нужно бороться на самом начальном этапе. Также провоцируют наркотизацию агрессивное поведение наркоторговцев и доступность наркотических веществ. Что касается других причин наркотизации, то ретроспективный анализ проблемы позволяет ученым выявить прямую взаимосвязь степени распространения наркотиков в обществе с уровнем «социального оптимизма» населения. Также исследователи обращают внимание на кризисные явления в обществе, и среди разных причин их называют повышение тревожности, актуализацию специфических защит, то есть комплекс явлений, которые иногда объединяют термином «социальный невроз» [4].

Заключение. Таким образом, анализ социологических исследований показал, что руководящими принципами конвенции по борьбе с табакокурением являются принципы информированности о вреде табака; защиты от пассивного курения; международного сотрудничества в передаче технологий профилактики табакокурения; ответственности за наносимый табаком вред, при этом занятия спортом сами по себе не приводят к безопасному поведению. Исследователи мотивов употребления алкоголя выделяют социально-психологическую; субмессивную, и псевдокультурную группы мотивов. Специалисты отмечают рост количества подростков, употребляющих наркотики и токсические вещества без признаков зависимости. Анализ понятия «наркокультура» говорит о том, что она становится реальной частью жизни людей, даже и тех, кто наркотики не употребляет. Среди путей получения информации о наркотиках преобладают СМИ, друзья и знакомые, лица, которые употребляют наркотики. Гораздо меньше информации, получаемой от родителей, учителей, врачей, работников полиции. Первую пробу наркотиков и других психоактивных веществ можно рассматривать и как самостоятельную закономерность аддиктивного поведения, и как группу закономерностей. Среди этих закономерностей была обнаружена фиксация возраста первой пробы алкоголя и табака на более ранних возрастных промежутках, чем проба наркотиков. Как видим, рассмотренные подходы в центр

внимания ставят самого ребенка, его отношения с социумом, а не психоактивные вещества. Отмечается, что у ребенка, живущего в гармонии с социумом, не возникает потребность в уходе от реальности. Психоактивные вещества употребляются вследствие непринятия ребенка обществом, отчуждения от него. Табак, алкоголь и наркотики используются детьми и подростками, чтобы ослабить дискомфорт от деструктивных отношений, чтобы чувствовать уверенность в себе наряду с другими и заглушить чувство собственной неполноценности вследствие дисгармоничных отношений со средой.

Перспективы дальнейшей разработки темы лежат в плоскости более глубокого изучения влияния социальных институтов на формирование аддиктивного поведения детей и разработки инновационных форм и методов профилактики аддикций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красовский К. Табак и закон, или Рамочная Конвенция по борьбе против табака ратифицирована, что дальше? [Электронный ресурс] / К. Красовский. – Режим доступа: [http : // www.adic.org.ua/nosmoking/books/law/index.html](http://www.adic.org.ua/nosmoking/books/law/index.html) (дата обращения: 25.10.2019).
2. Самыгин П.С. Девиантное поведение молодежи / П.С. Самыгин. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 440 с.
3. Кузьминов В.Н. Наркологическая консультация / В.Н. Кузьминов, А.А. Сердюк // Наши дети и наркотики: советы специалистов родителям / [под ред. И.П. Рущенко]. – Харьков : Финарт, 2002. – С. 7–16.
4. Вислова А.Д. Риски девиантной адаптации у подростков, связанные с потреблением наркотиков, и возможности их профилактики // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 2(30). – С. 102-112. – doi 10.11621/npj 2018.0211.
5. Шаломова Е.В. Педагогические условия профилактики аддиктивного поведения подростков в образовательных организациях России и зарубежья : дисс. ... канд. пед. наук : спец. 13.00.01 «Общая педагогика и история педагогики» / Е.В. Шаломова. – Елец, 2018. – 191 с.
6. Комплексная профилактика аддиктивного поведения в форме зависимости от «новых психоактивных веществ» и «нехимических» аддикций у студентов вузов и ссузов : метод. рекомендации / С.А. Игумнов [и др.] – Минск : ГИУСТ БГУ, 2018. – 28 с.

Поступила в редакцию 19.11.2019 г.

PREVENTION OF ADDICTIVE BEHAVIOR TO CHILDREN IN LINE WITH THE SOCIAL APPROACH

A.D. Zolotova

Some social approaches to the prevention of addictive behavior to children have analyzed in the article. The considered approaches put the child himself, his relations with society, but not psychoactive substances in the center of attention. A child is living in harmony with society, he is not needing for smoking, alcohol, drugs. Psychoactive substances use due to the rejection of the child by society, alienation from him. The development of innovative forms and methods of prevention to the addiction get a special relevance with accounting approaches had reviewed.

Key words: addictive behavior of children, psychoactive substances, prevention.

Золотова Анна Дмитриевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко».
E-mail: zolotova_a@mail.ru

Zolotova Anna Dmitrievna

Candidate of pedagogy, docent,
SCE HPE «Lugansk Taras Shevchenko national
university» .
E-mail: zolotova_a@mail.ru

УДК 37.018.46

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ

© 2019. Т.Л. Козлова

ГБНОУ «Республиканский лицей-интернат «Эрудит» – центр для одаренных детей»

В статье проанализированы результаты экспериментальной работы по формированию профессиональной компетентности учителей химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном движении путем применения технологии формирования профессиональной компетентности в системе дополнительного профессионального педагогического образования. Исследованы сущность понятий «мониторинг» и «диагностика», приведены экспериментальные данные, подтверждающие положительную динамику процесса формирования профессиональной компетентности учителей.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, педагогическое сопровождение, олимпиадное движение.

Бурное развитие современного общества влечёт за собой потребность в высококвалифицированных специалистах, готовых к быстрым, стремительным переменам, принимающих чёткие и обоснованные решения, являющихся инициативными и творческими личностями. Определение составляющих профессиональной компетентности учителей и, соответственно, ее формирование, обусловлены потребностями общества в педагогах, способных к поиску и синтезу новых образовательных продуктов, а также к их использованию на практике в процессе профессиональной педагогической деятельности.

Система дополнительного профессионального педагогического образования (ДППО) в современных условиях должна предоставлять личности динамичную возможность повышения своего образовательного уровня, обновления методических, предметных и межпредметных знаний, повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Проведение педагогических исследований, постановка педагогического эксперимента в системе ДППО делает необходимым проведение анализа на основе объективной и всесторонней информации, которую можно получить путём организации диагностики учителей и мониторинга образовательной среды и образовательного процесса системы ДППО.

Педагогический эксперимент по формированию профессиональной компетентности учителей химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном движении в системе ДППО путем использования технологии формирования профессиональной компетентности (ТФПК). Эксперимент проводился на базе ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования». В исследовании приняли участие 81 учитель химии Донецкой Народной Республики (38 учителей экспериментальной группы и 43 учителя контрольной группы). Экспериментальная работа проводилась с 2014 по 2019 гг. и осуществлялась в три взаимосвязанных этапа: констатирующий, формирующий и контрольно-оценочный.

Диагностика процесса формирования профессиональной компетентности учителей химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном

движении в ходе педагогического эксперимента заключалась в измерении индивидуально-психологической, организационно-деятельностной и интеллектуальной сфер личности учителя химии. Применяемые нами методы относились к общенаучным (наблюдение), психодиагностическим (опросники, тесты, анкеты и т.д.) и педагогическим (анализ авторских образовательных продуктов, изучение результатов деятельности учителей). Мониторинг образовательного процесса, сконструированного согласно гипотезе нашего эксперимента, являлся системой организации сбора, хранения, обработки информации о деятельности организации ДППО, обеспечивающей слежение за состоянием образовательного процесса, прогнозирование и анализ и коррекцию образовательного инструментария [1].

Для получения объективной системы оценки качества образовательного процесса в ДППО мы использовали квалиметрический подход, основанный на измерении и оценке эффективности образовательного процесса и индивидуального уровня профессионального развития учителя с учётом реальных достижений.

Относительно новая отрасль педагогики – педагогическая квалиметрия, занимающаяся разработкой эффективных методик оценки качества образовательного процесса, в настоящее время активно развивается, что отражается в работах А.А. Аветисова, В.И. Байденко, А.М. Бершадского, Е.В. Бондаревской, Л.Б. Кухар, А.И. Субетто, А.Н. Селезнёва и др.

Квалиметрический подход, основным средством которого для анализа профессионального потенциала личности является оценка профессионального мастерства учителя, позволяет объективно оценить уровень профессионализма учителя, т.к. он предлагает использовать статистические методы и уровневые шкалы для объективизации исследуемых явлений [2].

Оценка процесса формирования профессиональной компетентности учителей химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном движении проводилась с использованием системы критериев и показателей, что позволило нам при соблюдении определённых принципов достаточно точно провести анализ уровня профессионального развития учителя в силу его объективности и валидности.

Диагностический подход исследует процессы и объекты с точки зрения выявления нормы. Изучение процесса профессионального развития учителя с точки зрения диагностического подхода давно стал предметом исследований многих педагогов: К.Д. Ушинского, В.И. Зверевой, В.И. Беспалько, Т.И. Шаповой и др. Целью диагностического подхода является постановка диагноза исследуемому объекту на основе разработанной системы критериев и показателей, исследовании и выявлении сильных сторон и затруднений в профессиональной деятельности учителя.

В нашем исследовании для оценивания процесса формирования профессиональной компетентности учителей химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном движении мы использовали информационно-констатирующие (анкеты, опросы, беседы, тесты, анализ документов и др.) и продуктивные средства (анализ продуктов деятельности, тесты и др.).

В процессе изучения процесса формирования профессиональной компетентности учителей химии мы исходили из того, что квалиметрический и диагностический подходы вооружают нас объективными методами исследования, при этом они выполняют оценочную и контролирующие функции, а квалиметрические шкалы, опросники, анкеты и др. средства позволяют осуществлять процесс сопровождения профессионального развития учителя в образовательной среде ДППО.

Система мониторинга образовательного процесса ДППО, направленного на формирование профессиональной компетентности учителей химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном движении, используемая нами в процессе педагогического эксперимента, включала в себя три типа мониторинговых исследований (входной, текущий и итоговый), проводимых на различных этапах исследования: констатирующем (2014 г.), формирующем (2016 г.) и контрольно-оценивающим (2019 г.). Эти исследования предоставили нам информацию о динамике изменения компонентов профессиональной компетентности учителей химии: мотивационно-ценностного, когнитивного, предметного, деятельностного и личностного. Использование системы мониторинга стимулировало учителей – участников экспериментальной группы актуализировать полученные в ходе курсовой подготовки и в межкурсовом периоде знания и умения и использовать их в своей профессиональной практике; приводило к изменению мотивации к профессиональному росту, развивало навыки работы с информацией, инициативность, предметные знания и рефлексивные умения.

На констатирующем этапе (2014–2015 гг.) нами определялся исходный уровень профессиональной компетентности учителей химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном движении, что позволило сформулировать целевые ориентиры процесса обучения в системе ДППО, разработать технологию формирования профессиональной компетентности учителей химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном движении (ТФПК) и смоделировать все составляющие образовательного процесса ДППО.

В ходе формирующего этапа эксперимента (2015–2017 гг.) производилось определение особенностей формирования профессиональной компетентности учителя химии по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении, апробирована ТФПК, прослежена динамика развития выделенных компонентов профессиональной компетентности учителей химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном движении и изменения в уровнях ее сформированности у учителей экспериментальной и контрольной групп.

На заключительном этапе – контрольно-оценивающим (2017–2019 гг.) проведен мониторинг образовательного процесса ДППО, диагностическая оценка уровня профессиональной компетентности учителей химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном движении, математическая обработка и качественная интерпретация полученных результатов.

Компоненты профессиональной компетентности учителя химии по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении исследовались нами с применением адаптированного и модифицированного инструментария.

Мотивационно-ценностный компонент профессиональной компетентности учителя химии по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении исследовался при помощи методики К. Замфир – А. Реана [3], которая позволила оценить мотивацию профессиональной деятельности учителей химии в олимпиадном движении.

Когнитивный компонент профессиональной компетентности учителя химии по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении исследовался при помощи модифицированного теста Р.Р. Бикбулатова [4], посредством которого выявлялся уровень методических и дидактических знаний и умений учителя в олимпиадном движении по химии.

Предметный компонент профессиональной компетентности учителя химии по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении изучался при помощи модифицированного теста по И.А. Тюлькову [5], что позволило выявить уровень знаний и умений учителя в области составления и решения олимпиадных заданий по химии.

Деятельностный компонент профессиональной компетентности учителя химии по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении исследовался методом анализа авторских педагогических продуктов, достижений и активности учителя химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном движении [6], который дал объективную внешнюю картину профессиональной деятельности учителя (количество и качество продуктов его деятельности).

Личностный компонент профессиональной компетентности учителя химии по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении исследовался при помощи модифицированной диагностики индивидуальной меры выраженности рефлексивности (А.В. Карпов) [7], которая позволила выявить индивидуальную меру выраженности рефлексивности как профессионально и лично значимое качество педагога.

Полученные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение членов экспериментальной и контрольной групп по уровням сформированности профессиональной компетентности учителей химии в педагогическом сопровождении обучающихся в олимпиадном движении на начало и в конце эксперимента (количество человек в %)

Экспериментальная группа	Контрольная группа	Уровни профессиональной компетентности	Экспериментальная группа	Контрольная группа
начало эксперимента			в конце эксперимента	
15,79	18,60	высокий	71,05	25,58
63,16	55,81	средний	15,79	60,47
21,05	25,58	начальный	13,16	13,95

Полученные на всех этапах эксперимента данные позволяют констатировать положительные сдвиги в развитии компонентов профессиональной компетентности учителя химии по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении. Как можно отметить, применение ТФПК в образовательном процессе ДППО за исследуемый период привело к изменениям выделенных нами зависимых переменных, что позволяет признать приемлемость и результативность использования ТФПК.

В целом, результаты, полученные на всех этапах эксперимента, позволяют нам констатировать, что произошли положительные сдвиги в развитии всех компонентов профессиональной компетентности учителя химии по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении, отмечен факт одновременности их развития и стойкая тенденция непрерывного продвижения учителей к более высокому уровню профессиональной компетентности по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении.

В динамике системообразующих элементов профессиональной компетентности учителя химии по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении, по нашему мнению, стоит отметить следующие тенденции:

– мотивационно-ценностный компонент: возрастание степени личностных и профессиональных мотивов саморазвития в олимпиадном движении, признание ценности и значимости олимпиадного движения как образовательной среды, благоприятной для эффективного профессионального развития;

– когнитивный компонент: существенное повышение степени полноты методических и дидактических знаний о сущности олимпиадного движения и его составляющих;

– предметный компонент: существенное углубление и расширение предметных химических знаний, умений и навыков; развитие умений в составлении, решении и оценивании олимпиадных задач;

– деятельностный компонент: развитие организационных навыков в создании олимпиадного образовательного пространства и олимпиадной образовательной среды;

– личностный компонент: формирование способности к адекватной самооценке своих профессиональных качеств; самоанализу, самопроектированию, саморазвитию и самовоспитанию.

Таким образом, сравнительный анализ результатов исследования показывает стабильную динамику роста компонентов профессиональной компетентности учителя химии по педагогическому сопровождению обучающихся в олимпиадном движении в период педагогического эксперимента, что свидетельствует о высокой эффективности применения ТФПК в системе ДППО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вержицкий Г.А., Кулакова И.В. Диагностика качества обучения в системе дополнительного профессионального образования: метод. пособие. – М. – Новокузнецк, 2000. – 117 с.
2. Санжиева Я.Б. Разработка и применение программы мониторинга профессионального развития учителя // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. – 2013. – № 6 (53). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-i-primenenie-programmy-monitoringa-professionalnogo-razvitiya-uchitelya> (дата обращения: 19.10.2019).
3. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. Учебник для вузов – СПб: Питер, 2000. – 304 с. – (Серия «Учебник нового века»).
4. Бикбулатов Р.Р. К вопросу о подготовке педагогических кадров к управлению развитием интеллектуально одаренных обучающихся в системе дополнительного профессионального образования / Р.Р. Бикбулатов // Психология и педагогика в современном мире: вызовы и решения: XVIII Международная научно-практическая конференция для студентов, аспирантов и молодых ученых, 2014. – С. 132–135.
5. Тюльков И.А. Система подготовки к олимпиадам по химии / И.А. Тюльков, О.В. Архангельская, М.В. Павлова. – М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2009. Лекции 1-4. – 72 с.; Лекции 5-8. – 96 с.
6. Иньков М.Е. Диагностика профессиональной компетентности учителя в условиях повышения квалификации : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Иньков Михаил Евгеньевич; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2009. – 167 с.: ил.
7. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов управления. – М.: Институт психологии РАН, 2000. – 283 с.

Поступила в редакцию 10.09.2019 г.

PILOT TEST OF TEACHER'S PROFESSIONAL COMPETENCE TECHNOLOGY EFFECTIVENESS

T.L. Kozlova

The article analyzed the results of experimental work on formation of Chemistry teachers' professional competence in students' pedagogical support in the Olympic movement by means of application professional

competence formation technology in the post-initial pedagogical education system. The essence of “monitoring” and “diagnostics” concepts were studied, experimental data confirming the positive dynamics of the formation process of teachers’ professional competence are given.

Key words: professional competence, pedagogical support, Olympiad movement.

Козлова Татьяна Леонидовна

Государственное бюджетное нетиповое общеобразовательное учреждение «Республиканский лицей-интернат «Эрудит» – центр для одаренных детей» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики, г. Донецк. Заместитель директора по научно-методической работе.

E-mail: tlk68@mail.ru

Kozlova Tatyana Leonidovna

State budgetary nontype educational institution "The republican boarding school "Erudite" – gifted children centre" of Ministry of education and science of the Donetsk People's Republic, Donetsk.

Deputy Director of Scientific and Methodological Work.

E-mail: tlk68@mail.ru

УДК 378.147.091.33-027.242:004.032.6

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

© 2019. *И.В. Михайлова*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье рассматриваются возможности применения мультимедийных технологий в современном образовательном пространстве высшей школы. Проанализированы мультимедийные технологии как средство формирования информационной культуры студентов высшей школы.

Ключевые слова: образовательное пространство, информационные технологии, мультимедиа, мультимедийные технологии, информационная культура.

Введение. Для образовательного учреждения XXI века применение новых технологий является основной проблемой, которая входит в его задачу по обучению будущих специалистов.

Среди новых технологий обучения особое место занимают мультимедийные технологии, которые рассматриваются как информационные технологии, позволяющие компьютеру объединять в единую цифровую форму различные типы информации: изображение, звук, компьютерную графику, анимацию, видео- и аудиоэффекты.

Различные аспекты проблемы внедрения мультимедийных технологий в образование исследовали Б.Б. Андресен, И.В. Белицын, В.Ю. Быков, И. Вернер, М.И. Жалдак, Ю.А. Жук, Ю.Н. Егорова, Н.В. Клемешова, Р. Майер, А.В. Хуторской и др.

Целью данной статьи является рассмотрение целесообразности применения мультимедийных технологий в современном образовательном пространстве высшей школы.

Основная часть. Дидактические возможности систем мультимедиа связаны, прежде всего, с тем, что они многомодальные, то есть влияют одновременно на несколько органов чувств и поэтому вызывают повышенное внимание в аудитории. Педагогическая практика однозначно свидетельствует, что это очень важно при работе с новым поколением.

При использовании новейших компьютерных технологий появилась возможность увеличения количества визуальной информации, способствующей ускорению освоения любой информации (как при изучении технических дисциплин, так и при освоении гуманитарных предметов). Увеличивается возможность ярко и красочно предоставить не только теоретический материал, предназначенный для изучения, но и пошагово отразить ход практической работы, сопроводить сообщение или доклад красочным видеорядом, поэтому достаточно широкое применение в образовательном процессе имеют мультимедийные технологии.

Мультимедиа – это совокупность технологий, которые позволяют компьютеру вводить, обрабатывать, хранить, передавать и отображать текст, аудио, графические изображения и видео [1].

Считается, что идейной предпосылкой возникновения мультимедийных технологий является концептуальная система хранения и поиска данных «MEMEX», описанная В. Бушем в 1945 году. Данная концепция предусматривала связь данных по ассоциации, а не по индексам и традиционным, иерархическим парадигмам хранения.

Эта идея нашла свое применение и компьютерную реализацию сначала в системе гипертекста (способ организации работы с информацией, связанной посредством ключевых слов, которые представляют собой гиперссылки), далее в гипермедиа (способ организации работы с системой ссылок, которая объединяет видео, изображение, анимацию, музыку), а затем в мультимедиа, объединившей в себе эти две системы [1].

Термин «мультимедиа» возник за счет объединения латинских слов «multum» (много) и «media, medium» (среда, средство, способ). Таким образом, дословно «мультимедиа» переводят «много сред». В наше время понятие мультимедиа существует в различных значениях, например: мультимедиа как новый подход к сохранению информации разного типа; мультимедиа как оборудование; мультимедиа как продукт (чаще всего ассоциируется с электронным носителем информации) [5].

Немецкий ученый М. Кирмайер характеризует мультимедиа как «взаимодействие визуальных и аудио-эффектов под управлением интерактивного программного обеспечения» [7].

В широком значении термин «мультимедиа» означает совокупность информационных технологий, которые одновременно используют различные методы передачи информации. Средства обучения, основанные на технологии мультимедиа способны значительно повысить эффективность обучения, поэтому она широко используются в сфере образования. Это связано с тем, что при обучении с использованием мультимедиа подключаются дополнительные информационные каналы у человека, что, в свою очередь, повышает эффективность познавательного процесса [2].

Отметим, что мультимедийные технологии имеют те же теоретические основы, что и технологии компьютерного обучения. Подготовку мультимедийных компьютерных технологий необходимо рассматривать как современный этап развития технологии компьютерного обучения с использованием дидактических возможностей современного компьютера, новых технологий программирования и инструментальной среды для развития компьютерных средств обучения.

Перечислим основные объективные предпосылки применения мультимедийных технологий в сфере образования [2, с. 157]:

1. Глобальная информатизация, становление индустрии масс-медиа, основанной на применении новых информационных технологий в массовой коммуникации, привели к появлению специфического продукта их внедрения – глобальной картины мира, свободно конвертируемой потребителями массовой информации. Одна из целей образования – построение картины мира у обучаемых. По этой причине логично использование средств мультимедиа для обучения.

2. Учебные дисциплины нового поколения – семиология, когнитология, методология (Р. Дебре), коммуникология, а также синтезированные на их основе методы познания, способы интериоризации и осмысления привели к возникновению нетрадиционных для сферы образования методов, которые включают в себя мультимедийные технологии в образовании.

3. Новые социальные реалии (информационное мультимедийное взаимодействие, информационное поле, информационное образовательное пространство, информационное образовательное сетевое общество) требуют внедрения их в систему образования. В противном случае система образования будет отставать от образования других стран мира.

Исследователь Т.К. Койшиева выделяет следующие возможности и проблемы использования мультимедиа в образовании [1]:

- повышение наглядности представления информации;
- повышение интерактивности разработанного программного обеспечения;
- создание сред виртуальной реальности;
- озвучивание и оживление объектов;
- восстановление речевого компонента взаимодействия;
- создание образа помощника – «педагогического агента»;
- разработка программных средств коррекционной педагогики;
- увеличение эмоциональной психологической нагрузки на обучаемых;
- развитие образного мышления и фантазии обучающихся;
- имитация реальных процессов и возможность наглядного моделирования;
- значительное повышение интереса к обучению.

Мультимедийные технологии используются в сфере образования, чтобы сделать обучение более интуитивным, интерактивным и эффективным, чем обучение с использованием традиционных технологий.

Интерактивное обучение Е. Пометун понимает как организацию педагогом с использованием определенной системы способов, приемов, методов образовательного процесса, основанного на:

- субъект-субъектных отношениях педагога и обучающегося (паритетности);
- многосторонней коммуникации;
- конструировании знаний обучающимся;
- использовании самооценки и обратной связи;
- постоянной активности обучающегося [6, с. 6].

Под целью интерактивного обучения Е. Пометун понимает создание педагогом условий обучения, при которых обучающийся сам будет открывать, приобретать и конструировать знания и собственную компетентность в различных сферах жизни. В этом заключается принципиальное отличие целей интерактивного обучения от целей традиционной системы образования [6, с. 7].

На основе технологии мультимедиа создаются электронные энциклопедии, электронные книги, базы данных, учебные программы, тренажеры, ситуационно-ролевые игры и другие программные средства, адаптированные к индивидуальным возможностям пользователя.

Одно из направлений в использовании мультимедиа заключается в том, что эти системы рекомендуется использовать обучающимся в качестве инструмента для создания знаний. Это трансформирует традиционный процесс обучения, в котором знания применяются, как информация, а педагог выступает в роли проводника этих знаний в процесс создания знаний в тесном сотрудничестве между преподавателем и обучающимся.

Однако мультимедийные технологии будут недействительны, если педагоги будут не способны применять их в своей работе. От умения преподавателя использовать современные средства обучения зависит решение проблемы воспитания человека, способного ориентироваться в огромном количестве информации, организовывать поиск необходимой информации, делать свою информацию доступной для других людей, то есть проблемы формирования информационной культуры обучающихся.

Как считает Н.Н. Елистратова, при использовании в обучении, средства мультимедиа могут выполнять информационную, воспитательную, развивающую, организационную, творчески-конструктивную, контрольно-оценочную, прогностическую, научно-исследовательскую, коммуникативную и другие функции, которые способствуют формированию профессиональных знаний и информационной культуры будущих специалистов [3].

В сети Интернет содержится большое количество разнообразной мультимедиа-информации. Самая главная проблема, возникающая при работе с ресурсами глобальной сети Интернет – быстро найти необходимую информацию, разобраться в ней, оценить информационную значимость того или иного ресурса для своих целей. М. Захаревич считает, что при работе с информационным наполнением мультимедийных средств и ресурсов студенты переносят свои умения оперирования с информацией различных типов в новое информационное пространство, что способствует развитию информационной культуры. С помощью мультимедийных средств обучения обучающийся получает представление обо всем спектре информационных ресурсов. Мультимедиа должны наглядно демонстрировать, что на достаточно популярных серверах может находиться большое количество неточной, недостоверной и некорректной мультимедийной информации. Отмечается опасность информации, которая нередко содержит умышленные ошибки и достаточно вольное обращение с фактами. Задача преподавателей состоит в том, чтобы научить не столько умению работать с определенными продуктами и в определенной среде, сколько технологиям работы с различной информацией: аудио и видео, графической, текстовой, табличной, что, в свою очередь, формирует информационную культуру студента [4].

Заключение. Таким образом, нами установлена необходимость использования мультимедийных технологий в современном образовательном пространстве высшей школы с целью повышения качества образования, а также в качестве инструмента формирования информационной культуры студента высшей школы.

Перспективы наших дальнейших исследований направлены на выявление форм и методов применения мультимедийных технологий при формировании информационной культуры студента высшей школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Koysheva T.K. Multimedia technologies in education [Электронный ресурс] / Candidate of engineering sciences, docent Koysheva T.K., senior teacher Mindetbaeva A.A., teacher Batirova L.T. – Hoja Ahmet Yassawi Kazakh-Turkish International University of Turkistan. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/26_OINXXI_2009/Pedagogica/52559.doc.htm (09.09.2019).
2. Болбаков Р.Г. Мультимедийные образовательные технологии / Р.Г. Болбаков // Управление образованием: теория и практика – 2015. – № 1 (17). – С.156-167.
3. Елистратова Н.Н. Педагогические основы формирования информационной культуры курсантов высших военных технических учебных заведений средствами мультимедиа: Автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 [Электронный ресурс] / Елистратова Наталья Николаевна. – Рязань, 2007. – Режим доступа: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-pedagogicheskie-osnovy-formirovaniya-informatsionnoy-kultury-kursantov-vysshih-voennyh-tehnicheskikh-uchebnyh-zavedeniy-sr> (09.09.2019).
4. Захаревич М. Мультимедіа у розвитку інформаційної культури студентів [Електронний ресурс] / М. Захаревич // Збірник наукових праць Уманського державного педагогічного університету. – 2012. – Режим доступа: <https://dspace.udpu.edu.ua/jspui/handle/6789/3513> (09.09.2019).
5. Пінчук О.П. Проблема визначення мультимедіа в освіті: технологічний аспект/ О.П. Пінчук// Нові технології навчання: наук.-метод. зб. / [Кол.авт.]. – К.: Інститут інноваційних технологій і змісту освіти, 2007. – Вип. 46. – С. 55-58.
6. Пометун О.І. Енциклопедія інтерактивного навчання / О.І. Пометун. – К.: А.С.К., 2007. – 144 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна. / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2007. – 560 с.

Поступила в редакцию 15.09.2019 г.

MULTIMEDIA TECHNOLOGIES IN THE MODERN EDUCATIONAL SPACE
OF HIGHER SCHOOL

I.V. Mikhailova

The article deals with possibilities of using multimedia technologies in the modern educational space of higher school. Multimedia technologies are analyzed as a means of forming the information culture of high school students.

Key words: educational space, information technology, multimedia, multimedia technology, information culture.

Михайлова Ирина Владимировна

Ассистент кафедры педагогики ГОУ ВПО ЛНР
«Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко», ЛНР, г. Луганск.
E-mail: irvlami@gmail.com

Mikhailova Irina Vladimirovna

Assistant of the Department of Pedagogy,
Luhansk Taras Shevchenko national university, LPR,
Luhansk.
E-mail: irvlami@gmail.com

УДК 378.091.12.011.3–051:005.336.5

ОСМЫСЛЕННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО САМОРАЗВИТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

©2019. Г.А. Сорокина, М.А. Малькова

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

В статье анализируются профессионально-личностные качества преподавателя высшей школы, являющиеся основой профессионального саморазвития. Авторами обосновывается взаимосвязь между осмысленной педагогической деятельностью преподавателя высшей школы и переходом самосознания субъекта педагогической деятельности на отдачу индивидуальных ресурсов (знаний, умений, времени, духовно-нравственных, материальных вложений).

Ключевые слова: профессионально-личностное саморазвитие, осмысленная педагогическая деятельность, индивидуальный ресурс сил, самопознание.

Введение. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена потребностями дальнейшей модернизации отечественной системы многоступенчатого образования, призванной осуществить подготовку нового поколения научных и педагогических кадров высшей школы с ярко выраженным комплексом качеств конкурентоспособности и потенциалом профессионального саморазвития. Это, прежде всего, предусматривает обновление целей и содержания профессионального саморазвития преподавателя высшей школы; переориентацию форм и методов организации данного процесса на основе новой гуманистической парадигмы; а также принципиальную перестройку психологической структуры педагогической деятельности самих преподавателей современной высшей школы, высокий уровень реализации которой в сегодняшних условиях учеными, видится в их способности непрерывно формировать, пополнять, хранить и интенсифицировать собственный потенциал профессионального саморазвития и способность к активной передаче студентам этой способности (Н.В. Кузьмина, В.Г. Маралов, В.И. Слободчиков и др.).

Учитывая это, а также кардинальные изменения социокультурной среды функционирования высшей школы, требующей непрерывного роста профессионализма деятельности и личности преподавателя высшего профессионального образовательного учреждения, формирование у него новых деловых, нравственных и демократических качеств, а также способности к принятию именно гуманистических ценностных ориентаций в сфере собственной профессиональной жизнедеятельности и самоактуализации, постановки более четких целей по достижению успеха в научно-педагогической карьере, проблема формирования готовности к профессиональному саморазвитию преподавателя высшей школы приобретает теоретическую и практическую значимость.

Целью данной статьи является анализ проблемы осмысленной педагогической деятельности преподавателя высшей школы в контексте профессионально-личностного саморазвития.

Основная часть. Профессионально-личностное саморазвитие мы рассматриваем как взаимосвязь следующих компонентов: самосознание – самооценка – самоорганизация – самоуправление.

Точно определить уровень профессионального саморазвития довольно сложно, согласно, описательных методов, следует заметить, что в процессе личностно-профессионального развития преподавателя высшей школы можно выделить следующие прогрессивные изменения:

- изменение направленности личности и ее отношений (круг интересов, желаний, системы потребностей, мотивов: преимущество потребностей самореализации и саморазвития, мотивов достижения, повышение креативности);

- накопление опыта и повышение квалификации (усовершенствование знаний, умений и навыков, рост компетентности, усвоения новых алгоритмов решения профессиональных задач);

- развитие внимания, памяти, повышение уровня саморегуляции, способности к оптимальному выбору действий в нестандартных ситуациях;

- развитие профессионально важных качеств, в соответствии со спецификой деятельности;

- повышение личностно-деловых, нравственно-этических качеств и др.

Рассматривая профессиональный рост преподавателя как динамичный, непрерывный процесс развития профессионально-личностных потенциальных возможностей, основанных на внутренней потребности в развитии, как процесс совершенствования: общекультурных и профессиональных знаний; системы интеллектуальных и практических умений и навыков; опыта творческой деятельности; развитых личностных и профессионально значимых качеств, важным условием его эффективности определяет мотивированность деятельности [3]. Так, профессиональная мотивация позволяет активно стремиться к пополнению профессиональных знаний, овладению профессиональными умениями, совершенствованию профессиональных качеств и способностей, к непрерывному саморазвитию, побуждает и направляет профессиональную деятельность.

Развитие потребности в профессионально-личностном саморазвитии требует четкого осознания цели своей деятельности, значимости профессии, а также овладения умениями профессионального саморазвития (интеллектуальными и организационными), данный процесс требует и развития личностных качеств (трудолюбия, ответственности, внимательности, усидчивости и др.). Успешность этого процесса обеспечивается разработанной индивидуальной программой саморазвития, постоянным самоконтролем за ее осуществлением.

Разрешение всевозрастающего противоречия между овладением актуальными знаниями (о себе и мире проявленных следствий) и применением их в современной педагогической практике, в соответствии с соционормативными требованиями образовательной среды, зависит от каждого участника педагогического сотрудничества, и становится возможным в силу естественного и осознанного стремления к самопознанию и саморазвитию. Феноменальность этого противоречия объясняется многими причинами. Пока эти причины не прояснены лично субъектом педагогической деятельности, не возникает и понимание необходимости их устранения. В большинстве своем, педагоги, по-прежнему, ожидают от педагогической науки конкретных методов, технологий, приемов, программных мероприятий – новых рекомендаций, которые в современных условиях может сформулировать только сам педагог, исходя из личного педагогического опыта и системно работая над собой (осмысленная педагогическая деятельность). «Человек, – подчеркивает Ш. Амонашвили, – может жить своей профессией только тогда, когда он стремится познать через нее самого себя, и, кстати сказать, именно таким путем он может принести наибольшую пользу обществу» [1, с. 315]. Такая польза состоит в умении «не навредить» ни окружающим, ни делу, ни себе, «стремясь к тому, чтобы стать и оставаться

до конца своей профессиональной жизни первоклассным мастером педагогического труда» [1, с. 319].

Гармонизация внутренних составляющих индивидуального ресурса сил, вследствие системной самопознавательной деятельности, способствует развитию такого фундаментального нравственного новообразования, каким выступает способность ценить неповторимую индивидуальность, уникальность человека. Такая нравственная способность предполагает создание соответствующего массива знаний о себе и, по аналогии, о конкретном человеке в стремлении реализовать эти знания в своем поведении. Если такое стремление, становится устойчивым, приобретает свойство поведенческой привычки, то оно превращается в чувство любви к человеку и проявляется в разнообразных добродетельных поступках. Это чувство должно быть безусловным, таким, которое не связано с какой-либо выгодой для его носителя [2]. Искреннее, бескорыстное проявление во внешних коммуникациях миролюбия, понимания, терпения, прощения, милосердия, сострадания – базовых составляющих уникального чувства любви, становится возможным не ранее, чем эти качества будут опознаны и приумножены в самом себе, т.е. не ранее, чем сформируется способность правильно полюбить себя и, далее, «полюбить другого как самого себя».

Выстроенный образ педагога, вместивший черты миролюбия, правдивости, благодарности, ответственности, скромности, решимости востребован временем и социальным запросом. Это образ лидера-профессионала, которого уважают, прислушиваются к мнению, выдвигают на ответственные посты, доверяют наставлять, воспитывать, обучать и судить о достижениях и неудачах вверенного коллектива. Такой педагог живет, не обременяя собой окружающих, умеет выслушать, понять и простить не только ближнего, но и недруга своего, любит жизнь, и жизнь отвечает ему взаимностью. Достижение столь необходимых для педагога качеств, становится возможным вследствие системной самопознавательной деятельности, при соблюдении ряда существенных требований: осознанного стремления к самопознанию; способности к самоанализу и самокоррекции на уровне мыслей, слов, действий; равнозначной готовности к победе и поражению; мобилизации сил и умений начать неудавшийся опыт сначала; неотступности в продвижении к намеченной цели. Мыслящий от добра человек, констатирует Э. Пиньковская, знает первое правило самопознания: не бойся увидеть свои недостатки! Знает и главное правило самоусовершенствования: как только обнаружен изъян в себе, сразу исправляй! [4]. Применение в педагогической практике таких, простых, на первый взгляд, правил, мотивированных необходимостью дальнейшего личностно-профессионального саморазвития, стимулирует педагога к творческой самореализации, делает его успешным, активным и здоровым.

Осмысленная педагогическая деятельность, анализ личностно-профессиональных достижений и неудач, своевременная коррекция индивидуального плана действий способствуют преодолению формализма в образовательной среде, повышению профессионального педагогического мастерства. По сути, способность к преодолению формализованных подходов, рассматриваемая как проявление индивидуального творчества в профессиональном труде, соизмерима с постепенным развитием самосознания разумно мыслящего субъекта педагогической деятельности, его стремлением к овладению объективным самоанализом и конструктивной самокритикой.

В контексте проблемы, под осмысленной педагогической деятельностью нами понимается способность педагога к самонаблюдению, самоконтролю, самоанализу, самокоррекции, объективной самооценке выявленных недостатков в процессе обучения и самообучения, воспитания и самовоспитания. При этом самонаблюдение можно

рассматривать, как некий стимул к укреплению самодисциплины, в соответствии с нормами и правилами законодательных основ, действующих в системе образования. Самонаблюдение, как творческий процесс, способствует не только внутреннему разграничению «добра» и «зла», но и установлению индивидуальной нравственной нормы в виде культуры слова и культуры действий, культуры чувств и культуры мыслей. Понятно, что такая норма, в ходе личностно-профессионального саморазвития, будет претерпевать изменения, приближаясь к высокому уровню педагогической культуры. В этой связи, системный самоконтроль будет отражать качество личностно-профессиональных достижений в соответствии с низким, средним и высоким уровнями, по отношению к ранее принятой норме. Справедливость этих положений может быть с определенной точностью (исходя из индивидуальных возможностей) подтверждена (или опровергнута) применением их в практику педагогического труда. Отличие между теорией (знаниями) и практикой (умениями) и будет составлять степень формализма в конкретных видах педагогической деятельности, указывая на снижение или повышение уровня педагогического мастерства, профессиональной компетентности. Уместно вспомнить формулу коэффициента полезного действия труда человека (К), выведенную в свое время Л. Толстым: $K = O / П$, где О – отдача; П – потребление [5]. Учитывая тот факт, что современный социум тяготеет к запредельному потреблению материальных и духовных благ, неумеренным тратам природного и человеческого ресурса, создается прецедент, влекущий за собой техногенные катастрофы, локальные войны, неоправданные противостояния на межличностных, экономических, политических, межнациональных, религиозных разногласиях. Переход самосознания субъекта педагогической деятельности на большую отдачу индивидуальных сил, знаний, умений, времени, духовно-нравственных и материальных вложений (основанную на трансформации формализованных подходов в профессиональном труде) в общее социально значимое дело – воспитание гражданина новой эпохи – способствует повышению уровня коммуникативной культуры, профессионального мастерства, педагогической компетентности в разрешении проблем современности.

Заключение. Нами установлено, что осознанная педагогическая деятельность есть тем фундаментом, на котором у преподавателя высшей школы формируется стремление к постоянному профессионально-личностному саморазвитию.

Перспективы наших дальнейших исследований направлены на определение структурных компонентов программы профессионального саморазвития преподавателя высшей школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амонашвили Ш.А. Личностно-гуманная основа педагогического процесса / Ш.А. Амонашвили. – Минск: Университетское, 1990. – 560 с.
2. Артамонова Е.И. Философско-педагогические основы развития духовной культуры учителя [Текст]: автореф. дис. на соискание науч. степени д-ра пед. наук : спец. 13.00.01 «Общая педагогика» / Е.И. Артамонова. – М., 2000. – 39 с.
3. Малькова М.А. Мотивационная основа формирования готовности к профессиональному саморазвитию у будущего педагога высшей школы в процессе магистерской подготовки / М.А. Малькова // «Язык и актуальные проблемы образования»: Материалы Международной научно-практической конференции, 31 января 2018 г., Москва./ Под ред. Е.И. Артамоновой, О.С. Ушаковой. – М. : МАНПО, 2018. – 420 с.
4. Пиньковская Э.А. «Эгология». Том 2. / Э.А. Пиньковская. – Черкассы: Издатель Чабаненко Ю.А., 2012. – 438 с.
5. Толстой Л.Н. Публицистические произведения // Л.Н. Толстой. Собр. соч.: В 20т. – Т. 17. – М., 1998.

Поступила в редакцию 10.09.2019 г.

COMPREHENSION OF PEDAGOGICAL ACTIVITY AS THE BASIS OF PROFESSIONAL
AND PERSONAL SELF-DEVELOPMENT OF HIGH SCHOOL TEACHERS

G.A. Sorokina, M.A. Malkova

In the article the professional and personal qualities of a high school teacher, which are the basis of professional self-development are analyzed. The authors prove the relationship between the meaningful pedagogical activity of a high school teacher and the transition of the subject's self-awareness to the return of individual resources (knowledge, skills, time, spiritual, moral, material investments).

Key words: professional and personal self-development, comprehension of pedagogical activity, individual resource of forces, self-knowledge.

Сорокина Галина Александровна

доктор педагогических наук, профессор,
Первый проректор ГОУ ВПО ЛНР «Луганский
национальный университет имени Тараса
Шевченко», ЛНР, г. Луганск.
E-mail: miel78@mail.ru

Sorokina Galina Aleksandrovna

Doctor of Sciences (Education), Professor ,
First Vice-Rector, Luhansk Taras Shevchenko national
university, LPR, Luhansk.
E-mail: miel78@mail.ru

Малькова Марина Александровна.

кандидат педагогических наук, доцент,
Заведующий кафедрой педагогики ГОУ ВПО
ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко», ЛНР, г. Луганск.
E-mail: miel78@mail.ru

Malkova Marina Aleksandrovna

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor
Head of the Department of Pedagogy, Luhansk Taras
Shevchenko national university, LPR, Luhansk.
E-mail: miel78@mail.ru

УДК 378.147

ПОВЫШЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ДИЗАЙНЕРОВ

© 2019. *А.В. Трошкин*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье раскрывается значимость профессиональной мотивации студентов. Делается вывод о том, что каждый преподаватель как личность индивидуален, и учебный процесс должен носить индивидуально-уникальный характер.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, учебная деятельность, учебно-воспитательный процесс, личность.

Актуальность. В художественном образовании на современном этапе развития общества для формирования личности молодого человека, необходим опыт реализации своих стремлений и способностей в приобретении профессии. Генеральной целью профессионального образования должно быть предоставление человеку равноправного доступа к образованию, стимулирование и повышение образовательного уровня в той сфере и форме деятельности, которая принесет удовлетворение ему самому и обществу [3].

Наиболее остро сейчас стоит вопрос качества подготовки выпускников высших образовательных организаций, осуществляющих обучение специалистов по основным профессиональным образовательным программам.

Низкая удовлетворенность выбранной специальностью значительно уменьшает результативность профессиональной деятельности, приводит к разочарованиям и негативным экономическим последствиям. Встает особенно актуальной проблема развития положительной профессиональной мотивировки у будущих дизайнеров. Под профессиональной мотивацией Лях М. В. подразумевает комплекс факторов и действий, которые, стимулируют и адресуют личность к исследованию будущей профессиональной деятельности [2].

Учебно-воспитательный процесс в современных вузах недостаточно стимулирует индивидуальное и профессиональное развитие студентов. Образовательные процессы носят в значительной мере стихийный, мало контролируемый характер, все это никак не содействует положительной ориентации выпускников на творческую деятельность. К отличительным чертам профессиональной мотивации обучающихся в вузах относится избирательное отношение личности к материальным и духовным ценностям общества; несоответствие мотивов выбора профессии и мотивации творческой деятельности. Поиск себя в профессии дизайнера начинается зачастую вплоть до поступления в вуз. Далее подготовка содействует осмыслению особенностей профессии, сама концепция образования в вузе задает порядок и стиль будущей профессиональной деятельности; структура деятельности дизайнера объясняет её методы [1].

Цель. Профессиональная мотивация будущих дизайнеров формируется постепенно. В процессе начального этапа у студента в рамках эмпирических представлений о работе дизайнера, а также результатов профориентации в школе формируется основная профессиональная мотивация, приобретаются первые

эмоционально окрашенные знания о работе дизайнера. На этом этапе ведется первичная диагностика профессиональной мотивации студентов. Основанием для отбора диагностических методик выступают элементы структуры профессиональной мотивации: профессионально-познавательный интерес, профессиональные планы и мотив достижения цели.

Основная часть. Самым значимым считается этап актуализации знаний, итогом которого выступает осмысленная профессиональная мотивация студента, формирующаяся в процессе разных видов учебной деятельности в контексте будущей профессиональной. Воздействие на мотивацию оказывает собственно учебная деятельность, содержащая обучение дисциплинам и профессиональным модулям учебного плана специальности; профессионально-пропедевтическая деятельность студента и учебно-профессиональная деятельность. В процессе прогностического этапа у будущего дизайнера на основе стремления сделать карьеру развивается перспективная профессиональная мотивация [8].

Мы проанализировали комплексную программу курса «Пропедевтика», направленную на формирование профессиональных качеств студентов, которые обеспечивают скоординированность воздействия разных видов деятельности будущего специалиста-дизайнера. Данный курс совместил авторские методические разработки учебных занятий и внеаудиторных мероприятий. Методика применения этой программы представляла собою процесс последовательной реализации её модулей. Гностический модуль программы формирования профессиональной мотивации будущих дизайнеров был ориентирован на определение главных направлений, выбор технологий и техник развития будущих дизайнеров. Деятельностный модуль программы объединил практические занятия по дисциплине [4].

Курс ориентирован на развитие у студентов заинтересованности к содержанию художественной деятельности, пониманию её целей и проблем, развитию адекватного образа профессии дизайнера (лекционные и практические занятия, культурологические семинары, тематические встречи с общественными кураторами, шефами-старшекурсниками, творческие встречи с известными художниками, творческие выставки и т. д.). Придание профессионально-смыслового характера самостоятельной учебно-творческой и исследовательской работе студентов происходит в ходе подготовки к практическим занятиям.

Обучение направлено на организацию рефлексивно-смысловой активности студентов – применение метода постановки и решения будущими дизайнерами посредством самодиагностики, самоанализа и самооценки, актуальных для их рефлексивно-смысловых трудностей, затрагивающих, в первую очередь всего, хода и результатов учебно-профессиональной деятельности и поведения. Оценка значимости профессиональных ситуаций, явлений и процессов, возникающих в окружающей его учебной, внеаудиторной действительности происходит, когда студент соотносит их с собственной оценочной системой, что считается отображением своеобразия его личностно-смысловой сферы, подбирая тот или иной элемент в качестве аргумента либо цели. Организация профессионально-смысловой инициативности студентов в процессе учебных и внеаудиторных занятий так же важна.

Курс ориентирован на организацию профессионально-смысловой деятельности студентов в процессе обучения. Он подразумевает использование способа решения спонтанно возникающих или специально созданных практических, профессионально направленных проблемно-смысловых ситуаций. Осуществление данного метода предусматривает реальные действия, поступки и может органично сочетаться с

решением главных профессионально-деятельностных проблем, возникающих перед студентами во время практических занятий (выполнение студентами самостоятельных проблемных и творческих заданий, допускающих применение полученных на занятиях теоретических и технологических знаний и умений с позиций ценностно-смыслового подхода).

Участие студентов в образовательно-выставочных проектах способствует положительному отношению к избранной профессии, постепенному и не болезненному введению их в самостоятельную учебную деятельность.

Анализ пассивных, недостаточных изменений, происходящих в профессиональной деятельности дизайнера, дает основание сформулировать следующие направления необходимые для ее развития:

- увеличение разнообразия профилей подготовки дизайнеров в зависимости от перемен, происходящих на рынке в сфере образования, в социально-экономической и культурной среде общества;

- разрешение противоречий между нормами, традициями, способами работы в различных областях профессиональной деятельности дизайнера;

- наличие теоретических исследований в области дизайна, которые интегрируются на высоком научном уровне в учебный процесс;

- ориентация профессиональной подготовки будущего дизайнера на инновационные преобразования;

- использование широких современных возможностей (интернет) для изучения аналогов;

- подготовка должна строиться на основе всестороннего анализа проблем, состояния, перспектив развития современного вуза, учреждений повышения квалификации и прохождения стажировок.

В этой связи вполне правомерно среди различных подходов к художественному образованию рассматривать профессионалистический подход, базирующийся на идеях компетентностного, контекстного, интегративного подходов [5].

Выводы. Повышение образовательного уровня подготовки будущих дизайнеров должно обеспечиваться развитием способности будущего специалиста решать профессиональные задачи через освоение специфических знаний о разнообразии художественных профессий в целом и конкретной, в частности, и их значимости на рынке труда.

В этот процесс необходимо включать: исторические этапы, принципы и закономерности развития профессии (специальности, должности; историю их развития; широту и многообразие субъект-субъектного профессионального педагогического взаимодействия; модели построения жизненного плана человека в системе художественных профессий). Каждый преподаватель, как личность, индивидуален, и учебный процесс должен носить индивидуально-уникальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковзирдзе М.А. Мотивация современной студенческой молодежи: учебное пособие / М.А. Ковзирдзе. – М.: МИИТ, 2009. – 126 с.
2. Лях М. В. Особенности развития мотивов учебно-профессиональной деятельности в студенческом возрасте // Психологическая наука и образование [электронный журнал] / М. В. Лях. – 2011. – № 4. – URL: www.psyedu.ru (дата обращения 26.10.2019).
3. Панфилова, А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности/ А.П. Панфилова. – СПб: Знание, ИВЭСЭП, 2004. – 495 с.
4. Панфилова, А. П. Инновационные педагогические технологии: активное обучение / А. П. Панфилова. – М.: Академия, 2009. – 192 с.

5. Пискунова Е. В. Социокультурная обусловленность изменения функций профессионально-педагогической деятельности учителя / Е.В. Пискунова. - СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 324 с.
6. Полякова В. А. Формирование готовности педагога к диалоговому взаимодействию в сетевых профессиональных сообществах / В.А. Полякова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 6. – С.28-35
7. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: [уч. пособие] / Д. Я. Райгородский. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ - М». – 2008. – 672 с.
8. Харченко О. Ю. Формирование профессиональной мотивации будущих педагогов / О. Ю. Харченко. – М.: Академия, 2007. - 186 с.
9. Современный дизайн и проблемы дизайн-образования: сборник материалов I-й Межрегиональной научно-практической конференции в рамках I-й Международной биеннале дизайна «PRO будущее» / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет, Министерство культуры Алтайского края, Алтайское краевое отделение Общероссийской общественной организации «Союз дизайнеров России», Институт архитектуры и дизайна АлтГТУ им. И. И. Ползунова; [редакционная коллегия: М. Ю. Шишин и др.]. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018. – 113 с.

Поступила в редакцию 21.11.2019 г.

EDUCATIONAL IMPROVEMENT OF FUTURE DESIGNERS TRAINING

A.V. Troshkin

This article reveals the importance of professional motivation of students of university students. It has been concluded that every teacher as a person is an individuality, and the learning process should be individually unique.

Key words: professional motivation, educational activity, educational process, personality.

Трошкин Александр Васильевич

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры дизайна и арт-менеджмента ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: avt63@mail.ru

Troshkin Alexander Vasilievich

Candidate of Pedagogical Sciences., associate professor of Department of Design and art-management, SEI HPE «Donetsk National University».
E-mail: avt63@mail.ru

УДК 37.014.3

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2019. *Е.Г. Чернышева*

ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования»

В статье рассмотрена проблема научно-методического сопровождения развития профессиональной компетентности педагогов, конкретизировано понимание содержания научно-методического сопровождения непрерывного педагогического образования, представлены основные пути профессионально-личностных достижений учителя в научно-методической работе, а также описана деятельность Донецкого республиканского института дополнительного педагогического образования (далее – ДОНРИДПО) в условиях реализации государственных образовательных стандартов (далее – ГОС).

Ключевые слова: дополнительное образование, научно-методическое сопровождение, фасилитация, профессиональная компетентность, рефлексия, реформирование.

Введение. Современный этап развития образования выдвигает новые требования к повышению профессионализма педагогических работников от уровня транслятора содержания образовательных программ к уровню творца образовательного процесса. Поэтому возникает необходимость использования эффективных средств и методов обучения, новых педагогических технологий развития личности обучающихся. В результате в деятельности педагога интегрируются функции не только учителя, но и организатора образовательного процесса и методиста.

Актуальность статьи заключается в том, что в условиях обновления содержания образования возросла потребность в учителе, способном модернизировать содержание своей деятельности посредством критического, творческого ее освоения и применения достижений науки и передового педагогического опыта.

В последнее время активно исследуются проблемы развития компетентности педагогических работников, компетентности как свойства личности специалиста. Исследователи Э. Зеер, Д. Иванов, А. Хуторской и др. рассматривают сущность компетентностного подхода в образовании и дополнительном профессиональном образовании. Большую ценность представляют работы А. Марковой, Л. Митиной, И. Зимней, Н. Кузьминой на основе анализа деятельности преподавателей и мастеров производственного обучения.

Цель статьи заключается в изучении состояния проблемы научно-методического сопровождения развития профессиональной компетентности педагогов в системе дополнительного образования в условиях реформирования и выявления эффективных направлений развития педагогических кадров в системе непрерывного образования.

Обновленные задачи системы образования повышают традиционные и создают новые требования к качеству педагогических работников, к уровню профессиональной педагогической деятельности в целом. При сохранении лучших традиций подготовки учителей и воспитателей необходимо развивать их новые профессиональные качества в соответствии с новыми стандартами профессиональной деятельности в области обучения, воспитания и развития.

Реализация государственных образовательных стандартов сегодня требует от педагогов знания тенденций инновационных изменений в системе современного

образования, отличий традиционной, развивающей и личностно-ориентированной систем обучения; понимания сущности педагогической технологии; знания интерактивных форм и методов обучения, критериев технологичности; владения технологиями целеполагания, проектирования, диагностирования, проектирования оптимальной авторской методической системы, развитых дидактических, рефлексивных, проектировочных, диагностических умений; умения анализировать и оценивать свой индивидуальный стиль, а также особенности и эффективность применяемых педагогических технологий и собственной педагогической деятельности в целом [2].

Изучение состояния проблемы устойчивого развития профессиональной компетентности педагогических кадров обусловлено модернизацией и реформированием системы образования. Поэтому одним из основных требований современности является проведение существенных изменений в образовании взрослых, создание новых приоритетов обучения личности на протяжении всей жизни, способствующих формированию готовности педагогов к постоянному повышению своего профессионального уровня. Ведущая роль в образовании взрослых, и в частности педагогов, принадлежит системе дополнительного педагогического образования.

Педагогическая наука постоянно рассматривает проблему модернизации дополнительного образования. В частности, в направлении повышения качества учебного процесса путем эффективного участия в нем всех структур дополнительного профессионального образования. Современная модель последипломного педагогического образования базируется на идеях непрерывного образования и компетентностного подхода, имеет особое значение как для личности, так и для государства. Большой вклад в изучение этих вопросов сделали Е. Огарев, А. Марон, Т. Шадрин, В. Сухомлинский и другие.

В Законе Донецкой Народной Республики «Об образовании» обозначено: «Дополнительное образование – вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в физическом, интеллектуальном, личностном и (или) профессиональном совершенствовании и не сопровождается уровнем повышения образования» [4]. Поэтому основным вектором современной системы дополнительного педагогического образования является подготовка конкурентоспособного педагога, который отвечает требованиям новых образовательных стандартов, постоянно совершенствуется, растет творчески и профессионально.

Стремительное распространение различных инноваций, в том числе новых педагогических технологий, с одной стороны, и недостаточное владение ими педагогами, с другой, обуславливает необходимость научно-методического сопровождения развития профессиональной компетентности педагогических работников в системе дополнительного педагогического образования.

ДОНРИДПО направляет свою деятельность на решение проблем, связанных с новыми подходами к развитию образования и повышения ее качества. Институт выполняет функции учебного, научно-методического центра непрерывного образования педагогических кадров, осуществляет формирование и развитие региональной системы дополнительного педагогического образования, которая направлена на формирование профессиональной педагогической культуры специалистов, углубление знаний, внедрение новых идей, технологий, обобщение и распространение перспективного педагогического опыта.

Основной целью системы дополнительного образования в ДОНРИДПО является создание системы непрерывного образования как средства программно-целевого фасилитирующего управления профессиональным развитием и саморазвитием педагога в течение всей его трудовой деятельности.

Реализация этой цели обусловлена решением ряда задач:

– обновление содержания и процесса повышения квалификации научно-педагогических и педагогических работников образования с учетом общей тенденции «Обучение через всю жизнь» на основе приоритетных направлений развития науки, техники и технологии в условиях реализации государственных образовательных стандартов (ГОС);

– повышение профессиональной компетентности и академической мобильности научно-педагогических и педагогических работников, формирование у них потребностей в постоянном профессиональном развитии;

– создание инновационных моделей деятельности образовательных организаций на основе изменения содержания и внедрения инновационных технологий повышения квалификации;

– создание культурных, образовательных пространств;

– выстраивание нового содержания дополнительного образования педагогов путем изменения структуры, содержания, форм повышения квалификации за счет использования новых информационных технологий;

– создание условий для развития самоменеджмента педагогических и научно-педагогических работников.

Дополнительное образование в ДОНРИДПО ориентировано на экспериментальные формы работы, наряду с традиционными формами повышения квалификации институт предлагает нетрадиционные формы, способы и методы повышения квалификации педагогов, а также ряд инновационных технологий.

Построение всех элементов инновационной деятельности института основано на принципах продуктивно-деятельностного и компетентностно-ориентированного подходах.

Образовательные программы повышения квалификации работников образования в ДОНРИДПО ориентированы на многосессионность, на сочетание очных и заочных форм работы, вместе с тем слушатели курсов повышения квалификации обучаются в дистанционном формате. Возможно обучение по индивидуальной траектории слушателя.

С целью обеспечения профессионального роста педагогических работников в институте реализуются инновационные модели курсов повышения квалификации:

– открытый университет инновационной педагогики;

– студия арт-технологий;

– студия инновационных технологий;

– школа-лаборатория;

– авторская творческая мастерская;

– лаборатория научно-методического сопровождения детской одаренности.

Среди эффективных форм занятий в образовательном процессе можно выделить интерактивные лекции, тренинги, деловые игры, мастер-классы и т. д. Содержание модулей, разработанных сотрудниками института направлено на развитие социально-личностных компетентностей, мотивацию учебной деятельности, повышение информационной компетентности, разработку программ педагогической деятельности. Учебный процесс сопровождается мультимедийными средствами.

В систему непрерывного образования в межсессионный период входят как традиционные, так и инновационные формы организации образовательного процесса. К первым можно отнести различные семинары, вебинары, круглые столы и т. д. Инновационные формы – это коучинг-школа, пушкиниада, психологическая мастерская, педагогический консилиум, проблемно-дискуссионный стол, школа ремесел.

Эти все факторы свидетельствуют о содержательности и актуальности курсов повышения квалификации педагогических кадров в ДОНРИДПО.

Для определения эффективности повышения уровня профессиональной компетентности педагогов на курсах повышения квалификации в ДОНРИДПО проводится входной и выходной контроль уровня знаний слушателей методом компьютерного тестирования. В целом слушатели курсов демонстрируют хороший прирост знаний, что также свидетельствует о содержательной наполненности курсов и качественной работе института в целом.

С целью повышения и мониторинга профессиональной компетентности руководящих и педагогических кадров в ДОНРИДПО разработана и внедрена система дистанционной аттестации педагогических работников. Данная разработка дает объективную оценку уровня педагогических компетентностей работника, также помогает выделить «слабые места» профессиональной деятельности (если таковые имеются) и позволит разработать программу индивидуального профессионального роста в конкретном направлении.

Становление учителя в личностном и профессиональном плане связано с формированием профессиональной позиции, ключевых педагогических компетенций. И здесь можно говорить о создании модели личности педагога.

В связи с этим можно выделить следующий перечень профессиональных характеристик, по которым возможна рефлексия и проектирование профессиональной успешности:

- самопроектирование как определение базовых приоритетов личностной успешности;
- успешность в работе;
- успешность учителей и администрации образовательных учреждений в области креативности (как творческой личности);
- успешность учителей и администрации образовательных учреждений как «учащихся», «повышающих свою квалификацию»;
- успешность учителей и администрации образовательных учреждений как работников, членов трудового коллектива [5].

Основные пути профессионально-личностных достижений учителя в научно-методической работе:

- формирование индивидуального банка освоенных и применяемых методических приемов и педагогических технологий;
- освоение роли учителя-предметника, классного руководителя, воспитателя;
- продуцирование индивидуальных форм образовательной поддержки во взаимодействие с учениками;
- системная самообразовательная работа через личностную целостность, рефлексивное прогнозирование, креативность, творчество.

В соответствии с концептуальной основой повышения квалификации модель преподавателя школы – творческая профессионально компетентная личность, осознающая смысл и цели образовательной деятельности, умеющая составлять

целостную образовательную программу, наделённая способностью видеть индивидуальные качества учеников, способная к личностному творческому росту.

В совершенстве каждый учитель должен обладать профессиональными потребностями в образовании, направленными на развитие творческой личности:

- профессиональные знания, овладение способами научного творчества, педагогического исследования, диагностической деятельности и эксперимента;
- собственная концепция профессионального и личностного саморазвития;
- способность к непрерывному образованию: вариативность в образовании;
- профессиональная ориентация на реализацию актуальных и перспективных, ожидаемых и прогнозируемых образовательных потребностей;
- педагогическое мышление и рефлексия;
- педагогическое целеполагание;
- психолого-педагогическая культура.

Личные качества учителя должны постоянно совершенствоваться и обладать следующими качествами:

- социальный оптимизм;
- позитивная «Я – концепция»;
- мотивация к педагогической деятельности;
- ценностные ориентации, ценностное самоопределение педагога;
- адекватная самооценка;
- социальная толерантность;
- эмоциональная устойчивость [3].

Личность учителя – это личность носителя культуры и её творца, преемника и создателя мирового педагогического опыта. По мировым стандартам современный учитель – это: творческая индивидуальность, обладающая оригинальным проблемно-педагогическим и критическим мышлением, создатель многовариативных программ, опирающихся на передовой мировой опыт и новые образовательные технологии, интерпретатор программ в конкретных педагогических условиях на основе диагностического целеполагания и рефлексии [3].

Повышение эффективности общего образования, а также его конкурентоспособности напрямую зависит от профессионального уровня педагогических работников. Профессионализм работы педагога обеспечивает формирование качественно новой системы общего образования, является одним из ключевых условий развития детей, их успешной социализации.

На сегодняшний день продолжается поиск новых форм обеспечения качества образования. Выбор направлений в развитии образовательных организаций всех типов во многом зависит не только от руководителя, но также от каждого педагога и от работы методической и психологической службы. Поэтому, при реализации ГОС и другой инновационной деятельности, необходимо хорошо знать каждого педагога, подбирать те формы и методы работы, которые будут способствовать созданию коллектива единомышленников. Ключевая цель ГОС – стать навигатором, ориентиром для педагогов.

Заключение. Исследование проблемы фасилитации развития профессиональной компетентности педагогических работников в условиях реформирования образования показало, что научно-методическое сопровождение непрерывного образования педагогов мотивирует их к постоянному самосовершенствованию и саморазвитию, самоорганизации и самоанализу в курсовой и межкурсовой период. Что в свою очередь ведет к повышению качества образования в условиях регионального измерения.

Также, можно сделать вывод, что деятельность ДОНРИДПО в процессе реализации государственных образовательных стандартов открывает перед педагогическими работниками возможность для осуществления углубленной профессиональной подготовки и качественного овладения новейшими отраслевыми знаниями, а также практического освоения новых форм, методов профессиональной деятельности.

Предмет дальнейшего изучения. В то же время проблема развития профессиональной компетентности педагогов в системе дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) остается недостаточно полно разработанной. Наблюдается недостаток исследований развития профессиональной компетентности педагогов профессионального обучения, не выявлены содержание и условия ее развития в системе дополнительного профессионального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войтик И.М., Лаптева О.И., Семенов И.Н. Развитие рефлексивного мышления педагогов. Учебнометодическое пособие / И.М. Войтик, О.И. Лаптева, И.Н. Семенов. – Омск: ООИПКРО, 2003. – 402 с.
2. Государственные образовательные стандарты на 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnr-online.ru/download/ob-utverzhdennii-gosudarstvennogo-obrazovatel'nogo-standarta-srednego-obshhego-obrazovaniya/> (дата обращения: 22.10.2019).
3. Дюков В.М., Семенов И.Н., Шайхутдинова Р.В. Инновационные методы профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников образования // Современные наукоемкие технологии. – 2010. – № 12. – С. 58-60.
4. Закон «Об образовании» Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-obrazovanii/> (дата последнего обращения – 22.10.2019.).
5. Зимняя И. А. Ключевые компетенции новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С.34-42.
6. Кузьмина Н.В. Профессионализм личности преподавателя, мастера профессионального образования. – М.: Высш.шк., 1990. – 119 с.
7. Лазаренко И. Р. Управление инновационными процессами в системе дополнительного профессионального образования управленческих педагогических кадров: дисс. д-ра пед. наук. – Барнаул, 2006. – 379 с.

Поступила в редакцию 25.10.2019 г.

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF TEACHERS IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION

E.G. Chernisheva

The article considers the problem of scientific and methodological support for the development of teachers' professionalism, concretizes the understanding of the content of scientific and methodological support for continuing teacher education, presents the main ways of teacher's professional and personal achievements in scientific and methodological work, and also describes the activities of the Donetsk Republican Institute of Additional Pedagogical Education (hereinafter - DONRIDPO) in the context of the implementation of state educational standards (hereinafter – the SES).

Key words: additional education, continuing education facilitation, professional competence, reflection, reform.

Чернышева Екатерина Геннадьевна
декан факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки
ГОУ ДПО «Донецкий республиканский институт дополнительного педагогического образования».
E-mail: dekanat.nayka@yandex.ru

Chernisheva Ekaterina Gennadievna
dean of the faculty of advanced training and professional retraining,
State institution of complementary professional education «Donetsk republic in – service – teachers training institute»
E-mail: dekanat.nayka@yandex.ru

УДК 378.147.091.321-028.63

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ БУДУЩИМИ УЧИТЕЛЯМИ ГЕОГРАФИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2019. Ю.Ю. Чикина

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

Автором подчеркивается необходимость использования цифровых образовательных ресурсов на занятиях по географии, что способствует повышению наглядности географического материала; развитию творческого потенциала обучающихся, их способностей, коммуникативных действий; повышению мотивации обучения. В статье основной акцент сделан на том, что методически целесообразное применение цифровых образовательных ресурсов на уроках географии позволяет повысить качество и эффективность учебного процесса.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровые образовательные ресурсы, информационно-коммуникационные технологии, современные средства обучения.

Введение. Образование является одной из главнейших подсистем социальной сферы общественной жизни, от уровня развития и эффективной организации которого, зависит будущее общества. Современные тенденции развития общества предусматривают, что в будущем социально-политическая и экономическая сферы будут высоко технологичными. Это в равной степени относится и к сфере образования. Отметим, что одним из условий повышения эффективности реформ в области образования на современном этапе является применение информационно-коммуникационных технологий.

В такой ситуации меняется содержание и методы обучения, а также роль учителя, который постепенно из простого транслятора знаний превращается в организатора деятельности обучающихся по приобретению новых знаний, умений и навыков. Одним из средств информатизации является применение цифровых образовательных ресурсов. Для учителя они становятся средством более качественной и конструктивной подготовки к уроку, необходимым условием активизации и повышения эффективности учебно-воспитательного процесса. Применение на уроке информационно-коммуникационных технологий должно осуществляться с учетом возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся. Вместе с тем, эффективность использования современных средств обучения зависит от педагогических возможностей, навыков и умений учителя, уровня владения, и мастерства их применения в процессе обучения [1].

Основная часть. Сегодня образование невозможно представить без использования современных средств обучения. В сфере общего образования в процессе преподавания географии информационно-коммуникационные технологии стали важным условием повышения эффективности обучения. Моделирование географических явлений и процессов с применением информационных технологий делает учебный материал более доступным и интересным для обучающихся, способствует формированию практических и конструктивных знаний.

Рассмотрение особенностей применения цифровых образовательных ресурсов будущими учителями географии считаем необходимым начать с дефиниции основных понятий. Отметим, что на современном этапе развития образования существует

множество определений понятия цифровых образовательных ресурсов. Так, авторами под цифровыми образовательными ресурсами понимается любая информация образовательного характера, сохраненная на цифровых носителях. Однако определение кратко характеризует цифровые образовательные ресурсы и недостаточно полно отображает смысл рассматриваемого понятия. Исследователи под данным термином понимают содержательно обособленный объект, предназначенный для образовательных целей, представленный в цифровой и электронной форме. Данное определение отличается обособленностью содержания объекта и более полно отражает его смысл [2, с. 59].

В нашей работе мы будем использовать определение, которое широко применяется в научно-педагогической литературе. Под термином цифровые образовательные ресурсы авторы понимают представленные в цифровой форме фотографии, видеофрагменты, статические и динамические модели, объекты виртуальной реальности и интерактивного моделирования, картографические материалы, звукозаписи, символьные объекты, текстовые документы и иные образовательные материалы, необходимые для организации учебно-воспитательного процесса [3].

Цель нашего исследования заключается в научном обосновании особенностей применения цифровых образовательных ресурсов учителями географии в учебно-воспитательном процессе. Для реализации поставленной цели были использованы следующие методы: теоретические: анализ научной литературы по проблеме исследования – для определения степени ее изученности и актуальности, формирования понятийно-терминологического аппарата; анализ и обобщение теоретических положений – для обозначения теоретико-методологических основ исследования.

Применение цифровых образовательных ресурсов учителями географии на уроках позволяет эффективно дополнять традиционные средства обучения. Цифровые образовательные ресурсы – оперативное средство наглядности, «помощник» в отработке практических умений обучающихся, в организации и проведении опроса и контроля знаний, в работе со схемами, таблицами, графиками, в редактировании текстов и исправлении ошибок в творческих работах.

Анализ литературных источников позволил определить, что использование цифровых образовательных ресурсов дает возможность учителям географии качественно изменить содержание, методы и организационные формы обучения. Стоит отметить, что авторами акцент делается на преимуществах применения цифровых образовательных ресурсов на занятиях: интенсификация всех уровней учебно-воспитательного процесса; увеличение объема и оптимизация поиска необходимой информации; повышение активности познавательной деятельности; развитие личности обучающегося (различных видов мышления, коммуникативных способностей, эстетическое воспитание за счет использования компьютерной графики и технологии мультимедиа, формирование информационной культуры, умение осуществлять обработку информации) [4, с. 112]. Перечисленные возможности цифровых образовательных ресурсов могут способствовать выявлению, развитию у обучающихся способностей, формированию умений и мотивации к обучению. Виды цифровых образовательных ресурсов, которые в современных условиях применяются в образовательных учреждениях, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Виды цифровых образовательных ресурсов

Цифровые образовательные ресурсы	Характеристика
Электронная библиотека	– информационная система, позволяющая надежно сохранять и эффективно использовать разнородные коллекции электронных документов (электронные издания, справочники и т.д.);
Библиотека электронных наглядных пособий	– пособие, в котором содержание передается при помощи набора мультимедиа компонентов, отображающих объекты, процессы, явления в данной предметной области;
Электронная энциклопедия	– пособие, содержащее большое количество информации по различным направлениям, охватывающим определенные области знаний. Данный вид изданий включает иллюстрации, видео- и аудио- фрагменты, анимации, трехмерные модели;
Тренажеры, практикумы	– учебно-методические комплексы, позволяющие самостоятельно подготовиться к занятиям, объективно оценить свои знания;
Мультимедийные учебники	– программно-методический комплекс, обеспечивающий возможность обучающимся самостоятельно или при участии учителя усваивать учебную тему или большой раздел с помощью компьютера;
Виртуальные лаборатории	– обучающий комплекс, позволяющий осуществлять предметные эксперименты, проведение которых в условиях кабинета затруднено, требует дополнительного оборудования либо является слишком дорогостоящим.

Стоит отметить, что применение цифровых образовательных ресурсов на уроках географии не только облегчает усвоение учебного материала, но и открывает новые возможности для развития творческих способностей обучающихся: повышает мотивацию к обучению, активизирует познавательную деятельность, развивает мышление и творческие способности, формирует активную жизненную позицию в современном информационном обществе [5, с. 12]. Нами было определено, что в педагогической литературе авторы выделяют три основные формы работы с цифровыми образовательными ресурсами на уроках географии: применение в учебно-воспитательном процессе; использование для организации самостоятельной работы; применение для обеспечения познавательного досуга.

В преподавании географии выделяют следующие направления использования цифровых образовательных ресурсов: демонстрация учебных материалов, применение во внеурочной деятельности, обобщение и систематизация знаний обучающихся, проверка знаний, самостоятельная работа. Такая работа учителем географии может осуществляться как способ объяснения нового материала, форма закрепления изученных данных, форма проверки домашнего задания, способ проверки знаний в процессе урока, способ создания проблемной ситуации [6, с. 97].

Анализ литературных источников и методических разработок практикующих учителей географии позволил выделить основные цифровые образовательные ресурсы, которые чаще всего используют педагоги на уроках географии:

1. Мультимедийные презентации (возможно использование учителями готовых презентаций <http://www.mirgeografii.ru/>).

2. Электронные учебные пособия.
3. Библиотека электронных наглядных пособий «География. 6–10 классы».
4. Мультимедиа-курс (например, «Экономическая и социальная география мира», «География России. Природа и население. 8 класс»).
5. Видеофильмы («Климат Земли», «История географических открытий», «Планета Земля», диски ВВС о живой природе).
6. Электронная энциклопедия по физической географии всего Земного шара (http://www.krugosvet.ru/cMenu/04_00.htm).
7. Комплект «Живая география» (<http://www.9151394.ru/projects/geo/index.html>), включающий цифровые географические карты мира, набор космических снимков и комплект методических рекомендаций для учителя.

Так, например, применение учителями географии мультимедийных пособий дает педагогам возможность разнообразить формы работы на уроке за счет одновременного использования иллюстративного, статистического, методического, а также аудио- и видеоматериала. Мультимедийные программные средства характеризуются интеграцией в одном программном продукте многогранных видов информации: как традиционных (текст, таблицы, иллюстрации и др.), так и оригинальных (общение, звук, видеофрагмент, анимация и др.); возможностью работать в реальном времени; новым уровнем взаимодействия «человек-компьютер», когда пользователь получает любую необходимую информацию. Самым распространенным направлением использования мультимедиа на уроках географии является демонстрация материалов (слайд-шоу, карты, видеофильмы, диаграммы, схемы, таблицы, географические объекты и др.) и процессов в динамике (моделирование физических явлений, экономических процессов, создание географических карт, установление причинно-следственных связей); решение задач (географическое изображение, пространственное воображение, установление логических цепочек и др.); выполнение практических работ (составление таблиц, схем, графиков, диаграмм); проверка знаний (тестовые задания, установление логических пар и др.); создание собственных продуктов (презентация проектов, составление маршрутов туристических походов, экскурсий).

Для возможности эффективного использования цифровых образовательных ресурсов в профессиональной деятельности учителям географии необходимо методически целесообразное их применение, что позволит полнее и глубже раскрыть содержание различных тем и будет способствовать формированию у географов положительной мотивации к изучению и усвоению географического материала.

Стоит отметить, что в процессе объяснения нового материала или обобщения полученных знаний, целесообразно использовать материалы мультимедийных учебников, учебных электронных пособий, интерактивные карты, видеофрагменты, которые являются вспомогательным, иллюстративным источником знаний. Это позволяет учителям географии обеспечить разноплановую наглядность и представление информации, усилить эмоционально-личностное восприятие обучающимся материала, формирование образа территории и рассмотрения наиболее сложных явлений и процессов. Однако решающим на занятии, где применяются цифровые образовательные ресурсы, является слово учителя, который с учетом содержания сопровождения, определяет дидактические возможности, методические особенности сочетания, а также оптимальное их использование в определенных учебных ситуациях для решения познавательных задач и представления географической информации. К основным преимуществам мультимедийных программ на занятиях по географии можно отнести: документальную убежденность,

фактическую достоверность и концентрированность изложения материала. Обучающиеся усваивают значительный объем материала за сравнительно короткое время, что освобождает учителя географии от продолжительных, неубедительных объяснений, что приводило к формальному и поверхностному усвоению знаний.

На уроках географии считаем целесообразным применение педагогами видеозаписей, фотографий, мультимедийных учебников, различных схем. Их использование помогает сделать занятие более выразительным и наглядным, дает возможность обучающимся лучше воспринимать и усвоить, углубить полученные знания. Для лучшего восприятия, осмысления, осознания географической информации обучающимися и максимальной реализации принципа наглядности педагогом могут быть использованы видеотрекеры, на основе которых возможно построение объяснения материала. Применение видео на различных этапах урока позволяет иллюстрировать различные географические объекты (материки, страны, города и др.) и способствует лучшему усвоению обучающимися представленного материала, пониманию особенностей территории, которые характеризовались. Однако, применяя видеотрекеры, учитель географии должен понимать, что их показ не может занимать все занятия, а целесообразным является иллюстрация не более 20 минут, что позволяет активизировать внимание аудитории, не потеряв сосредоточенность на материале.

По мнению авторов, наиболее значимыми (с позиции дидактических принципов) являются такие методические цели, которые наиболее эффективно реализуются при использовании цифровых образовательных ресурсов: индивидуализация и дифференциация процесса обучения; обеспечение контроля с обратной связью, диагностикой ошибок и оценкой результатов учебной деятельности, а также самоконтроля и самокоррекции; компьютерная визуализация учебной информации: об объектах (наглядное предоставление частей, моделей) и процессах (в развитии, во времени, пространственном движении), которые изучаются (средства компьютерной графики, технологии мультимедиа); моделирование, имитация объектов, процессов и явлений, которые изучаются; развитие интеллектуального потенциала обучающихся (мышление, формирование умений обрабатывать информацию) и т.д. [7].

На наш взгляд, использование будущими учителями географии цифровых образовательных ресурсов позволяет эффективно применять средства современной компьютерной графики (обеспечение наглядности, создание моделей объектов, процессов); различные виды и формы самостоятельной работы с учебной информацией; предоставление обучающимися различных организационных форм учебной деятельности и возможностей свободного режима работы с компьютером; использование элементов игровой деятельности (стимулирует процессы усвоения учебного материала, повышает мотивацию) и др. Однако необходимым условием повышения качества учебно-воспитательного процесса по географии является их методически грамотное сочетание на уроке, что позволит педагогу сделать занятия более наглядными, интересными и качественными.

Заключение. Таким образом, использование учителем географии цифровых образовательных ресурсов, значительно повышает не только эффективность обучения, но и помогает совершенствовать различные формы и методы, а также способствует раскрытию, сохранению и развитию личностных качеств обучающихся. Применение цифровых образовательных ресурсов направлено на повышение качества знаний, формирование и развитие коммуникативной компетенции и мотивации к изучению географии, созданию благоприятных условий для сотрудничества учителя и обучающихся в учебном процессе, формирование целостной системы знаний, что

позволяет увеличить темп работы на уроке. Учителю географии в процессе использования цифровых образовательных ресурсов необходимо применять такие формы и методы обучения и воспитания, которые обеспечивают эффективное раскрытие индивидуальности обучающегося, его познавательных процессов, личностных качеств, развитие интеллекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аджамоглян А. А. Информационные и коммуникационные технологии как средство повышения эффективности преподавания географии [Электронный ресурс] / А. А. Аджамоглян. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/92/19957/> (дата обращения: 17.09.2019).
2. Колеченко А. К. Энциклопедия педагогических технологий: пособие для преподавателей / А. К. Колеченко. – СПб. : КАРО, 2009. – 368 с.
3. Шапиев Д. С. Цифровые образовательные ресурсы в деятельности учителя [Электронный ресурс] / Д. С. Шапиев. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/254/58204/> (дата обращения: 09.10.2019).
4. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии: [учеб. пособие для пед. вузов и ин-тов повышения квалификации] / Г. К. Селевко. – М. : Нар. образование, 1998. – 255 с.
5. Шеншев Л. В. Компьютерное обучение: прогресс или регресс? / Л. В. Шеншев // Педагогика. – 2007. – № 11 – С. 10–17.
6. Полат Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина. – М. : Академия, 2007. – 364.
7. Мироненко О. В. Использование современных информационных технологий в образовательном процессе [Электронный ресурс] / О. В. Мироненко. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/93/20666/> (дата обращения: 06.10.2019).

Поступила в редакцию 28.11.2019 г.

FEATURES OF DIGITAL EDUCATIONAL RESOURCES APPLICATION BY FUTURE GEOGRAPHY TEACHERS IN PROFESSIONAL ACTIVITY

Yu. Yu. Chikina

The author emphasizes the need to use digital educational resources in geography classes, which helps to increase the visibility of geographical material; development of students' creative potential, their abilities, communicative actions; increase learning motivation. The main emphasis in the article is on the fact that the methodically appropriate use of digital educational resources in geography lessons can improve the quality and effectiveness of the educational process.

Key words: information technology, digital educational resources, information and communication technology, modern teaching aids.

Чикина Юлия Юрьевна

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры географии ГОУ ВПО ЛНР
«Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко».
E-mail: juliya-julchik@mail.ru

Chikina Julia Yuryevna

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Geography.
SEI HPE "Lugansk National University named after
Taras Shevchenko".
E-mail: juliya-julchik@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 882-31:93+327

НА ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ ЗАПАДНОХРИСТИАНСКОГО МИРА: КОРОЛЕВСТВО КИПР (1192-1489)

Рецензия на книгу: Близнюк С.В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. – М.: Academia, 2016. – 832 с.

© 2019. В.А. Санжаров

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Рецензия посвящена истории королевства Кипр, образовавшегося в результате третьего крестового похода. Первые Лузиньяны были активными участниками всех крупных крестоносных экспедиций XII – начала XIII вв. Их королевство развивалось, менялось, приспосабливалось, встраивалось в новые экономические и политические системы региона. Крестоносная активность кипрского монарха со всей очевидностью обнажила весь прагматизм крестоносного движения позднего средневековья, наличие в нем мощнейшего экономического фактора, все большей коммерциализации крестоносной идеи. Итальянские морские республики смогли реализовать и рационализировать политические успехи крестоносцев, получая за свое участие привилегии, деньги, земли. Генуя предпочла получить в свои руки наиболее доходный и отлаженный сектор кипрской экономики, финансовый и торговый узел Кипра – Фамагусту. Венеция обрела наиболее плодородные земли и наиболее доходные отрасли кипрского сельского хозяйства. Кипрское королевство в итоге уничтожила не война с кем-либо, а длительная, глубокая венецианская коррозия, разъевшая его изнутри.

Ключевые слова: Кипр, Лузиньяны, Фамагуста, массарии, Генуя, Венеция, крестоносное движение, торговые войны.

Монография Светланы Владимировны Близнюк этапная в ее научных изысканиях (написана на базе защищенной в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова докторской диссертации) и не первая (четвертая!) авторская монография по проблемам кипрского королевства. Работа состоит из введения, 5 глав, заключения, обширной библиографии (с. 763-813), именного (с. 814-826) и географического (с. 827-831) указателей. Необходимо отметить прекрасные иллюстрации (вставка между с. 416-417). Монография написана на базе анализа огромного количества самых разнообразных источников: прежде всего документов государственных архивов Генуи и Венеции, а также рукописных собраний итальянских, немецких и французских библиотек. Многие источники вводятся в научный оборот впервые. Документы юридического характера (нотариальные акты, постановления и решения государственных институтов – венецианских ассамблей и генуэзского Совета старейшин и различных оффиций, протоколы судебных заседаний, папские буллы, ордонансы королей, дипломатические договоры) являются солидным фундаментом для исследования экономической, социальной, политической и культурной истории средневекового Кипра. Документы экономического характера (например, массарии Фамагусты – книги счетов городского казначейства, торговые практики и статуты, описи) – сухие, беспристрастные, точные, однородные, сжатые по форме, но выразительные по содержанию, – хорошо поддаются статистическому анализу (с. 300, 353-357, 406, 408, 419-432, 454, 475-476, 515, 516). Хроники, истории,

анналы, полемические и художественные произведения, письма, дневники паломников дополняют и «оживляют» картину жизни кипрского королевства (с. 19-30). С.В. Близнюк не обошла вниманием и русские летописи и записки («хождения») русских паломников (с. 30-33). Работа написана хорошим языком, легко читается, логична, хорошо аргументирована и концептуальна. Библиографические сноски являются показателем как источниковой и историографической базы – подосновы выводов автора, так и объема проделанной работы. Автор показала умение подавать анализируемые события и явления в историческом контексте, подкреплять общие положения и выводы конкретными фактами из разнообразных источников, что делает изложение живым и увлекательным.

Первая глава работы (с. 53-231) посвящена определению места королевства Кипр в крестоносном движении XIII–XV вв. Нервом всей работы является вопрос о том, что же представляет из себя королевство Кипр – реликт крестоносной эпохи (оно образовано в результате третьего крестового похода) или жизнеспособное государственное образование, которое «развивалось, менялось, приспосабливалось, встраивалось в новые экономические и политические системы региона» (с. 738). С.В. Близнюк отмечает неспособность королевства Лузиньянов самостоятельно противостоять внешней агрессии и выделяет существенные факторы для существования и процветания кипрской государственности: 1) форпост и военная база крестоносцев и перевалочная база для паломников; 2) взвешенность отношений и торговое сотрудничество с мусульманскими государствами-соседями; 3) включение королевства в международную торговлю при посредничестве европейского купечества. Автор обосновывает идею реагирования кипрского государства на вызовы времени (в данном случае – крестоносные), их переосмысления и выработки новых поведенческих стратегий власти. С.В. Близнюк приходит к выводу о формировании новой парадигмы крестоносного движения в первой половине XIV в. Единственный относительно крупный крестовый поход развитого средневековья против Египта 1365–1367 гг., завершившийся кратковременным захватом Александрии, был затеян ради осуществления практических целей своего инициатора и вождя, кипрского короля – для дестабилизации египетского рынка и получения торговых преференций для киприотов. Рассматривая феномен экономических, торговых войн развитого средневековья, автор отмечает их преимущественно дипломатический характер, редко переходящий в стадию открытого вооруженного противостояния. Основное средство такого противостояния – экономические бойкоты с одновременным испытанием устойчивости экономик противоборствующих сторон.

Выводы о перерождении крестоносной идеи и крестоносного движения (их деидеологизация и прагматизация), анализ их экономической составляющей (в частности, защиты собственных торговых интересов в Средиземноморье) требуют включения крестоносной проблематики в более общий контекст содержания исторических процессов эпохи, цивилизационный и мир-системный подходы, изучение пограничных зон и ареалов. Политика римской курии (авиньонского папства) в отношении Кипра – вторая главная составляющая этой главы (автор декларирует максимальную представленность соответствующих материалов см. с. 17). Помимо непосредственно заявленной цели первая глава работы содержит крайне важную и новую для отечественной историографии попытку охарактеризовать роль римских пап авиньонского периода в формировании крестоносной повестки дня христианского мира. Анализ личности короля Кипра Пьера I Лузиньяна (с. 131-173), создание психологического портрета «крестоносца века» важно с точки зрения изучения механизмов властвования, роли личностного фактора держателя власти в ее реализации, соотношения личностного и институционального факторов.

Три последующих главы посвящены растянувшемуся на несколько столетий вращению в экономические и политические структуры королевства киприотов генуэзского и венецианского купечества. Вторая глава работы (с. 232-322) посвящена взаимоотношениям Кипра и Генуи, образованию генуэзской колонии на острове, 90-летнему функционированию которой (1374–1464) посвящена третья глава (с. 323-524). Кипро-генуэзская война 1373–1374 гг. положила конец экономическому процветанию Кипрского королевства. Хозяйственная разруха, контрибуция и бесконечные долги вели к коллапсу экономики и делали неизбежным политический упадок государства (с. 260-322). С конца XIV в. Кипр перестает восприниматься как сильное государство, способное участвовать в крупных военных союзах или крестовых походах. Актуальной представляется детально разбираемая автором проблема институциональной организации аннексированной Генуей территории: административное устройство, функции чиновников, система снабжения и обороны, рынок и налоговая система, взаимоотношения властей и населения Фамагусты, повседневная жизнь жителей города. Взаимосвязь (например, проведение налоговой реформы королевства по генуэзскому образцу) и взаимозависимость экономических структур королевства и Фамагусты не позволили состояться их окончательному разделению. Генуэзцы ничего не строили в городе кроме укреплений и ничего не производили, экстенсивно использовали доставшееся в наследство от Лузиньянов (с. 746). Затратность для генуэзского бюджета содержания (снабжение и оборона) Фамагусты, постоянное военное положение города стали причиной заката генуэзской колонии как крупнейшего рынка Восточного Средиземноморья. Международный торговый центр превратился в город-крепость. Анализ феномена и специфики кипрского города, оказавшегося под властью Генуи, – вклад автора в развитие средневековой урбанистики.

Четвертая глава (с. 525-628) посвящена торговой политике Венеции на Кипре. Венецианские аристократические фамилии Корнаро, Брагадин, Квирини, Мартини, Веньер и другие получают серьезные прибыли от кипрской экономики, усиливают свое политическое влияние, способствуют иммиграции на Кипр и освоению аграрной периферии острова – запускают механизмы «венецианской коррозии» (с. 748), ползучей колонизации, «тихого» подчинения суверенного государства. Результатом стало превращение королевства в «колонию» Адриатической республики.

Пятая глава (с. 629-736) посвящена ренессансным тенденциям в кипрской культуре и организации системы образования в королевстве. Итальянские путешественники прибывали на Кипр в поисках древностей, артефактов, рукописей. Киприоты ехали в Италию изучать юриспруденцию и медицину. Ведущим центром образования для них стал Падуанский университет: см. табл. «Киприоты в университете Падуи (1344–1577 гг.)» (с. 728-736). Автор приходит к выводу о том, что «имманентная гибридность всех культурных конструкций» Кипра результат межцивилизационного диалога и взаимодействия (с. 749). Вместе с тем проблема взаимоотношения этно-элит в зоне цивилизационного пограничья средних веков, намеченная в ряде глав, требует дальнейшей разработки. В частности, это и вопрос об участии (и представленности) этно-элит в формировании придворного сообщества кипрского королевства.

Значение работы С.В. Близнюк не только в тщательном исследовании экономических, политических, социальных (в том числе демографических и миграционных), этнокультурных процессов средневекового Кипра, но и в попытке расширить горизонты темы (пришло время исторического синтеза? и отказа от историографически заданных стереотипов восприятия исторических явлений и процессов): рассмотрение кипрского королевства как важнейшего узла международных

и прежде всего торговых отношений по линии Восток-Запад, постановка проблемы вовлеченности региона в мировую экономическую систему средневековья. Исследуемые в монографии закономерности развития экономики, политики, дипломатии, культуры средневекового «крестоносного» государства и итальянских торговых республик во многом остаются актуальными и для современного мира. Знание фундаментальных основ отношений мусульманского Востока и христианского Запада поможет лучшему пониманию проблем и противоречий дня сегодняшнего, и, может быть, будет способствовать разрешению некоторых из них.

Безусловно, в работе такого масштаба практически крайне сложно полностью избежать любых недочетов, неточностей или опечаток. Что-то бросилось в глаза. Гуго VII Лузиньян «прибыл на Восток в 1163 г.» и «погиб в плену в 1064 г.» (с. 64). «Папа Клемент VI (1332–1352)», правильно 1342–1352 (в 1334 г. умер папа Иоанн XXII, его сменил Бенедикт XII) (с.117). «Турских ливров», надо ливров (с.81). «Пуату входил в домен Плантагенетов при Людовике IX» (с.65, сн.102). В разделе библиографии пропущено издание общих писем папы Урбана V (Urbain V (1362-1370). *Lettres communes analysées d'après les registres dits d'Avignon et du Vatican* / Marie-Hyacinthe Laurent et autres. – Paris: E. de Boccard, 1954-1989. – 13 vol.), на которое автор несколько раз по ходу работы ссылается (с.145, сн.298; с.151, сн.328; с.575, сн.1581; с.690, сн.1956). Innocent VI (1352-1362). *Registre...* со с.771 это на самом деле Innocent IV с предыдущей с.770 (издание реестров римских пап завершилось на Клементе V, общие письма Иннокентия VI пока не изданы). В 2006 г. вышел 5 том секретных и куриальных писем Иннокентия VI (T.V. [30 décembre 1356-28 décembre 1357]. – Rome: École française de Rome; Paris: de Boccard, 2006. – VI, 232 p.), таким образом, издание находится на середине пути.

**ON THE EASTERN BORDERS OF THE WESTERN CHRISTIAN WORLD:
THE KINGDOM OF CYPRUS (1192–1489)**

Book review: Bliznyuk S.V. The Kingdom of Cyprus and the Italian Maritime Republics from the thirteenth to the fifteenth centuries. – Moscow: Academia, 2016. – 832 p.

V.A. Sanzharov

The review is devoted to history of the Kingdom of Cyprus, which had been formed as a result of the Third Crusade. The first Lusignans were took part in all the major crusading expeditions of the XII-th and early XIII-th centuries. Their kingdom evolved, changed, adapted, participated in the new economical and political systems in the region. The crusading activities of the Cyprus's monarch clearly exposed the pragmatism of the crusades of the Late Middle Ages, their strong economic factor and the further commercialization of the crusading ideal. The Italian maritime republics succeeded in monetizing political successes of crusaders. For their participation in crusades they were given privileges, political influence, money. Genoa preferred the most profitable and well-established sector of the Cyprus's economy, its financial and trade hub - Famagusta. Venice focused on the agrarian sphere. Adriatic republic acquired the most fertile and most profitable sectors of Cypriot agriculture. The kingdom of Cyprus was ultimately destroyed not by a war with anyone, but by a long, deep Venetian corrosion that corroded it from within.

Key words: Cyprus, Lusignian, Famagusta, massaria, Genoa, Venice, crusading activity, trade wars.

Санжаров Валерий Анатольевич
кандидат исторических наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: valsandzh@yandex.ru

Sanzharov Valery Anatolievich
Candidate of Historical Sciences,
Donetsk National University.
E-mail: valsandzh@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15 000 – 20 000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (e-mail:elena_andrienko8@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).
– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (без точки), (три пробела), инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсивом).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи

проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова* (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.

2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

○ инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора отдельная таблица):

- Фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты каждого автора.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

<p>Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>	<p>Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.</p>
---	---

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом

фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, пр. Гурова, 14, Кафедра философии (ауд. 509, 510).

Ответственный редактор: **Андрienko Елена Владимировна**, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Донецкого национального университета (E-mail: elena_andrienko8@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд.ист.наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2019. – № 4

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: М.В. Фоменко.

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 27.12.2019 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 27,9.
Тираж 100 экз. Заказ № 19дек48.

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.